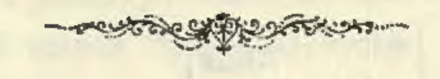
В. В. Розановъ.

ВЪ МІРѢ

НЕ ЯСНАГО И НЕ РѢШЕННАГО.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій пр., № 8.
1901.

2007041687

Собранныя здѣсь статьи были напечатаны въ 1898 и 1899 гг. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Гражданинѣ», «Новомъ Времени», «Русскомъ Трудѣ» и «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»,—и всѣ касаются нѣкоторыхъ темныхъ и неясныхъ областей бытія и знанія. Я позволилъ себѣ къ ряду своихъ статей присоединить, подъ рубрикой «Полемическіе матеріалы», очень цѣнныя мнѣ возраженія, или разъясненія, или продолженія моей мысли, сдѣланныя въ названныхъ-же журналахъ гг. Н. Аксаковымъ, Гатчинскимъ Отшельникомъ, І. Колышко, П. Кусковымъ, Миряниномъ, В. Петерсеномъ, Православнымъ, И. Рудневымъ, А. У—скимъ и С. Шараповымъ,—вниманіе которыхъ къ заинтересовавшей меня области пробуждаетъ во мнѣ чувство самой живой признательности.

В. Р.

Спб., февраль, 1901 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Изъ загадокъ человѣческой природы.

I.

Есть удивительные стихи у Гейне:

Кто разрѣшитъ мнѣ, что тайна отъ вѣка —
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Кто онъ? откуда? куда онъ идетъ?
Кто тамъ вверху надъ звѣздами живетъ?

И далѣе, поэтъ продолжаетъ, какъ бы озираясь на исторію:

Головы въ іероглифныхъ кидарахъ,
Головы въ черныхъ беретахъ, въ чалмахъ,
Головы въ шлемахъ и папскихъ тіарахъ
Бились надъ этимъ вопросомъ въ слезахъ.

Всѣ инстинктивно чувствуютъ, что загадка *бытія* есть собственно загадка *рождающагося* бытія; т. е. что это есть загадка рождающаго *пола*. Что такое полъ? что такое половое?

Прежде всего—точка, покрытая темнотой и ужасомъ; красотой и отвращеніемъ; точка, которую мы даже не смѣемъ назвать по имени, и въ спеціальныхъ книгахъ употребляемъ термины латинскаго, т. е. мертваго, не ощущаемаго нами съ живостью языка. Удивительный инстинктъ; удивительно это чувство, съ которымъ у человѣка «прилипаетъ языкъ къ гортани», онъ «не находитъ словъ», не «смѣетъ» говорить, какъ только подходитъ къ корню и основанію бытія въ себѣ. Мы упомянули объ ужасѣ, окружающемъ полъ: вспомнимъ ошибку Эдипа, и ужасъ, съ которымъ онъ выкололъ себѣ глаза; еще такого особеннаго страха, до глубины его потрясающаго, человѣкъ не испытываетъ никогда, какъ при подобныхъ ошибкахъ, въ утилитарномъ смыслѣ почти безразличныхъ. Наша одежда есть только развитіе половыхъ покрововъ; удивительны въ одеждѣ двѣ черты,

двѣ тенденціи, два боренія: одежда *прикрываетъ*—такова ея мысль; но она еще *выявляетъ*, обозначаетъ, указываетъ, украшаетъ — и опять именно полъ. Тенденція скрыться, убѣжать, и тенденція выявиться и покорить себѣ, удивительно сочетается въ ней, и собственно обѣ эти тенденціи сочетаются уже въ полѣ. То, что мы именуемъ въ себѣ половой «стыдливостью», есть какъ бы психологическое продолженіе одежды: мы «стыдливо» затаиваемся въ полѣ, и тѣмъ глубже, чѣмъ сильнѣе онъ выраженъ, чѣмъ дѣятельнѣе. Ребенокъ, т. е. въ комъ полъ скрытъ, не выявленъ, объективно не дѣйствуетъ—не знаетъ стыда. Но наравнѣ съ этимъ страхомъ быть *увидѣннымъ*, раскрыться передъ *другимъ*, замѣчательна столь-же мучительная жажда пола—*раскрыться*, притянуть *къ себѣ* и показать *себя*. Дѣвушка, цѣломудренно вспыхивающая при взглядѣ на нее, не захотѣла бы жить въ ту секунду, когда узнала бы, что никогда болѣе никто, до могилы, на нее уже не взглянетъ. Тогда она захотѣла бы лечь въ эту могилу; но почему? Что за сочетаніе жажды остаться непремѣнно тайною, но съ мучительнѣйшею надеждой, жаждой, чаяніемъ, что кто-то нѣкогда сорветъ и разорветъ эту тайну?

II.

Борьба этихъ двухъ усилій играетъ на стыдящемся и прекрасномъ лицѣ дѣвушки. Вотъ еще загадка. Что такое *лицо?* Что за странность, что тѣло наше имѣетъ не только *части*, не одни *органы*, какъ подобало бы организму, но еще имѣетъ нѣчто необыкновенное, непостижимое, крайне мало въ утилитарномъ смыслѣ нужное, что мы именуемъ въ себѣ и даже именуемъ въ мірѣ *лицомъ, личностью*? Да что такое *лицо* въ насъ?! Никто не разобралъ. Точка, гдѣ тѣло начинаетъ «говорить», къ которой и сами мы говоримъ, «обращаемся»; точка, гдѣ прерывается нѣмота, откуда прорывается глаголъ; гдѣ начинается *особливость* и оканчивается безразличіе. Въ фигурѣ человѣка есть части, линіи, плоскости большей глухоты и тупости, меньшей выразительности—средняя часть голени, средняя часть предплечья; но уже *локоть* и *плечо*, также чрезвычайно еще тупыя, уже начинаютъ что-то или хотятъ что-то сказать. Вотъ — начало лица; намекъ къ нему. Но у человѣка, кромѣ лица, какое мы знаемъ, есть полныя въ очеркѣ, хотя эмбріональныя по степени развитія лица — *кисть* руки и *ступня* ноги. Одна и другая представляютъ точки, очень отдаленныя, откинутыя отъ главной массы тѣла; и, какъ бы выйдя изъ подъ зависимости ему, онѣ нѣсколько развились. Въ кисти руки есть явно *затылочная*, покрытая легкимъ пушкомъ, часть, и *личная*, лицо—ладонь, голая. Будемъ внимательны въ наблюденіяхъ и не глухи къ мелочамъ человѣческихъ инстинктовъ: привѣтствуя — мы касаемся рукою руки, и не дотрагиваемся, но прикладываемъ ладонь къ ладони, которыя сжимаютъ

одна другую. Образовалась *фразировка* рукопожатій, безъ придумыванія, *сама собой*: руки — ласкаются. Холодно, изъ почтительности цѣлуя руку—мы ее цѣлуемъ въ глухую *затылочную* часть (верхнюю, съ пушкомъ); но, поразительно, что въ нѣгѣ и страсти—мы повертываемъ ее, довольно неудобно для нея — и цѣлуемъ въ лицо, въ ладонь, гдѣ сплетаются таинственныя линіи, задатки чертъ лица. Въ минуту особо горячей молитвы мы почему-то «воздѣваемъ руки»; руки кого-то *ищуть*, *тянутся* къ кому-то; и, станемъ слѣдить, до чего это любопытно: мы обѣ кисти рукъ повертываемъ ладонями къ образу, св. Лику; т. е. мы *становимся* на молитву всѣми въ себѣ лицами (священникъ во время Херувимской пѣсни). Какъ ладонь есть эмбріонъ лица, такъ и эмбріонъ какой-то автономной души есть въ ней. Она имѣетъ свою память, независимую отъ головной памяти; на этомъ основана игра виртуозовъ, эти брызги движеній, вызывающіе брызги звуковъ,—движеній, не услѣдимыхъ глазомъ и уже, конечно, не слѣдующихъ за отчетливымъ сознаніемъ, на которую клавишу нужно въ эту и ту секунду положить палецъ. Кисть руки имѣетъ почеркъ, т. е. *характеръ*, манеру, тоже едва-ли раціонально объяснимую. Но и болѣе того, въ ней есть еще творческій талантъ. Извѣстно изъ исторіи живописи, что нѣкоторыя знаменитыя картины были закончены и получили глубочайшую выразительность, особенную таинственную красоту, черезъ нѣсколько совершенно безотчетныхъ, торопливыхъ, молніеносныхъ мазковъ кисти: «онъ, быстро подойдя», иногда — «подбѣжавъ къ оконченному уже полотну, что-то непонятное себѣ сдѣлалъ кистью—и въ картинѣ загорѣлась жизнь»—эти, или очень близкія къ этимъ словамъ мы читаемъ мѣстами въ исторіи живописи. Танецъ есть жизнь, поэзія. узоръ бытія, въ которомъ выражается другое, еще болѣе тусклое и зачаточное лицо въ человѣкѣ—«ступня» ноги. Тоже какія-то блѣдныя линіи (на подошвѣ); *своя* у каждой походка; *фразировка* — танца; геній танца—какъ мазурка. «Онъ такъ притопывалъ каблуками» (въ «Тарасѣ Бульбѣ»). Но это — эмбріоны лицъ; перейдемъ къ полному.

III.

Есть лица *мужскія* и *женскія*, но нѣтъ лицъ «математическихъ» и «филологическихъ». Я хочу сказать, что строеніе лица не обусловлено вовсе предметами и характеромъ теоретической дѣятельности человѣка, какъ можно было бы ожидать по его положенію и казалось бы тѣсной зависимости отъ головнаго мозга; но есть что-то въ немъ, указывающее на зависимость его отъ пола, текучесть изъ пола. Есть лица отроческія, юношескія, мужскія, старческія: но и отрочество, и юность, и мужество, и старость суть *стадіи въ жизни* пола, его утренняя дремота, поздній сонъ, его день и зной полудня. Нѣтъ вовсе «музыкальныхъ» и «живопис-

ныхъ» лицъ, но есть «цѣломудренныя» и «развратныя»: очевидно, что лицо есть отсвѣтъ пола, его далеко отброшенное, но точное и собранное, сосредоточенное устремленіе. Вотъ отчего любовь, т. е. безспорно и исключительно половое чувство, начинается съ взгляда на лицо, завязывается съ лицомъ, пробуждается къ лицу, вспыхиваетъ при взглядѣ на лицо. Лицо въ игрѣ своей, выразительности, безспорной и высокой одухотворенности есть какъ бы гуттенберговъ наборъ, на который переведенъ смыслъ темныхъ іероглифовъ, въ которыхъ выражено вовсе повидимому не одухотворенное сложеніе материнства и «отчества». Маленькая литературная иллюстрація: Левъ Толстой, столь геніальный въ психическомъ анализѣ, собственно вездѣ даетъ намъ психологію возраста и пола; напримѣръ, нарисовавъ столько поразительно жизненныхъ фигуръ — Наташа, Соня, кн. Марья въ «Войнѣ и мирѣ», Долли, Китти, Анна, Варенька въ «Ан. Карениной»—онъ даже не упоминаетъ ни объ одной изъ нихъ, была ли она чему-нибудь выучена. Такъ сказать «филологическія» и «математическія» черты въ лицѣ человѣческомъ у него вовсе отсутствуютъ; но вся полнота выраженія лица сохранилась при этомъ, и, много выигравъ въ жизненности, онѣ ничего не утратили въ осмысленности.

Остановимся, однако, на частностяхъ дешифрированія пола въ лицѣ, и возьмемъ цвѣтокъ, гдѣ намъ все становится «сказуемѣе»: его благоуханіе передано въ лицѣ какъ обоняніе; то, что течетъ съ него сладостью нектара—въ лицѣ развито во вкусъ; его окрашенность, рисунокъ здѣсь перевелись зрѣніемъ. Остается слухъ... но кто же не понимаетъ, что полъ есть пульсація, есть древнѣйшій въ природѣ ритмъ. Кто не отмѣтитъ, что стихъ становится труденъ для старѣющихъ, позднихъ цивилизацій, что тогда онъ «придумывается», «изобрѣтается», къ нему «усиливаются»; а отроческій народъ естественно говоритъ Иліадою, Рамаяной, былинами; и всѣ древнія священныя книги — ритмичны. Лицо зрящее, слушающее, обоняющее есть тѣ же знаки пола, но уже передъ которыми мы не испытываемъ страха, не закрываемъ ихъ въ одежды, а радостно ими смотримъ на міръ; но въ самомъ мірѣ мы раньше всего склоняемся къ цвѣтку и обоняемъ въ немъ древнюю свою родину; мы отвѣдываемъ его нектаръ и называемъ его «сладостью»; «ненасытно» разсматриваемъ его краски. Сближеніе двухъ лицъ, тайное и древнее сочувствіе. Идя къ алтарю, дѣвушка беретъ въ руку не бриліантовое колье, но какимъ-то таинственнымъ инстинктомъ захватываетъ цвѣтокъ, — древнее свое материнство. Но чуть-чуть остановимся еще на частностяхъ лица: вѣдь есть *мужской* и *женскій* слухъ, *мужской* и *женскій* голосъ; природа обонянія въ обоихъ полахъ не совершенно одинакова; и чуть-чуть, но есть варіація у нихъ во вкусѣ: какъ безумно любятъ женщины духи, но гастрономическія способности развитѣе у мужчины. Такимъ образомъ при-

рода пола въ его мужской и женской варіаціяхъ выразилась варіаціями во всѣхъ органахъ чувствъ.

IV.

Замѣчательно, что пока не начинается въ природѣ жизнь, т. е. *гдѣ не начался полъ — нѣтъ лица;* но оно сейчасъ же появляется какъ зачатокъ, какъ намекъ—гдѣ появляется полъ:

Печальная береза
У моего окна
И прихотью мороза
Подернута она.

Развѣ поэтъ сказалъ бы «печальная», если бы весь *видъ* березы уже не былъ бы какимъ-то еще туманнымъ пока «лицомъ?» Развѣ можно сказать «*печальное*» зрѣлище при видѣ безпорядочно или «упорядоченно» сваленнаго *кирпича*? Можно *обратить стихотвореніе* къ фіалкѣ:

Стыдливый маленькій цвѣтокъ (Борнсъ).

—но рѣшительно нельзя начать стихотворно пѣть при видѣ «Регента», т. е. знаменитаго бриліанта, носящаго это имя. Все это потому, конечно, что въ «фіалкѣ» или «березѣ» есть какое-то темное начало души, которое и возбуждаетъ сочувствіе и пробуждеатъ пониманіе, даже ритмическое волненіе въ человѣкѣ, который ими любуется и, наконецъ, о нихъ поетъ. Древнѣйшія пѣсни: т. е. я говорю о родникѣ сочувствія. Но докончимъ же о человѣческомъ лицѣ: главное въ немъ—мысль;

Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья
И взоръ въ грядущее глядитъ

—это у Алекс. Толстого есть два стиха объ Іоаннѣ Богословѣ («Грѣшница»). Лицо «пылаетъ»; «свѣтится» или «омрачено». Замѣчательно, что когда мы говоримъ—лицо у насъ постоянно въ движеніи; «какое выразительное лицо» — у умнаго; или: «до чего онъ глупъ — у него никакого выраженія нѣтъ въ лицѣ». Сонъ всегда сопровождается безсмысленностью, безвыражаемостью лица. Это такъ ярко, такъ замѣтно, что зависимость здѣсь гораздо безспорнѣе, нежели между «мыслью», «душевною дѣятельностью» и внутрь черепными «мозговыми» массами: ихъ составъ анатомическій и функціональный во снѣ сохраняется, какъ и при бодрствованіи, и также бѣгутъ, до дальнѣйшихъ уголковъ тамъ, струйки крови. Но вотъ для этихъ струекъ встрѣчается препятствіе: происходятъ такъ-насываемыя явленія «тромбоза», т. е. «закупорки» въ мозгу артерій: что же мы наблюдаемъ? Парализуется, напримѣръ, сердцебіеніе; въ случаяхъ, сопряженныхъ съ ужаснымъ страданіемъ, парализуется

половина, $^3/_4$ легкихъ, все легкое, кромѣ кусочка: человѣкъ задыхается и не можетъ умереть, пока слѣдующая закупорка сосуда не прекратитъ функцію болѣе важнаго и жизненнаго органа. Тогда смерть наступаетъ какъ ушибъ. Вообще есть безспорная зависимость между тѣломъ, corpus, какъ музыкальнымъ инструментомъ огромной сложности струнъ, и между мозговыми массами, гдѣ какъ бы собрана въ небольшомъ объемѣ ихъ всѣхъ клавіатура. Но зависимость отъ этихъ массъ собственно «души струящейся» гораздо темнѣе и даже вовсе сомнительна. Напримѣръ, это

...диктуетъ совѣсть
Перомъ сердитый водитъ умъ

или у того же поэта и въ томъ же стихотвореніи:

И міръ *мечтою благородной*
Предъ нимъ *очищенъ и обмытъ*

—какъ-то ужасно трудно отнести къ «извилинамъ» «бѣлаго» или «сѣраго» вещества мозга. Еще такъ называемую статистическую, неподвижную сторону души, что-нибудь въ родѣ Аристотелевскихъ силлогизмовъ:

Всѣ люди смертны,
Сократъ человѣкъ,
Слѣдовательно—Сократъ смертенъ

можно представить себѣ недвижно, «отъ вѣка» лежащую въ мозговыхъ массахъ; но

Міръ *мечтою...*

т. е. *вихрь*, таинственный утренній вѣтерокъ, который даже въ чисто умственной работѣ *ворошитъ* и *перебираетъ* силлогизмы, *устрояетъ* ихъ то въ страницу, гдѣ

Перомъ *сердито...*

то въ страницу же совершенно противоположнаго направленія, гдѣ

...міръ *очищенъ* и *обмытъ*

нельзя туда отнести, какъ нельзя отнести сонъ и бодрствованіе.—Кстати о снѣ и бодрствованіи, сонливости и пробужденіи, этихъ общихъ, охватывающихъ всю психику, явленіяхъ: вѣдь «печальная»-то береза «спитъ» зимою и «пробуждается» въ апрѣлѣ—*безъ всякихъ рѣшительно струекъ крови*, которыя орошали бы ея «*мозгъ*». Въ апрѣлѣ выбѣгаютъ душистые листочки и въ маѣ появятся «веревочки»—цвѣты. Вотъ фактъ, въ самомъ дѣлѣ, бросающій свѣтъ на суть сна и бодрствованія у человѣка и вообще у животныхъ: то, что для березы есть *зима*, то у насъ есть крѣпкій *сонъ*, т. е. *забвеніе*, *перерывъ психической* дѣятельности. Но въ березѣ зима

есть *исчезнувшій*, *отлетѣвшій* полъ; тюльпаны и вообще луковичные, снеся плодъ и не имѣя цвѣта, т. е. никакого полового обозначенія, совсѣмъ опадаютъ, сводятся почти на *нѣтъ;* и у человѣка аналогично сонъ есть отдыхающій ритмически полъ: когда «спать хочется» — тутъ не до «любви», и рѣшительно нельзя себѣ представить дремоту у человѣка, пылающаго любовью; тогда «сонъ бѣжитъ отъ глазъ»:

Ахъ, няня, няня...

Явленія, бѣгучесть которыхъ въ противоположную сторону — безспорна; мы говоримъ о снѣ и «сонливости», полѣ въ его осеннемъ снѣ и апрѣльской возбужденности. Еще маленькая аналогія: всѣ анормальности въ полѣ, его эксцессы или угнетенность, вліяютъ удивительно на «настроеніе» души, «теченіе» мыслей, «образъ» сужденій; и въ медицинѣ это такъ извѣстно, что психіатръ обычно ищетъ помощи и указаній, «разъясненій» у акушера. Вотъ цѣлый пукъ зависимостей, бьющихъ въ одну точку; именно, что душа въ ея динамическомъ смыслѣ, какъ «вѣтерокъ» мыслей, какъ «крылышки» около силогизмовъ, которыя уносятъ ихъ туда или сюда— вовсе и нисколько не имѣетъ своимъ сѣдалищемъ мозгъ, но то темное и разлитое въ существѣ нашемъ, что мы называемъ «поломъ» и что имѣетъ, въ лицѣ и знакахъ пола, только два кульминаціонныя свои выраженія. Да вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, какъ жалуются всѣ мужья, — «есть женская логика», и всѣ вообще соглашаются, что есть «женская» и «мужская» душа: странный терминъ, выражающій въ сущности, что *душа имѣетъ въ себѣ полъ* и что *полъ въ насъ и есть наша душа.* Провѣримъ это. Есть старческій и отроческій способъ сужденія, объ этомъ нельзя спорить; а отрочество и старость суть стадіи пола. Старость «благоразумна», у ней только «силогизмы»: утрата динамическаго въ полѣ параллельна утратѣ динамическаго въ душѣ; напротивъ, въ отрочествѣ—непремѣнно вѣтерокъ:

Восходитъ *чудное свѣтило*
Въ душѣ, проснувшейся едва

—это отроческій стихъ; напротивъ, этотъ:

Не дорожа чужою тайной,
Приличный скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Не умолимъ я и жестокъ

— это психологія старика, немножечко растлѣннаго старика. И вотъ, въ этихъ двухъ варіантахъ, психологія столь сложнаго и глубокаго ума, какъ Лермонтовъ, этотъ

...бѣдный листочекъ дубовый

по возрасту—конечно еще *апрѣльскій* листъ, въ которомъ еще пытаются подняться «чудныя свѣтила», которому хочется «облить міръ

мечтою благородной»; но по опыту, по испытаніямъ, по пережитому—

Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя...

И вотъ посмотрите, вѣчная-вѣчная его мечта, тема въ сущности всѣхъ его дивныхъ созданій, отъ «Демона» до «Даровъ Терека», «Ночевала тучка», «Три пальмы», да и всѣхъ безъ исключенія, если присмотрѣться внимательно:

Чинара стоитъ молодая...
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ они пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

Съ устанавливаемой нами точки зрѣнія, что центръ души лежитъ въ полѣ и даже, что душа и полъ идентичны—мы имѣемъ ключъ къ загадочной душѣ поэта, мы ее начинаемъ постигать. И мы ничего въ ней не постигаемъ съ точки зрѣнія «Души человѣка и животныхъ» Вундта. Т. е. я хочу сказать, что Вундтъ и вообще его школа «мозговиковъ» не имѣетъ никакого ключа къ душѣ человѣческой. Но взглянемъ же еще разъ на «печальную» березу, или, пожалуй, на тюльпанъ въ его весенней радости. Полъ въ растеніи есть только временный феноменъ; это—«распускающійся» и «опадающій» цвѣтокъ: остальное время года есть *живое*, но оно не имѣетъ выявленныхъ *точекъ*, *сосредоточеній* пола. Но вотъ, цвѣтокъ (растенія) раздѣляется: его вѣнчикъ, лепестки, даже тычинки и пестики, вся «видная» часть, всякое въ немъ «выраженіе», «сказываніе» о себѣ—сохраняютъ верхнее, переднее положеніе; напротивъ, все внутреннее уже въ цвѣткѣ, полости оплодотворенія и плодоношенія относятся назадъ. Едва этотъ чудный фактъ въ сущности раздѣленіе цвѣтка произошелъ—существо начинаетъ *шевелиться*, *бѣгать*, *испытывать страхъ*, когда его ловятъ, *ловить*—когда оно *голодно*. Мы получаемъ *планъ животнаго*, собственно развившійся изъ цвѣтка: лице, *личико* въ немъ—существующее въ зачаткѣ у насѣкомаго, у раковъ, у «долгоносика»—суть *преобразованные наружные покровы пола*,—отъ чего оно и бываетъ мужское и женское; а собственно внутреннія половыя части — есть затаившійся внутрь плодникъ и «чрево». Связь между чертами лица—отроческаго, мужественнаго, старческаго, лица сладострастнаго или цѣломудреннаго, и между жизнью собственно внутреннихъ половыхъ частей—ясна отсюда: какъ лепестки повинуются фазамъ плодника, такъ развернутыя и отдѣленные у животныхъ и человѣка эти же лепестки или *лицо* выражаютъ жизнь *яйца* и *сѣмени*.

V.

Мозгъ самый тяжелый былъ у Кювье; но слѣдующій за нимъ по тяжести былъ мозгъ одной помѣшанной женщины, высокія способ-

ности которой ничѣмъ не были засвидѣтельствованы: выраженіе разорванности между душою и мозгомъ довольно доказательное. Рядомъ съ этимъ самое прекрасное лицо есть лицо Рафаэля. Его геній тѣмъ высокъ, что это не былъ вовсе геній порядка логическаго, но геній образовъ, созерцаній, таинственныхъ молитвъ, для которыхъ онъ не нашелъ слова, и, какъ бы взявъ краски съ цвѣтка, сочеталъ ихъ въ дивныя картины. Единственное въ исторіи лицо, но чѣмъ оно особенно насъ поражаетъ? Одною страшною и немного сверхъестественною въ себѣ чертою: это лицо *дѣвушки*, посаженное на мужчину. Присутствіе обоихъ половъ въ одномъ существѣ, двуполость въ индивидуумѣ—невольно въ немъ останавливаетъ. Т. е., какъ мы можемъ догадываться, лицо перваго по богатствамъ души человѣка, *самаго небеснаго*, свидѣтельствуетъ о странной раздвоенности его души въ начала мужское и женское, и, вѣроятно, соотвѣтственно этому, о постоянномъ и сильнѣйшемъ въ немъ половомъ возбужденіи utriusque sexus. Но мы заговорили о «тяжести» мозговъ, и кончимъ же; если Кювье и помѣшанная женщина почти слились въ мозгѣ, то, напротивъ, лица также богаты индивидуализмомъ выраженія и неуловимо, жизненно разбѣгаются по разнымъ направленіямъ, какъ и психическая дѣятельность людей: и онѣ прекрасны тамъ именно, гдѣ есть прекрасное, какъ благость, благородство, открытость въ душѣ человѣка: здѣсь зависимость ярка и не представляетъ смѣшныхъ и въ сущности разрушительныхъ для теоріи аномалій, какъ Кювье и слабоумная. Т. е. психическая дѣятельность, представляя какъ бы гуттенберговскій переводъ іероглифовъ пола, струится съ лица какъ «мысленный свѣтъ», какъ ароматъ «доброты» и «ласки»; страха за ближняго, готовностей для него:

Тс... Тс... Ромео, это ты?

Неужели это «въ мозгу вырабатывается?» Конечно — это стекаетъ съ лица. Лицо живетъ, играетъ, движется, говоримъ ли мы, пишемъ ли сочиненія, скорбимъ ли, радуемся ли: «душа» есть «жизнь» лица, «отблескъ» духовный съ «одушевленныхъ» его линій, струйки, стекающія съ многозначительныхъ его точекъ, со «сморщеннаго» чела, съ «ласковаго» взора. Но теперь перейдемъ же къ отдѣлившимся и главнымъ, нижнимъ точкамъ пола.

VI.

Все то, что въ лицѣ дано въ порядкѣ логическаго выраженія, здѣсь дано въ порядкѣ реальнаго созиданія. Это—зиждущія точки, зиждущія самую жизнь, ткущія ее на таинственномъ станкѣ. Логически мы не можемъ ничего создать, лицомъ—мы только достигаемъ, отгадываемъ, догадываемся, любопытствуемъ; напротивъ здѣсь—абсолютное молчаніе, но исполненное какого-то таинствен-

наго ритма, пульсаціи; самая форма—пустоты, полости, въ противоположность «выпуклостямъ», «уплотненіямъ», изъ сочетанія которыхъ составлено лицо; «пустота», т. е. начинающее *отрицаніе матеріи*, противоположный уплотненію полюсъ: это—материнскія пустоты, *владычественные по отношенію къ самымъ вещамъ*. Je pense—donc je suis», «мыслю — слѣдовательно есмь», формулировалъ Декартъ принципъ логическаго порядка, и новая философія отъ этого принципа повела свое начало; но вотъ, въ закрытыхъ покровами пустотахъ, куда мы спустились, не дѣйствительно первое же слово его формулы, т. е. это есть противоположный логическому порядку міръ, гдѣ нѣтъ вовсе познаваемыхъ феноменовъ и начинаются собственно зиждительные ноумены. «Ноуменами» Кантъ назвалъ вторую и главную, сокровенную отъ раціональнаго познанія, сторону вещей; «есть міры иные, которыхъ постичь нельзя, но тайнымъ касаніемъ къ которымъ живетъ человѣкъ: если въ тебѣ прервется это касаніе—возненавидишь и проклянешь жизнь», такъ формулировалъ Достоевскій ту же мысль Канта, но давъ ей яркое выраженіе, а главное — потянувшись въ формулѣ своей къ родникамъ именно «жизни», куда мы подходимъ; «не» этотъ свѣтъ, «не» нашъ — «тотъ» свѣтъ, какъ съ удивительнымъ мистическимъ прозрѣніемъ формулируетъ русскій народъ. Какъ бѣдны анатомическія очертанія. И, обманувшись ими, ничего особеннаго не находя скальпелемъ и подъ микроскопомъ, ихъ сочли только физіологическими знаками, безъ всякаго иного и болѣе утонченнаго содержанія, особенно безъ содержанія духовнаго. Между тѣмъ, здѣсь-то и скрыты прообразы всего духовнаго; и также отсюда начинаются собственно мистическія его тенденціи ли, связи ли, мистическія и религіозныя. Скальпель не открываетъ въ «мозгу» діалектики Платона, и идея безсмертія души, выраженная, напримѣръ, въ діалогѣ «Федонъ», едва ли брезжетъ, хотя все-таки уже брезжетъ, въ пластикѣ нашего лица; однако, чтобы познать природу «мозга» ли, «лица» ли, нужно, брося скальпель, обратиться къ человѣческой культурѣ, къ идеямъ, волновавшимъ человѣчество. Такъ точно внутренняя природа пола, распаденіе всего «живого» въ «мужское» и «женское», въ черты «материнства» и «отчества» можетъ быть также раскрыто не скальпелемъ, не въ препаровочной анатомическаго театра, но черезъ внимательное изученіе мышленія и поэзіи немногихъ сравнительно людей, сюда специфически, особенно внимавшихъ.

VII.

И вотъ, начавъ съ фигуры человѣка и даже съ «лица», съ «выраженія» печальной березы, мы подведены своею темою къ мірамъ поэтическаго и философскаго созиданія. Мы не войдемъ сюда, ибо это значило бы войти въ безконечность; но, въ видахъ методиче-

скихъ, укажемъ нѣсколько поясняющихъ наблюденій. Выше мы привели, какъ литературную иллюстрацію, гр. Л. Толстого, и опять остановимся на немъ, какъ на человѣкѣ, чутко сюда прислушивавшемся. Какое его первое произведеніе?—«Дѣтство и отрочество», т. е. объ этомъ торопливо и раньше всего захотѣлъ онъ сказать свое слово. Въ высшей степени характерны и важны эти первыя темы великихъ умовъ («Бѣдные люди»—у Достоевскаго, «Записки охотника»—у Тургенева); въ нихъ они высказываютъ самую глубокую и живучую въ себѣ мысль, свой «геній», «талантъ» по крайней мѣрѣ какъ «умоначертаніе», и очень часто—программу, абрисъ своего жизненнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, вся почти необозримая по разнообразію дѣятельность Толстого въ сущности примыкаетъ къ темѣ «Дѣтства и отрочества». «Крейцерова соната», напримѣръ—что она такое, какъ не «плачъ неутѣшной души» надъ поруганнымъ въ мірѣ материнствомъ, надъ оскверняемымъ въ самыхъ его родникахъ «дѣтствомъ» и «отрочествомъ». Мы уже замѣтили, что Толстой не знаетъ, т. е. онъ отвергаетъ, иную психологію, кромѣ какъ психологію возраста и пола; но если взять и весь кругъ его заботъ, тревогъ, его ожесточенности противъ «нашей цивизаціи», «плодовъ» нашего «просвѣщенія», не трудно открыть ихъ всѣхъ общій родникъ въ страхѣ и отвращеніи къ тому же загрязненному или безъ вниманія обходимому «дѣтству» и всему, что его вынашиваетъ, т. е. къ человѣку въ рождающихъ его глубинахъ. Но мы не разбираемъ писателя, а беремъ его какъ иллюстрацію для своей особой темы: мы говоримъ, что Толстой непрерывно внимаетъ полу и что одновременно онъ есть мистикъ и до глубины религіозный человѣкъ. Но вотъ другой поэтъ, еще болѣе глубокій и безостановочный мистикъ—Лермонтовъ, этотъ «дубовый листочекъ» съ вѣчнымъ прижиманіемъ къ «корню чинары». Онъ даетъ матеріалъ для болѣе подробныхъ умозаключеній:

> У корня чинары высокой
> Пріюта онъ проситъ...

Это моленіе, въ сущности его вѣчная тема, читается нами во всѣхъ подробностяхъ въ слѣдующей картинѣ странной «Сказки для дѣтей»:

> Перенестись теперь прошу сейчасъ
> Со мною въ спальню: газовыя шторы
> Опущены; съ трудомъ лишь можетъ глазъ
> Слѣдить ковра восточнаго узоры.
> Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
> И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
> Огнемъ въ лицо вамъ дышетъ воздухъ сонный.
> Вотъ—ручка, вотъ—плечо, и возлѣ нихъ
> На кисеѣ подушекъ кружевныхъ
> Рисуется младой, но строгій профиль
> И на него взираетъ...

Будемъ внимательны; взять сонъ, т. е. не зрящіе глаза, не слушающее, ухо; безъ мысли, «сонливое», «заспаное», едвали очень красивое лицо; взять возрастъ — и въ самомъ дѣлѣ, онъ опредѣленъ ниже:

Имѣлъ онъ дочь *четырнадцати лѣтъ* —
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой.
Сидѣла чинно и держалась прямо...

Взять мигъ пола, сейчасъ передъ выявленіемъ, «апрѣль» чинары, и это собственно къ возрасту, а не къ человѣку, отнесены слѣдующія строчки:

Когда ты спишь...
И шибко бьется *дѣвственною кровью*
Младая грудь подъ грезою ночной—
Знай, *это я, склонившись...*
Любуюся и говорю съ тобой...

Странные діалоги *во время сна!* Конечно, это вовсе не діалоги въ логическомъ порядкѣ вещей и вовсе не къ логическому лицу онѣ обращены. Картина полнѣе раздвигается въ одномъ снѣ—припоминаніи другой художественной фигуры, къ которой тоже идетъ эта квалификація Лермонтова;

То былъ ли самъ великій сатана
Иль мелкій бѣсъ—изъ самыхъ не чиновныхъ.

Уже въ наименованіяхъ сказывается у поэта какой-то потусвѣтлый ужасъ, глубокое, особенное, Эдиповское содроганіе отъ неудержимо, однако, влекущаго его—

Любуюся и говорю...

Но пусть же договариваетъ, дорисовываетъ другой,—въ сущности эту картину Лермонтова:

«Грезы вставали одна за другою, мелькали отрывки мыслей, безъ начала и конца и безъ связи. Какъ будто онъ впадалъ въ полу-дремоту. Холодъ-ли, мракъ ли, сырость ли, вѣтеръ ли, завывавшій подъ окномъ и качавшій деревья, вызвали въ немъ какую-то упорную фантастическую наклонность и желаніе, но ему все *стали представляться цвѣты.* Ему вообразился прелестный пейзажъ; свѣтлый, теплый, почти жаркій день, *праздничный день, Троицынъ день.* Богатый, роскошный деревенскій коттеджъ, въ англійскомъ вкусѣ, весь заросшій *душистыми клумбами цвѣтовъ*, обсаженный грядами, идущими кругомъ всего дома; крыльцо, *увитое вьющимися растеніями*, заставленное *грядами розъ*; свѣтлая, прохладная лѣстница, устланная роскошнымъ ковромъ, обставленная *рѣдкими цвѣтами въ китайскихъ банкахъ.* Онъ особенно замѣтилъ въ банкахъ съ водой, на окнахъ, *букеты бѣлыхъ и нѣжныхъ нарцисовъ*, склоняющихся на своихъ яркозеленыхъ, тучныхъ

и длинныхъ стебляхъ *съ сильнымъ ароматнымъ запахомъ*. Ему даже отойти отъ нихъ не хотѣлось, но онъ поднялся по лѣстницѣ и вошелъ въ большую, высокую залу, *и опять и тутъ вездѣ, у оконъ, около растворенныхъ дверей на террасу, на самой террасѣ вездѣ были цвѣты*. Полы были усыпаны *свѣжею, накошенною душистою травой*, окна были отворены, свѣжій, легкій, прохладный воздухъ проникалъ въ комнату, *птички чирикали подъ окнами*, а посреди залы, на покрытыхъ бѣлыми атласными пеленами столахъ, стоялъ гробъ. *Гирлянды цвѣтовъ обвивали его со всѣхъ сторонъ. Вся въ цвѣтахъ*, лежала въ немъ *дѣвочка*, въ бѣломъ тюлевомъ платьѣ, со сложенными и прижатыми на груди, точно выточенными изъ мрамора, руками. Но распущенные волосы ея, волосы свѣтлой блондинки, были мокры; вѣнокъ изъ розъ обвивалъ ея голову. Строгій и уже окостенѣлый профиль ея лица былъ тоже какъ бы выточенъ изъ мрамора, но улыбка на блѣдныхъ губахъ ея была полна какой-то не дѣтской, безпредѣльной скорби и великой жалобы. Свидригайловъ зналъ эту дѣвочку: ни образа, ни зажженныхъ свѣчъ не было у этого гроба и не слышно было молитвъ. Эта дѣвочка была самоубійца—утопленица. Ей было только *четырнадцать лѣтъ*, но это было уже разбитое сердце, и оно погубило себя, оскорбленное обидой, ужаснувшею и удивившею ея дѣтское сознаніе, залившею незаслуженнымъ стыдомъ ея ангельски-чистую душу и вырвавшею послѣдній крикъ отчаянія, неуслышанный, а нагло поруганный въ темную ночь...» («Преступленіе и наказаніе», изд. 84 г., стр. 464).

Возрастъ, 14 лѣтъ, совпалъ съ предыдущею картиной до отсутствія разницы хотя бы на одинъ годъ; и безспорна совершенная независимость рисунка у обоихъ мистиковъ, оригинальность и *первичность* замысла у обоихъ. Но мы ищемъ мотива, разгадки потрясающей картины, которая у насъ поднимаетъ дыбомъ волосы на головѣ: ибо очевидно, къ чему манится «мелкій бѣсъ» Лермонтова—исполнилъ Свидригайловъ. Но вотъ опять говоритъ и *мотивируетъ* поэтъ:

Еслибъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея—молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, напѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искуствомъ.
Звонкимъ *ребяческимъ смѣхомъ* родительскій слухъ утѣшая.

Возрастъ, едва-ли позднѣе 14 (въ Италіи). Очевидно, и въ этомъ стихотвореніи Лермонтовъ началъ рисовать вѣчно смущавшую его картину, которую дорисовалъ въ «Зимней сказкѣ», и тамъ за этотъ соблазнъ къ рисунку назвалъ себя «сатаною». Но здѣсь есть удивительнѣйшій изгибъ таинственнаго влеченія:

.....стала она уходить до зари, возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. *При свѣтѣ*
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она на колѣняхъ,
Тихо, усердно и долго молилась...

Поэтъ ставитъ манящую его дѣвочку-подростка *на молитву;* оглядываясь на тему «Демона», мы собственно видимъ, что путемъ очень сложныхъ комбинацій — влекущій образъ дѣвушки и тамъ выводится изъ шума жизни, суеты движеній, уединяется и опять *становится на молитву* (поступленіе въ монастырь) и вотъ только тогда разыгрывается тягостный діалогъ, борьба, согласіе, отдача, *всѣ моменты Свидригайловскаго мистическаго сна,* вплоть до заключительнаго:

Мучительный протяжный крикъ...

Если бы мы молитву, лампаду и все проч. сколько нибудь приняли за *случайность* въ темѣ или *особливость индивидуальности* поэта, то Свидригайловъ поправилъ бы насъ: всего за полтора часа до порыва къ Дунѣ Раскольниковой, онъ рисуетъ ея образъ: «Знаете, мнѣ было всегда жаль, почему она не живетъ *во второмъ или третьемъ вѣкѣ нашей эры:* была бы изъ тѣхъ, которыя *претерпѣли мученичество,* и ужъ конечно бы улыбалась, когда бы ей жгли грудь раскаленнымъ желѣзомъ. Сама пошла бы на это; а въ 4-мъ или 5-мъ вѣкѣ *ушла бы въ Египетскую пустыню, и жила бы тамъ тридцать лѣтъ, питаясь кореньями, восторгами и видѣніями»* (тамъ же, стр. 436). Единство рисунка у Лермонтова и Достоевскаго — полное! Но что́-же, что́-же это такое?! Изслѣдимъ, назовемъ: взята не только отчетливо, непремѣнно оговоренная «*четырнадцатью*» годами безгрѣшность; это еще только отрицательное отсутствіе грѣха, вины; но взято положительное —

Тихо, усердно, долго молилась...

«акриды», «видѣнія»; т. е. *что-то* взято въ теистическомъ движеніи, въ мистическо-религіозномъ и непремѣнно отрочески-чистомъ дуновеніи,—и тогда только

Мучительный, протяжный крикъ...

Здѣсь, въ этой картинѣ и въ психологіи великаго поэта и знаменитаго художника, къ одному манившихся, какъ еще ни въ какой точкѣ природы и ни въ какой изъ написанныхъ книгъ мы имѣемъ узелъ двухъ нитей, изъ коихъ одна казалось бы падаетъ въ бездну, другая—уходитъ въ небо; и лишь путемъ подробнаго и осторожнаго анализа мы можемъ, но только отсюда, пытливымъ глазомъ и заглянуть внизъ, и взглянуть вверхъ. На мѣсто «молитвы» — поставимъ наглость, вмѣсто «четырнадцати лѣтъ» возьмемъ «23 года», вмѣсто удивляющагося, непонимающаго ничего цѣломудрія, дѣт-

ства,—полъ выявленный и полу-растлѣнный: порывъ моментально исчезнетъ, у Свидригайлова, «демона» и всякаго вообще смертнаго, всегда на протяженіи всей исторіи! Т.-е., что же это значитъ?! *Притяженія полового нѣтъ, когда въ точкѣ тянущей — грѣхъ;* но значитъ, *когда есть притяженіе—въ тянущей точкѣ есть обратное грѣху, есть молитва, есть святость.* Фактъ полового притяженія, на двухъ, несродно рисуемыхъ картинахъ, обобщается въ томъ, что *здѣсь и тамъ это есть религіозное, теистическое притяженіе и изумительное владычество молитвы надъ грѣхомъ, чистоты надъ смрадомъ.*

VIII.

«О, пройду же и я мой квадраліонъ и узнаю секретъ», — воскликнулъ въ какомъ-то изумленіи Достоевскій («Бр. Кар.»), нарисовавшій очень много намъ аналогичныхъ сценъ, глубоко въ эти сцены всматривавшійся, сказавшій около нихъ чрезвычайно многозначительныя слова — и все-таки, все-таки растерянно остановившійся. Отчего существуютъ въ природѣ эти странные порывы? Мы ничего въ нихъ не постигнемъ, и никогда не постигли бы, пока не обратимъ вниманіе на «молитву», «акриды», на требованіе «безгрѣшнаго», «святого», «удивленнаго дѣтства» въ секунду этого безспорно полового порыва, т.-е. порыва къ безспорно половымъ точкамъ, при чемъ качествами святости порывъ не только не удерживается, но при соблюденіи этихъ-то условій и совершается съ силой, разбивающей всякое препятствіе (сонъ Свидригайлова). Тогда мы просто догадываемся, что здѣсь есть сплетеніе религіозныхъ ноуменовъ, зависимость родниковъ добра и зла, жизни и смерти, отрицанія и утвержденія: вѣдь «дубовый листочекъ, свернувшійся» — это почти смерть, догорающій октябрь космическаго года; но вотъ послѣдній осенній вздохъ, силою остающагося въ немъ «дыханія», онъ все оставляя, все забывая, устремляется къ необъятнымъ богатствамъ бытія въ «корнѣ» чинары; и слѣдя дальше, слѣдя внимательнѣе, мы замѣчаемъ, что предметъ порыва не только есть «богатство жизни», но что онъ есть «чистота», «невинность», «святость», «молитва», «акриды» пусть у «14-лѣтней». Т.-е. все это есть въ содержаніи таинственныхъ, нами изслѣдуемыхъ глубинъ этого прекраснаго 14-лѣтняго, «удивленнаго» ребенка. Вотъ что такое «человѣкъ», вотъ что такое «жизнь». Мы начали съ пола; мы иллюстрировали его ужасами, но что же нашли на днѣ ихъ?— Молитву! Т.-е. самое *существо, ткань, жизнебіеніе* человѣка есть *молитва*, и въ особенности *изъ молитвы бьетъ бытіе его.* Отсюда-то удивленіе Геродота, много странствовавшаго: «есть народы безъ государствъ, безъ правительствъ, но нѣтъ—безъ религіи». Но это потому, что самое *существо человѣка теистично* и нельзя «дышать» и не «молиться». Но доизслѣдуемъ же двухъ поэтовъ:

Когда волнуется *желтѣющая нива*
И *свѣжій лѣсъ* шумитъ при звукѣ вѣтерка
И прячется въ саду *малиновая слива*
Подъ тѣнью сладостной *зеленаго листка.*
Когда росой обрызганный душистой
Румянымъ вечеркомъ или утра въ часъ златой
Изъ-подъ куста мнѣ *ландышъ серебристый*
Привѣтливо киваетъ головой...

Вѣдь надо совершенно быть невнимательнымъ, что бы не почувствовать, что это есть тѣ же «цвѣты, цвѣты и цвѣты», которыя въ мистическомъ предсмертномъ снѣ приснились Свидригайлову. Но что же это за «цвѣты» видитъ Свидригайловъ? Да раздвиженіе «цвѣта» дѣвочки въ гробу, ея «14-ти лѣтъ», ея «апрѣля», — который посыпался на полъ, на лѣстницу, въ садъ, «англійскими клумбами», и на дворѣ заигралъ какъ «солнце», какъ «Троицынъ день» (весна, утро, «апрѣль»). И вотъ—зрѣлище растворяется слезами:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходится *морщины* на челѣ...
. . . .
И въ небесахъ я вижу Бога.

Въ одномъ рисункѣ. у Достоевскаго, мы видимъ перечень знаковъ, символовъ. «симптомовъ» заболѣванія: «цвѣты», «цвѣты»; другой начинаетъ именно съ этихъ «цвѣтовъ», но «болѣзнь» странно выражается какъ познаніе Бога, слезы къ Богу, молитва къ Богу:

«Тогда смиряется души тревога,
«Тогда расходятся морщины на челѣ,
«Тогда я вижу Бога...

Да что такое за факты?—Да вѣдь въ «14 лѣтъ» *впервые* лопается «граафовъ пузырекъ» и изъ него выходитъ таинственная, столь новая въ мірѣ, никѣмъ изъ ученыхъ и никогда неразгаданная *дѣтская* клѣточка; *дитя*, еще у не рождавшей матери, лоно которой и тянетъ съ неодолимою силою теперь, сейчасъ поэта; и онъ, вѣчно слушающій мистическій ритмъ этого лона

Засохъ и увялъ... отъ холода, зноя, отъ горя,

Анатомы передаютъ глупости объ этомъ «граафовомъ пузырькѣ». Его природу, природу выходящаго изъ него дитяти лучше знаетъ поэтъ:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ...

О себѣ онъ все думалъ, бѣдный, что

Любуяся и говоря...

около «заспанной», сонливой». вѣрно дурнушки-дѣвочки, но непремѣнно «14», можетъ-быть «$13^1/_2$» лѣтъ (Достоевскій нѣсколько разъ поправляетъ такъ) онъ—что-то страшное, страшенъ лицомъ:

То былъ ли самъ *великій сатана,*
Иль мелкій *бѣсъ* изъ самыхъ не-чиновныхъ.

Но, не постигнувъ тайной природы вещей, онъ не догадался, что въ таинственныхъ прислушиваньяхъ былъ только бѣднымъ ученикомъ, и что была его великою, «въ звѣздахъ и солнцѣ» *(Апок.)*, учительницею эта самая дѣвочка-подростокъ: и все, о чемъ онъ намъ пѣлъ—*не его вовсе пѣсня*, но *ея наука*, «звѣздная» наука,—часть которой онъ-же записалъ:

Въ небесахъ торжественно и чудно...
Спитъ *земля въ сіяньи голубомъ...*

IX.

Намъ больно, въ литературномъ отношеніи, собирать эти клики строкъ, — имѣющіе видъ такого хаоса; но нѣтъ иного *доказательнаго* пути въ природу пола, какъ этотъ постоянный мистическій уклонъ души у людей, у всѣхъ людей, сюда особенно внимавшихъ:

Давно пора мнѣ *міръ увидѣть новый* —
Молчу и жду!

— воскликнулъ Лермонтовъ. Какое восклицаніе! Какая вѣра въ «тайны вѣчности и гроба»: дорогая вѣра, ею живутъ народы и человѣчество, и ее стоитъ купить, а по Лермонтову мы знаемъ, какъ и гдѣ онъ эту вѣру купилъ. Достоевскій, — менѣе поэтично, болѣе грубо и реально, въ сущности вѣчно рисуетъ вѣчную-же тему Лермонтова, тотъ-же «дубовый листокъ у корня чинары», и назвалъ это «карамазовщиною», мы-же переименуемъ ее въ «святую землю», въ священный корень бытія, нашего и всемірнаго. Уже въ «Преступленіи и наказаніи» мысль и интересъ его какъ-бы качаются между Раскольниковымъ и Свидригайловымъ; онъ постепенно забываетъ Раскольникова и начинаетъ интересоваться Свидригайловымъ. Но что такое Раскольниковъ и Свидригайловъ, какъ не два выразителя двухъ средоточій человѣка, пожалуй—двухъ «лицъ» его «по образу, по подобію» Божію фигуры? Размышляющая и творческая, рефлективная и зиждущая сторона въ насъ—вотъ носителями чего они являются. И всѣ послѣдующія творенія Достоевскаго замкнуты между двумя этими темами, пожалуй—между этими двумя фигурами «Преступленія и наказанія»; но, судя по «Карамазовымъ» и созданному имъ понятію «карамазовщины», его вниманіе рѣшительно отходило отъ рефлективныхъ сторонъ и сосредоточивалось на зиждущихъ: здѣсь «возрожденіе», но онъ его не умѣлъ и не рѣшался назвать! Онъ уже обѣщаетъ «разсказать картину возрожденія человѣка» въ заключительныхъ строкахъ «Преступленія и наказанія», но ее не разсказалъ, ибо онъ брелъ, но не добрѣлъ, къ истинному значенію родниковъ бытія, все еще считая ихъ «свидригайловщиною»,

«карамазовщиною», въ общемъ—грѣхомъ, грязью, бѣсовщиною, «темною силою», «нечистою силою».—«О, и я пройду мой квадральонъ и узнаю секретъ!» Этотъ «секретъ», чувствуемый, но не разгаданный, и породилъ въ немъ безсильный и постоянный лепетъ о «вѣчной гармоніи», столь-же его тревожившій, какъ и «свидригайловщина», съ нею какъ-то странно параллельный. «Гдѣ-то параллели сходятся»—опять его восклицаніе («Бр. Кар.»). Полетъ на новую землю, переданный въ фантастическомъ «Снѣ смѣшного человѣка» (въ «Дн. Писателя»), даетъ, однако, уже цѣлую картину «не сего міра», и здѣсь онъ вдругъ сближается съ главною темою Толстого, однако, съ глубиною и страстью, какихъ Толстой никогда не достигалъ. На далекой «звѣздочкѣ», пошутимъ—Лермонтовской «звѣздочкѣ» («И небо, и *звѣзды*»..., «И *звѣзда съ звѣздою* говоритъ»...) раскрывается «дѣтство и отрочество» (тема Толстого), но не индивидуума, а всего *начальнаго человѣчества*. Дѣтство и въ сущности дитя — обняли міръ, поглотили міръ. Въ этомъ «Снѣ» какъ послѣдній не переступаемый идеалъ взято не какое-нибудь соціальное строительство, не рычагъ Логоса: взята психика возраста, т. е. какъ мы объяснили—рычагъ пола. Вотъ колеблющіеся пути и окончательный выходъ великаго мистика, съ его тоже «преимущественнымъ вниманіемъ». Лермонтовъ, Толстой и Достоевскій, столь неоспоримо «чресленные» писатели, «беременные», быть можетъ лучше всего оттѣнятся, если мы около нихъ выдвигнемъ огромную и хорошо куафированную голову Грибоѣдова. Какое нищенское міросозерцаніе; какое глубокое, до пятокъ, забвеніе «міровъ иныхъ»! Но что́ въ основѣ этого? Онъ намъ даетъ сухонькія, чистенькія, выметенныя комнатки, гдѣ ради смѣха только шепчутся про любовь Молчалинъ и Софья. Ни земли, ни сора, ни мокроты, ни Бога. Истинно «не обрѣзанный». Но мы не занимаемся имъ и отмѣчаемъ только: нѣтъ чувства пола, нѣтъ чувства Бога! Если, наконецъ, отъ нашей исторіи мы перекинулись бы, напримѣръ, въ древность, то въ «Пирѣ» и «Федрѣ» Платона мы безъ труда открыли бы тѣ же самые родники трансцедентныхъ идей, какія находимъ у Лермонтонтова, въ «Карамазовыхъ», у Толстого. Всѣ эти писатели, которыхъ вниманіе такъ постоянно приковано къ началу, зиждущему въ мірѣ жизнь,—мистичны, трансцедентны, религіозны: т.-е. какъ мы подводимъ итогъ,—рождающія глубины человѣка дѣйствительно имѣютъ трансцендентную, мистическую, религіозную природу. «Многое на землѣ отъ насъ скрыто, но взамѣнъ того даровано намъ тайное сокровенное ощущеніе живой связи нашей съ міромъ инымъ, съ міромъ горнимъ и высшимъ, да и *корни нашихъ мыслей и чувствъ* не здѣсь, а въ мірахъ иныхъ. Вотъ почему и говорятъ философы, что *сущность вещей нельзя постичь на землѣ*. Богъ взялъ *сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ* и возростилъ садъ Свой, и взошло все, что могло взойти, но взрощенное живетъ и живо

лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ; если ослабѣваетъ или уничтожается въ тебѣ сіе чувство, то умираетъ и взрощенное въ тебѣ. Тогда станешь къ жизни равнодушенъ и даже возненавидишь ее» («Братья Карамазовы», изд. 1882 г., т. I, стр. 357). Вотъ тезисъ, который мы поясняемъ, и написавъ который—удивительно, какъ Достоевскій не продвинулся еще на одинъ шагъ, чтобы указать территорію таинственныхъ «касаній» и «міровъ». Фигура человѣка, «по образу, по подобію», имѣетъ въ себѣ какъ бы внутреннюю ввернутость и внѣшнюю вывернутость—въ двухъ разходящихся направленіяхъ. Одна образуетъ въ ней феноменальное лицо, обращенное по сю сторону, въ мірѣ «явленій»; другая образуетъ лицо ноуменальное, уходящее въ «тотъ» міръ, къ какимъ-то не астрономическимъ звѣздочкамъ, не нашихъ садовъ лиліямъ, о коихъ поэтому безотчетно и начинали пѣть и говорить названные мистики:

И мѣсяцъ, и звѣзды...
Внимали той пѣснѣ святой.
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра...
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ чуднымъ полна...

Кто не узнаетъ, что это—тѣ точно самыя слова, которыя устами старца Зосимы высказалъ Достоевскій; та же мысль о «касаніи мірамъ инымъ», но уже точно названа теорія непостижимыхъ пѣсенъ, очень странныхъ звѣздъ. Это — рожденіе, рождающаяся душа человѣка, все то, что намъ представляется такъ кратко и просто. Кто знаетъ характерно-«карамазовскій» діалогъ Платона «Федръ», это наводящее ужасъ разсужденіе о чувственной любви въ ея ужасныхъ, потрясающихъ формахъ, не могъ не обратить вниманія, что здѣсь сказано о «ниспаденіи на землю души человѣческой» и о «звѣздочкахъ», о «солнцѣ», «небѣ» — то самое, что сказано Лермонтовымъ въ приведенномъ стихотвореніи; совпаденіе поразительное, если принять во вниманіе, что Лермонтовъ едва-ли зналъ Платона, по крайней мѣрѣ въ тотъ юный возрастъ. Но міръ ноуменовъ одинаковымъ является для всякаго, на разстояніи тысячелѣтій, кто поблуждалъ около его «мыса бурь», «мыса доброй надежды». Самыя эти «бури», эта «вальпургіева ночь» чувственности, противъ которой напрасно боролись самые возвышенные умы и могучіе характеры, отъ Соломона до Гете («Фаустъ»), и имѣетъ то простое объясненіе для себя, что здѣсь человѣкъ уходитъ въ міръ владычественныхъ ноуменовъ, и понятно, что онъ уходитъ въ нихъ тѣмъ глубже, чѣмъ болѣе могучія крылья подымаютъ его въ «горняя». Вотъ связь чувственности и генія, наблюдаемая на протя-

женіи всей исторіи, и причина, что такъ много «остововъ» и «разбитыхъ кораблей» лежитъ около мыса все-таки «доброй» и именно небесной надежды. Замѣчательно, что типичные раціоналисты, «отъ сего міра» люди, никогда не досягая этого мыса, не слагали ни стиховъ, подобныхъ Лермонтовскому (Пушкинъ вовсе не имѣлъ такой концепціи души человѣческой и жизни), ни образовали «идей», подобныхъ Платоновскимъ; и даже просто не могутъ этому повѣрить, «не видѣли», «не осязали». Кстати, такъ называемыя «идеи» Платона не суть вовсе «понятія», но «виды», «образы» и, какъ онъ объяснялъ, «первообразы» всего сущаго; онъ училъ о нихъ въ діалектикѣ, но большею частью передавалъ ихъ въ такъ называемыхъ философскихъ миѳахъ, безъ доказательствъ, но какъ самую достовѣрную и почти имъ видѣнную истину. Мы сблизили его, по содержанію идей и «горнихъ ожиданій», съ Лермонтовымъ; восклицаніе Достоевскаго, передъ изложеніемъ «Сна смѣшного человѣка»: «я видѣлъ Истину, я ощущалъ ее» — очень напоминаетъ «міръ благого въ самомъ себѣ, справедливаго въ самомъ себѣ», и т. д., что все «видѣлъ» какъ «истину» Платонъ. А заключительное восклицаніе, въ томъ же «Снѣ» Достоевскаго: «и пойду, и пойду! хотя бы на тысячу лѣтъ!» (съ проповѣдью увидѣнной «Истины») даетъ собственно психологію неустаннаго учительства всѣхъ этихъ людей—Толстого, Достоевскаго, Платона, Лермонтова:

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я...

Развѣ это не Толстой, съ отрясаніемъ «городскаго праха» отъ ногъ? не Достоевскій—на Пушкинскомъ праздникѣ? и не Платонъ, съ его отчужденіемъ отъ Аѳинъ, уединеніемъ въ Академіи и реформаціонными путешествіями къ Сиракузскимъ тиранамъ?

Иродова легенда.

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человѣкъ,
Съ древней матерью-землею
Онъ вступи въ союзъ...

Шиллеръ.

I.

Есть легенды ли, факты ли въ исторіи — «уники», единственныя. Они не повторяются; имъ нѣтъ подобій; они сильно потрясаютъ человѣческое воображеніе и какъ-то длительно запоминаются, хотя иногда долго остаются неразгаданными. Таковъ разсказъ или легенда объ Иродовомъ избіеніи младенцевъ. Факта этого нѣтъ у Іосифа Флавія, въ описаніи одновременныхъ событій въ Іудеѣ, и онъ стоитъ только преддверіемъ въ Евангеліи, въ какой-то странной близости, почти въ сближеніи съ рожденіемъ Христа. Продолженіе и какъ бы заключеніе содержащейся въ этомъ разсказѣ мысли дано въ концѣ Евангелія: уже идя на смерть, Христосъ спросилъ «плода у смоковницы»; она не дала плода и Онъ ее проклялъ. Между двумя этими легендами-ли или фактами стоитъ безплотное Евангеліе, которое въ учащей, училищной своей части, въ рѣчахъ и словѣ, его составляющемъ, исполнено таинственнаго умолчанія о существѣ плода, «плодящейся смоковницы», о существѣ младенца не въ отношеніи къ будущему его наученію, слушанію Царствія Божія, но въ его отношеніи къ самому рожденію, въ растущихъ его силахъ, въ связяхъ его съ материнскою «смоковницею». Два эти разсказа — не прообразъ ли? не предостереженіе ли? «И повелѣ искать Христа... и повелѣ избить младенцевъ»... Т. е. «многіе будутъ искать Христа», искать «осуществить Христово», но «преты-

каясь» о безплотность Его ученія, Его небеснаго училища,—впадутъ въ Иродову мысль «найти Христа, избивая младенцевъ». И черезъ это жизнь, въ чаяніяхъ безплотная, станетъ безплодною («смоковница»).

Прообразъ не былъ понятъ; и въ огромныхъ частяхъ своихъ христіанство, «ища осуществить Христово», дѣйствительно пошло по пути Иродова заблужденія. Мы не будемъ упоминать очастномъ и узкомъ, хотя необыкновенно глубокомъ по страстности и послѣдовательности заблужденіи нашего сектанта Селиванова; но краевыя тѣни этого заблужденія обняли въ сущности весь Западъ, и тамъ или здѣсь они появляются, хотя мимолетно и вызывая содроганіе, у насъ. — «Какъ можетъ касаться чаши со св. Дарами женатый священникъ»—писалъ въ одномъ частномъ письмѣ (еще тогда не папа) Григорій VII Гильдебрандтъ. Христіанство въ безплотности его ученія, какъ бы въ воздушности его небесныхъ истинъ, казалось этому великому уму и дѣйствительно чистому сердцу *) вовсе несовмѣстимымъ съ реальнымъ и, конечно, плотскимъ существомъ брака. Завязалась краткая и чрезвычайно страстная борьба, въ пору которой, безъ сомнѣнія, прошли чрезвычайной тонкости ощущенія существа христіанства и существа брака. Тутъ вовсе не въ «нуждѣ» было дѣло, не въ практической сторонѣ жизненнаго уклада; или, по крайней мѣрѣ, не въ этомъ только. Т.-е. я хочу сказать, что Гильдебрандта вовсе увлекала не одна мысль получить не связанныхъ съ міромъ, свободныхъ на службѣ и для службы «черныхъ» воиновъ, но и дѣйствительное существо дѣла. Онъ плакалъ на литургіи; онъ былъ политикъ потомъ, но прежде—священникъ. И центръ тяжести лежитъ въ эфирнѣйшемъ проникновеніи въ существо и «душу» религіи, въ существо и «душу» человѣческаго отношенія къ Божеству, и именно отношенія молитвеннаго; и вотъ оно почувствовалось въ этотъ рѣшительный для христіанства мигъ, какъ исключающее вовсе, совершенно существо «брачныхъ касаній». Послѣ непродолжительной и страстной борьбы характерное отвращеніе знаменитаго римскаго понтифекса преодолѣло, и для всего Запада на нѣсколько вѣковъ Иродова легенда получила плоть и кости исторически дѣйственнаго факта. «И повелѣ искать Христа... и повелѣ избить младенцевъ». Тутъ не въ однихъ фактически избиваемыхъ младенцахъ дѣло—мы разумѣемъ матерей, рождающихъ не въ «іудейскую субботу»—хотя и онѣ очень важны; дѣло во внутреннемъ и субъективномъ «избіеніи» самого существа младенца каждымъ въ себѣ, въ нѣкоторомъ перестроеніи духа человѣческаго, когда онъ порываетъ связь съ жизненными

*) Служа литургію, еще священникъ и епископъ, Гильдебрандтъ часто не могъ удержать слезъ отъ волненія (т.-е. при произнесеніи словъ литургическихъ).

нѣдрами своими, съ теплою въ себѣ «животностью», и ригорически и сухо начинаетъ рости только въ «небесное училище», мы подозрѣваемъ—въ «небесный номинализмъ». Но что очень трудно уловить и опредѣлить въ субъектѣ — легче уловляется въ огромныхъ контурахъ исторіи. Вѣдь что́ такое инквизиція, которая

Въ великолѣпныхъ auto-da-fe
Сжигала злыхъ еретиковъ,

какъ ни послѣдствіе расторженія связи между «плотскимъ» и «духовнымъ»? Духъ такъ великъ и плоть такъ ничтожна. Но что́ такое «духъ»? Это—«Summa theologiae» Ѳомы Аквинскаго. Есть ли также духъ въ предчувствіяхъ матери о болящемъ ребенкѣ, въ его милыхъ ямкахъ на щекахъ, беззаботныхъ играхъ, невинномъ взорѣ—объ этомъ не могло быть вопро́са въ циклѣ Продова пониманія, и въ циклѣ того противоположенія «плоти» и «духа», на точку коего сталъ Гильдебрандтъ и увлекъ за собой весь Западъ. Но «горчичное зерно» расторгнутаго духа и плоти выросло, можно сказать, въ цѣлое дерево западной цивилизаціи. Извѣстно, что Декартъ считалъ животныхъ «усовершенствованною машиною», даже «не ощущающею» *), начиная «духъ» съ «je pense — donc je suis»; и уже намъ совершенно понятно, что «совершенную машину» у человѣка, его «животное тѣло», естественно жгли его богословствующіе предшественники, когда оно не слѣдовало за соотвѣтствующею страницею катехизиса, то-есть за своеобразнымъ теизмомъ тоже въ порядкѣ «je pense donc...» Это вызвало въ «Lettres persannes» Монтескье улыбку добраго мусульманина Рика: «Въ Испаніи жгутъ людей съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ бы это была солома». Но послѣдствія «св. чаши», поднятой «надъ землею», сказались не въ одномъ этомъ. Что такое дѣленіе и разрывъ «клира» (духовенства) отъ «тѣла народнаго» какъ не опять это же раздѣленіе «духовнаго» и «плотскаго»? «Многоочитая» плоть, «исполненная внутреннихъ очей»— о, если бы это тайновидѣніе Іезекіиля было постигнуто... Повидимому «религія перестала быть плотскою»; въ дѣйствительности она стала номинальною; она стала споромъ каѳедръ, построеніемъ и опроверженіемъ «контроверзъ» въ порядкѣ «je pense, donc je suis», не проливаясь въ жизнь и даже вовсе не переходя въ ощущеніе, въ «животное ощущеніе»! Параллельно этому, философія стала раціонализмомъ, брезгая *опыта*, *ощущенія* почти какъ папа и папы брезгали физіологіи. Міръ догадокъ, «животныхъ догадокъ», *ясновидѣнія* природы:

Открылись *вѣщія* зеницы
Какъ у испуганной орлицы

*) Типично противоположная Египту точка зрѣнія: тамъ «животное»—«богъ» глубины Декарта, какъ антитеза, проливаютъ свѣтъ на неразгаданныхъ нильскихъ сфинксовъ.

—все это выпало изъ европейской науки, и она также тупо начала взирать на міръ, какъ тупо прихожанинъ слушаетъ... все слушаетъ и слушаетъ естественное продолженіе «небеснаго училища»—училище земное, схоластически построенную проповѣдь, въ протестантскомъ или католическомъ храмѣ.

II.

«Земля» осталась «безъ чаши», слишкомъ грязная для нея земля!

Съ Олимпійскія вершины
Сходитъ Мать-Церера вслѣдъ
Похищенной Прозерпины:
Дикъ лежитъ предъ нею свѣтъ.
Ни угла, ни угощенья
Нѣтъ нигдѣ богинѣ тамъ;
И нигдѣ богопочтенья
Не свидѣтельствуетъ храмъ.
Плодъ полей и грозды сладки
Не блистаютъ на поляхъ;
Лишь дымятся тѣлъ остатки
На кровавыхъ алтаряхъ...
И куда печальнымъ окомъ
Тамъ Церера ни глядитъ—
Въ униженіи глубокомъ
Человѣка всюду зритъ.

Мы хорошо понимаемъ, что внутренняя дикость души, и именно ея религіозная дикость, можетъ очень хорошо совмѣститься съ богатымъ и блистающимъ на видъ обликомъ цивилизаціи. Весь Западъ, продолжая хранить декорумъ религіи, въ тайнѣ души и въ явномъ фактѣ, въ практикѣ жизни разошелся съ христіанствомъ. Лютеръ, жаждая «религіозной жизни», сливающихся въ «одно» религіи и жизни, оторвалъ отъ католичества германскія части Запада; но честный и грубый монахъ, онъ потребовалъ «религіозныхъ нравовъ», «пуризма» и «простоты», не догадываясь, что все это не затрагиваетъ тайниковъ жизни и что не туда надо пролить религію, чтобы высвѣтиться ею изнутри, чтобы сталъ религіозенъ человѣкъ въ самомъ существѣ своемъ. Дѣло религіи глубже и тоньше; оно именно въ правости или неправости тонкихъ ощущеній Гильдебрандта, и въ довѣріи къ первой почти строкѣ Библіи: «Дыханіе Божіе повѣяло въ перси» («красной глинѣ»). Сомнѣніе Гильдебрандта Лютеръ не разрѣшилъ, но обошолъ; онъ вовсе выдѣлилъ бракъ изъ таинствъ, взглянувъ на него какъ на «нужную» «физіологію». Всѣ протестантскія страны отъ этого пошли «въ мясное». Если въ типично и характерно выраженномъ католикѣ (напр. Ла-Менэ) мы читаемъ какой-то передернутый идеализмъ, мистика—у котораго болитъ зубъ; то въ протестантѣ, опять типично и характерно выраженномъ, мы видимъ просто разросшееся мясо, разрос-

шееся до «Синтетической философіи» Спенсера, до «Origine of man» Дарвина: неустанно ядущее, стрѣляющее изъ пушекъ, читающее «Erl-König» и заѣдающее его сосискою. «Святое животное», гдѣ ты, «многоочитая плоть»? Гдѣ эта религія недръ человѣческихъ, не припоминаемая изъ катихизма, но проходящая въ жизненныхъ содроганіяхъ? Религія, которая не изъ книги, но лилась бы во всякія книги изъ существа человѣка, плодомъ ощущенія имъ себя существомъ типично и искони религіознымъ?!.

Оставшіеся вѣрными католицизму романскія страны стали черезъ нѣсколько вѣковъ въ явный разрывъ съ «безплотною религіею». Начальнѣе всего они пошли по пути невѣроятнаго загрязненія жизни, паденія нравовъ, оставивши далеко за собою «честную физіологію» лютеранъ. Кондратій Селивановъ «отсѣкъ» предполагаемый грѣхъ; къ этому же предполагаемому «грѣху» католицизмъ направилъ внутренній духовный ножъ, и, такъ сказать, ввелъ операцію духо-оскопленія въ повседневную свою психику. Веселыя пѣсенки Беранже заиграли около темнаго Капитолійскаго католицизма.

Шатаясь по ночамъ
Да тратясь на дѣвченокъ,
Онъ, кажется, къ долгамъ
Привыкъ еще съ пеленокъ...

«— Это удивительно»,—записалъ одинъ «разговоръ» Гете Эккерманъ:—«я прочелъ китайскій романъ—какая чистота души!»—Мы приведемъ нѣсколько издали наблюденія Гете, потому—что они въ самомъ дѣлѣ очень любопытны: «Разница съ нашимъ у нихъ въ томъ, что всегда и внѣшняя природа живетъ подлѣ человѣческихъ фигуръ. Всегда слышны всплески золотыхъ рыбокъ въ прудахъ; птицы, не уставая, поютъ на вѣтвяхъ; день всегда ясный и солнечный, ночь всегда свѣтлая: много говорится о мѣсяцѣ, но онъ никогда не измѣняетъ пейзажа: онъ свѣтитъ такъ ярко, что кажется, будто день. И внутри домовъ все также чисто и мило, какъ на китайскихъ картинкахъ. Напримѣръ: «я слышалъ, какъ смѣялись милыя дѣвушки, и когда я увидѣлъ ихъ, то онѣ сидѣли на тростниковыхъ стульяхъ». Такимъ образомъ тотчасъ же получается прелестная ситуація: нельзя представить себѣ тростниковыхъ стульевъ, безъ мысли о легкости и нарядности. Затѣмъ, къ фабулѣ въ романѣ примѣшивается безчисленное множество легендъ и онѣ приводятся также въ видѣ пословицъ. Напримѣръ, о дѣвушкѣ говорится, что у нея были такія легкія и нѣжныя ножки, что она могла стать на цвѣтокъ и не согнуть его. О молодомъ человѣкѣ—что онъ былъ такой нравственный и храбрый, что въ тридцать лѣтъ удостоился чести говорить съ императоромъ. Или о влюбленной парочкѣ,—что они, будучи долго знакомы, были такъ сдержаны, что, когда имъ привелось однажды провести ночь въ одной комнатѣ, то

они провели ее въ разговорахъ, не коснувшись другъ друга. И множество такихъ легендъ: всѣ они имѣютъ въ виду нравственность или благоприличіе». Въ его время гремѣлъ Беранже, и Гете невольно пришло на умъ сравненіе: «Въ высшей степени замѣчательную противоположность этому китайскому роману я нахожу въ пѣсняхъ Беранже; почти всѣ онѣ основаны на безнравственныхъ и распутныхъ мотивахъ и были бы для меня въ высшей степени противны, не будь онѣ обработаны такимъ большимъ талантомъ, какъ Беранже,—теперь же онѣ переносны и почти прелестны. Но, скажите сами, развѣ не въ высшей степени замѣчательно, что сюжеты китайскаго поэта вполнѣ нравственны, а перваго французскаго поэта нашего времени — составляютъ ему противоположность?»

— «Такой талантъ, какъ Беранже,—сказалъ Эккерманъ,—врядъ ли бы что сдѣлалъ изъ нравственнаго сюжета».

— «Ваша правда,—отвѣчалъ Гете: — именно *благодаря испорченности эпохи и народа раскрылись и развились въ Беранже его лучшія стороны*». (Переводъ Д. Аверкіева, т. I, стр. 287).

III.

Вотъ наблюденіе, конечно точное, которое поражаетъ насъ, какъ оно поразило и Гете. Но тутъ очень много предметовъ для мысли: нельзя же преположить «кровь» двутысячелѣтней галло-франкской расы болѣе испорченною, чѣмъ пятитысячелѣтняго Китая, и ясно, что причина разницы лежитъ здѣсь не въ человѣкѣ, но въ доктринахъ; т.-е., такъ какъ дѣло идетъ о нравахъ—очевидно въ моральной и религіозной части доктринъ. Это «больной зубъ» аскета, вырвавшійся крикомъ сквернословія. Мы говоримъ о Беранже, и также эпохѣ и народѣ, о которыхъ заговорилъ Гете.

Шатаясь по ночамъ,
Да тратясь...

Это все та же не просвѣтленная плоть, порядокъ логическаго существованія: «je pense—donc je suis». Онъ уже теперь кончилъ свое «pense», «Summ'y theologiae»: стрѣлка показываетъ одиннадцать ночи и оставшаяся въ немъ «свинья» естественно ищетъ для себя «хлѣва». Отъ Гильдебрандта и до Беранже, черезъ Декарта и Ѳому Аквинскаго—можно провести безъ перерыва одну нить. Капитолійскія идеи; я говорю, что это—капитолійскій взглядъ на «человѣка» и «божество» въ одной характерной и не замѣченной чертѣ его отличія отъ Олимпійскаго. Дѣло въ томъ, что уже гораздо ранѣе христіанства, съ его развѣтвленіями на Восточное и Западное, — на Олимпѣ и Капитоліѣ были, казалось, тѣ же боги, но съ той разницей, что одни множились, а другіе не множились.

Зевсъ вѣчно рождаетъ, Юпитеръ нѣтъ; Гера—ревнуетъ, Юнона—занимаетъ мѣстоположеніе. Такимъ образомъ уже искони, издревне Востокъ имѣлъ положительную, высокую и сорадующуюся точку зрѣнія на существо рожденія; Западъ же издревле былъ къ нему глухъ, не внемлющъ и, такъ сказать—тупъ. Востокъ всегда былъ животенъ, не въ физіологическомъ, но въ мистико-религіозномъ смыслѣ:

Открылись вѣщія зеницы
Какъ у испуганной *орлицы*

—почему сказалъ поэтъ «орлицы», и почему намъ это не только понятно, но эта таинственная строчка сказываетъ какую-то ужасную истину о мірѣ, отъ которой мы содрогаемся и на которую умиляемся. «И птицы во пророцѣхъ»... Вотъ—апокалипсическая, *нечаянно удавшаяся* поэту, строчка, въ которой разгадка и древнихъ сфинксовъ, этихъ «вѣщихъ» львовъ съ человѣкообразными «зеницами». И эта постоянная *перепутанность* животнаго и человѣка въ Богѣ, что мы читаемъ во *всѣхъ* восточныхъ скульптурахъ, не *оправдались*-ли въ Виѳлеемѣ, его таинственныхъ *стадахъ*. его *волхвахъ*, *звѣздѣ* и въ центрѣ этого всего—*Бого-человѣка* въ *ясляхъ*?!

Востокъ всегда ожидалъ, что Богъ долженъ быть «рожденъ»; въ этомъ ожиданіи, неугасимомъ, жадномъ — его миссія, была его задача. Онъ до того возлюбилъ и постигъ существо рожденія, «жизнь» не въ ея «status in statu», а въ глубинѣ завитковъ, что—вѣрилъ — Богъ не презритъ ихъ и даже освятитъ тѣмъ, что черезъ нихъ «воплотится». Если съ этой точки зрѣнія мы разсмотримъ всѣ необозримыя легенды, всѣ смѣшныя казалось бы записи у Геродота объ Египтѣ и Вавилонѣ, мы вдругъ догадаемся, что въ нихъ всѣхъ есть тайный смыслъ и нѣкоторая полу-правда; но эта полу-правда все тянется къ Виѳлеему. Да это же и выразилъ, т.-е. возможность этого, «апостолъ языковъ»: «невидимое Его, вѣчная сила Его и божество отъ созданія міра черезъ разсматриваніе твореній — видимы» («Къ римлянамъ», гл. I). Не сказано: «черезъ смотрѣніе камней, горъ, воды», но — «твореній», т.-е. черезъ разсматриваніе твари и самого «сотворенія» въ чертахъ видимаго міра. Этихъ дѣтей исторіи до того поражало сіяніе младенца, какое-то таинственное отсутствіе грѣха у него, почти начинающаяся въ немъ святость, и все это въ очевидной связи съ тѣмъ, что онъ «сотворенъ» внутренно, а не внѣшне сдѣланъ, что они вѣрили—на Нилѣ, въ Месопотаміи, Сиріи,—что «Богъ станетъ младенцемъ». Все это было полу-истиною; всѣ эти кажущіяся смѣшными религіи были религіями истиннаго ожиданія. «Дѣвушка восходитъ на верхушку храма въ Вавилонѣ: но никто туда еще не приходитъ», «я слышалъ, что и въ Ѳивахъ тоже въ храмѣ Аммона ночуетъ дѣвушка: и нѣтъ тамъ ни изображеній, ничего — кромѣ пустой комнаты» (Геродотъ). Тысячи историковъ это читали, пожимали пле-

чами: но вѣдь это была «вѣра» какая-то, безспорно какое-то «ожиданіе»; святость ощущенія каждой матери въ себѣ, у себя, выросло до надежды, до жажды, до великой умиленной вѣры, что нѣкогда, наконецъ, и Богъ посѣтитъ и освятитъ материнство. И то, что ожидалось въ Ѳивахъ и Вавилонѣ—исполнилось въ Виѳлеемѣ. Вотъ откуда «волхвы съ Востока», пришедшіе сюда и поклонившіеся нашему Богу; и откуда таинственное странствованіе Богоматери въ Египетъ, отъ Ирода «четыре-властника». Ибо явно, что *для одного только укрывательства* ед... ли предлежало бѣжать столь далеко, бѣжать черезъ пустыни, въ которыхъ блуждали и заблудились на 40 лѣтъ евреи, шедшіе изъ Египта въ Ханаанъ. Здѣсь—сближеніе; здѣсь—тайна родины. «Отъ земной дѣвы нашъ Богъ».

IV.

Мы теперь должны взглянуть на Евангеліе въ его полной мысли. Оно составлено изъ «λογοι», «рѣченій»; но, если бы они принадлежали человѣку, они не составили бы религіи. Теперь мы можемъ пристально и безбоязненно, понимая все, остановиться на отсутствіи среди этихъ рѣченій какого-нибудь положительнаго «да», обращеннаго къ внутреннему и реальному существу рожденія, рождаемости: конечно, это такъ важно, что будь «рѣчи» однѣ—онѣ въ силу одного этого молчанія не составили бы вообще религіи, не заключая въ себѣ требуемаго отъ всякой религіи универсальности пониманія и универсальности освященія. Евангеліе, въ составѣ этихъ «λογοι», есть, конечно, великое училище, книга вниманія, слушанія, и если дѣти упоминаются въ нихъ, то не въ чертахъ предъидущаго рожденія, но будущаго наученія: пуповина земли, матернее чрево—абсолютно умолчено въ нихъ, т. е. умолченъ фундаментъ и первый вопросъ бытія нашего. На этомъ и «преткнулись» народы: но вѣдь «λογοι» только половина Евангелія. Таинственно умолчено въ немъ о матернемъ чревѣ, потому что «λογοι» текутъ изъ матерняго чрева, что синагогѣ и синедріону пред...ствуетъ Виѳлеемъ. Ночь яслей, поклоняющіеся волхвы, и еще простые пастухи, слушающіе съ недоумѣніемъ «Слава въ вышнихъ Богу» поющихъ ангеловъ—поющихъ надъ «сбывшеюся» по ожиданіямъ цѣлаго Востока колыбелью. Замѣчательно мѣсто рожденія, замѣчательно все это окруженіе, до «стадъ» включительно. Небесное смѣшалось съ земнымъ: оно пролилось на землю—и именно черезъ пуповину бытія человѣческаго. Въ этомъ порядкѣ не «логическаго» воплощенія, хотя воплотилось именно «Слово»—и есть тайна и сущность христіанства; въ сліяніи вѣчнаго «Логоса» съ «плотью» («и Слово—Плоть бысть») и даже въ подчиненіи, «послушаніи» Его до возмужалости Матернему поученію, человѣческ..й Матери—глубина и мысль «спасенія» для насъ. Черезъ это мы научаемся и просвѣ-

щаемся именно въ «плоти», а не въ одномъ порядкѣ логическаго слушанія. То, что составляетъ первый глаголъ Евангелія—Божество въ матернемъ и земномъ чревѣ: что съ этимъ глаголомъ мы сдѣлали, почти проклявъ — пусть косвенно и отдаленно — именно материнское чрево, ея кормящіе сосцы, существо младенчества и рожденія?! Капитолійскія идеи, капитолійская глухота къ существу рожденія; замѣчательно, что католицизмъ и до сихъ поръ не понимаетъ существа воплощенія, и косвенно его отвергаетъ. какъ-то затушовываетъ, обходитъ: онъ создалъ догматъ о «непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи», т. е., именно «не обыкновенномъ», «не земномъ», «не ясленномъ», и уже въ эти специфически «не ясли», а что-то особенное и отдѣленное отъ человѣка—помѣщаетъ Божество. Тенденція—отвергнуть именно центральную суть воплощенія, *смѣшеніе* божескаго и человѣческаго, соединеніе небеснаго и земного. Въ XVII вѣкѣ (см. біографію Паскаля, написанную его сестрою, m-me Dacier), началось было «особое мнѣніе»: именно, явилась гипотеза, что «тѣло Дѣвы Маріи образовано не изъ обыкновенной матеріи, изъ какой весь міръ составленъ; но что въ шесть дней творенія особымъ актомъ Божества былъ образованъ особый, отдѣльный кусокъ вещества, который, хранясь тысячелѣтія и не входя въ кругъ міровращенія, и послужилъ, когда пришло время—для образованія тѣла Дѣвы Маріи». Ересь была подавлена Паскалемъ, черезъ жалобу Руанскому епископу. Но характерное въ ней то, что она заканчиваетъ мысль католическаго догмата «о непорочномъ зачатіи Маріи», сущность заключается именно въ непониманіи тайны Виѳлеема, и, наконецъ, просто въ отверженіи ея существа по непостижимости. «Не сливается Божеское съ человѣческимъ»—для Гельдебрандта, для юнаго друга Паскаля, для авторовъ указываемаго догмата и еще даже—для языческихъ понтифексовъ; или, пожалуй, точнѣе и общее—Богъ усвояемъ человѣку, но лишь въ порядкѣ «je pense—donc je suis», какъ абстрактъ и фикція, какъ своего рода «deus Terminus» «богъ Терминъ», разграничивавшій еще поля латинскихъ аграріевъ. Вотъ сущность разошедшихся Востока и Запада: для насъ Богъ—жизнь, жизненъ, почти—по свойству земного материнства—«животенъ»; онъ—«животный хлѣбъ», какъ выразился о себѣ; «Лоза», коей мы—«вѣтви». Отсюда таинство Евхаристіи, глубочайшимъ образомъ связанное съ тайною Виѳлеема: не достаточно словъ—вкусите «тѣла» и «живы» будете. И поразительно, что опять-таки евхаристію католики полу-даютъ, что и ее они какъ-то ограничили, чуть-чуть попытались изъять. Нѣтъ «тѣла», не нужно тѣла—есть «богъ Терминъ» и «первый Двигатель» въ гипотезѣ «бездушныхъ атомовъ» Декарта. Такимъ образомъ, искони, ab origine, сливаясь по именно въ религіозныхъ представленіяхъ, Западъ и Востокъ въ сущности исповѣдывали и исповѣдуютъ до сихъ поръ религіи, столь существенно

различныя и типично противоположныя, что эта разница господствуетъ даже надъ понятіями: «христіанство»—«язычество». Только въ дивномъ, небесномъ художествѣ Рафаэля, который, кажется, не далъ ни одного изображенія Христа въ «училищѣ», но вездѣ взялъ Его «младенцемъ» и въ связи съ присутствующей тутъ же земною «Матерью»—сказалась реакція къ Востоку, постиженіе «яслей» и окруженія «пастуховъ» и «стадъ». Рафаэль — нашъ; и, если бы сверхъ термина—«олимпійское пониманіе», нужно было еще опредѣленіе для восточнаго христіанства—мы называли бы его Рафаэлевскимъ христіанствомъ.

Теперь почти понятно должно быть читателю, почему мимо существа «рожденія» Спаситель прошелъ безмолвно, не обративъ къ нему никакого слова (на бракѣ въ Канѣ Галилейской — даже *не взглянувъ на брачущихся*), какъ бы это были камни стѣнъ Іерусалима, мимо которыхъ Онъ также безмолвно проходилъ. Это было бы удвоеніе Виѳліемскаго глагола; но и сверхъ того: вѣдь Онъ—«Предвѣчное слово», «Вторая Ѵпостась» Божества, которая «вѣчно рождается», но уже «не рождаетъ». Не догадавшись объ этомъ и принявъ умолчаніе за отрицаніе, христіанство въ огромныхъ частяхъ своихъ, отъ Гильдебрандта до Селиванова, ввело нѣкоторый тайный антагонизмъ внутрь самыхъ Ипостасей Божества, противопоставивъ «Отческому» Лицу въ немъ — «Сыновнее». И если мы всюду видимъ, какъ ужасно крушатся христіанскія надежды, какъ явно гаснетъ свѣтъ религіознаго у насъ сознанія, продержавшись 2000 лѣтъ, т. е. для религіи очень немного, — мы должны приписывать это не силамъ борющагося съ христіанствомъ просвѣщенія, не слабости душъ нашихъ: но тому, что въ этихъ душахъ и въ самомъ нервѣ нашего просвѣщенія, и именно религіознаго просвѣщенія, есть не гармонія, но антагонизмъ двухъ равнозначущихъ, равно мистическихъ и божескихъ силъ.

V.

«Отческая» Ѵпостась, «вѣчно рождающая», раскрылась въ Ветхомъ Завѣтѣ, съ его «обрѣзаніемъ» и неугасимымъ благословеніемъ рожденію. Какъ удивительно: вѣдь двѣ женщины, заспорившія о ребенкѣ и пришедшія на судъ къ Соломону, были «блудницы». Это такъ неправдоподобно, и все окруженіе обстоятельствъ такъ поразительно, что намъ хочется привести текстъ:

3-я книга Цар., ст. 3. «И возлюбилъ Соломонъ Господа, ходя по уставу Давида, отца своего; но и онъ приносилъ жертвы и куренія на высотахъ.

4. «И пошелъ царь въ Гаваонъ, чтобы принести тамъ жертву, ибо тамъ былъ главный жертвенникъ. Тысячу всесожженій вознесъ Соломонъ на томъ жертвенникѣ.

5. «Въ Гаваонѣ явился Господь Соломону во снѣ ночью, и сказалъ Богъ: проси, что́ дать тебѣ.

6. «И сказалъ Соломонъ: Ты сдѣлалъ рабу Твоему Давиду, отцу моему, великую милость; и за то, что онъ ходилъ предъ Тобою въ истинѣ и правдѣ и съ искреннимъ сердцемъ предъ Тобою. Ты сохранилъ ему эту великую милость и даровалъ ему сына, который сидѣлъ-бы на престолѣ его, какъ это и есть нынѣ;

7. «и нынѣ, Господи Боже мой, Ты поставилъ раба Твоего царемъ вмѣсто Давида, отца моего; но я—отрокъ малый, не знаю ни моего выхода, ни входа;

8. «и рабъ Твой — среди народа Твоего, который избралъ Ты, народа столь многочисленнаго, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозрѣть,

9. «даруй-же рабу Твоему сердце разумное, чтобы судить народъ Твой и различать, что́ добро и что́ зло; ибо кто можетъ управлять этимъ многочисленнымъ народомъ Твоимъ?

10. «И благоугодно было Господу, что Соломонъ просилъ этого.

11. «И сказалъ ему Богъ: за то, что Ты просилъ этого и не просилъ себѣ долгой жизни, не просилъ себѣ богатства, не просилъ себѣ душъ враговъ твоихъ, не просилъ себѣ разума, чтобы умѣть судить,—

12. «вотъ, Я сдѣлаю по слову твоему: вотъ, Я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ-что подобнаго тебѣ не было прежде тебя, и послѣ тебя не возстанетъ подобный тебѣ;

13. «и то, чего ты не просилъ, Я даю тебѣ: и богатство, и славу, такъ-что не будетъ подобнаго тебѣ между царями во всѣ дни твои;

14. «и если будешь ходить путемъ Моимъ, сохраняя уставы Мои и заповѣди Мои, какъ ходилъ отецъ твой Давидъ, Я продолжу и дни твои.

15. «И пробудился Соломонъ, и увидѣлъ, что слова Господни были ему въ сновидѣніи. И пошелъ онъ въ Іерусалимъ, и сталъ передъ ковчегомъ завѣта, и принесъ всесожженія, и совершилъ жертвы мирныя, и сдѣлалъ большой пиръ для всѣхъ слугъ своихъ...

16. «Тогда пришли двѣ женщины блудницы къ царю и стали передъ нимъ.

17. «И сказала одна: о, господинъ мой! Я и эта женщина живемъ въ одномъ домѣ; и я родила при ней въ этомъ домѣ;

18. «на третій день послѣ того, какъ я родила, родила и эта женщина; и были мы вмѣстѣ, и въ домѣ никого посторонняго не было; только мы были въ домѣ;

19. «и умеръ сынъ этой женщины ночью, ибо она заспала его;

20. «и встала она ночью, и взяла сына моего отъ меня, когда я, раба твоя, спала, и положила его къ своей груди, а своего мертваго положила къ моей груди,

21. «утромъ я встала, чтобы покормить сына моего—и вотъ онъ былъ мертвый...

22. «И сказала другая женщина: нѣтъ, мой сынъ живой»...

Какъ поразительно! Сколько нужно страницъ катехизиса, чтобы водрузить такое «богословіе». И какое окруженіе: царь—«мудрѣйшій» не въ одномъ только израилѣ; только что умолкли, въ вѣщемъ видѣніи, слова къ нему Бога; онъ пробуждается, идетъ къ ковчегу завѣта и среди «всесожженій» передъ нимъ подымается другая «мудрость»—«сосцовъ питающихъ», «чрева носящаго»:

Съ древней-матерью землею
Ты вступи въ союзъ на вѣкъ.

Подымаются «двѣ блудницы», т. е. казалось бы вѣдь «рабыни изъ рабынь», «презрѣнныя» и «поносныя» существа. Но, въ «ветхомъ завѣтѣ», въ завѣтѣ «отчемъ», онѣ знаютъ, что ихъ и порожденное ими не обошли слова Іова: «Духъ Божій *создалъ меня* и дыханіе Вседержителя *дало мнѣ жизнь*» (Глава 32, стихъ 4). Царь устраиваетъ роскошный пиръ «рабамъ своимъ», и не слѣдуетъ забывать, что это вообще первые дни его царствованія. Но попирая пиршественныя одежды и опрокидывая яства и питія, двѣ блудницы возносятъ свое чрево прямо къ престолу царя, подымая крикъ о «заспанномъ» и не заспанномъ ребенкѣ «трехдневномъ». Какая безконечность любви, какая безконечность богословія! Но царь и въ самомъ дѣлѣ не номинально богословъ», и догадываясь, что «пріидѣ часъ его», испытаніе его «мудрости»,—тоже откладываетъ питія и яства, совлекается царственныхъ одеждъ и ветхимъ въ себѣ «Адамомъ» судитъ въ «блудницахъ» ветхую прародительницу «Еву», т.-е. онъ не судитъ, какъ мы знаемъ, а помогаетъ. Величайшее усиліе ума приложено къ дѣлу, и рѣшеніе, которое дѣйствительно нельзя не назвать мудрымъ, лѣтописецъ благочестиво вноситъ въ книгу, а наши дѣти учатъ о немъ въ училищахъ. Теперь перенесемся къ намъ, въ эру безплотнаго духа, обширнѣйшей катехизаціи и людовой тоски, которая подмѣнила правду Виѳлеема:

«Обратили-ли вы, читатель, вниманіе на извѣстіе, напечатанное мелкимъ шрифтомъ въ «Нов. Времени». Военно-окружной судъ приговорилъ бывшаго офицера, Венглера, къ 12-ти-лѣтней каторгѣ за убійство собственнаго ребенка. Извергъ-отецъ убилъ новорожденнаго малютку варварскимъ способомъ: завезъ въ лѣсъ, удавилъ кнутовищемъ и бросилъ трупикъ, который на другой день былъ найденъ обглоданнымъ животными. Въ этомъ преступленіи интересенъ, съ психической точки зрѣнія, мотивъ его: Венглеръ женился

на дѣвушкѣ, съ которою сошелся до брака; вслѣдствіе этого сынъ родился у нихъ чуть ли не черезъ 4 мѣсяца послѣ свадьбы; и вотъ родители, боясь общественныхъ сплетень и пересудовъ, рѣшили скрыть фактъ рожденія ребенка и отдать его куда-нибудь подальше, на воспитаніе; съ этой цѣлью, тотчасъ послѣ родовъ, Венглеръ и увезъ ребенка, но разсудилъ, что концы будутъ спрятаны въ воду вѣрнѣе и родителямъ будетъ меньше хлопотъ, если ребенокъ умретъ, а потому и устроилъ эту смерть, не рѣшившись признаться женѣ въ своемъ злодѣяніи... Вотъ и еще, мнѣ извѣстный, случай: молодой чиновникъ сошелся съ бѣдной дѣвушкою; черезъ годъ у нихъ явилась дочка; отецъ не посмѣлъ объявить объ этомъ родителямъ и знакомымъ. По службѣ онъ быстро подвигался впередъ, и, наконецъ, рѣшилъ, что уже теперь можетъ, имѣя независимость положенія и средствъ, жениться на дѣвушкѣ, которую продолжалъ любить: но какъ теперь объявить о давно существовавшей связи, о ребенкѣ? И вотъ ребенокъ скрытъ и отданъ на воспитаніе; родители, теперь обвѣнчанные, навѣщаютъ по праздникамъ плодъ своей незаконной любви. Ребенокъ растетъ, начинаетъ понимать, но отъ него скрываютъ, кто его родители, которые для него являются посторонними благодѣтелями, допускающими его въ свой домъ, но съ задняго крыльца...» («Нов. Вр.», 31-го декабря 1897 г.).

Еще одна черта, страница изъ дневника русскаго туриста. «Парижъ, воскресенье, 26-го октября 1897 года. Вчера былъ въ театрѣ Gymnas'е, чтобы посмотрѣть на комедію, про которую говоритъ, за неимѣніемъ лучшей, весь Парижъ. Вынесъ, до извѣстной степени, глубокое впечатлѣніе, такъ какъ пьеса несомнѣнно умна и талантлива, и такъ какъ, съ другой стороны, благодаря талантливому, но безпощадному реализму автора, приходится сказать, что дѣйствіе этой комедіи есть уныніе отъ необходимости признавать безнравственность общества не только неизлечимою, но даже торжествующею.

«Пьеса «Les corbeaux», про которую я говорилъ намедни,— того же поля ягодя: она тоже оставляетъ зрителя въ безотрадномъ настроеніи, но она, во-первыхъ, менѣе талантлива, а во-вторыхъ, ея горизонтъ гораздо уже. Въ пьесѣ Gymnase'а «Les trois filles de M. Dupont», авторъ въ трехъ дочеряхъ г. Дюпона изобразилъ три жалкихъ типа, изображающіе въ тоже время три самыя обиходныя женскія положенія въ обществѣ: типъ старой дѣвы, посвящающей себя религіи и благотворительности, съ оттѣнками аскетизма и душеспасительнаго, такъ сказать, эгоизма. Второй типъ—это молодая замужняя женщина, вышедшая замужъ только для того, чтобы не остаться, какъ старшая сестра, старою дѣвою, безъ всякой любви, но съ страстною мечтою въ материнскихъ чувствахъ найти идеалъ своей жизни. Третій типъ — женщина полусвѣта, попавшая туда послѣ романа и падшая 17-ти лѣтъ отъ роду, и, затѣмъ, изгнанная отцомъ изъ дому».

«Необыкновенно искусно и въ то-же время почти естественно авторъ комедіи сталкиваетъ эти три типа въ интригахъ пьесы, и каждой изъ дочерей даетъ свою долю болѣе или менѣе глубокихъ разочарованій. Львиную долю страданій и разочарованій авторъ даетъ замужней женщинѣ и, прежде всего, разумѣется, въ личности ея мужа, молодого человѣка, карьериста и циника, который женился изъ-за приданаго, съ омерзительною цѣлью сдѣлать изъ жены своей à la rigueur любовницу, но матерью—никогда, чтобы не было нужды выдѣлять часть годового дохода на дѣтскіе расходы. Ночная сцена передъ спальнею обоихъ супруговъ, когда она рѣшается сказать мужу, что съ каждою ночью усиливались въ ней и ненависть и презрѣніе къ нему, и когда онъ ей доказываетъ, что она столь же безнравственна, какъ онъ, такъ какъ она шла за него, какъ онъ за нее—безъ всякой любви; и когда послѣ мгновеннаго затишья съ обѣихъ сторонъ въ ней съ большею еще силою загорается ненависть къ мужу въ тотъ моментъ, когда онъ ей говоритъ, что дѣтей у нихъ никогда не будетъ,—вся эта сцена, говорю я, одна изъ самыхъ драматическихъ и захватывающихъ по силѣ правды, которую я когда либо видѣлъ на сценѣ. Авторъ доводитъ настроеніе зрителя до апогея омерзенія къ современному французскому мужу, и ставитъ женщину въ такое безъисходно-мучительное положеніе, что ей гдѣ-нибудь, въ чемъ-нибудь — внѣ брака надо искать спасенія».

«Въ послѣднемъ актѣ, самомъ безнравственномъ, но въ то же время логически реальномъ и правдивомъ, авторъ сводитъ всѣхъ трехъ сестеръ на такой психической минутѣ, когда и замужняя сестра, утомленная и разочарованная своею супружескою жизнью, хочетъ все бросить и сдѣлаться, какъ старшая сестра, простою работницею, и сестра, избравшая своею карьерою продажную любовь, хочетъ тоже искать возрожденія на пути честнаго труда, но обѣимъ старшая сестра, отдавшаяся дѣламъ благотворительности, говоритъ: «нѣтъ, вы въ моей жизни не найдете счастья, я сама такъ измучена своею ролью, я такъ сильно страдаю отъ моей жизни лишеній и долга, что завидую тебѣ, въ твоей жизни порочнаго довольства, завидую и тебѣ, сестра, въ твоей безнравственной супружеской жизни».

«Въ заключеніе, надъ двумя сестрами остается вопросительный знакъ, а развязка дается авторомъ только судьбы замужней женщины. Убѣжденная совѣтами сестеръ и отца, она философически мирится съ мужемъ, а когда мужъ говоритъ женѣ, что они поѣдутъ на дачу и онъ пригласитъ гостить своего друга, который въ началѣ пьесы сталъ ухаживать за нею, молодая супруга развеселнется и говоритъ, что она будетъ искать супружескаго счастья въ любви этого друга»...

«Такова комедія нравовъ нынѣшняго Парижа; пьеса разыграна художественно хорошо» («Гражданинъ», № 56, 1879 г. стр. 11—12).

Вотъ уличныя сценки, т. е. я говорю о нашемъ Венглерѣ, объ этихъ трехъ сестрахъ и «двухъ блудницахъ», встревожившихъ міръ, разстроившихъ пиршество Соломона. Тамъ и здѣсь, въ основѣ сценокъ, полегли тысячелѣтія культуры, и намъ очевидно, что эти культуры — расходятся: т. е. расходятся именно на почвѣ пониманія существа рожденія. Израиль, выросшій на Библіи, «въ ветхомъ завѣтѣ», и мы, подъ угломъ вниманія къ безплотнымъ «λογοι» Евангелія, безъ дополненія ихъ мыслью Виѳлеема—несоизмѣримы въ линіи данной темы. Тамъ рожденіе — всегда благословенно; оно гордо, оно «возносится» и, чуть-чуть запутываясь, «восходитъ до царя»; но, мы догадываемся, оно имѣетъ смѣлость «взойти до царя», ибо около него, «воздѣвъ руки горѣ», и «кивотъ завѣта», и «всесожженія», и вниманіе лѣтописца, а уже затѣмъ и царь, прерывающій для него свой пиръ. Мы говоримъ — тысячелѣтіе культуры, и на ея фонѣ картинка; перебѣжимъ же къ другимъ картинкамъ. У насъ, очевидно, не постигнуто существо рожденія въ своемъ смыслѣ; полу-отвержено, полу-пренебрежено; отдаленно и косвенно—оно отвергнуто; и опять—это тысячелѣтіе, и вотъ лишь на фонѣ его мы постигаемъ отца, удавливающаго свое дитя на кнутовищѣ, и печальную судьбу трехъ сестеръ. Здѣсь нельзя не обратить самаго пристальнаго вниманія на слѣдующее. Всѣ взятые «съ улицы» нами фигуры суть «общіе очерки» человѣка, безъ оригинальнаго въ нихъ *я*, безъ гордости, безъ силъ къ борьбѣ; въ Библіи «блудницы» даже не названы по имени; но и «Венглеръ», или эти три сестры — все это «№№» человѣка, а не «человѣкъ»; т. е. тутъ, дѣйствительно, все принадлежитъ культурѣ и ничего не принадлежитъ слабому *я*. Мы взяли колеблющіяся тростинки, и по ихъ сгибамъ изслѣдуя вѣтеръ, находимъ, что въ одномъ случаѣ онъ дуетъ съ «благодатнаго», «рождающаго», «благословляющаго» юга, и въ другомъ—съ полуночи...

Ибо приведенные нами факты, все факты «разъ»-единенія плоти, «раз»-члененія человѣка, по всѣмъ истинно ужасающимъ чертамъ своимъ суть факты безспорно «полу-ночные», «пустынные», «отрицательные»; умный духъ «пустыни», духъ «небытія» и «отрицанія» явно и чудовищно (случай Венглера) заглаголалъ въ нихъ. Мы имѣемъ въ точности «иродовы исканія»; мы въ точности наблюдаемъ какъ бы послѣдній шелестъ листовъ «засыхающей смоковницы». Это—случаи, но уже не нужно повторять, что эти случаи суть знаменія культуры, ея темный, могильный крепъ...

Цивилизація европейская, не сейчасъ только, но и всегда, вѣчно, была и есть, «не» плодущая цивилизація; она никогда не вознесла «до неба» (гордо и вмѣстѣ свято) «чрева носящаго» и «сосцовъ питающихъ». Женщина сыграла въ ней «большую роль», но «игривую», и какъ-то допустила (да и какъ было не допустить, когда это лежитъ въ смыслѣ всей цивилизаціи), чтобы отнеслись

«игриво» именно къ специфически женственнымъ и материнскимъ въ ней чертамъ.

Какъ мало, незначуще и тускло въ ней участіе женщины, дитяти; это типично не женственная, и поэтому типично не нѣжная цивилизація; типично не «дѣтская», т. е. не невинная...

«И вражду положу между тобою и женщиною, между дѣтенышемъ твоимъ и дитятею ея: оно уязвитъ тебѣ голову, а ты уязвишь ему пяту» (Бытіе, 3,15. буквальный переводъ съ еврейскаго *Мандельштама*), сказалъ Богъ ветхому Змію. Это—принципъ, это—не предсказаніе; сказано «женщина», а не «Дѣва», не «дитя Дѣвы», какъ нашъ Спаситель. Самая суть и дыханіе древняго Змія, его «дѣтеныши», и суть отрицанія сосцовъ и чрева. И, какъ въ случаѣ Венглера—оно выражается въ фактахъ, индивидуально почти невинныхъ, ибо отецъ тутъ первый и страшный страдалецъ, но которые ужасомъ своего вида, ужасомъ дѣтской крови показываютъ, что «не сего міра» сіе дѣло; что тутъ человѣкъ не изобрѣталъ, не придумывалъ,—а безсильно какъ феноменъ повиновался тоже Ноумену, но уже не свѣтлому рождающему ноумену пола, а темному, отрицательному. «Умный духъ пустыни, духъ небытія и отрицанія», поговорилъ съ нимъ. научилъ его, внушивъ ему: «И вражду положи между собою и между сѣменемъ жены»...

Истинный „FIN DE SIÈCLE".

Солнце XIX-го вѣка закатывается въ лучахъ мошенничества. «Эстергази, или Дрейфусъ?» «Который мошенникъ?». «Или мошенники—оба?» Не то существенно, что къ концу знаменитаго и гордаго вѣка оказалось налицо нѣсколько всесвѣтныхъ мошенниковъ, но важно, что въ теченіе дней, недѣль, мѣсяцевъ и, наконецъ, лѣтъ цѣлая Европа съ наибольшимъ прилежаніемъ ума и чуткостью сердца слѣдила за подробностями жизни людей, о которыхъ съ самаго-же начала не могло быть спора, что въ сущности всѣ они суть самые плоскіе людишки, безъ остроумія, которое было когда-то у Картуша, безъ рыцарства какихъ-нибудь «братьевъ разбойниковъ» и даже безъ приключеній нашего Савина; важно, что послѣ Панамы и процесса шантажистовъ прессы, Эстергази и К° — очевидно не эпизодъ, не случай, но, такъ сказать, звено въ нѣкоторой эволюціи, «моментъ» историческаго процесса, коего окончанія намъ предлежитъ ждать. Но этотъ «моментъ» такъ плохъ, что оставляя въ сторонѣ страхи за XX-й вѣкъ, мы съ испугомъ спрашиваемъ о концѣ XIX: неужели ничего въ немъ не нашлось, что́ изъ воображенія, изъ памяти, изъ любопытства людей имѣло-бы силу вышибить эти эполеты некрасиваго французскаго покроя, эти вздернутые усики или хвостоподобные усы, эту убійственную плоскость лица?

Можно подумать, что это—ошибка печати, которая создала рекламу мошенничеству и возвела улично-полицейскій эпизодъ въ значеніе историческаго событія; но нужно замѣтить, что никто такъ сильно не скучаетъ необходимостью наполнять столбцы газетъ этимъ эпизодомъ, какъ журналисты; что группа писателей, случайно собравшись, даже не упоминаетъ никогда именъ этихъ прославившихся майоровъ. Нѣтъ—это не интересъ печати. Но печать подчинилась всесвѣтному интересу къ мошенничеству, и, наконецъ,

она подалась передъ тою пустынностью исторической атмосферы, которая собственно и составила условіе, что скверный эпизодъ скверныхъ господъ вдругъ сталъ видѣнъ отъ Таго до Камы, и, такъ сказать, знаменитостью своею нахально требуетъ себѣ почти Вандомской колонны. Начавъ Наполеономъ, почему не кончить Эстергази?.. XIX вѣкъ остроуменъ, или, можетъ быть, очень несчастенъ?..

Была Тюбингенская школа богослововъ, критиковала Евангеліе, и что-то тамъ раскритиковала, какія-то рукописи и тексты; ну, интересовались; одни пугались, другіе радовались; но и одни, и другіе—не до «положенія»-же «ризъ». Былъ Пушкинъ, но какъ туго онъ входилъ въ обще-человѣческое вниманіе; мы по годамъ, по десятилѣтіямъ считаемъ, что вотъ «и во Франціи его стали понимать», «явился Мериме и истолковалъ», на родинѣ то «вспомнили», то «опять забыли». Волна вниманія то приходитъ, то отходитъ; безсильная въ приливѣ уже, и потому — отливающая. Былъ Байронъ, смутилъ, заразилъ и взволновалъ умы, но едва-ли, однако, до послѣдней мѣщанской семьи, до разговора двухъ кокотокъ, которыя сегодня, откладывая № газеты, спрашиваютъ: «и такъ, душенька, Эстергази или Дрейфусъ?» Надъ евангеліями, надъ поэзіею, надъ скорбною кончиною австрійской императрицы Елизаветы, какъ-бы вплетшею ужасное въ смѣшное, торжествуютъ устойчивостію и всесвѣтностію къ нимъ вниманія два человѣка: офицеръ-альфонсъ и богачъ-еврей, который лѣзетъ къ эполетамъ, которыхъ ему не хотятъ дать и которыхъ ему, въ сущности, ни для чего ненужно. Въ самомъ дѣлѣ, не только біографія императрицы, съ ея любопытною привязанностію къ памяти и къ поэзіи Гейне (частный интересъ, господствующій надъ общимъ въ человѣкѣ столь общаго положенія), не только біографія Пушкина, разночтенія его строфъ; но и попытки христіанскаго міра защитить свое евангеліе отъ критики германскихъ кропуновъ не вызвали тѣхъ стопъ печатной бумаги, которыя вызвалъ въ сущности изумительно безсодержательный процессъ. Бѣдный Гуттенбергъ: если бы онъ зналъ, еслибы онъ предвидѣлъ... Бѣдные типографскіе наборщики, съ больными глазами, зелеными козырьками-абажурами, во вредной свинцовой пыли шрифтовъ, которые оказались изобрѣтенными для волненій около «bordereau» и какой-то «надорванной» и «склеенной», но къ всемірному несчастію не разорванной и не отнесенной въ клоаку, телеграммы...

Гоголь, въ одной изъ черновыхъ своихъ бумагъ, набросалъ какъ-бы планъ или идею задумываемыхъ имъ «Мертвыхъ душъ»:— «Идея города. Возникшая до высокой степени пустота. Пустословіе, сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это *возникло изъ бездѣлья* (курсивъ здѣсь и ниже Гоголя) и приняло выраженіе, пошлое въ высшей степени, какъ люди не глупые доходятъ до дѣланія совер-

шенных глупостей... Какъ пустота и безсмысленная праздность жизни смѣняются мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются... Смерть поражаетъ не трогающійся міръ. И еще сильнѣе, между тѣмъ, должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни. Проходитъ *страшная мгла жизни* и еще глубокая скрыта въ томъ тайна... Не ужасная-ли вещь—жизнь безъ подпоры прочной? Не страшное-ли она *великое явленіе?*.. Такъ слѣпа жизнь при бальномъ сіяніи, при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ».

Удивительно, до поразительности удивительно, какъ эта черновая запись, брошенная Гоголемъ въ корзину и вытащенная оттуда Тихонравовымъ, не только до глубины выражаетъ, но и до подробностей очерчиваетъ ту картину, надъ которой мы плачемъ сейчасъ. О, нашъ пророкъ, съ «незримыми» его «слезами»; о, нашъ вѣщунъ! Не объ одной Россіи онъ плакалъ; особенность его странной и никѣмъ никогда неразгаданной (въ источникахъ) печали быть можетъ лежала въ томъ, что рокъ указалъ ему быть Іеремією не руинъ своего времени, своего отечества, но культуры европейской, но цивилизаціи... христіанской.

Да, почему не произнести, наконецъ, этого слова? Вѣдь сущность того, что послѣдній и самый пышный вѣкъ этой цивилизаціи заходитъ въ лучахъ мошенничества, заключается, мы замѣтили, въ пустынности, безъинтересности, въ невидности какого-нибудь лица или какой-нибудь идеи, которыя преоборили-бы «колоссальность» «bordereau» и «телеграммы». Вѣдь не въ нихъ дѣло, не въ Эстергази и Дрейфусѣ, а во мнѣ, въ насъ, и, въ послѣднемъ анализѣ, въ томъ, что цивилизація отъ востока и до запада, отъ сѣвера и до юга сочится такой ужасной, невозможной прежде всего и яснѣе всего—скучищей? Но «скука» — это пустыня; это — ничего. И если «ничего» не произрастаетъ на почвѣ данной цивилизаціи, не очевидно-ли, что изсякла, выпахана она; что выдохлась самая «земля» подъ нами, и потому мы выбѣгаемъ изъ нея такими чахлыми, блѣдными, безъ съѣдобнаго въ себѣ зерна, колосьями. Жалокъ человѣкъ; жалкая историческая нива, но ужъ позвольте — доканчивайте-же: жалокъ не колосъ, но безплодна и, слѣдовательно, невозможна для дальнѣйшей пахоты, самая земля. Такъ все плохо; такъ всеобще плохо, что мудрый сѣятель, задерживая зерно въ кошницѣ, долженъ подумать и подумать, куда его выбросить.

Въ самомъ дѣлѣ, все можно критиковать со стороны истины или достоинства; нужно быть слишкомъ гордаго мнѣнія о своемъ умѣ или непорочности сердца, чтобы произносить сужденія объ этой сторонѣ вещей; но можно еще все критиковать со стороны силы—и, можетъ быть, это есть настоящая историческая точка зрѣнія, ибо въ исторіи, несомнѣнно, остается сильное и сходитъ

на «нѣтъ» слабое. Мы отказываемся отъ «ума» fin de siècle; отказываемся отъ fin de siècle' истаго сердца; но не обманываетъ-же насъ глазъ и его смиренная физіологія: о, она именно показываетъ, что никакая болѣе красота не сочится изъ нашего сердца; что не умѣемъ мы ни производить, ни даже выбрать и залюбоваться «прекраснымъ или вѣчнымъ». Ужъ какое тутъ «прекрасное», какое «вѣчное»...

А если мы всѣ таковы — значитъ «мать сыра земля не держитъ»; и нива падаетъ, ибо не нѣдрится корнемъ на пустынномъ кремнѣ, который подъ нею остался за совершенной выпаханностью азотистыхъ, живыхъ частицъ. Никакъ изъ этого круга сужденій не выйдешь; ну, бездаренъ я: но вѣдь бездарны всѣ мы; или по крайней мѣрѣ всѣ—не геніальны; и вѣдь это не пять, не восемь лѣтъ: но гораздо болѣе, по крайней мѣрѣ—четверть вѣка. Понаблюдаемъ. Что-то надорванное, нервозное и частью фальшивое было, напримѣръ, въ нашихъ послѣднихъ поэтическихъ силахъ; я разумѣю Гаршина и Надсона, которые пропѣли свою краткую пѣсню слышно на всю Россію; надтреснувшая струна—въ одномъ случаѣ, смычокъ дрожащій—въ другомъ. Это—такъ очевидно, такъ безспорно, такъ многозначительно въ духовномъ оркестрѣ Европы. Мы говоримъ о Европѣ, ибо, кажется, тамъ и не восходило лучшихъ «свѣтилъ», нежели эти двѣ блѣдныя звѣздочки, уже четверть вѣка. А четверть вѣка для группы, для такой огромной группы народовъ—многознаменательна. Укажите въ исторіи еще четверть вѣка, въ которую не появлялось-бы совершенно и нигдѣ ничего новаго, великаго или по крайней мѣрѣ занимательнаго. Вы не найдете: не было поэтовъ—были полководцы; не они—такъ мореплаватели; наконецъ, былъ интересъ въ самой эпохѣ: но если-бы васъ пробудили сегодня ночью и внезапно спросили, что такое особенно интересное происходитъ въ мірѣ, вы-бы не нашлись на это отвѣтить, какъ нашелся-бы гренадеръ Наполеона, якобинецъ, пуританинъ, католикъ въ ночь св. Варѳоломея. «Эстергази или Дрейфусъ?» Но это не такъ интересно, чтобы вспомнить даже проснувшись ночью.

Въ интересныхъ своихъ «Этюдахъ», г. Old Gentleman не разъ отмѣчалъ на основаніи историческихъ изученій глубокое сходство симптомовъ нашего времени съ симптомами древняго міра передъ появленіемъ, или, точнѣе, передъ торжествомъ христіанства, т. е. сходство симптомовъ упадка, паденія. Но чьего-же паденія: тамъ—язычества, но—у насъ? вотъ щемящій душу вопросъ, отъ котораго не умѣешь освободиться. За двадцать лѣтъ до г. Old Gentleman'а Достоевскій обронилъ, въ *Дневникѣ Писателя*, и скорбный, у дерзкій терминъ: «не удавшееся» христіанство. Какъ страшно это подумать: но, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-же плодъ, по коему мы могли-бы узнать, что древо христіанства еще живо? Достоевскій, какъ это записано въ воспоминаніяхъ о немъ, не иначе, какъ съ навертывающимися на

глаза слезами, могъ слушать что-нибудь отрицательное, что въ его присутствіи говорилось о христіанствѣ или Христѣ; и если онъ написалъ приведенныя выше слова, значитъ его вѣщее сердце тоже почувствовало что-то тревожное, какъ и вещее сердце Гоголя, какъ это, наконецъ, чувствуемъ всѣ мы, отъ Old Gentleman'а до меня, почти случайно заговорившагося о Дрейфусѣ. Панама, шантажисты, дрейфусіада—конечно это похоронный колоколъ, похоронный колоколъ всякаго идеализма, и въ цивилизаціи христіанской это—похоронный колоколъ самаго христіанства. Красота Евангелія — все та-же, истина—та-же; но, мы замѣтили—есть истина и есть сила. Истина Евангелія не превозмогла человѣческой лжи ли, порочности-ли, скудоумія. Тьма объяла свѣтъ и... свѣтъ,—«не побѣдилъ».

Это такъ очевидно—противъ этого нельзя спорить. Сейчасъ мы видимъ благороднѣйшія усилія благороднѣйшихъ умовъ оживить, насадить свѣтъ Христова ученія, по крайней мѣрѣ, въ дѣтскихъ сердцахъ. Захарьинъ жертвуетъ 500,000 р. на церковно-приходскія школы—хороша лепта и велика; старый профессоръ Рачинскій четверть вѣка живетъ съ крестьянскими ребятишками и обучаетъ ихъ по псалтири, по часослову: святъ подвигъ, праведенъ мужъ. Но есть истина, есть сила: встаютъ нахалы въ эполетикахъ и... гдѣ-же Захарьинъ, гдѣ — Рачинскій? Они раздавлены, подавлены, лучъ ихъ свѣта не ясно-ли потонулъ въ совершенной «объявшей» ихъ «тьмѣ»? А если такъ, то «тьма объяла», и «нѣтъ свѣта», который-бы ее превозмогъ.

Замѣчательны тутъ подробности. Захарьинъ «отвалилъ» 500.000 руб.—это актъ простой, переводъ денегъ въ банкѣ, перепись цифры изъ книги въ книгу; конечно, велико безмолвное, въ тиши ночей, рѣшеніе сердца; трудъ г. Рачинскаго гораздо замѣчательнѣе, онъ достоинъ біографіи, достоинъ исторіи: это—365 дней года, помноженные на 20; тутъ такъ много непрерывности, терпѣнія, тысячъ и почти десятковъ тысячъ маленькихъ скорбей и радостей. Такъ прекрасно, высоко. Но однако ни жертва одного, ни подвигъ другого не выразились во всемірно-засверкавшихъ лучахъ, которые засыпали-бы, побѣдили-бы, свели на «нѣтъ» и, словомъ, подвели подъ сапогъ нахальство тѣхъ господъ, которымъ мѣсто—точно подъ сапогомъ, между тѣмъ какъ они ухитрились залѣзть въ центръ всемірнаго вниманія. Талантъ ихъ мошенничества превозмогъ талантъ подвига. Есть правда, но есть еще и сила. Ну, если-бы опять Давидъ заигралъ новую «псалтирь», заговорилъ Исаія, гдѣ были-бы Эстергази, Анри и Дрейфусъ? Но мы смиренно, въ тиши села, учимъ псалтирь, переучиваемъ ее въ тысяча восемьсотъ девяносто восьмой разъ: Эстергази побѣдилъ. Въ его нахальствѣ есть оригинальность и новизна, или, по крайней мѣрѣ,—оригинальность и новизна въ томъ, что «такъ глупъ» — и вотъ, подите-же «на весь свѣтъ»; но что новаго, оригинальнаго и что могло-бы привлечь всемірное вни-

маніе въ томъ, что еще разъ эта группа дѣтей учитъ эту прекрасную книгу? Восхожденіе солнца въ той-же точкѣ зодіака, въ которой оно восходило со дна міротворенія.

Вотъ секретъ «неудавшагося христіанства»: что оно не произращиваетъ изъ себя плодовъ существенно новыхъ и оригинальныхъ. Въ немъ—вѣчная нравственность, которой послѣдовать-бы временно живущимъ людямъ. Выходитъ Эстергази и даетъ существенно новое представленіе: скучающее стадо человѣчества—увы, скучающее безъ новаго, вѣчно безъ новаго скучающее—оставляя псалтирь бѣжитъ забыться около шарманки. Что дѣлать: такъ мы устроены. Дайте намъ еще арфу, опять Давида: и конечно—мы не будемъ слушать Эстергази. Такимъ образомъ, «fin de siècle», тоска Гоголя, предчувствіе Достоевскаго, да и глубокая полу-тревога, полу-отвращеніе всѣхъ насъ имѣетъ фундаментомъ подъ собою то общее явленіе, что недостаетъ творческой и неизсякаемой, вѣчно неизсякаемой бури, которую въ нашихъ бѣдныхъ сердцахъ поднимало «слово живота». Мы подходимъ къ силѣ: дайте намъ не истину, но истинную силу; коею наполнивъ грудь мы «полетѣли-бы—и не устали», «пошли-бы и не утомились». Мы утомились, обезсилены въ вѣчномъ стереотипѣ: вотъ почему мы занялись Эстергази.

Это насъ вводитъ въ циклъ идей, когда-то насмѣшившихъ публику, и которыя были высказаны г. Вл. Соловьевымъ. Онъ построилъ такую схему (міровыхъ силъ-ли, началъ-ли): царь, первосвященникъ, пророкъ. По его частнѣйшимъ указаніямъ царь «бысть отъ Востока, въ православномъ градѣ Москвѣ»; первосвященникъ уже данъ въ Римѣ и давно ждетъ запоздавшихъ пилигриммовъ, особенно съ Востока; остроумнѣйшіе между читателями могли догадываться, что «пророкъ» данъ или готовится въ самомъ авторѣ концепціи. Но, оставляя смѣхъ, мы переходимъ къ серьезному въ этой мысли: въ самомъ дѣлѣ, христіанству не достаетъ и даже собственно всегда не доставало пророковъ; и не было въ немъ самаго духа пророческаго. Оно имѣло великихъ учителей, наставниковъ, проповѣдниковъ, всего болѣе — катехизаторовъ. Но оно не имѣло арфы и не выразилось въ псалтири. Европейское человѣчество приняло «благую вѣсть» на остріе разсужденія и отнесло ее въ академію, а не на умиленіе сердца, и не понесло ее на струны. Вотъ секретъ «тьмы», объявшій «свѣтъ», безсилія свѣта и нашего печальнаго fin de siècle.

Это подводитъ насъ къ утренней зарѣ XX вѣка, къ надеждамъ, которыя мы можемъ простереть сюда. Замѣчательно, что всѣ мечтанія о содержаніи этого наступающаго вѣка (ихъ было много) носятъ однообразно-техническій характеръ. Если въ XIX вѣкѣ мы ѣздимъ по желѣзнымъ дорогамъ, то въ XX станемъ ѣздить на аэростатахъ: двигаясь теперь со скоростью 60 верстъ въ часъ, будемъ тогда двигаться со скоростью 160 верстъ. Всѣ улучшенія будутъ

около насъ, вокругъ насъ: улучшенія пособій нашей дѣятельности; но что улучшится самъ человѣкъ, что новое выростетъ въ его сердцѣ, заволнуетъ его умъ—объ этомъ не было ни чаянія, ни догадки, ни просто сознанія, что это сколько-нибудь необходимо. Этотъ характеръ мечтаній есть также показатель ужасающей «убыли души», какую мы наблюдаемъ къ концу вѣка; и, прерывая эти техническія мечты, можно высказать хотя бы одну идеалистическую, которая отвѣтила бы именно ужасной нуждѣ самой души нашей.

Безспорно, она растетъ изъ христіанства. Никто не захочетъ возражать, если мы скажемъ, что оно шире всѣхъ истолкованій, какія ему давались; что человѣческая мысль и человѣческій трудъ, пусть они длились двѣ тысячи лѣтъ, не покрываютъ собою всѣхъ сокровищъ, которыя въ немъ содержатся. Вотъ смиренный взглядъ человѣка на себя, который открываетъ ему возможность новыхъ взглядовъ. Мы поняли его, т. е. XIX вѣковъ понимали, какъ нѣкоторую систему мышленія; какъ бого-«мысліе», а не бого-«ощущеніе». Можно сказать, вопреки тысячѣ словъ самого Спасителя, мы все-таки взяли Евангеліе умомъ и въ умъ, а не сердцемъ и въ сердце. Объ этомъ говорятъ исторіи семи вселенскихъ соборовъ и множества помѣстныхъ западныхъ, изъ которыхъ многіе продолжались семь, восемь, и даже—какъ Тридентскій соборъ—цѣлыхъ тридцать лѣтъ. Тридцать лѣтъ разсужденія! Но мы не ошибаемся, если, компактно охвативъ христіанство, замѣтимъ, что всѣ почти двѣ тысячи лѣтъ европейское человѣчество разсуждало объ Евангеліи, надъ Евангеліемъ, по поводу Евангелія — между тѣмъ какъ его можно еще почувствовать и исполнить.

Можно, и именно догматически можно, по этому или аналогичному вопросу собрать не слова, но собрать *поступки* Спасителя въ совершенно аналогичныхъ случаяхъ, или въ случаяхъ близкихъ, подобныхъ: и ихъ, а не слова положить догматически въ фундаментъ рѣшенія. Нужно замѣтить, что тогда какъ реченія Спасителя едва-ли донесены до насъ въ буквальной ихъ точности, а между тѣмъ отъ малѣйшаго варіанта въ нихъ зависитъ чрезвычайно многое,—Его поступки и ихъ обстановка, по самой, такъ сказать, сложности и массивности ихъ фактуры (дѣло, а не слово) не могли не быть переданы правильно, или, по крайней мѣрѣ, варіанты передачи здѣсь не имѣютъ огромнаго значенія. Можно вѣрить, что при подобной полнотѣ воззрѣнія на Евангеліе большинства ересей не возникло-бы, и, главное, мучимые «еретики» никогда не имѣли-бы основанія съ такимъ святымъ негодованіемъ указывать, что съ ними поступаютъ «отъ имени Христа», но «не по-христіански»: предметъ вѣчнаго смущенія для христіанъ, недоумѣнія для христіанскаго историка. Ереси, или большинство ихъ, и были первыми порывами войти въ полноту христіанства, при очевидно однобокомъ, лишь на сплетеніи словъ основанномъ, постиженіи его установившимися церквами. И

вотъ, мы сейчасъ подойдемъ къ родникамъ порыва, одушевленія, не вскрытымъ еще въ христіанствѣ: вѣдь память, припоминаніе, консерватизмъ въ припомненномъ существенно исключаетъ порывы; въ порывѣ—какая-же память: тутъ сейчасъ надѣлаешь «святыхъ ошибокъ», убавишь слово, прибавишь слова. Методъ осторожности и точности, естественно, сталъ господствующимъ въ христіанствѣ, какъ только оно начало утверждаться на памяти словъ; но оно все пойдетъ на струны, какъ только взглянетъ на Ликъ, на Движителя, на Жившаго и еще какъ-бы сейчасъ Живого и между нами Ходящаго. Замѣчательно, что тогда какъ въ словахъ евангелистовъ есть несогласованности или трудно согласимыя мѣста, въ Лицѣ Спасителя нѣтъ чертъ противорѣчивыхъ—Оно цѣльно и едино. Тутъ всѣ вѣроисповѣданія сливаются, т. е. вѣроисповѣдныхъ разницъ не могло-бы и возникнуть, если-бы мы приняли къ исповѣданію всего Спасителя, а не помнили только тексты и ихъ «разночтенія». Что могла-бы сказать Тюбингенская школа предъ Лицемъ Спасителя? Какъ безсильно разсыпался-бы смѣхъ Вольтера! Да и вообще, кто въ человѣчествѣ могъ-бы возстать противъ «поступающаго» Спасителя, какъ «лжеименный разумъ» возставалъ и оспаривалъ Его «говорящаго» или о Немъ «говорившихъ» евангелистовъ.

Вотъ тема для великаго идеальнаго движенія XX вѣка: разработка въ музыкальныхъ тонахъ того, что мы разрабатывали до сихъ поръ механизмомъ памяти. Мы построили церковь исключительно въ чертахъ точности и послѣдовательности, почти юридической; она стала или мы усиливаемся ее сдѣлать «хранителемъ», «консерваторомъ» каноническаго права, почти въ томъ смыслѣ, какъ есть «консерваторы», «хранители» музеевъ, археологическихъ и другихъ. Тьма, такъ явно «объявшая» христіанскій міръ, объяла вовсе не Ликъ Спасителя: какъ это могло-бы быть съ Лицемъ Божіимъ? Но она потому и объяла христіанскій міръ, что онъ вовсе не содержитъ въ себѣ этого Лица Божія, а лишь скудно и бѣдно держитъ въ памяти одни донесенныя отъ него «λογοι». Такимъ образомъ, вовсе не почва христіанства оскудѣла подъ человѣкомъ; но собственно «выпахались» и «не рождаютъ» болѣе тѣ способности человѣческія, которыя непрерывно двѣ тысячи лѣтъ, все однѣ и тѣ-же, примѣнялись къ нему. «Умъ» христіанскій, «разсужденіе» христіанское—исчерпано, и, быть можетъ, истощено; сердце христіанское, порывъ христіанскій, музыка души христіанской не пробуждена, и она можетъ безконечно жить и безконечное, кажется, можетъ сотворить...

Номинализмъ въ христіанствѣ.

Можно-ли повѣрить, чтобы какія-нибудь слова читались полторы тысячи лѣтъ и всегда читались неправильно? чтобы эта неправильность доходила до непониманія, къ какому подлежащему относится предложеніе и что составляетъ въ немъ сказуемое? Наконецъ, чтобы это были слова, повседневно повторяемыя и которыя положены въ уголъ жизненнаго фундамента? Этотъ вопросъ я невольно задалъ себѣ, пробѣжавъ въ любопытной статьѣ г. А—та «Текущіе военные вопросы», въ № 8087 «Нов. Вр.», прекрасныя слова о семьѣ, о бракѣ, ихъ фактическомъ суженіи въ нашей печальной жизни, и вытекающемъ отсюда плотскомъ загрязненіи человѣка. Какъ и всегда въ своихъ статьяхъ, г. А—тъ трезво и реально указываетъ на трудную совмѣстимость семьи и воинскихъ обязанностей, а еще болѣе—воинскихъ чувствъ, характера, всего сложенія человѣка и быта. Въ самомъ дѣлѣ, семейный воинъ есть до извѣстной степени «разоружающійся» воинъ, и, обратно, семьянинъ при оружіи есть полусемьянинъ, есть начинающійся бобыль. Крестьяне наши, кому изъ нихъ предстоитъ отбывать воинскую повинность, не вступаютъ до нея (между 18 и 21 годомъ) въ бракъ, и обычай раннихъ браковъ, повсемѣстный въ Россіи до 74-го года и прочнѣе всякаго закона охранявшій народное цѣломудріе, повсемѣстно исчезъ послѣ введенія всеобщей воинской повинности. Картина семьи, какъ она сложилась у насъ подъ тысячею воздѣйствій и между прочимъ подъ вліяніемъ широкаго развитія вооруженныхъ силъ, рисуется г. А—томъ съ его обычною яркостью:

«Бриліанты и цвѣты ложатся у ногъ беззастѣнчивыхъ этуалей, и тенора-душки имѣютъ неоспоримое преимущество передъ забавными и вѣчно перегруженными дачными мужьями. Честной дѣвушкѣ

безъ талантовъ и неимовѣрной красоты остается судьба и профессія фельдшерицы, бухгалтерши, иной разъ зубодерки даже, но на семейное счастье, на мирное существованіе въ нѣдрахъ устойчивой и честной семьи вездѣ и всюду сегодня очень и очень мало надежды. Невольно набивается злая (а по нашему—добрая, благая) мысль: разумно-ли, при такихъ условіяхъ, вообще посягать на свободу тѣхъ немногихъ и исключительныхъ мущинъ, которые еще сохранили наивное желаніе жениться именно для семьи?».

Статья написана по поводу предполагаемыхъ въ военномъ министерствѣ новыхъ мѣръ къ ограниченію офицеровъ на женитьбу; какъ мы читали въ одной газетѣ, коммиссіи, которой поручено было разсмотрѣть этотъ вопросъ, едва не было указано разсмотрѣть, въ связи съ нимъ, и вопросъ объ ограниченіи семейныхъ правъ вообще чиновниковъ, но, по крайней мѣрѣ временно, эта часть вопроса была снята съ очереди; и вотъ г. А—ть продолжаетъ:

«Однако, суровыя требованія современной военной службы *) отвѣчаютъ на жгучій вопросъ объ этомъ ограниченіи утвердительно: да, разумно! Въ виду послѣдняго ярко выступаетъ также вопросъ о способахъ обезпечить чѣмъ-либо существеннымъ запрещеніе вступать въ бракъ раньше извѣстнаго срока или без реверса. Старыя средства въ этомъ отношеніи были болѣе чѣмъ наивны, такъ какъ за женитьбу безъ разрѣшенія страдалъ болѣе вѣнчавшій священникъ, самъ-же женившійся получалъ отъ начальства строгій выговоръ, но въ концѣ концовъ оставался женатымъ. Боже мой, да такія-ли испытанія можетъ преодолѣть сильная любовь юноши? И вотъ возникаетъ необходимость усугубить кару за самовольное вступленіе въ бракъ. Но какъ? Изгонять изъ службы нельзя, частью въ виду ея обязательности, а еще болѣе отъ недостатка офицеровъ. Допустить насильственные разводы, значитъ создать новый церковный расколъ. Нашъ православный бракъ считается бракомъ нерасторжимымъ, и то, что соединено Богомъ, люди не могутъ уже разъединить. Это—серьезный догматъ, съ которымъ необходимо считаться...» и т. д.

Читаетъ замѣчаетъ, что у писателя, коему нельзя отказать въ высокомъ здравомъ смыслѣ, догматъ о семьѣ, догматъ семьи соскользнулъ на догматъ о вѣнчаніи: не разрушается, «не расторгается насильственно» послѣднее—и заповѣдь Христова: «что Богъ сочеталъ, человѣкъ да не разлучаетъ» считается исполненною. Семья рушится; картина нарисованныхъ нравовъ (см. первыя строки) подобна картинѣ Рима эпохи упадка; и вытекаетъ, что это состояніе, это реальное состояніе семьи не только не отрицаетъ

*) Нужно-бы справиться съ исторіей, какъ было дѣло въ Римѣ. Это было самое вооруженное и прочно дисциплинированное государство, но съ богатымъ, не въ уровень нашему, инстинктомъ семьи, который едва-ли былъ принесенъ въ жертву «военной службѣ».

собою завѣта Спасителя, но и какъ-бы не имѣетъ къ нему никакого отношенія, движется, такъ сказать, внѣ и не задѣвая евангельскаго ученія. Что тутъ не г. А—тъ ошибается, что онъ лишь безмолвно слѣдуетъ какой-то чудовищной аномаліи, именно непониманію, къ какому подлежащему Христосъ относилъ свои слова,— это можно видѣть изъ удивительнаго покоя церкви при фактическомъ разъѣданіи, подрывѣ, разрывѣ семьи. Кто пишетъ по поводу новыхъ предполагаемыхъ военно-административныхъ мѣръ?—Они задѣваютъ живое, задѣваютъ семью—и тревожится г. А—тъ, тревожусь я. Но эти мѣры нисколько не задѣваютъ собственно вѣнчанія и вѣнчающихъ священниковъ и совершающихъ «разводы» духовныхъ консисторій,—и отъ Петербургскаго «Паломника» до «Амурскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» едва-ли есть хоть страница, которая была-бы посвящена вопросу. Какъ-бы Спаситель, сказавъ о бракѣ (Матѳ., 19)—далъ не заповѣдь *мужу и женѣ*, а послалъ «ордеръ за №» въ наше духовное Вѣдомство. Такъ выходитъ. Такъ ощущается.

Это—номинализмъ. Закрадывается подозрѣніе, что «христіанство», «христіанское состояніе» не есть способъ христіанскаго житія, не есть живой и конкретный образъ «живущаго» христіанина. Оно есть, т. е. сдѣлалось въ вѣкахъ только послѣдовательностью нѣкотораго опредѣленнаго исповѣданія; слилось съ понятіемъ доктрины; улеглось, отъ маковки и до пятокъ, въ книгу. Оно есть раціонализмъ христіанскій, доктринерство христіанское. Слова Спасителя о «книжникахъ» и фарисеяхъ не получили никакого практическаго примѣненія (пугающаго предостереженія) въ первой своей части, и, быть можетъ отъ этого, не получили примѣненія и во второй: понятіе христіанина и лицемѣра, т. е. ложнаго, лживаго исповѣдывателя, почти слилось. Но что ужасно, то это—то, что это не недостатокъ нравовъ, не паденіе нашего вѣка, не грѣхъ Ивана и Петра: это суть и тенденція самаго дѣла, и, какъ ни печально произнести, это-то именно и есть христіанство, какъ оно выразилось, какъ оно фразировалось и расцвѣтилось въ исторіи. Мы указали на конкретный примѣръ, который разберемъ подробно ниже; но вотъ фактъ изъ исторіи: костры инквизиціи вспыхнули-ли противъ еретическихъ фактовъ, противъ еретическихъ дѣйствій? Нѣтъ, но противъ еретическихъ словъ: т. е. именно «слово» и, въ послѣднемъ анализѣ, «страница» или «строка» книги, въ пониманіи самой церкви, тысячу лѣтъ назадъ и сейчасъ, и составляетъ суть христіанства; такъ-что нарушить христіанство нельзя дѣйствіемъ, но только мнѣніемъ, мыслью. Семья падаетъ—это внѣ орбиты христіанства; но семьдесятъ легкомысленныхъ головъ впали въ «лжеученіе» Толстого,—и христіанскій міръ въ тревогѣ, и отъ «Амурскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» до петербургскаго «Странника» страницы горятъ полемикой.

Разберемъ теперь подробнѣе фактъ, побудившій насъ взяться за перо.

Христосъ ввѣрилъ церкви вовсе не институтъ «вѣнчанія», а институтъ брака; и указалъ беречь чистоту и цѣлость семьи, а не чистоту и цѣлость вѣнчанія. Подлежащее словъ Спасителя есть семья, связь въ бракѣ, реальная, а не связь въ метрическихъ книгахъ, которая «когда не разрушена — церковь цѣла», «страницы могутъ молчать»; и хотя человѣчество гибнетъ (отъ разрушенія семьи), но зато «христіанство остается». Не «расторгаются вѣнчанія»; расторгаются только семьи («разъѣздъ») или семьи вовсе не допускаются (новый законъ объ офицерахъ) и канонъ цѣлостенъ, авторитетъ церкви не поколебленъ и... что-же, «заповѣди Христовы исполнены»?! Вѣдь этотъ бытъ, аналогичный быту Рима, черезъ тысячу невидимыхъ нитей досягаетъ и до меня, караетъ меня; ну, и какое-же утѣшеніе для меня въ сифилисѣ, съ разрушенной семьей, съ дочерями-«зубодерками», читать «Пространное догматическое богословіе» Макарія? Вотъ ужъ поистинѣ Брутъ, читающій передъ смертью «Федона»; но мы, кромѣ «Федона», имѣемъ еще церковно-приходскія школы. Въ юности — слова, въ старости — слова; и повитые ими, что смертными пеленами, мы нисходимъ въ могилу...

Слова Спасителя относились къ наличной (и вмѣстѣ вѣчной) дѣйствительности того времени, т. е. къ семейному союзу, союзному въ супружествѣ теченію жизни, къ браку въ жизненной его связанности. И понятно, что всенародною мыслью отнесенныя сюда, они высвѣтили-бы необыкновеннымъ свѣтомъ и несокрушимою прочностью этотъ союзъ, до непониманія людьми, какъ можно разорвать его. Такъ было-бы, если-бы не совершалось печальной замѣны, подстановки на мѣсто «вещи» брака—о немъ «слова». Вся человѣческая заботливость, все человѣческое вниманіе, вся человѣческая бережливость легла-бы внутрь семьи, между мужемъ и женою, а внѣ семьи, не около нея (вѣнчаніе). Самыя внѣшнія мѣры получили-бы обратное теперешнему направленіе, именно направленіе къ устройству семьи, къ расчищенію свободы для нея, а не къ ея суженію. Сейчасъ военное вѣдомство, суживая фактически бракъ, и становится именно «человѣческимъ противодѣйствіемъ» Божіей тайнѣ, вложенной въ инстинктъ половъ, склоняющихся къ религіозному союзу. Это есть ересь дѣйствія, о чемъ, къ печали нашей, самаго понятія церковь не развила. Эта-то именно установка *преградъ передъ бракомъ*, что обсуждается сейчасъ и еще въ большей мѣрѣ совершилось въ 1870 году, и есть *разрушеніе таинства брака*; есть его разрушеніе всякое фактическое расторженіе связи между мужемъ и женою («разъѣздъ»). Но, напр., такъ называемый церковный «разводъ»?!.. Даже непонятно, что-же именно сторожится, стережется церковью, когда уже брака въ его реальномъ содержа-

ніи—нѣтъ?! Это сбереженіе скорлупъ вмѣсто внимательнаго сохраненія, предварительнаго предохраненія отъ порчи, самаго зерна брака—непонятно; во всякомъ случаѣ, это не есть прочность, ненарушенность, неразрушимость таинства. «Таинства» суть всегда тайно-«дѣйствія», но не тайно-«глаголанія»; именно — это тѣ дѣйствія, природа и основаніе коихъ, хотя они совершаются человѣкомъ, для него остаются непостижимы, мистичны, большею частью—подневольны. Такова семья, безусловно таинственная въ своихъ инстинктахъ; явно религіозная по связи дѣтей съ родителями, родителей—съ дѣтьми, по неразрѣшимой тайнѣ самаго ихъ рожденія и этой таинственной безгрѣшности, которую мы наблюдаемъ въ младенцѣ. Вотъ — «бракъ»; его «таинство» идентично таинству «семьи»; но затѣмъ остается «вѣнчаніе», о комъ въ суженномъ и утонченномъ значеніи нѣтъ никакого глагола въ Новомъ или Ветхомъ завѣтѣ, оно возникло ихъ позднѣе, и весь свѣтъ его есть чисто отраженный и обратный, падающій отъ высоты той тайны, въ которую благословляется человѣкъ. Нельзя-же штемпель монеты, «орелъ» и «пять рублей», смѣшивать съ цѣнностью золота, помѣщеннаго въ монетѣ. Золото брака, его вѣсъ и цѣнность—въ поло-*сочетаніи*, поло-***переплетеніи***, т. е. въ томъ, что лежитъ *за* вѣнчаніемъ, *послѣ* вѣнчанія, а послѣднему принадлежитъ только взвѣшиваніе, опредѣленіе, прописаніе цѣны. Нѣтъ половъ—нѣтъ брака, нѣтъ вѣнчанія; какъ нѣтъ золота—нѣтъ денегъ; но если-бы и было вѣнчаніе, при отсутствіи половъ оно не произвело-бы брака; какъ при отсутствіи золота однѣ бумажки не могли-бы ходить. Если-бы центръ тяжести лежалъ не въ длительномъ теченіи супружества, не въ предварительномъ склоненіи половъ, если-бы не это было свято и священно:—какъ церковь пошла-бы благословлять, кто имѣлъ-бы безстыдство позвать ее благословить? Т. е. предметъ тайны есть вещь, сосудъ таинства—семья, и тайнотворцы—супруги. Мы имѣемъ таинство евхаристіи. Конечно, оно происходитъ въ чашѣ, оно есть претвореніе вина и хлѣба въ тѣло и кровь Спасителя, т. е. скрытый, невидимый, мистическій актъ; вовсе таинство евхаристіи не идентично, не исчерпывается, даже вовсе не состоитъ изъ словоглаголанія надъ чашею. Вотъ параллель, изъ которой мы можемъ научиться, что́ въ бракѣ свято и священно, вѣчно и нерасторжимо, и, наконецъ, чему нельзя дѣлать препятствій: это—брачное житіе. До такой степени это очевидно, можно привести слѣдующее косвенное еще доказательство: состояніе монашеское есть высоко радостное и высоко благословляемое церковью; но это благословеніе («постригъ») она не рѣшилась назвать «таинствомъ», ибо за нимъ слѣдуютъ молитвы, подвиги поста и молчанія, но — никакого особеннаго дѣйствія, подобнаго наступающему въ семьѣ; и очевидно; лишь по составу послѣдняго, благословляя гораздо менѣе отвѣчающій ея идеалу семейный союзъ, она называетъ его «таинствомъ».

Мы замѣтили, что семейный воинъ есть «разоружающійся» воинъ. «Вѣчный» миръ, «вѣчное благоволеніе въ человѣцѣхъ»—никто не догадывается, какъ это близко!.. Это и есть вѣчная семья; семья, какъ канонъ бытія человѣческаго, просвѣтленная и универсально потребованная. Церковь поняла въ ней только «вѣнчаніе»: какъ это бѣдно, какъ это узко и, закрывая все дѣло—почти опасно. Семья—это «Азъ есмь» каждаго изъ насъ; «святая земля», на которой издревле стоятъ человѣческія ноги. Это есть цѣлый клубокъ таинственностей; узелъ, откуда и начинаются нити, связующія насъ, ограничивающія нашъ произволъ, но такъ, что только здѣсь мы радостно покоряемся подобному ограниченію: т. е. начало религіи, религіозныхъ сцѣпленій человѣка съ міромъ. Это есть настоящее духовное отечество наше, безъ коего каждый изъ насъ — духовно бобыль. Семью нужно понимать какъ трудъ; какъ неустанную заботу другъ о другѣ, какъ единственный предметъ, для коего трудъ нетруденъ и забота не утомляетъ; способъ такой связанности людей, гдѣ они уже безъ «Нравственнаго богословія» любятъ другъ друга, проливаютъ другъ за друга потъ и готовы пролить, да и проливаютъ иногда, кровь. Конечно это религія! Какъ-же можно стѣснить вступленіе въ эту религіозную связь, и, такъ сказать, въ этотъ Іерусалимъ всеобщечеловѣческаго бытія? Г. А—тъ замѣчаетъ: «Даже строжайшія требованія арміи и отечественной самозащиты не могутъ допустить насильственныхъ разводовъ, ибо это значитъ нарушить догматъ и начать расколъ»; но, какъ мы объяснили, тутъ путаница: подлежащее догмата есть не «вѣнчаніе», а «бракъ», теченіе «супружеской жизни», и слова: «что Богъ сочеталъ—человѣкъ да не разлучаетъ» относятся именно къ инстинкту сочетанія, къ вложенному Богомъ склоненію половъ; и даже отдаленно они не относятся къ «вѣнчанію». Т. е. нарушеніе догмата и есть суженіе правъ брака, препятствованіе ему, «разлученіе» какъ «недопущеніе». Однако, нельзя спорить, что есть жестокія условія, есть такія тернія жизни, такія «быть или не быть» въ исторіи, когда, даже не смущаясь расколами, догматы задерживаются въ своемъ дѣйствіи, «субботы» отмѣняются. Таковъ ужасный вооруженный миръ Европы, требующій суроваго бобыля воина, этой сухожильной человѣческой митральезы. Мы и не подымали-бы вопроса о бракѣ, если-бы въ нынѣшнемъ году съ Престола не раздались радостныя слова: призывъ къ обѣднѣнію, къ умягченію, къ пониженію этой митральезы. Разумѣемъ мирную декларацію нашего Государя къ народамъ. Тогда мы указываемъ на семью, какъ противоположный арміи институтъ, и говоримъ, что суженіе арміи ничѣмъ такъ вѣрно не можетъ быть достигнуто, какъ расширеніемъ семьи и распространеніемъ ея началъ на армію. Воины будутъ «похуже», реально указываетъ г. А—тъ; да, «похуже» отъ Амура до Таго, всюду женатые,—и это есть начало «вѣчнаго мира»; война превратится въ

мало-кровную, не искусную, безъ «охотки» борьбу. Не лучше-ли это, не вѣрнѣе-ли достигаетъ цѣли, чѣмъ отмѣна керосиновыхъ бомбъ или разрывныхъ снарядовъ? Борьба еще будетъ, но когти и зубы притупятся; мечи чуть-чуть, но начнутъ перефасониваться на серпы и косы; и, главное, эта огромная и пугающая машина вѣчно ожидающая, и раздраженно ожидающая, дѣйствія — она умиротворится, умякнетъ, станетъ таять въ лучахъ и атмосферѣ семьи, какъ въ водѣ распускается соль. «Разсолится армія...» —но вѣдь это-же и есть евангельскій идеалъ! Мы не упоминаемъ о культурѣ, ибо она по малозначительности отступаетъ передъ евангельскимъ свѣтомъ; но также безспорно это есть и культурный идеалъ. Такимъ образомъ, частный вопросъ нашего Главнаго штаба, получивъ туземно-отрицательное рѣшеніе, долженъ-бы стать первымъ универсальнымъ вопросомъ предполагаемой конференціи разоруженія. Разоруженіе есть во всякомъ случаѣ «ослабленіе»; каковы-бы ни были мѣры, каждая изъ нихъ будетъ непремѣнно «минусомъ» въ арміи, и для изобрѣтенія этихъ минусовъ конференція соберется. Но искусство арміи и, такъ сказать, ея нервная взрывчатость есть острѣйшій и самый огромный, самый опасный плюсъ: пусть конференція оставитъ только перочинные ножи у воиновъ — будетъ очень печально и мало культурно, если съ утроенною яростью они станутъ ими рѣзать другъ друга. Лучше достигнется цѣль, если убавится,—ослабится воинъ, сольется ближе съ гражданствомъ, приблизится къ его типу: и ни черезъ что онъ такъ онъ не сольется, какъ черезъ кровную, по крови и родству, связь съ нимъ; къ тому-же, вотъ мѣра, за равномѣрностью которой легче всего наблюдать другъ у друга: право семьи есть просто законъ, первый обще-европейскій, обязательно-европейскій законъ, противъ коего не могутъ возражать (солдату, офицеру) частныя правительства. Но здѣсь мы прерываемъ рѣчь, надѣясь, что кто-нибудь искуснѣйшій и авторитетнѣйшій, изъ состава учительствующей церкви, поддержитъ и продолжитъ эту мысль; тѣмъ паче, что именно церкви предлежало-бы и начать ее.

Семья, какъ религія.

Гр. Л. Н. Толстой. «Крейцерова соната» 1890. Гр. Л. Л. Толстой. «Прелюдія къ Шопену» 1898.

I.

Самое длительное впечатлѣніе и самое глубокое оставляетъ произведеніе писателя, иногда несовершенное по формѣ, но въ которомъ сжатъ сокъ остальныхъ его твореній. Можетъ-ли кому-нибудь придти на умъ писать теперь горячія возраженія противъ «Войны и мира», «Анны Карениной»? Но бѣдная романтической стороной, бѣдная вообще художествомъ «Крейцерова соната» вызвала въ «Прелюдіи къ Шопену» отвѣтъ сына отцу (въ іюлѣ на столбцахъ «Нов. Вр.»). И онъ не опоздалъ. Никто не нашелъ отвѣтъ неумѣстнымъ по времени, т. е., между тѣмъ, какъ «Война и миръ» и «Анна Каренина» устарѣли для текущей минуты, «Крейцерова соната» сохраняетъ свѣжесть, какъ-бы была вчера написана и прочитана. Припоминая время ея появленія, мы знаемъ. что на нѣсколько недѣль она взволновала всю Россію. Ее каждый про себя или вслухъ обсудилъ; но новый пересудъ никого не утомляетъ. Въ ней есть вѣчность, и, вѣчная, она какъ бы сегодня сказана.

«Крейцерова соната» имѣетъ два смысла: тайный и явный. Явный ея смыслъ кажется направленнымъ противъ брака: «лучше не жениться»—эти слова Евангелія раздвинуты въ обширныя страницы и требовательный законъ. Таинственныя слова, по духу, по положенію, по судьбѣ въ исторіи. Только одна строка, неуловимо нѣжное указаніе; но въ то время, какъ тысячекратно повторенныя слова о любви «даже и къ врагамъ» не получили никакого развитія въ христіанскомъ мірѣ, не выросли въ катехизисъ, но сложили изъ себя богословія, не одѣлись въ каноническое право и не создали никакого спеціальнаго учрежденія, если не считать нарѣзныхъ пушекъ и игольчатыхъ ружей «для враговъ»,—это нѣжное

указаніе собственно обволокло все христіанство, всему ему сообщивъ колоритъ, тембръ. Оно такъ кратко, такъ необыкновенно, такъ ново по отношенію къ Ветхому завѣту, что, принимая во вниманіе слова: «Я не разрушить пришелъ законъ, а исполнить», его можно было бы счесть интерполяціей текста, если бы еще нѣкоторыя въ Евангеліи слова не составляли отдаленно къ нему предуготовленія. «Кто *матерь* твоя и *братья* твои?»—«*Слушающіе* слово Мое суть братья Мои и Матерь моя». Это—небесное училище, безъ кровныхъ связей и даже съ неуловимо-тонкимъ ихъ отрицаніемъ. «Кто ради Меня не оставитъ *мать* свою и *отца* своего—нѣсть Меня достоинъ». Опять спеціальной нужды упоминать именно родныя, кровныя узы, какъ предметъ разрыва—не было здѣсь; и можно думать, что центръ тяжести здѣсь именно въ этихъ узахъ, а «нѣсть Меня достоинъ» есть лишь случай и поводъ указать на противоположность Христова и плотскаго. «Ты—Петръ, и на семъ *камнѣ* (пустыня) созижду церковь Мою»—есть какъ бы предуготовленіе, что вся церковь, почти вся, будетъ построена на характерѣ пустыннаго, пустынножительнаго бытія. Голгоѳа! Всѣ эти тайныя указанія суть предуказанія Голгоѳы, и христіанство не ошиблось въ постиженіи Евангелія, выросши все въ духъ, въ глубину, въ философію и поэзію Голгоѳы. «Сораспинаемся Христу», «распинаемъ страсти»... «Что есть человѣкъ?—трава сельная; днесь есть и на завтра нѣтъ ея» поетъ одинъ церковный стихъ. Да и одинъ-ли? Религія «средъ» и «пятковъ», она увита, повита погребальными покровами. Какъ кратко крещеніе, какъ блѣдно вѣнчаніе, краткотечны и торопливы исповѣдь и причастіе! Но человѣкъ умираетъ, и вдругъ христіанство вырастаетъ во всю силу: какія пѣнія, какія слова! какая мысль, и, повторяемъ, поэзія!..

Великая, одна изъ великихъ, неразгаданныхъ тайнъ Евангелія! Не все Евангеліе; даже не важнѣйшая въ немъ черта, а только мимолетное указаніе, тѣ «іоты», которымъ «не прейти»: и вотъ мы наблюдаемъ, что онѣ дѣйствительно опутали и облекли въ смертныя пелены, въ погребальные покровы, весь христіанскій міръ. Мы пока не интерпретируемъ; мы—очерчиваемъ духъ и пониманіе вѣковъ, смиренныхъ, упившихся евангельскимъ восторгомъ, человѣческихъ сердецъ: вкусили «іоты»...

Явный смыслъ «Крейцеровой сонаты», ея эпиграфы, нѣкоторые въ ней абзацы, т.-е. прямо напечатанныя слова, повидимому, сливаются съ этимъ вѣковѣчнымъ мотивомъ христіанства. Нужно замѣтить, что всѣ сочиненія, тема коихъ невообразимо трудна и въ глубинѣ своей не только не рѣшена, но и не можетъ быть рѣшена авторомъ, заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, риторически-словесныя вставки. Въ «Крейцеровой сонатѣ»—таковы вставки о прекращеніи рода человѣческаго, и еще нѣсколько аналогичныхъ, противъ брака. Если мы примемъ во вниманіе, что ее всю прони-

цаетъ, отъ раннихъ строкъ и до позднихъ, доходящая до уличнаго паѳоса брань «мерзавцевъ, которые научили мою жену не рожать» (доктора)—мы догадаемся, что тутъ же рядомъ вставляемое разсужденіе о «прекращеніи рода человѣческаго» есть только словесный переходъ, безъ мысли и силы въ немъ, отъ одной значущей мысли къ другой, напр., отъ мысли о растлѣнной семьѣ—къ картинѣ и скорби: «почему я убилъ ее?» Мы переходимъ теперь къ тайной мысли «Сонаты». Она вся состоитъ въ утвержденіи брака, но съ глубокимъ недоумѣніемъ: что же онъ такое? романъ Бетси Терской съ Тушкевичемъ и съ лакеемъ («Анна Каренина»)? любовь Николая Левина къ его Марьѣ Ивановнѣ? эѳирность Китти, которую рветъ Толстой, изображая ея животные крики въ родахъ? печальная картина «ухмыляющихся протопоповъ» въ предчувствіи грязи развода Анны съ мужемъ? адвокатъ, при разговорѣ объ этомъ ловящій моль и сокрушающійся, что обивка мебели къ осени будетъ испорчена? Скорбь и недоумѣніе, которое уже душило автора при написаніи «Карениной» вылилось передъ непонимающей публикой рыданіями и проклятіями Позднышева-Толстого... «Вы не умѣете понимать картинъ»; «вы такъ деревянны, что не захотѣли сказать ни *да*, ни *нѣтъ* послѣ *Анны Карениной* и *Войны и Мира* о томъ, о чемъ, какъ братъ братьевъ, я васъ спрашивалъ:—ну, вотъ вамъ зарѣзанная женщина, вотъ оголенные, безъ художества, монологи: наконецъ, вы скажете-ли *) *да* или *нѣтъ*?

Изобразивъ въ «Войнѣ и мирѣ» параллельные романы Наташи и Маріи Болконской съ Ростовымъ и Безуховымъ; заставивъ сухого и государственнаго Андрея Болконскаго—умереть; нарисовавъ цѣлый рядъ параллельныхъ семей въ «Карениной» — Толстой что собственно дѣлаетъ? Почему его произведенія дороги, цѣнны и новы въ русской литературѣ? Всѣ занимались его философіей войны и философіей исторіи въ первомъ большомъ произведеніи; но что не здѣсь—центръ дѣла, тяжесть думъ автора, показываетъ то, какъ онъ отрицаетъ сейчасъ войну, заигрываетъ съ поляками, мутитъ, что палкой рѣку—теченіе исторіи, и пищетъ съ болѣзненной страстностью въ эти же почти годы «Крейцерову сонату». Вотъ что не умерло въ немъ, вотъ гдѣ центръ его думъ... Онъ далъ, въ тихихъ и прекрасныхъ картинахъ, поэзію и почти начало религіи семьи. Анна разрѣшается отъ бремени; Китти—въ мукахъ рожде-

*) Одна изъ причинъ отчужденія Толстого отъ церкви лежала, быть можетъ, въ томъ, что такъ внимательно даже съ канонической стороны разобранный въ «Карениной» бракъ, и, наконецъ, печальная, трагическая смерть послѣдней, потрясшая всю Россію, не нашла никакого отзвука въ духовной литературѣ, никакого отвѣта на мучительнѣйшія проблемы.—«Вамъ нѣтъ дѣла до подробностей, до частностей центральнѣйшаго въ жизни: ну — мнѣ нѣтъ дѣла до подробностей вашихъ догматовъ»—вотъ какъ бы логика его отпаденія и глухоты къ церкви.

вія кричитъ: Наташа смотритъ пеленки ребенка и, перебивая политическія рѣчи мужа, говоритъ; «не надо доктора, опять желтымъ». Это такъ ново послѣ гражданства Тургенева, вѣчнаго быта—у Гончарова, «купцовъ»—Островскаго. Все ново тутъ, и смѣлость не попадавшаго никогда въ литературу рисунка, но главное—новъ самъ авторъ. Сколько недоразумѣній вызвала «Крейцерова соната», а, между тѣмъ, она вся есть только «послѣсловіе» къ странному діалогу между Долли и Анной, въ домѣдворцѣ Вронскаго. послѣ коего на завтра Долли выѣхала изъ этого дома съ какимъ-то страхомъ, а Анна говорила наканунѣ:

— Нѣтъ, я именно несчастна! Ты не въ правѣ и не смѣешь осуждать меня...

Она спустилась къ гостьѣ нарядная и веселая, и Долли смутилась за свою заплатанную ночную кофточку. Она полна любви и жалости къ Аннѣ; въ отвѣтъ на жалость — раскрывается бѣдное, гибнущее сердце Анны; она начинаетъ въ мажорномъ тонѣ, какъ «она счастлива съ Вронскимъ», «свободна и легка въ своемъ положеніи». Разговоръ углубляется, переходитъ въ шопотъ; что-то о дѣтяхъ и о томъ, почему Анна не можетъ, а главное—не хочетъ*) рождать. Тема «Крейцеровой сонаты», уже ея печальный тембръ! Покровъ опущенъ стыдливымъ авторомъ; на завтра Анна—остается умирать, Долли—жить (религія семьи). «Мнѣ отмщеніе—и Азъ воздамъ». За что? Изъ тысячъ читателей никто не спросилъ себя объ этомъ?

«Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ» растлѣніемъ, смертью, ужасной мукой подъ колесами поѣзда (Анна), подъ ножомъ мужа, (жена Позднышева), воздамъ въ «слезахъ» и недоумѣніи этого маніака-сумасшедшаго, который сосетъ папиросы и бормочетъ печальные монологи въ вагонѣ первому встрѣчному: за что «воздамъ»? Да все за тоже: «домъ Отца Моего не дѣлайте предметомъ паскудства». Я сказалъ, что высота и особенность, новизна Толстого состоитъ въ томъ, что онъ первый постигнулъ, а черезъ художество свое и далъ почувствовать какой-то не просто идеализмъ, а тонкій, пока еще едва различимый, чуть-чуть брезжущій религіозный свѣтъ, коимъ струится «домъ Божій» въ каждой бѣдной веси, около всякихъ Виѳлеемскихъ «яслей» («заплаты» на Долли),

*) Это—варіантъ разговора между Ник. Ростовымъ и некрасивою Marie Болконской («Война и миръ»), ставшею его женою:

«— Какъ это безобразно,—сказала она,—указывая на животъ свой. Ты не будешь меня любить...

«— Если бы я въ тебѣ красоту любилъ,—отвѣчаетъ недалекій и честный Ник. Ростовъ,—то повѣрь, всегда для всякой красивой женщины найдется еще красивѣйшая.

Т.-е. фундаментомъ семьи не служитъ красота, ни ея часть—молодость; не служитъ также и связь умовъ, тонкая и одухотворенная. Marie безконечно любитъ туповатаго Николая, и, обратно, безконечно имъ любима: фундаментъ ея, будучи животно-плотскимъ, именно въ этомъ животно-плотскомъ мистиченъ и религіозенъ.

если это есть правильно сложенная, хотя бы въ одной сторонѣ правильная (Долли и Стива) семья. Онъ далъ почувствовать, самъ постигнувъ, «ветхую» скинію, которую около себя каждый носитъ, исполняя нѣкоторый «ветхій завѣтъ»... Ветхое-ветхое что-то, и новое-новое заговорилъ онъ.

— «А если, анаѳемы, вы этого не понимаете, то лучше не женитесь...»—крикнулъ онъ въ «Крейцеровой сонатѣ» и разбилъ скрижали, показавъ читателямъ ножъ и кровь. Замѣчательно, что нигдѣ еще, кромѣ «Крейцеровой сонаты», нѣтъ убійства у Толстого. Женоубійство, растлѣнный мужъ-убійца, растлѣнная жена-убитая суть единственная у него кровь—у него, такъ глубоко ея чуждающагося! «Домъ Божій»... но въ его тайны онъ не проникъ иначе какъ собственнымъ воображеніемъ, и стыдливо опустилъ покровъ надъ разговоромъ Долли и Анны о подробностяхъ ихъ бытія.

Вся литературная дѣятельность Толстого вытянулась въ тонкую и осторожную педагогику около «семьи», «яслей», «Виѳлеемской» стороны нашего бытія; но во всякомъ случаѣ — въ направленіяхъ абсолютно полярныхъ Голгоѳѣ. Еще замѣчательно: похоронъ нигдѣ онъ не описалъ, да и самъ, какъ человѣкъ, на шестомъ десяткѣ лѣтъ точаетъ, ничто же сумняся, «сапоги» и даже перетачиваетъ ихъ на новые фасоны: истинный израильтянинъ, съ шиломъ и около Ревекки! Ремесленникъ и богоносецъ! Но pruderie дворянства и хорошаго слога удержала его на чертѣ; крики рожениць онъ еще допустилъ... но надъ шепотомъ Долли и Анны опустилъ завѣсу.

Это—при устроеніи скиніи Моисеевой все мелькаютъ слова: «и завѣсь завѣсою, и покрой крышкою»...

Измученный Достоевскій, ѣвшій изъ одного корыта съ каторжниками, игравшій на рулеткѣ и мучительно жаждавшій выиграть...

...«И золото той земли хорошо, тамъ—рубинъ и болдахъ», сказано при описаніи самого Рая въ *Бытіи* (какая, казалось-бы, память о золотѣ!)...

— Итакъ, этотъ хромой и заикающійся въ человѣчествѣ малецъ, «съ запекшейся въ рукѣ кровью и сѣдыми волосами», какъ сказано о рожденіи Тамерлана, безстыдно разорвалъ «завѣсы», сбросилъ съ «завѣтнаго» крышки и обнажилъ передъ всѣмъ свѣтомъ содержаніе шопота Долли и Анны. Чувство безстыдности лежитъ на всѣхъ произведеніяхъ каторжника. «Иди и виждь»,—говоритъ онъ, ухмыляясь; и мы видимъ, видимъ — и недоумѣваемъ. «Только?»—«Только».

Завѣса падаетъ. Одинъ умеръ, ничего не договоривъ, другой съ мучительнѣйшей и вѣковѣчной темы перешелъ къ вегетаріанству, «Первой ступенькѣ», и, опуская «акриды и коренья» въ графскій супъ, кой-какъ дотягиваетъ вѣкъ. Тема стоитъ, жгучая. Тема вѣчная. Тема—я скажу больше и глубже—колебанія всей нашей цивилизаціи.

II.

Тема колебанія самой Голгоѳы; возведенная въ «hosanna»—она дала христіанство; утреннимъ легкимъ и какимъ-то новымъ дуновеніемъ на насъ тянетъ изъ дома-скиніи Долли, вѣчной клушки, водящей дѣтей къ причастію; Наташа—съ пеленками, и опять утренній вѣтерокъ какой-то скиніи... Богъ съ ней, съ политикой — это отъ сего міра, тамъ, около колыбельки—начало иного міра. Но углубимъ колыбель, и получимъ—такъ удивительно похожій на шопотъ Долли и Анны— шопотъ, тоже спальный, Рахили и Іакова:

— Дай мнѣ дѣтей, а если нѣтъ—то я умираю.

— Безумная! *развѣ я Богъ, чтобы могъ дать тебѣ плодъ чрева?*

Но мы углубимъ и «ветхій завѣтъ»; еще откинемъ «покровъ», скинемъ «крышку» съ шопота Іакова и Рахили—и получимъ откровенности Достоевскаго, который заговорилъ о томъ, о чемъ всѣ шепчутся. Я же сказалъ, что онъ—«съ сѣдыми волосами», «съ запекшейся кровью». Эти откровенности откидываютъ насъ въ глубь тысячелѣтій, за самое «Бытіе», за Авраама—въ таинственныя страны, куда онъ путешествовалъ и откуда Моисей снесъ... откуда онъ вынесъ (по Апостолу) свои завѣты.

Оставимъ историческія дали и будемъ пока судить каждаго мужа, каждую семью. Есть религія Голгоѳы; но можетъ быть и религія Виѳлеема; есть религія «пустыни», «Петрова камня», но есть и религія «животныхъ стадъ», окружившихъ «ясли», и многодумныхъ «волхвовъ съ Востока», пришедшихъ въ Виѳлеемъ поклониться исполненію какихъ-то своихъ чаяній. Гробъ есть второе житіе человѣка, за коимъ начинается поздняя безконечность; но и колыбель есть его первое житіе, и ему также предшествуетъ ранняя безконечность.

Мы подходимъ къ фундаменту религіи, и наблюдаемъ, что ихъ—два: за гробомъ, передъ рожденіемъ. Тамъ и здѣсь—«тотъ свѣтъ». Мы ихъ предчувствуемъ, предчувствовалъ Гамлетъ:

. . . умереть—уснуть.
Но если сонъ *видѣнья* посѣтятъ?

Однако, есть и иной стихъ: о предвременныхъ видѣніяхъ души, о до-земныхъ выслушанныхъ ею «пѣсняхъ», памятью коихъ жива и бываетъ утѣшена она на землѣ:

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра, печали и слезъ.

. . . .

Онъ пѣлъ *о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ*
Подъ кущами райскихъ садовъ
О Богѣ Великомъ онъ пѣлъ...

. . . .

И *звукъ* этихъ пѣсенъ въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.
И долго на свѣтѣ томилась она
Желаніемъ...

Чаянія человѣчества, не только поэтовъ и мудрецовъ, но и сущихъ сиротъ въ знаніи, равно ожидаютъ Бога какъ тамъ, такъ и здѣсь. Свято—«успнуть», свято однако и «родиться». Христосъ «родился», былъ «младенцемъ», имѣлъ земную «матерь». Храмъ есть Голгоѳа, но храмъ—и Виѳлеемъ; религія есть монастырь, но почему не быть религіею и семьѣ? Раскопаемъ, разроемъ ея неясную «землю»... Рахиль и Іаковъ, Долли и Анна; но въ глубинѣ, но дальше, за «завѣсами», подъ «крышкою»—то, надъ чѣмъ сорвавъ покровъ — отошелъ въ сторону Достоевскій... Моисей и его скрижали съ заповѣдью «чти отца и мать» впереди поставленною (ближе къ Богу), чѣмъ «не убей»; дальше, за Моисеемъ

...чуждый тѣни
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.

Царство праха, царство давняго забвенія; царство мумій и іероглифовъ и странныхъ сфинксовъ. Это—страна, которая даже по писаніямъ намъ современныхъ христіанскихъ историковъ — была полна самаго пламеннаго теизма и глубоко мистическихъ созерцацій; страна, которая въ началѣ нашей эры сыграла фундаментальную роль въ построеніи самаго христіанства (Оригенъ, Климентъ Александрійскій). У насъ, въ Петербургѣ, возлѣ Николаевскаго моста, есть два сфинкса, мимо которыхъ нельзя пройти безъ волненія. Какъ неувядаемо жизненно сложеніе ихъ членовъ! Улыбка, черезъ четыре тысячи лѣтъ—улыбка печальнымъ, хмурымъ петербуржцамъ: юныя и веселыя лица сфинксовъ точно хотятъ прыснуть смѣхомъ на недогадливаго зрителя. Аллеи такихъ сфинксовъ, какъ извѣстно, вели къ египетскимъ храмамъ—неразгаданнаго поклоненія (и по Хрисанѳу--нѣтъ удовлетворительной теоріи для объясненія характернаго для египтянъ поклоненія животнымъ). Мысль сфинкса — «ищи Бога въ животномъ»; «ищи — въ жизни»; «ищи Его—какъ Жизнедавца».

Маленькое соображеніе: по очертанію львиныхъ частей сфинксъ изображаетъ Бога и есть только комментарій къ одному стиху открытой Липсіусомъ «Книги мертвыхъ»: «Я—великая кошка» (слова о себѣ Ра, Солнца); но богъ—какъ можетъ видѣть каждый петербуржецъ—оканчивается спереди человѣкомъ, и, слѣдовательно, полная мысль сфинкса читается: «Бого-человѣкъ». Если припомнимъ кое-какія записи у Геродота о Ѳивахъ и Вавилонѣ, мы догадаемся, что «волхвы съ востока» въ самомъ дѣлѣ тысячелѣтія уже ожидали «во-площенія» Божества и евангельскаго: «Слово —

плоть быть и вселися въ ны». А радостная улыбка сфинксовъ—ее можетъ каждый видѣть — есть выраженіе, что не только радостно будетъ исполненіе, пронесется «благою вѣстью» человѣчеству,—но что и теперь, при Моисеѣ и даже раньше Моисея, сердца уже наполняются восторгомъ этого ожиданія.

Но здѣсь «восторгъ» сфинксовъ сливается съ удивительными пятнами восторговъ, какія перемежаются у нашего «сѣдовласаго» романиста съ пятнами же глубокаго у него неприличія:

«Есть секунды: ихъ всего заразъ приходитъ пять или шесть—и вы вдругъ чувствуете присутствіе вѣчной гармоніи, совершенно достигнутой. Это—неземное; я не про то, что оно небесное, а про то, что человѣкъ въ земномъ видѣ не можетъ перенести: надо перемѣниться физически или умереть. Какъ будто вдругъ ощущаете всю природу и вдругъ говорите: *да, это правда.* Богъ, когда міръ создавалъ, то въ концѣ каждаго дня созданія говорилъ: «да—это правда, это—хорошо». Это—не умиленіе, а только такъ, радость. Вы не прощаете ничего, потому-что прощать уже нечего. Вы не то, что любите — о, тутъ выше любви! Всего страшнѣе, что такъ ужасно ясно и такая радость. Если болѣе пяти секундъ—то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. Въ эти пять секундъ я проживаю жизнь и за нихъ отдамъ всю мою жизнь, потому-что стоитъ. Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически. Я думаю, человѣкъ долженъ перестать *родить*. Къ чему дѣти, къ чему развитіе, коли цѣль достигнута? Въ евангеліи сказано, что въ воскресеніи не будутъ *родить*, а будутъ какъ Ангелы Божіи. Намекъ. Ваша жена *родитъ?*

«— Кирилловъ, это часто приходитъ?

«— Въ три дня разъ, въ недѣлю разъ.

«— Это вы зажгли въ углу лампаду?

«— Я зажегъ («Бѣсы», изд. 82 г. стр. 528).

Теперь, спутавъ узоръ исторіи и романа, мы перейдемъ къ мучительнѣйшей темѣ «Крейцеровой сонаты».

III.

Есть циклъ идей, и именно теизма, принявъ который каждая весь начала бы струиться религіознымъ свѣтомъ; это — циклъ, по коему каждый мужъ ощущалъ бы въ женѣ своей начало религіознаго чего-то, и именно какъ въ женѣ; обратно и жена ощущала бы въ мужѣ своемъ начало опять чего-то религіознаго *); связь ихъ, самая связь, въ одной строкѣ «ветхаго завѣта» выраженная, ощущалась бы не только какъ религіозная, но и какъ «вет-

*) Въ сущности—мы только дорисовываемъ то, начало чего есть: уже сейчасъ это—«будни» всякой семьи и брака.

хая» форма и прототипъ вообще религіи. Вы ощущаете, что семья тогда не въ оболочкѣ и имени своемъ *) была-бы религіозною, но въ существѣ и реально; и религія, внесенная въ таинственный завитокъ бытія, брызнула бы религіознымъ свѣтомъ на дѣтей, религіознымъ свѣтомъ на родителей **). Но вы постигаете, что для этого въ Спасителѣ нужно поклониться не чертамъ Голгоѳы, не печали гроба, но чертамъ Виѳлеема, восторгу «Бого-воплощенія». Тембръ и колоритъ всей европейской цивилизаціи мѣняется, и, собственно, «образъ Божій» въ человѣкѣ перестанавливается изъ академически-катехизическихъ нюансовъ въ кровно жизненные. Съ тѣмъ вмѣстѣ всякій домъ и каждая весь выростаетъ въ храмъ, въ «ветхую скинію» древнѣйшаго поклоненія. Но тутъ... но тутъ съ египетскими сфинксами, которые умерли въ прошломъ, встрѣчаются ожиданія Апостола, которыя обѣщаны будущему: именно, что придетъ Нѣкто, кто «сведетъ огонь съ небеси» и о коемъ чудясь, заговорятъ люди:

— «Кто подобенъ звѣрю сему? онъ далъ намъ огнь съ небеси!» «Звѣрь» ***)—это опять «ищите божьяго въ животномъ» ****), на

*) Плачь «Крейцеровой сонаты»—о томъ, что мы имѣемъ имя семьи, звукъ семьи, фикцію семьи: но у насъ нѣтъ *вещи* семьи, и даже непонятно (недоумѣніе «Сонаты»), какъ и въ циклѣ какихъ идей она могла бы установиться. Ея картины суть картины разврата послѣ вѣнчанія, причемъ мужъ для себя продолжаетъ его, но на путь порока увлекаетъ съ собою теперь и дѣвушку. Заслуга и новизна «Сонаты» и лежитъ въ этомъ, что она поставила угломъ вопросъ о реализмѣ брака и спрашиваетъ, а частью и отвергаетъ (недоумѣнія Толстого) возможность цѣломудренной реализаціи его.

**) Въ циклѣ теперешнихъ нашихъ религіозныхъ идей, или колеблющихся въ отношеніи къ полу, или отрицающихъ (уничтожающихъ) его, религіозность связи родителей и дѣтей есть просто риторическій вздоръ. Она вдалбливается дѣтямъ, какъ непонятный и искусственный урокъ, быстро забываемый, потому что онъ ни съ чѣмъ не связанъ и не связуемъ. Въ сущности, при отрицаніи пола мы имѣемъ экономическую и юридическую, но не религіозную семью. Если она все-таки именуется «священною», то это есть плодъ распорядительнаго акта, а не ея внутренняго характера; и не связанное внутреннимъ ощущеніемъ, человѣческое произволеніе вѣчно пытается выйти изъ-подъ этого распорядительнаго mandat (разложеніе европейской семьи).

***) Апокалипсисъ—книга неразгаданнаго. Но что въ немъ можно понимать, это глубокое его отличіе, отличіе самого характера его написанія (образы, фигуры, видѣнія) отъ повѣствовательно-словеснаго характера Евангелій. Повидимому въ немъ выразилось нѣкоторое недоумѣніе о направленіи, которое сейчасъ же послѣ Голгоѳы и подъ впечатлѣніемъ Голгоѳы стало принимать христіанство. Образы «жены, облеченной въ солнце и кричащей въ мукахъ рожденія», «четырехъ животныхъ передъ престоломъ Божіимъ», и, наконецъ, «звѣря, приносящаго огонь съ небеси» —все это не только не вписуемо въ Евангелія — по крайней мѣрѣ Матѳея, Луки и Марка—но какъ-то и противоположно имъ по духу. Только Евангеліе отъ Іоанна, съ его: «Слово—плоть бысть, и вселился въ ны» имѣетъ въ себѣ нѣчто предуготовительное къ Апокалипсису. См. также опредѣленіе въ немъ Себя Спасителемъ: «Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесъ».

****) Да не смущается умъ читателя, повидимому, грубымъ нашимъ выраженіемъ, которое мы вторично вынуждены употребить: пусть вспомнитъ каждый

что указываютъ сфинксы; а «огонь съ небеси», «небесный огонь», есть огонь пламени брачныхъ узъ, постигнутыхъ въ небесномъ своемъ происхожденіи, которымъ свяжется человѣчество, начавъ религію рожденій взамѣнъ религіи умиранія. Но тогда все мѣняется; одни столбы цивилизаціи вырываются и вкапываются другіе. Въ монастырь, не мѣняя его молитвъ, подъ ихъ покровъ — вводится семья; обратно, въ семью, не мѣняя ея существа, вводится именно для этого существа строгая размѣренность какъ-бы монастырскаго ритуала. Вы понимаете, что отдаленно/именно объ этомъ шептались Долли и Анна, плачетъ—Позднышевъ. Они хотятъ семьи какъ религіи. Но никому не приходило на умъ, какъ далеко это идетъ...

Пунктъ—въ откровенностяхъ Достоевскаго. Не безъ причины его мистицизмъ—возвышеннѣе, чѣмъ у Толстого; его религіозный паѳосъ—неизмѣримо страстнѣе. Онъ вовсе самъ не предчувствовалъ, куда ведутъ его «Карамазовы», и умеръ, не кончивъ ихъ—потому что не умѣлъ бы кончить. Эмбріонъ всѣхъ сфинксовъ и того, кто принесетъ «огонь съ небеси», заключается уже теперь въ институтѣ брака, который какъ только изъ речитатива «Господи, помилуй», переведемъ къ красотѣ и нѣгѣ мистической херувимской пѣсни—мы и получимъ новую религію... мы получимъ христіанство же, но выраженное столь жизненно-сладостно, что около Голгоѳы, аскектической его фазы, оно представится какъ бы новою религіей...

IV.

«Семья—да будетъ домъ Божій», «бракъ — несокрушимымъ и вѣчнымъ таинствомъ» плачемся мы, люди, законы, царства. Но, ради Бога, какъ, откуда онъ будетъ «домомъ Божіимъ», если глубь его сливается съ идеей послѣдняго грѣха? Переверните все, внесите въ эту глубь свѣтъ Божій, помѣстите туда Покло-няемое Лице Божіе, и семья станетъ въ самомъ дѣлѣ бого-поклоненіемъ, а бракъ—не фиктивно-религіознымъ таинствомъ. Вы хотите теитизаціи бытія; «міръ—отъ Бога»: однако—поверхностно, или въ глубинѣ? Вы поставили образъ Божій *около* дома: естественно, что домъ вашъ и не свѣтится имъ. Внесите этотъ образъ *въ* домъ—и онъ станетъ храмъ, «домомъ молитвы» наречется. Но «домъ» бытія нашего—на днѣ брачнаго завитка: если тамъ Богъ—міръ храмъ; и никогда вы не постигнете, и ничѣмъ вы не достигнете, чтобы міръ былъ «Божій», если оттуда вынесете образъ Божій и поставите «около», на крышѣ, «крылѣ храма» и вообще гдѣ-нибудь

у евангелиста Іоанна слова Спасителя о Себѣ въ тайномъ и непостижимомъ раскрытіи ученикамъ Своей природы: «Азъ есмь хлѣбъ *животный*, сшедый *съ небесъ*», и еще: «Азъ есмь *лоза* и вы—вѣтви». Дѣло въ томъ, что космосъ распадается на минеральную и жизненную, животную сторону: Бога, конечно, предлежитъ искать во второй. Но *узелъ жизни* лежитъ въ точкахъ и секундахъ, нами трактуемыхъ по поводу «Крейцеровой Сонаты».

«пнуду». Но оставимъ міръ, будетъ судить жену и мужа: святы-ли они другъ для друга? О, какъ хотѣлось бы! Однако—чѣмъ? Мы имѣемъ бракъ: драгоцѣнныя его черты выражены ли въ академическихъ нюансахъ, въ томъ, что онъ—«образованъ» и она—«хороша»? Какая профанація! глубже, глубже! «и въ болѣзни — не оставляй», «и въ безобразіи—сохрани». Да почему? почему? — Да потому, что «святое» ихъ обоихъ, тотъ фактъ, что они «святятся» другъ для друга — не по поверхности скользитъ, но уходитъ въ глубь именно и спеціально по линіямъ ихъ связи: къ Единому Образу, которому они тамъ поклонились. Вотъ откуда—свѣтъ брака! Бракъ есть поклоненіе «невидимому свѣту». Отрицательный-ли онъ? Да онъ и побѣждаетъ смерть, не иносказательно, но фактомъ: гдѣ мое и женино въ этомъ младенцѣ? Мы—живы въ немъ, а черезъ его нарожденія—живы въ безконечность. «Смерть—гдѣ твое жало?» Мать умираетъ за младенца; она—въ немъ; и краткій обрывокъ частнаго въ себѣ бытія естественно жертвуетъ за безконечное (въ будущемъ) свое же «я». Не только въ колоритѣ, въ тембрѣ рожденіе противоположно смерти: оно въ самомъ дѣлѣ вѣчно вырываетъ у нея жертву, оставляя въ рукахъ ея, «подъ косою», скорѣе скорлупу бытія, нежели самое бытіе, ускользающее черезъ рожденіе—въ жизнь. Но оставимъ философію, займемся религіей: что значитъ, что мы тамъ «образу поклоняемся»? Въ чемъ сущность поклоненія? Гдѣ, — о чемъ плачетъ Позднышевъ, — граница между «развратомъ», кощунствомъ въ бракѣ, и «религіей, «святымъ» брака? Здѣсь мы подходимъ къ труднѣйшей сторонѣ темы; но вотъ нѣсколько чертъ отвѣта. Свѣтъ образа отражается свѣтлымъ поклоненіемъ; если есть свѣтъ, душа не темна и не скорбна въ секунды брака—онъ правиленъ; замутнѣніе его раньше и чутче всего сказывается разстройствомъ его глубинъ. Искусство жить въ семьѣ заключается въ вынесеніи, въ выбрасываніи тотчасъ каждой соринки, которая въ житейскомъ быту со стороны попадаетъ въ нее, или по несчастію и грѣховности человѣческой природы зарождается въ ней же (семьѣ). Вина ли—сейчасъ покайся; слабъ, немощенъ—не ищи на сторонѣ утѣшенія. Во-истину—«домъ Божій», гдѣ «все вмѣстѣ». Поразительно, что малѣйшая тѣнь неуваженія, казалось бы, такъ мало относящаяся къ существу плоти, сейчасъ ее разстраиваетъ. Наступаетъ видъ плотскаго другъ къ другу отвращенія. Итакъ, сущность чистаго брака есть совершенная любовь; бракъ «святъ», «религія» — въ «истинѣ» и «въ любви»; а безъ любви, при обманѣ—«развратъ» *). Даже отрицательные фено-

*) Вотъ почему глубочайшее есть кощунство настаивать на *продолженіи брака*, когда въ немъ умерла любовь и правда. Это значитъ настаивать, заставлять, принуждать къ *разврату* (не чистыя соединенія, ругательства передъ Образомъ). Одно соединеніе съ отравленною совѣстью заражаетъ непоправимымъ грѣхомъ тѣло и душу человѣка. Вѣроятно, догадываясь объ этомъ, чут-

мены поучительны здѣсь: всякій видъ духовнаго идеализма, между встрѣтившимися, заканчивается плотскимъ союзомъ: не свидѣтельство ли, что глубь идеализма уходитъ сюда? Но вотъ—союзъ расторгается; прежде всего, какая скорбь, даже для окружающихъ: что-то жалостливое-жалостливое, слезы и муки, какъ бы въ самомъ дѣлѣ еще Титъ разрушаетъ опять Іерусалимъ... религіозно-жалостливое! Но распаденіе совершилось, мертвое зернышко грѣха, попавъ въ скинію, раскололо ее на половины: что же дѣлаетъ каждая половина, до могилы, путемъ всѣхъ жертвъ? Собственно «развратъ» каждому открытъ, да и другъ съ другомъ они могли бы продолжать «развратъ»; но именно отъ него они уходятъ въ новое поклоненіе, ищутъ сіянія, довѣрія, уваженія, тысячи душевныхъ чертъ, около такого, казалось бы, безсодержательнаго, «животнаго» акта. Но «ищите Божьяго въ животномъ»: мысль сфинксовъ не только скрываетъ идею брака, но и указываетъ его законъ—нимбъ свѣтлаго, духовнаго около него сіянія, какъ отграниченіе его отъ разврата. Но, продолжаемъ, тема эта безконечно трудна: здѣсь тысячи варіантовъ въ зависимости отъ тысячи варьирующихся лицъ. Вотъ, однако, еще одна черта религіознаго, святого въ бракѣ.

Это—цѣломудріе, какъ «je suis» пола. Удивительная его черта, что оно не исключаетъ плотской связи. Собственно, цѣломудріе есть сіяніе пола, но идеалы величайшаго цѣломудрія суть жены, а не дѣвы. Мысленно обѣжавъ взглядомъ рядъ извѣстныхъ вамъ лицъ, вы непремѣнно остановитесь какъ на особенно цѣломудренныхъ, именно на льющихъ изъ себя какой то религіозный свѣтъ, — на рѣдкихъ, но именно женщинахъ. Тарквиній остановился на Лукреціи; Толстой далъ намъ рядъ лицъ, которыхъ не нужно называть; Дездемона—вотъ еще примѣръ. Итакъ, это удивительно, но и безспорно, что святой союзъ не исключаетъ дымки величія, не срываетъ таинственности и святости съ пола. При умѣломъ бракѣ, дѣвственно-вѣнчальная фата какъ бы не снимается вовсе, не снимается никогда съ чела: и уже въ морщинахъ и многоплодные, супруги еще радуются одинъ на другого, какъ бы невѣста и женихъ *). Но сосредоточимся на цѣломудріи: оно есть черта именно и спеціально только пола; это—не качество ума, не особенность сердца, не принадлежность характера; это—уваженіе человѣка къ своему полу, молчаливое и бережное отношеніе къ нему, какъ къ не-

---

кіе евреи не *допустили* только, но *потребовали* непремѣннымъ условіемъ семьи субъективный (по волѣ мужа) разводъ: «я *грѣшенъ противъ нее*—и не могу больше съ нею соединиться». «Цѣлый» міръ меня до этого (до супружескихъ отношеній) допускаетъ и она сама: но я знаю мой грѣхъ и не хочу оскорблять Бога». Требованіе развода есть слѣдствіе страха Божія въ семьѣ.

*) Образъ этой старой радости данъ въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» у Гоголя: нельзя не замѣтить, что какъ бы призывъ къ этой старой радости содержится въ обѣтованіи Божіемъ уже девяностолѣтнимъ и безнадежнымъ Саррѣ и Аврааму.

нарушимо-святому въ себѣ. Между высокими качествами ума и сердца нѣтъ, однако, ни одного, которое бы идентично было цѣломудрію: оно ихъ превосходитъ всѣхъ именно какимъ то небеснымъ сіяніемъ, отъ него льющимся. Мы назовемъ «героинею» самоотверженную женщину; но «святою» не только не назовемъ оскопленную женщину, но и преднамѣренно-упорную старую дѣву: но невѣсту—въ отношеніи къ обѣщанному жениху, жену—въ отношеніи къ мужу, мать—въ отношеніи къ младенцу; т. е. цѣломудріе есть черта дѣятельнаго, а не молчащаго пола. Теперь станемъ наблюдать дальше—и мы будемъ восходить въ удивленіи: именно цѣломудренная-то женщина и остановится источникомъ глубочайшаго къ ней влеченія. Тарквиній рискнулъ короной для одной такой; Достоевскій, вовсе не догадываясь о конечномъ смыслѣ своего рисунка, далъ намъ рядъ такихъ порывовъ («Карамазовщина», Свидригайловъ). Но о чемъ всѣ эти пугающіе факты свидѣтельствуютъ, какъ не объ отраднѣйшой—для постигающаго ума—вещи, что истина пола и душа полового притяженія не развратъ, но чистота, цѣломудріе и, наконецъ, высшій его лучъ, нѣчто религіозное. На этомъ порывѣ—религіозномъ и къ религіозному,—и завязывается бракъ; и онъ не только не разрушаетъ цѣломудрія, но еще удлиняетъ его таинственныя и влекущія рѣсницы, уплотняетъ фату дѣвства. Половой актъ, въ душѣ и правдѣ своей, для насъ совсѣмъ теперь утерянной, есть именно актъ не разрушенія, а пріобрѣтенія цѣломудрія: и только пройдя черезъ бездны его отрицанія, невыносимаго его загрязненія, мы впали въ дѣйствительность, изъ которой даже взглянуть и увидѣть радостную истину намъ почти не дано *).

V.

Толстой не подмѣтилъ, не зналъ этого Достоевскій, да и вообще ускользаетъ это отъ вниманія людей, что отрицательно-грязныя явленія пола возникаютъ не на почвѣ утвердительнаго къ

*) Замѣчательная безгрѣшность младенца вытекаетъ отсюда. Въ сущности, около младенца всякая взрослая (гражданская) добродѣтель является уменьшенною и ограниченою, и человѣкъ, чѣмъ далѣе отходитъ отъ момента рожденія, тѣмъ болѣе темнѣетъ. Въ сіяніи младенца есть ноуменальная, по-ту-свѣтная святость, какъ бы влага по ту сторонняго свѣта, еще не сбѣжавшая съ рѣсницъ его. Домъ безъ дѣтей—теменъ (морально), съ дѣтьми—свѣтелъ; долго смотря или общаясь съ младенцемъ, мы исправляемся, возвращаемся къ незлобію и правдѣ. Откуда все это, когда это «барахтающееся животное» (говорятъ циники) есть плодъ «животнѣйшаго» акта (говорятъ еще худшіе циники)? Съ ихъ точки зрѣнія,—все непостижимо; но какъ только мы отожествимъ душу пола съ цѣломудріемъ, и его ритмъ—съ восхожденіемъ по ступенямъ цѣломудрія, тотчасъ мы и поймемъ, что младенецъ, плодъ полового акта, есть отѣлесненное цѣломудріе, отъ коего онъ и заимствуетъ всѣ черты свои (невинность). Плодъ виновнаго акта былъ бы виновенъ же, скареденъ: иначе невозможно ни метафизически, ни религіозно.

нему отношенія, но именно—отрицательно-ослабленнаго. Позднышевъ, коего безъ нескромности мы можемъ отождествить съ Толстымъ—онъ плачетъ о бракѣ; это—*не онъ* убилъ жену: онъ взять какъ иллюстрація, какъ иллюстрирующій, и иллюстрирующій Толстой-Позднышевъ не только не «убилъ» жену, но въ мелко растлѣнномъ обществѣ выросъ въ столпъ постиженія семейной красоты и создалъ почти литературу цѣломудрія. Но вотъ фактъ поразительнѣе: ссыльный, игрокъ, авторъ невыразимо грязныхъ картинъ, Достоевскій автобіографически далъ почти прототипъ трогательнѣйшаго семьянина: «Евангеліе передай Ѳедѣ» (старшему сыну)—были его предсмертныя слова женѣ, и въ какой трогательнѣйшей обстановкѣ подробностей!

Оба писателя «поклонились» полу; отсюда ихъ тайновѣдѣніе жизни пола. Но, по истинѣ, лучшій плодъ, нежели это вѣдѣніе, есть ихъ біографія, ихъ трудъ, ихъ какая-то религіозность въ семьѣ,—какъ и что-то чуть-чуть, но кровное же и въ религіи, страстное. Мы подошли къ узлу великой исторической загадки: какъ существуетъ бракъ, какъ онъ можетъ существовать, не разлагая либо религіи собою, либо жизни? Вѣдь что такое «бракъ», какъ не утвердительнѣйшее отношеніе къ полу, не доведеніе этого отношенія до религіи, до культа, до начинающагося склоненія передъ нимъ и поклоненія ему? Помилуйте, человѣкъ «оставляетъ отца и мать» и беретъ обузу на себя на весь остатокъ жизни—за что? За мелочи, характерно выраженныя Достоевскимъ; ибо безъ нихъ возможна вѣчная дружба, но только съ этими «мелочами», кровью и сѣменемъ, начинается «бракъ». Конечно—это поклоненіе, и въ такой сферѣ, что, казалось, оно должно бы разорвать въ клочки жизнь, какъ вихрь разрываетъ сплошную тучу. По въ «бурѣ—Богъ», какъ уже замѣтилъ Іовъ: не только жизнь не разорвана этимъ культомъ пола, но она имъ сцементирована до неразрываемой прочности, до совершенной несокрушимости жизненной ячейки—семьи. Взглянемъ теперь на религію: ей ли, «чистой» и «безплотной», не загрязниться, не потрястись до фундамента, не извратиться до глубины отъ касаній пола? какая чудовищная несовмѣстимость! Но будьте терпѣливы, но будьте зорче: религія почти во всей своей существующей полнотѣ струится отъ пола: это—молитвы отцовъ о дѣтяхъ, матерей—о нихъ же; молитвы дѣтей, повторяющихъ слова за няней. Тамъ и здѣсь—это молитвы пола, т. е. имѣющія полъ въ скрытой глубинѣ своей. Холодны ли онѣ? притворны ли? Нѣтъ глубочайшихъ, нѣтъ страстнѣйшихъ молитвъ!.. Даже Некрасовъ-«гражданинъ» подмѣтилъ ихъ:

Внимая ужасамъ войны
. . . .
Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Прямыя истинныя слезы —
То слезы бѣдныхъ матерей:
Имъ не забыть своихъ дѣтей!

Такъ не поднять плакучей иве
Своихъ поникнувшихъ ветвей.

Нѣтъ высшей красоты религіи, нежели религія семьи. Но тогда и семья, т.-е. въ кровности своей, въ плотскости своей, въ своей очевидной тѣлесной зависимости и связности, не есть-ли также, обоюдно и взамѣнъ, религія? Т.-е. если столь очевидно религія льется изъ плотскихъ отношеній, то и обратно—нѣтъ-ли религіозности въ самыхъ плотскихъ отношеніяхъ? въ ихъ фактурѣ? Все это безмолвно и для всѣхъ неощутимо выражено въ самомъ институтѣ «брака»: онъ и есть теитизація пола; т.-е. это не только фактъ склоненія человѣка передъ поломъ до культа, до религіи, но это—самою церковью выраженное признаніе, что тутъ возможно религіозное склоненіе, т.-е., что начала пола не только не враждебны или не сторонни для нея, но и, напротивъ, существенно входятъ въ нее. Если «бракъ» есть или можетъ быть «религіозенъ»,—то, конечно, потому и при томъ лишь условіи, что «религія» имѣетъ что либо въ себѣ «половое». Полъ теитизируется: это даетъ эфирнѣйшій цвѣтокъ бытія—семью; но и теизмъ непремѣнно и сейчасъ же сексуализируется: мы становимся цѣломудренно-возвышенны въ бракѣ, но (повидимому) низводя къ чему-то нѣсколько земному и даже чуть-грязному — религію. Возможно-ли это? можно-ли подниматься къ небу цѣною пониженія его? Не «возможно» только—но фактъ: земная матерь, въ самомъ дѣлѣ въ подробностяхъ своего материнства—какъ посредство между «Небеснымъ Отцомъ» и небеснымъ-же, но и вмѣстѣ «человѣческимъ сыномъ». Тайна Боговоплощенія: «Слово—плоть бысть и вселися въ ны».

Такимъ образомъ, фундаментальное очертаніе христіанства не только не без-«поло», какъ думаютъ нѣкоторые, не без-«плотно»: но именно эта религія, съ во-«площеніемъ» въ центрѣ, и есть истинное поклоненіе ставшей божескою плоти. Въ одномъ удивительнѣйшемъ и, собственно, единственномъ, Христомъ оставленномъ таинствѣ это и выражено: «вкусите тѣла—и живы будете», «испейте крови—въ жизнь вѣчную». Что за непонятныя слова! Но вотъ что совершенно безспорно и понятно въ нихъ: Христосъ открылъ черезъ нихъ ученикамъ, что «тѣло—въ жизнь вѣчную» не только не есть что-то земное и печальное въ Немъ, слѣдъ земного и недостаточнаго около Него материнства, но что это то «тѣло», плодъ земной Матери, и особенно важно, «спасительно», даже спасительнѣе Его словъ, для людей. Ни объ одномъ рѣченіи, ни о какой истинѣ Имъ не сказано словъ такой значительности, какъ о Своемъ «тѣлѣ». Такимъ образомъ «тѣлесность», «плотскость» христіанства совершенно безспорна не только изъ тайны во-«площенія», но и изъ глубоко связаннаго съ нимъ таинства эвхаристіи. Но одно и другое имѣетъ на землѣ для себя отраженіе: это — семья, бракъ; теитизація пола и узелъ связей, гдѣ все «во-образъ Отца»,

«по образу Сына», по примѣру полу-небесной, полу-земной «Матери» [1]).

VI.

Такимъ образомъ, семья точно такъ же имѣетъ для себя религію въ христіанствѣ, какъ и институтъ монашества; и если аскеты, какъ мы знаемъ, именуютъ себя «небесными человѣками», «земными ангелами», то и многоплодный и заботливый отецъ, покорный родителямъ сынъ, цѣломудренная дочь, завтра выростающая въ еще цѣломудреннѣйшую жену—суть также образы небесныхъ прообразовъ. Они не суть ослабѣвшіе въ грѣхѣ люди: они восходятъ въ нѣкоторую положительную святость, и только по иной, полярно-противоположной Голгоѳѣ, скалѣ: «зла»—«блага».

Выраженное въ нюансахъ Голгоѳы, христіанство естественно отнесло въ гробъ, «схиму», въ заживо-погребенность идею послѣдняго торжества надъ грѣхомъ, окончательнаго подчиненія Христу Въ чинѣ «великаго пострига», постригаемый, на коего наброшена темно-пепельная мантія съ изображеніями мертвой головы и костей, подъ нею сложенныхъ крестомъ, на вопросъ троекратно повторяемый:

— По комъ грядеши?

Отвѣчаетъ троекратно же:

— По Тебѣ, Господи.

Это—смерть, возведенная въ апоѳеозъ святости; Голгоѳа, которую несетъ человѣкъ, какъ Спаситель несъ гвозди и крестъ. Болѣе чѣмъ постижимо, что величайшее отрицаніе смерти, до нѣкоторой степени надъ нею побѣда и ея упраздненіе, лежащее въ глубинѣ брачнаго завитка, слилось съ идеею послѣдняго грѣха. Но это—все относительно: перенесемся въ Виѳлеемъ — и Голгоѳа представится въ истинномъ своемъ свѣтѣ, какъ страданіе, какъ враждебное Христу, какъ въ самомъ дѣлѣ,—распинаніе Его. Смерть и къ ней ступени представутъ въ истинномъ своемъ видѣ — какъ ступени грѣха, какъ виды отрицанія; а виды святости, нисходя по ступенямъ семейнаго труда, семейнаго «несенія тяготы другъ друга», благочестиваго въ семьѣ веселья—падаютъ, какъ къ «первому святому», въ самый завитокъ бытія человѣческаго. Христіанство,

---

[1]) Нельзя не настаивать твердо что въ Божіей Матери мы поклоняемся именно Пречистому Тѣлу Ея, какъ Престолу Божію, — но не скорби Ея передъ Голгоѳою, и вообще не остальному Ея жизненному пути. Дѣло въ томъ, что въ христіанствѣ мы имѣемъ ноуменальное событіе, но дали ему исключительно феноменальную разработку, прицѣпились мыслью и вниманіемъ къ понятному и раціональному въ немъ, какъ понятная скорбь, понятная любовь къ ближнему, понятное страданіе (Христа) за правду. Вездѣ мы взяли въ Христѣ понятное и обходимъ безмолвно Божеское.

читаемое правильно, отъ начала къ концу, изъ рыданія надъ гробомъ и около гроба переходитъ въ неизъяснимую глубину херувимской пѣсни около брака. И «слово плоть бысть» Новаго Завѣта сливается съ «бысть два въ плоть едину» Завѣта Ветхаго. Только при этомъ постиженіи становятся доказуемо-ясными словами: «Я не разрушить пришелъ законъ, а — исполнить». Въ противномъ случаѣ («лучше не жениться») получалось бы расхожденіе Ветхаго и Новаго Завѣта, съ послѣдствіями (таковаго расхожденія), которыхъ и предвидѣть нельзя...

Мы начали съ «іотъ» евангельскихъ, которымъ поработило себя восторженное и неразумное человѣческое сердце, съ сомнительнаго колорита въ немъ и неясныхъ указаній, никогда внимательно не разобранныхъ. Мы привели нить разсужденія, чрезвычано опасную: такъ узокъ путь, по коему она тянется,—и страшныя стремнины, бѣдственнѣйшія заблужденія тѣсно сжимаютъ пробирающуюся между ними истину. «Торжество пола»:—не торжестбо-ли разврата? не разнузданность ли чувственности? Нѣтъ и нѣтъ! Не это конечная гибель манила насъ въ нашихъ разсужденіяхъ: совершенно обратное—страхъ Божій, который окружи: бы родникъ бытія человѣческаго и всякое подхожденіе человѣка къ бездонной его пропасти. Именно сюда, именно въ узелъ,—откуда безъ молитвы исходятъ чудовищныя гарпіи,—мы зовемъ молитву, благочестіе, тихую радость; а раскрывая значеніе пола, заглядывая въ глубь его бездны, мы утверждаемъ, что молитва здѣсь есть не только предохраненіе, но что она и соотвѣтствуетъ его мистически-неясной глубинѣ. Не безъ великаго смущенія мы написали здѣсь многія слова; но пусть читатель довѣрится, что авторъ зналъ весь рискъ этихъ словъ, и значитъ были они неизбѣжны, когда, постановивъ ихъ полными буквами и въ надлежащемъ порядкѣ, онъ и самъ прошелъ чрезвычайно близко къ краю величайшаго и гибельнаго осужденія, какому вообще можетъ быть подвергнуто имя писателя. Все рисковано здѣсь — въ мысли, для имени пишущаго; но нѣтъ еще областей, которыя содержали бы такія великія обѣщанія, какія находитъ человѣкъ здѣсь, подходя къ утреннему лучу своего «я», и, съ любопытствомъ разсматривая его, открываетъ точно природу «горняго міра», въ которой нѣтъ иныхъ путей, кромѣ этихъ опаснѣйшихъ. Есть еще иной, темный—могила: но съ того пути «никто не возвращался»...

Полемическіе матеріалы.

---

1. Бракъ—какъ религія и жизнь.—І. Колышко.

«Крейцерова Соната» и ея уродливый побѣгъ «Прелюдія къ Шопену»—все еще волнуютъ кое-кого. На-дняхъ извѣстный и симпатичный г. Розановъ напечаталъ въ «С.-Пет. Вѣдом.» двѣ статьи, подъ заглавіемъ: «Семья—какъ религія». Объ нихъ стоитъ потолковать.

По мнѣнію г. Розанова, бракъ—религія. Полъ—святъ. Поклоненіе ему есть поклоненіе образу Бога. Актъ супружеской любви—есть актъ религіознаго культа. Плоть съ экстазомъ ея можетъ и *должна* въ честномъ бракѣ доводить людей до такой же «святости», какую обрѣтаютъ схимники и аскеты, хотя путь этотъ, скала восхожденія и «полярно-противоположна Голгоѳѣ»...

Я помѣстилъ главные тезисы статьи г. Розанова не въ порядкѣ ихъ развитія авторомъ, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ легче къ нимъ приглянуться, по нимъ подняться, или, вѣрнѣе, по нимъ спуститься въ «опасную бездну».

«Семья—да будетъ домъ Божій»! «Бракъ—несокрушимымъ и вѣчнымъ таинствомъ»

Эти слова Св. Писанія [1]) понимаются г. Розановымъ не въ поверхностномъ значеніи ихъ, а въ самой глубинѣ; они подразумѣваютъ собой не «гражданскія», не патріархальныя и этическія формы брака, а самыя нѣдра «брачнаго завитка»,—тѣ отношенія

---

[1]) Авторъ не правильно понялъ слова моей статьи: это—не текстъ, а *общія, частныя* пожеланія насъ, мірскихъ людей, но, впрочемъ, также и пожеланіе церкви вступающимъ въ супружество людямъ: «да святится вашъ домъ какъ храмъ», «да будете вы святы другъ другу», «ваша связь—отнынѣ и довѣка не сокрушима». Я не беру текстъ изъ Писанія, но подслушиваю *пожеланія* міра, *идеалы* міра, *вздохи* міра. *Прим. В. Р—ва.*

супружащихся, которыя смѣшиваются [1]) съ идеей послѣдняго грѣха. «Переверните все, внесите [2]) въ эту глубь свѣтъ Божій, помѣстите туда поклоняемое Лицо Божіе, и она (глубь) станетъ въ самомъ дѣлѣ Богопоклоненіемъ, а бракъ—не фиктивно-религіознымъ таинствомъ»...

«Святое» супруговъ, тотъ фактъ, что они «святятся другъ для друга», по мнѣнію автора, не по поверхности скользитъ, но уходитъ въ глубь и *специально по линіямъ ихъ связи:* къ единому образу, которому они такъ поклоняются... Вотъ почему бракъ есть поклоненіе «невидимому свѣту», а полъ, безъ котораго немыслимъ бракъ, святъ...

Тотъ свѣтъ, которому поклоняются брачущіеся, не можетъ быть отрицательнымъ уже потому, что онъ зажигаетъ [3]) новую жизнь и въ дѣтяхъ побѣждаетъ смерть родителей... Рожденіе вырываетъ у смерти бытье, оставляя подъ косой ея лишь скорлупку: «самое бытье черезъ рожденіе ускользаетъ въ жизнь».

Переходя къ доказательствамъ, почему полу надлежитъ поклоненіе, почему полъ можетъ и долженъ стать культомъ брачущихся, ихъ религіей, «поклоненіемъ образу», авторъ сознается, что здѣсь самая трудная часть его задачи. Онъ говоритъ такъ:

«Искусство жить въ семьѣ заключается въ вынесеніи, въ выбрасываніи тотчасъ каждой соринки, которая въ житейскомъ быту попадаетъ въ нее со стороны, или по несчастію и грѣховности человѣческой природы, нарождается въ ней же (семьѣ)... Малѣйшая тѣнь неуваженія плоти сейчасъ же разстраиваетъ ее. Наступаетъ видъ плотскаго другъ къ другу отвращенія... Сущность чистаго брака есть совершенная любовь, а безъ любви и при обманѣ—онъ развратъ».

---

[1]) Мірянами, но, кажется, также и церковью. Однажды у меня сидѣла въ гостяхъ ветхая-ветхая бабушка, лѣтъ 64, однако бодрая и свѣжая. «—Ну, бабушка, скажите мнѣ, *отъ кого* родятся дѣти», спросилъ я ее. «—Отъ *Бога*», отвѣтила она мнѣ съ такимъ чувствомъ, что какъ-бы только глупый можетъ въ этомъ сомнѣваться, или не вѣрящій въ Бога—объ этомъ серьезно спрашивать. Это было за чаемъ. Входитъ ея дочь, женщина лѣтъ 40, мать 5-хъ чудесныхъ дѣтей. Продолжая думать объ этой темѣ, я и ее спросилъ: «Скажите, В. А—на, вотъ мы говоримъ съ вашей мамой о дѣтяхъ, и я не понимаю, откуда-же *очистительная молитва* надъ роженицей?» — «Какъ откуда?» Она немножко смутилась: «всетаки дѣти *зачинаются изъ грѣха*». Эта сбивчивость: «отъ Бога» и «изъ грѣха» проникаетъ все и всѣхъ людей сознаніе, простецовъ и мудрыхъ. Съ кѣмъ я ни говорилъ, никто на этотъ вопросъ не умѣетъ отвѣтить. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Такимъ образомъ это еще *проблема*. Въ сужденіяхъ о бракѣ мы должны строго раздѣлять эти двѣ линіи мыслей: *проблематическую*—какъ тему нашихъ *усилій*, и *изъяснительную* какъ метафизику *явленія* брака, т. е. что вотъ возникаетъ желаніе, исполняется—и тогда рождаются дѣти. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Здѣсь *проблема* переходитъ въ *изъясненіе* и *опирается* или пытается опереться на него. «Можно поклониться образу, если возникаетъ столь святое какъ младенецъ», *тамъ* святость—потому что *оттуда* святое (красота, сіяніе младенца). *Прим. В. Р—ва.*

Поклоненіе полу выражается особенно ярко въ цѣломудріи, которое авторомъ удачно называется «сіяніемъ пола». Это сіяніе имѣетъ то особенное свойство, что оно усиливается въ бракѣ. Идеалы величайшаго цѣломудрія суть *жены*, а не *дѣвы*. При умѣломъ бракѣ дѣвственно-вѣнчальная фата какъ бы не снимается вовсе съ чела, а, наоборотъ, уплотняется. «Цѣломудріе—есть уваженіе человѣка къ своему полу, молчаливое и бережное отношеніе къ нему, какъ къ ненарушимо-святому въ себѣ»... Оно есть черта *дѣятельнаго*, а не молчащаго пола,—ибо мы не называемъ цѣломудренной преднамѣренно упорную дѣву, а за то назовемъ «святой»—невѣсту въ отношеніяхъ къ своему жениху, жену—къ мужу, мать—къ дѣтямъ. Вотъ почему цѣломудренная женщина возбуждаетъ столь глубокое влеченіе къ ней. Это влеченіе—есть поклоненіе дѣятельному, «святому» полу, истинѣ его, познающейся въ бракѣ. Основа, «душа» полового притяженія—не развратъ, а чистота, цѣломудріе; и высшій лучъ этого притяженія, экстазъ плоти—нѣчто религіозное, духовное. На этомъ порывѣ—религіозномъ и къ религіозному—и завязывается бракъ: и онъ не только не разрушаетъ цѣломудрія, но еще удлиняетъ его таинственныя ресницы, уплотняетъ фату дѣвства... Актъ плоти, въ душѣ и правдѣ своей, есть актъ не разрушенія, а пріобрѣтенія цѣломудрія... Плодъ этого акта-младенецъ—есть отѣлесненное цѣломудріе, отъ коего онъ и заимствуетъ всѣ черты свои (невинность). Плодъ виновнаго акта былъ бы виновенъ же, скареденъ [1])...

Хотя бракъ и есть утвердительнѣйшее отношеніе къ полу, доведенное до религіи, до культа, до поклоненія передъ нимъ, церковь, тѣмъ не менѣе, не только не осуждаетъ, но и поощряетъ это склоненіе. Начала пола не только не враждебны, или не сторонни для нея, но, напротивъ, существенно входятъ въ нее. А если это такъ, если «бракъ» есть или можетъ быть религіозенъ,—то не потому ли, что сама религія имѣетъ [2]) въ себѣ что-либо «половое»?!

---

[1]) Вотъ мой главный аргументъ. Не забуду одного впечатлѣнія. Еще гимназистомъ я разъ положилъ хризолиду (куколку) въ коробку, но долго ничего не могъ дождаться и уже принялъ ее за мертвую. Разъ подхожу утромъ и открываю коробку: меня не испугалась, *впервые увидѣвъ человѣка*, чудная бѣлая ночная бабочка, огромная и нѣжная. Я съ волненіемъ смотрѣлъ на нее, на ея. еще не потерявшие ни одной чешуйки, крылышки. Что-то святое и чудное повѣялось отъ нея на меня. Я почувствовалъ, что до нея *ужасный* грѣхъ было-бы дотронуться, погубить ея довѣрчивость и воспользоваться неопытностью, тутъ-же наколовъ на булавку. И я ее выпустилъ. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Зачѣмъ удивляется авторъ? Христосъ оставилъ намъ евхаристію; *но еслибы Онъ былъ безъ-тѣлесенъ Самъ*, была-бы евхаристія и вкушали-ли бы мы «*тѣла* и *крови* Христовой», хотя-бы Онъ духовно и какъ Духъ насъ научилъ этому или намъ внушилъ это? *Тѣлесность* Спасителя есть conditio sine qua non евхаристіи: до во-*человѣченія* Бога и не было. въ Ветхомъ Завѣтѣ, евхаристіи. Но, аналогично этому, matrimonium divinum («таинство») требуетъ какъ условія своего sexualem divinationem. *Прим. В. Р—ва.*

Фундаментальное очертаніе христіанства не только не безъ «поло», не безъ «плотно» [1]), какъ думаютъ нѣкоторые, но именно эта религія, съ воплощеніемъ «въ центрѣ, и есть истинное поклоненіе ставшей Божескою плоти». «Слово—плоть бысть и вселился въ ны». «Вкусите тѣла—и живы будете»! «Испейте крови—въ жизнь вѣчную»! Эти, на первый взглядъ непонятныя слова, установившія единственное и важнѣйшее таинство—евхаристіи, не подтверждаютъ ли устами Христа, что «тѣло» Его—плодъ земной матери—и важно и «спасительно», даже спасительнѣе словъ Его?!

Такимъ образомъ, бракъ точно такъ же имѣетъ для себя религію въ христіанствѣ, какъ и институтъ монашества. И если аскеты, какъ мы знаемъ, именуютъ себя «небесными человѣками», «земными ангелами», то и многоплодный и заботливый отецъ, цѣломудренная, многочадная мать суть также образы небесныхъ прообразовъ. Эти люди, по[illegible]ие экстазъ поклоненія плоти, не суть ослабѣвшіе въ грѣхѣ люди: они восходятъ въ нѣкоторую положительную святость и только по иной «полярно-противоположной Голгоѳѣ—скалѣ».

Христіанство, читаемое правильно, отъ начала къ концу, изъ рыданія надъ гробомъ и около гроба, переходитъ въ неизъяснимую глубину Херувимской пѣсни около брака. И «слово плоть бысть» Новаго Завѣта, сливается съ «бысть два въ плоть едину» Завѣта Ветхаго. Только при этомъ постиженіи становятся доказуемо ясными слова Спасителя: «Я не разрушить пришелъ законъ, а исполнить».

Въ заключеніе г. Розановъ поясняетъ, что, на краю бездны, куда завела его опасная тема, имъ руководили не соблазнъ, а страхъ Божій. Образъ Божій, страхъ Божій должны стоять на стражѣ родника бытья человѣческаго. «Именно сюда, въ этотъ узелъ, откуда безъ молитвы исходятъ чудовищныя гарпіи,—мы зовемъ молитву, благочестье, тихую радость».

Раскрывая значенье пола, заглядывая въ глубь его бездны, г. Розановъ утверждаетъ, что молитва здѣсь есть не только предохраненіе, но что она и *соотвѣтствуетъ* его мистически неясной глубинѣ»...

* *
*

Я старался привести въ послѣдовательный порядокъ существеннѣйшія мысли автора, разбросанныя съ свойственной только русскому таланту безпорядочностью. Этихъ мыслей, какъ видитъ читатель, хватило бы на цѣлый томикъ убористой печати, если бы

---

[1]) Плоть (всякая) eo ipso есть полъ. Собственно, каждая *клѣточка*, т. е. частица тѣла, имѣетъ *пока живетъ*—оба пола въ *конъюнкціи*. Умеревъ, эта частица есть уже *минералъ*, и тогда только она становится *внѣ*-полою, *безъ*-полою. Смерть есть феноменъ потеря пола, *кастраціи* міра или частицы міра. Впрочемъ, это касается останковъ, *здѣсь* остающихся, а не того, что отъ живого переходитъ *туда*. *Прим. В. Р—ва.*

авторъ захотѣлъ развить ихъ, подкрѣпить рядомъ доказательствъ и деталей, вовсе не излишнихъ въ вопросѣ, сотканномъ отъ фундамента и до верху изъ мельчайшихъ штриховъ. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ такъ бы и поступили и подарили бы человѣчеству цѣнный трудъ, который многихъ примирилъ бы съ самымъ больнымъ мѣстомъ совѣсти человѣческой. А вотъ нашъ братъ, русскій, съ дерзкой отвагой устремляется въ самую глубь бездны, хватаетъ мощной рукой пригоршню драгоцѣнностей, и беззаботно, не отсортировать ихъ, не обдѣлавъ, швыряетъ въ лицо толпѣ: На-те, молъ, братцы! Разбирайтесь сами! Это я для васъ досталъ, но мнѣ недосугъ возиться надъ этимъ...

Но и толпѣ недосугъ. Она ловитъ по камешкамъ драгоцѣнности, минуту—другую любуется на нихъ, а тамъ спѣшно суетъ за пазуху и спѣшитъ дальше въ погонѣ за дрязгами будней, за мишурой, за хламомъ, съ тѣми же жгучими недоумѣніями въ душѣ и на совѣсти...

Два фельетона ежедневной газеты, очевидно, не установятъ и не измѣнятъ склада воззрѣнія русскаго человѣка на бракъ [1]). Г. Розановъ справедливо замѣчаетъ, что онъ выбралъ «опасный» путь къ этой «зарѣ» человѣческаго «я», въ эту горную страну, гдѣ тропинки вьются надъ безднами, а многія изъ нихъ таковы, что по нимъ «не возвращаются». Г. Розановъ «возвратился» цѣлъ и невредимъ и, кажется, не ужаленъ ни одной изъ гидръ, стерегущихъ бездну. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы и мы за нимъ могли пробраться туда же. Да и самъ г. Розановъ предостерегаетъ насъ отъ такой неосторожности. Значитъ, экскурсія г. Розанова остается лишь экскурсіей, въ родѣ полета на воздушномъ шарѣ г. Андрэ, доказавшей его талантъ, мужество, но людямъ не принесшей пользы. Вотъ, установи г. Розановъ «безопасное», всѣмъ доступное сообщеніе съ дивной страной, которую онъ посѣтилъ,—дѣло другое было бы. Тогда всѣ Позднышевы устремились бы туда, предшествуемые сонмомъ цѣломудренныхъ женъ и дѣвъ, и брачный вопросъ рѣшился бы скоро и просто. Но г. Розановъ, слетавъ туда на 5 минутъ, заявилъ, что путь узокъ и опасенъ—«не совѣтую пробовать!»

Тѣмъ не менѣе, я попробую. Залетѣть такъ далеко, какъ г. Розановъ, у меня и въ мысляхъ нѣтъ. Остановлюсь, какъ только начнутся «пропасти» и покажутся «гидры»...

Нужно быть богословомъ, чтобы признать или опровергнуть тѣ доводы церковнаго характера, которыми авторъ пользуется. Нужно быть глубокимъ философомъ и еще болѣе совершеннымъ христіаниномъ, чтобы принять или отвергнуть Евангельскую концепцію, приводящую г. Розанова къ выводамъ, не вполнѣ сходнымъ съ вы-

[1]) Вообще—это культурная задача вѣка и, можетъ быть, вѣковъ, но *нужная*, но *возможная*. Что-же болѣе можетъ сдѣлать человѣкъ, какъ начать это? *Прим. В. Р—въ.*

водами многихъ свѣтскихъ и церковныхъ мыслителей. Вотъ почему я оставлю въ сторонѣ и церковь, и Евангеліе, и священную исторію, на которыя опирается г. Розановъ. Мнѣ очень *симпатичны* доводы г. Розанова. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно было именно такъ, какъ онъ пишетъ (за исключаніемъ, впрочемъ, признанія чего-то «полового» за религіей). Но я не знаю, такъ ли это и умолкаю... И вотъ, оставивъ въ сторонѣ эту узкую, одну изъ самыхъ опасныхъ тропинокъ, у меня на душѣ легче; я собираюсь идти по тропинкѣ хоть и болѣе извилистой, но не столь крутой.

Мнѣ кажется, что въ своемъ полетѣ г. Розановъ достигъ высшей точки не на первой тропинкѣ, а на второй: не доказательствами своими церковно-богословскаго характера, а одной единственной фразой, которую онъ вскользь обронилъ, но которая приблизила его къ истинѣ больше, чѣмъ всѣ тексты Св. Писанія и Евангелія. Вотъ она: «Искусство жить въ семьѣ заключается въ вынесеніи, въ выбрасываніи каждой соринки, которая попадаетъ въ нее извнѣ или изнутри».

Вотъ, подъ этой фразой, я думаю, подпишутся и всѣ Позднышевы и всѣ аскеты и всѣ пастыри Церкви. Вотъ это—жизнь, вотъ это—вѣрная, безопасная тропа. Но повелъ ли насъ по ней г. Розановъ? Нѣтъ! Онъ тутъ же отписался банальной фразой: «Сущность чистаго брака есть совершенная любовь; а безъ любви и при обманѣ—развратъ». Благодаримъ! Но мы это и безъ него знаемъ.

Какъ, чѣмъ, когда и кому выносить тѣ соринки [1]), которыя попадаютъ въ брачное колесо и отклоняютъ его ежесекундо то въ ту, то въ другую сторону—къ аскетизму или къ разврату — этого г. Розановъ не указываетъ; этому не учитъ ни Евангеліе, ни Св. Писаніе, ни философы, ни поэты. Этому учитъ лишь жизнь и инстинктъ [2]). А значитъ, бракъ съ его религіей въ поклоненіи полу— есть жизнь, есть инстинктъ, есть темпераментъ брачущихся; и бездны, которыя рисуются г. Розанову—въ насъ самихъ и въ окружающей насъ обстановкѣ.

Можетъ быть, этотъ выводъ есть сущій вздоръ; можетъ быть, я забрелъ на тропинку, кончающуюся «тупикомъ». Но мнѣ здѣсь легче дышется и я постараюсь слѣдовать ей, пока не упрусь въ стѣнку, или пока голова не закружится надъ пропастями. Въ са-

---

[1]) Это и есть институтъ развода, не богохульно мыслимый какъ поощреніе легкомыслія, а богоугодно принятый какъ средство сберечь чистоту плотскую и любовь сердечную въ бракѣ. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Бракъ можетъ ежеминутно распасться: станемъ-же его бережно хранить, лелѣять въ ладоняхъ, обдувать; станемъ *вѣжливы къ этому дорогому гостю*— вотъ логика и психологія развода богомысленнаго. Поразительно, что не легальныя семьи никогда почти не распадаются, *именно потому, что въ правѣ ежесекундно распасться.* Гостя берегутъ, а *со своимъ человѣкомъ поступаютъ часто грубо*, и такъ именно поступаютъ въ бракѣ. Не отсюда-ли всемірное наблюденіе: «le mariage est le tombeau de l'amour». *Прим. В. Р—ва.*

момъ дѣлѣ, если г. Розановъ назвалъ бракъ — религіей, отчего я не могу [1]) назвать бракъ—жизнью?! Если онъ называетъ поклоненіе полу—поклоненіемъ образу Божію, то отчего мнѣ не назвать его—поклоненіемъ самому себѣ, своему инстинкту, своему духовному складу и физическому темпераменту?! Если плотскій экстазъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ стать религіознымъ культомъ и давать «святость», «подвижничество», то отчего не коснуться и тѣхъ условій, тѣхъ соринокъ, при которыхъ экстазъ этотъ даетъ совсѣмъ обратные результаты?!. Задача щекотливая, и мнѣ, какъ и г. Розанову, придется, пожалуй, увѣрять читателей, что «я не гибели ищу, а спасенія». Впрочемъ, читатель, а вѣрнѣе читательница нашихъ дней сами разберутся. Современная женщина такъ ревниво оберегаетъ свое внутреннее «я» отъ вторженія чужого «хочу», такъ смѣло и бодро шагаетъ по пути своего міросозерцанія къ цѣлямъ, ей одной извѣстнымъ, что объ опасности и рѣчи быть не можетъ. О бракѣ съ житейской (а не религіозной) точки зрѣнія — любая, даже цѣломудренная дѣва нашихъ дней, скажетъ, пожалуй, больше и лучше, чѣмъ и я и г. Розановъ вмѣстѣ взятые. Тѣмъ не менѣе, разъ данъ толчекъ, я ему послѣдую. И—à bon entendeur—salut!

* *
*

Бракъ существовалъ еще тогда, когда не было никакихъ религій. Культъ поклоненія полу (духу и плоти [2]) его) едва ли не слѣдовалъ непосредственно за культомъ поклоненія Богу. Избранникамъ такого культа обѣтовалось многочисленное «аки песокъ въ морѣ» потомство. Самъ Іегова привелъ на ложе Авраама его служанку. Возвышенная активная вѣра псалмопѣвца Давида не омрачалась, а, наоборотъ, какъ бы вдохновлялась плотской жизнью его среди гарема [3]) женъ.

Весь Ветхій Завѣтъ обвѣянъ, испещренъ этимъ культомъ, который какими-то таинственными нитями сплетенъ во едино съ культомъ служенія Богу. Точно люди чѣмъ ушиблись, тѣмъ и лѣчились. Точно прародительскій грѣхъ, оскорбивъ божество, тѣмъ самымъ

---

[1]) Болѣе, чѣмъ возможно. Они связуются. Бракъ есть религіозная жизнь, когда религія *безъ*-брачія есть *внѣ*-жизненный теизмъ, есть номинализмъ религіозный. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Вотъ не только богатое, но богатѣйшее выраженіе, *слово*, которое стоитъ *дѣла*. Дѣйствительно, нужно различать *тѣло* пола, но есть и слѣдуетъ различать еще *духъ* пола. Соотвѣтственно этому есть *душевный бракъ* и есть *одинъ физіологическій*: онъ почти единственно и существуетъ въ Европѣ, отчего такъ и трудно поднять его къ matrimonium divinum, не рѣкомому, но ощущаемому таинству. Плоть пола мы знаемъ, духа-же не вѣдаемъ, а *онъ есть и его предлежитъ открыть.* Раздѣленіемъ этимъ г. Колышко дѣлаетъ новый шагъ въ проблемѣ брака. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Никогда объ этомъ и вопроса быть не можетъ при *истинѣ брака*; но когда брачное соединеніе уже съ одною есть ложь—естественно возникаетъ и у церкви забота: допустить какъ можно *меньше этой лжи.* Тема Новаго Завѣта, не существовавшая въ Ветхомъ. *Прим. В. Р—ва.*

тѣснѣе связалъ человѣка съ Богомъ, а муки и наслажденія его напоминали людямъ о наслажденіи утраченномъ, о мукахъ грядущаго...

Воплощеніе Христа имѣло ли цѣлью вселить Бога на днѣ бездны, въ нѣдрахъ «брачнаго завитка»? По моему—нѣтъ. Богъ тамъ былъ всегда [1]). Образъ Божій туда поселился еще тогда, когда, взамѣнъ рая, людямъ даны были муки, а блаженство плоти скопилось въ ослѣпительныя искры на фонѣ раскаянія и грусти. На днѣ пѣнистаго, игристаго кубка, который мы неразсчетливо быстро осушаемъ въ бракѣ, кому не выглядывалъ съ ласковой укоризной ликъ Божій?!. Всѣ муки, вся проза жизни, которую мы охотно взваливаемъ на себя ради этого короткаго, сравнительно съ цѣлой жизнью, блаженства пола (и духа, и плоти его), не указываетъ ли, что въ центрѣ яркой точки наслажденія—Богъ [2]), а не сатана?! Не говоря уже о дѣтяхъ, съ ихъ невинностью; не говоря о *благотворномъ* и огромномъ вліяніи этихъ искръ полового восторга на *творчество* человѣческаго генія.

Если бы было иначе, развѣ Рафаэль создалъ бы свою Мадонну—Форнарину?! Данте—свой [3]) адъ?! Байронъ—Донъ-Жуана?! И даже самъ Талстой—Анну Каренину?! Развѣ Іаковъ имѣлъ бы такое потомство? Развѣ Давидъ могъ бы воспѣвать Бога среди *многихъ* женъ?.. Какихъ еще доказательствъ нужно, что Богъ *всегда* жилъ на днѣ блаженства пола, ибо оно—осколокъ разбитаго блаженства рая. Ибо, даже въ грязи, въ помояхъ разврата, оно не можетъ окончательно оторваться отъ чувства, которое наполняло рай, и на которомъ до сихъ поръ держится міръ—отъ любви. Поклоненіе плоти пола немыслимо безъ поклоненія духу ея, безъ любви — чтобы ни говорили моралисты. И доказательство тому — взрывы злобы, наполняющей душу развратника, какъ противовѣсъ не удачной, не развившейся, не нашедшей себѣ предмета, любви...

Мнѣ кажется, что воплощеніе Христа можно разсматривать съ иной точки зрѣнія по отношенію къ браку. Мнѣ кажется, что воплощеніе это переноситъ центръ тяжести брака изъ «нѣдръ завитка» въ высь: отъ полаго къ безполому [4]). Совершенно вѣрно, что «воплощеніе» подчеркиваетъ силу и значеніе плоти. Но г. Розановъ не

---

[1]) Вотъ прекрасная мысль, прямо сказанная! *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Все это мѣсто замѣчательно и *ново по тону*, какъ я не умѣлъ сказать. Конечно, тутъ «осколки разбитаго Рая». *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Скорѣй—*Чистилище* и *Рай*. Беатриче встрѣчаетъ его въ дверяхъ *Рая* и вводитъ туда; въ *Аду*—политики и папы, «князья міра сего». Беатриче, «Мадонна», «розовая тѣнь», которой, по разсказамъ, молился Вл. Соловьевъ (воспоминаніе г. Н. Энгельгардта) и суть *изрѣдка* и *рѣдкими людьми* усматриваемая суть «того свѣта», который именно включаетъ въ себѣ половое начало. *Прим. В. Р—ва.*

[4]) Это опасный путь мысли. Тутъ мы приходимъ къ *нулю*, въ *тупикъ*, котораго боялся авторъ. *Прим. В. Р—ва.*

упомянулъ, что чудесный источникъ этого воплощенія «отъ Духа Святаго [1])» подчеркиваетъ предпочтительность духа надъ плотью и культъ «святаго» хотя бы поклоненія полу подымаетъ изъ мистической тьмы бездны—къ свѣту, къ солнцу, гдѣ нѣтъ гидръ, нѣтъ раскаянія. Мнѣ, лично, чудесное, полу-божеское, полу-человѣческое «воплощеніе» всегда таинственно нашептывало: «Я пришелъ съ неба, чтобы завязать на вѣки узелъ между земнымъ и небеснымъ. Живите, какъ люди, но чувствуйте, какъ Я»!..

Жить по-людски значитъ инстинктивно стремиться къ поклоненію то духу, то плоти пола, и это стремленіе можетъ быть лучезарно, можетъ быть и мрачно, въ зависимости отъ обстановки, воспитанія, темперамента, а то и просто случая. Но оно почти всегда на днѣ—эгоистично и, въ большинствѣ случаевъ, мучительно. Чувствовать по Божески значитъ стремиться въ сферы, гдѣ нѣтъ личной любви, личнаго желанія, гдѣ нѣтъ духа пола, а есть духъ человѣка. Равнодѣйствіе между этими двумя силами—центробѣжной и центростремительной—есть счастье, но *не подвижничество*, какъ выражается г. Розановъ. Не подвижничество, потому что оно не приноситъ жертвъ, что оно не приближаетъ къ небу, а держитъ человѣка на равномъ разстояніи отъ неба и земли.

* *
*

Если бракъ и есть религія, то центръ тяжести ея во всякомъ случаѣ перенесенъ изъ Ветхаго Завѣта въ Новый, изъ «нѣдръ завитка» къ широкому основанію его. «Святое» супруговъ подымается по спирали завитка къ небу, а не бѣжитъ внизъ [2]) *по линіи ихъ связи*, какъ говоритъ г. Розановъ, ибо на концѣ этой линіи гиря,—первый [3]) грѣхъ, вѣчно тянущій къ землѣ, а не къ небу.

Поклоненіе полу—есть черта Ветхаго, а не Новаго Завѣта. Въ этомъ поклоненіи—отблескъ утраченнаго рая [4]). Но поклоненіе это и въ Ветхомъ Завѣтѣ сіяло не постояннымъ, ровнымъ свѣтомъ, а мгновенными вспышками, вслѣдъ за которыми слѣдовала болѣе или

---

[1]) Это *оттуда*: но *куда здѣсь* палъ лучъ св. Духа? *Прим. В. Р—ва*

[2]) «Небо»—«внизъ»... Да я и не хотѣлъ сказать, что центръ супружества уничтожителенъ, и не есть «небо», но какъ *безъ точекъ пола и связи въ нихъ вовсе нѣтъ и не началось* супружество, то это и значитъ, что «небо» въ смыслѣ идеализаціи бѣжитъ *геометрически* «къ низу». *Прим. В. Р—ва.*

[3]) *Еще* въ раю и *до* грѣха человѣкъ былъ созданъ *четою* и самая чета благословлена въ супружество Богомъ: *но супружество не начиналось*. Палъ человѣкъ—и началось тотчасъ супружество какъ *корреллативъ* (поправка) паденія. «Вотъ что̀ дано вамъ въ раю и что вы вынесете изъ самого рая и даже на землѣ не утратите»—какъ-бы сказано Богомъ о супружествѣ. Такимъ образомъ нѣдра супружества и минута въ нихъ связи есть какъ-бы яблоко райское, здѣсь вкушаемое, и *напоминающее людямъ ихъ первое состояніе*. Отсюда необходимость нѣкоторой абсолютной физической и душевной чистоты при вступленіи въ этотъ актъ, къ которому, мы думаемъ, нужно умѣть приготовиться. Это тоже проблема. *Прим. В. Р—ва.*

[4]) Вотъ прелестная мысль. *Прим. В. Р—ва.*

менѣе длинная тѣнь мукъ. На днѣ этихъ мукъ, какъ и тогда, такъ и теперь,—раскаяніе, наслѣдственное отъ перваго человѣка до послѣдняго и жалость по чемъ то утраченномъ. Отъ раскаянія, отъ жалости къ себѣ, къ женѣ, къ наложницѣ, въ самые яркіе моменты блаженства—и именно *въ самые яркіе*—не спасаетъ ни любовь, ни молитва, ни пониманіе «духа пола». Оно органически связано съ поклоненіемъ полу, какъ тѣнь съ предметомъ [1])... Вотъ гдѣ начинается роль Новаго Завѣта! Христосъ сдѣлалъ все, чтобы тѣнь эту укоротить. Онъ освѣтилъ ее ученьемъ о духѣ. Онъ далъ мужу *одну* жену и женѣ *одного* мужа. Онъ сдѣлалъ бракъ [2]) таинствомъ. Онъ, наконецъ, лично присутствуя на бракѣ въ Канѣ Галилейской, все же сказалъ своимъ ученикамъ, что слѣдующій за нимъ долженъ оставить и *жену свою*... Словомъ, Онъ далъ намъ выходъ изъ этого раскаянія, Онъ облегчилъ его—но Онъ его не смелъ съ лица земли, ибо оно—предвѣчный Рокъ. Христосъ далъ взрости нѣжному растенію брака изъ корней, насажденныхъ въ ниву человѣчества Ветхимъ Завѣтомъ. Но Онъ поручилъ намъ самимъ слѣдить за этимъ нѣжнымъ цвѣткомъ, помня, что не одинъ корень питаетъ его, а есть еще—свѣтъ, тепло, влага...

* *
*

Вотъ этотъ свѣтъ, вотъ это тепло и влага—есть жизнь съ ея бездной. Никакая религія, никакіе регламенты не укладываютъ жизнь въ рамку, покорную волѣ, закону. Она мечется отъ «Голгоѳы» къ «Виѳлеему», отъ «Херувимской» къ «вѣчной памяти», и отъ ветхозавѣтной «скиніи» къ современному кафешантану, повинуясь не религіи, а Божьему промыслу. Божки создаются и падаютъ. Культы стираются и наростаютъ. Страданія смѣняются блаженствомъ и наоборотъ. Порывы—пресмыканіемъ. Любовь—ненавистью. Желанье—отвращеніемъ. На днѣ переполненной наслажденіемъ чаши—скалитъ зубы голый черепъ; а въ страшныхъ впадинахъ этого черепа сіяетъ златокрылый амуръ. Въ храмѣ, куда люди стекаются молиться,—независимо отъ ихъ религіи, ихъ вѣры,—съ утра до вечера свадьбы смѣняются похоронами, крестины—панихидами, и нѣтъ того человѣка, который бы пришелъ въ этотъ храмъ два раза подрядъ съ однимъ и тѣмъ же сердцемъ, съ одними и тѣми же мыслями, какъ нѣтъ двухъ дней въ природѣ совершенно одинаковыхъ.

Вотъ эта жизнь, вотъ это море, по которому носится брачная ячейка и въ которомъ религія, какъ и принципы, играютъ роль только руля, но не ладьи (ибо нельзя жить одной религіей или одними принципами),—эта жизнь вліяетъ ежедневно, ежечасно и

[1]) Во всемъ Ветхомъ завѣтѣ ни слова нѣтъ о раскаяніи *послѣ и вслѣдствіи* супружескаго акта. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) «*Сдѣлать* бракъ тѣмъ или этимъ»—вообще нельзя. онъ есть то или это». *Прим. В. Р—ва.*

ежесекундно на ростъ, на цвѣтъ, на свѣжесть растенія, которое подымаетъ свою нѣжную головку на другой день брака. Г. Розановъ находитъ, что плотская сторона свадьбы—въ самой глубинѣ его, въ нѣдрахъ. Пусть! Это, пожалуй, вѣрно. Значитъ, она—его корни. Но, скажите, можетъ ли безъ свѣта, безъ тепла изъ корней вырости что-либо путное?.. Г. Розановъ говоритъ: «переверните все, поставьте икону въ домѣ (подразумѣвая подъ домомъ—плоть), а не на крышѣ, и домъ наречется домомъ Божіимъ!» Это было бы такъ, если бы культъ поклоненія плоти, даже въ лучшемъ значеніи этого слова, могъ наполнить жизнь современнаго человѣка, какъ то было въ древніе вѣка, могъ насытить его честолюбіе, властолюбіе, корысть, залѣчить ежедневные уколы судьбы, умиротворить зависть, злобу и эту неустанную, подъ грохотъ пара, электричества, новинокъ, открытій и соблазновъ, возню нервовъ. Даже въ Ветхомъ Завѣтѣ съ его несложной общественной жизнью, культъ пола не наполнялъ жизни мужчины. А теперь—и подавно! Свѣтъ и тепло браку, покоящемуся на тѣлесномъ общеніи (какъ ни окрыляй его), даетъ не «икона»,—слишкомъ строгая, однообразная въ своемъ нѣмомъ величіи—а жизнь съ ея измѣнчивыми контурами, съ ея благородствомъ и низостью, съ ея подвигами и пресмыканіемъ, глупостью и умомъ, удачей и неудачей, разными темпераментами, разнымъ воспитаніемъ, разными привычками и разными обстановками. Вотъ сюда-то, въ эту жизнь, въ эту—не «скинію» ветхозавѣтную, какъ мечтается г. Розанову,—а въ модную, реальную, современную гостиную, гдѣ, на виду улицы, протекаетъ большая часть жизни современной семьи, внесите и поставьте «икону»! Придайте образъ Божій,—т. е. искренность, правду, приличіе, цѣломудріе и многое другое—вотъ этимъ отношеніямъ дневной [1]) жизни супруговъ, клокочущей въ сторонѣ отъ мистической глубины ихъ пола! Вотъ эту,—при свѣтѣ солнца, въ обществѣ дѣтей, родныхъ и знакомыхъ, подъ звуки хотя бы Крейцеровой сонаты, или подъ шумъ философскаго, политическаго спора,—вотъ эту гласную *хотя бы* жизнь мужа и жены наполните правдой и образомъ Божіимъ, и, право же, не нужно будетъ образъ сей спускать такъ глубоко, въ «самыя нѣдра завитка».

Я не спорю—корнямъ растенія должно быть отдано исключительное вниманіе [2]). Ихъ нужно беречь, нужно почву возлѣ нихъ рыхлить, поливать, не довольствуясь дождями. Но вѣдь корни только—

[1]) Могу сказать только: «браво!» Да и конечно: какая-же чистота акта супружескаго безъ «искренности, правды, приличія, цѣломудрія и многого другого вотъ въ этой дневной жизни супруговъ». Но авторъ, не чувствуя самъ того, трактуетъ великую тему *субъективнаго развода* и *празднованій брачныхъ*. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Сифилисъ-то, вѣдь онъ съѣдаетъ нашу безплодную цивилизацію? Вотъ плодъ *невниманія* «къ корнямъ бытія». *Прим. В. Р—ва.*

средство, а цѣль—цвѣтокъ, растеніе. Въ бракѣ тоже самое: цѣль брачущихся—изъ нѣдръ завитка извлечь цвѣтокъ, семью. Значитъ, религія, какъ культъ, должна быть скорѣе сверху, чѣмъ снизу: тамъ, гдѣ кончается мужъ и жена какъ полъ и гдѣ начинаются дѣти какъ *люди*; религія цѣли скорѣе, чѣмъ средствъ. Да и что такое религія вообще? Религія есть что-то неизмѣнное, хотя и мистическое, выкованное въ догматахъ, въ вѣрѣ, въ упованіи. А бракъ въ дѣйствительности—неизмѣненъ ли онъ, мистиченъ ли, на догматахъ ли покоится, на вѣрѣ ли, на упованіи? Мнѣ кажется, что бракъ нашихъ дней, чтобы идти въ ногу съ жизнью, долженъ быть и покоиться на реальной любви или на реальномъ эластическомъ разсчетѣ. Своей неподвижностью, не эластичностью, религія въ современномъ бракѣ застряла бы, какъ палка въ колесѣ, остановивъ его ходъ [1]). Но, какъ руль, какъ кормило—она безцѣнна, ибо только этимъ кормиломъ, да еще экономической дилеммой, бракъ какъ таинство и какъ институтъ держится до сихъ поръ.

Итакъ, я хочу сказать, что бракъ—не совсѣмъ религія, а скорѣе—обѣтъ, крестъ, сдержать и нести который помогаетъ религія. И не въ глубинѣ его, не въ скоропреходящемъ, пожалуй и религіозно-мистическомъ, но за то страшно, уродливо-измѣнчивомъ плотскомъ чувствѣ, надо искать обновленія его, опоры, «омовенія» отъ Позднышевской грязи, искать, словомъ, новозавѣтный образъ Божій,—а въ доступной свѣту, воздуху, вліянію живого слова и живого примѣра, семейной и общественной жизни. Не въ глубь надо спуститься за утраченной святостью брака; за свѣжестью, животворностью того высшаго и *единственнаго* наслажденія на землѣ, которое люди, слишкомъ спѣша жить, умудрились изгадить и обратить въ высшее земное страданіе,—не въ «нѣдрахъ» завитка наши дѣти, дѣти XX-го вѣка, обрѣтутъ искомое, а въ широкомъ основаніи его, въ лучшихъ соціальныхъ, экономическихъ и этическихъ отношеніяхъ между собой [2]). Что мнѣ за дѣло, что за дѣло дѣтямъ, какъ протекаетъ альковная жизнь [3]) моихъ знакомыхъ, моихъ родителей, если они добры, справедливы, цѣломудренны и благородны въ жизни видимой? Я предчувствую, мнѣ могутъ возражать: не можетъ быть благородства и справедливости наружу при отсутствіи чистоты въ «нѣдрахъ». А мнѣ хочется возразить, что чистота скорѣе низойдетъ въ «нѣдра» брака изъ чистоты и гармоніи внѣшней жизни, изъ хорошихъ, здоровыхъ занятій и развлеченій, хорошихъ

---

[1]) Вотъ геніальная мысль, необыкновенно много объясняющая въ исторіи европейской семьи, всегда имѣвшей «палку у себя въ колесахъ». Но тайная мысль моя и состоитъ въ томъ, чтобы черезъ *безконечно-цвѣточное* таинство сообщить радугу цвѣтовъ *и религіи! Прим. В. Р—ва.*

[2]) Все это очень важно. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) *А каковы дѣти родятся?* Родить духовно-прекрасныхъ дѣтей и есть проблема религіознаго брака. «Въ дѣтяхъ (дурныхъ) наказываются родители» (за грѣхъ неправильнаго, вялаго или злобнаго, полового акта). *Прим. В. Р—ва.*

книгъ и хорошихъ примѣровъ, отъ добрыхъ дѣлъ и добрыхъ людей, словомъ—изъ сферъ внѣ-брачныхъ, внѣ-половыхъ, чѣмъ отъ молитвы, проникнутой культомъ пола, отъ духовнаго экстаза, который, кстати сказать, только усугубляетъ экстазъ физическій.

* * *

Г. Розанова манитъ образъ ветхозавѣтной «скиніи» съ Іаковомъ и Ревеккой. Его умиляетъ то «трогательно-скрытное», что составляетъ крѣпость этой скиніи, даетъ ей сіяніе цѣломудрія и потомство. Таинственный шорохъ этой скиніи слышится ему въ шопотѣ Анны съ Долли («Анна Каренина»), въ крикахъ рожающей Кити, въ восторгѣ Наташи надъ желтымъ пятномъ пеленокъ ея ребенка («Война и миръ»). Г. Розановъ признаетъ геній гр. Толстого именно въ цѣломудріи описанія семейной жизни, надъ которой обязательно должна быть «крышка». Геній Достоевскаго ему претитъ, ибо Достоевскій поднялъ «крышку» и цинично показалъ міру, что *тамъ*, въ «нѣдрахъ»—ничего нѣтъ. Съ этимъ взглядомъ г. Розанова можно согласиться, оговорившись, пожалуй, что Толстой писалъ свои романы съ среды, гдѣ жили Наташа и Анна, а Достоевскій съ среды, гдѣ орудовали бр. Карамазовы, идіоты...

Но вотъ вопросъ: могла ли бы Наташа восторгаться надъ желтымъ пятномъ, перебивая серьезный разговоръ мужа; могла ли бы Долли жить интересами одной дѣтской, если бы у первой былъ мужемъ Болконскій, а у второй—Вронскій? Я думаю—нѣтъ! Болконскій былъ бы несчастливъ съ Наташей, а Вронскій—съ Долли, хотя и тотъ и другой—честные и прекрасные люди; или Наташа и Долли перестали бы быть Ревеккамы. Вотъ и подите тутъ—гдѣ скинія? Гдѣ Ревекка? Только переставьте «случай» [1]) и на мѣсто Ревекки—княгиня Болконская, графиня Вронская, X, Z (имя имъ—легіонъ), и вмѣсто трогательной заплаты на ночной кофточкѣ Долли, вмѣсто желтаго пятна на рукахъ Наташи—изящный туалетъ отъ Дуссе и всѣ *не*трогательные, но озвѣряющія дрязги будень труженицы, въ потѣ чела прилаживающейся къ настроенію мужа, къ колориту *жизни*, а не къ таинственному, мистическому «тембру» ветхозавѣтной «скиніи»...

Еще менѣе понятна мнѣ связь между «Анной Карениной» и «Крейцеровой сонатой»—связь, служащая, по мнѣнію г. Розанова, ключемъ къ разгадкѣ «тайнаго» смысла «Сонаты». Не дождавшись

[1]) Конечно! Конечно! Это необыкновенно важное замѣчаніе. Но это—все тема субъективнаго развода, ибо *истина* брака *ищется и отыскивается*! Европейскій бракъ и погибъ или гибнетъ отъ отсутствія исканія и *эластической сложенности* супруговъ, отъ упрямаго: «какъ стоите—такъ и стойте», при чемъ люди не *живутъ* въ бракѣ, а поѣдаютъ другъ друга въ бракѣ. «Попалъ Вронскій на Долли» и гдѣ «скинія?!.» Получается характерная, злобная и фальшивая. русская, французская, часто — нѣмецкая (здѣсь свободные разводы и семья поэтому гармонична) семья. Наши нравы у евреевъ даже *не умѣли никогда начаться* (съ самаго начала абсолютная свобода развода). *Прим. В. Р—ва.*

яко бы отвѣта на загадку смерти Анны, Толстой швырнулъ въ насъ зарѣзанной Позднышевой: «А! Вы не хотѣли понять! Такъ, нате-же вамъ!»

Мнѣ кажется, что это не такъ было. Анна Каренина, хотя и живетъ внѣ закона, «внѣ крышки» [1]), подъ голымъ небомъ, но она честная женщина и, умирая, возбуждаетъ къ себѣ симпатію и уваженіе. M-me Позднышева, хотя и подъ «крышкой», въ законномъ бракѣ, творитъ мерзости и смерть ея вселяетъ лишь омерзеніе. M-me Позднышева не могла бы быть дочерью, *продолженіемъ* Анны, какъ и Позднышевъ не могъ бы служить продолженіемъ Вронскаго. Оба эти союза, Анны съ Вронскимъ и супруговъ Позднышевыхъ, оканчивающіеся почти одинаковой драмой, далеки, очень далеки другъ отъ друга по облику и по сути своей, хотя плотская сторона союза и выдвинута въ нихъ на первый планъ. Мнѣ даже представляется, что драма Анны несравненно выше и поучительнѣе драмы Позднышевыхъ, ибо она даетъ положительные отвѣты тамъ, гдѣ вторая только отрицаетъ. Анна виновата только тѣломъ, а не душой: Позднышева—скорѣе душой, чѣмъ тѣломъ. Но обѣ виновны скорѣе противъ *верховъ* брака, чѣмъ *низовъ*. Анна тѣмъ, что жила хоть и любя внѣ закона, а Позднышева тѣмъ, что, по безалаберности своего воспитанія, не умѣла наполнить свою «законную» жизнь ни чѣмъ, кромѣ флирта.

Что же удивительнаго, что въ первомъ случаѣ смерть (Анны) примиряетъ насъ съ ней, изглаживаетъ, искупаетъ грѣхъ ея, а во второмъ—смерть Позднышевой лишь растравляетъ рану нашу и сгущаетъ мракъ вокругъ тревожащихъ насъ недоумѣній?!

Нѣтъ, мнѣ не ясна та связь между Позднышевой и Анной, на которую указываетъ г. Розановъ. Наоборотъ, судьба этихъ двухъ женщинъ меня лишь укрѣпляетъ въ убѣжденіи, что бракъ—не религія, а искуссъ, крестъ [2]), который надо нести не оглядываясь по сторонамъ и не погружаясь слишкомъ въ глубь его, а стараясь лишь «сіять» имъ ради ближнихъ, ради потомства. Если бы Анна была не праздная женщина и не оглядывалась по сторонамъ; если бы Позднышевъ не спускался въ «нѣдра», а трудомъ рукъ своихъ зарабатывалъ кусокъ хлѣба насущнаго,—вѣроятно, первая не согрѣшила бы съ Вронскимъ, а разъ согрѣшивъ, благополучно развелась бы съ Каренинымъ, вышла бы за Вронскаго и наплодила

---

[1]) «Скинія» брака содѣлывается его цѣломудріемъ, чистотою, любовью,—а не словами передъ бракомъ, очень поздно возникшими. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Поразительно, что уже апостолы предугадывали весь «крестный» путь европейской семьи: «Равви! Если только по винѣ (а напр. не по злобѣ или физическому отвращенію) прелюбодѣянія можно дать женѣ разводное письмо—то лучше не жениться». Въ Европѣ и женятся не для радости, не какъ «жизнь для жизни намъ дана», но почти скрипя зубами: «вѣдь нуженъ-же приплодъ» или «нужна-же женщина». Мистическое и нѣжное значеніе брака пало. *Прим. В. Р—ва.*

бы кучу хорошенькихъ дѣтей на манеръ Долли; а второй—махнувъ рукой на «темпераментъ» жены, перетерпѣлъ бы и дождался бы семейнаго ладу. Но это «если бы» нимало не лишаетъ того нравственнаго смысла примѣры, которые дали намъ судьбы Анны и Позднышевой.

* * *

Поклоненію пола г. Розановъ придаетъ значеніе «культа», поощряемаго церковью и преподаннаго Христомъ въ таинствѣ эвхаристіи. Черезъ такое «поклоненіе» супруги, по его мнѣнію, «святятся» и совершаютъ подвигъ, достойный «схимниковъ»... Я далекъ отъ фельетоннаго настроенія, но я не могу не улыбнуться. Я понимаю, *что* именно хотѣлъ сказать г. Розановъ, но мнѣ кажется,—онъ не договорилъ. Врядъ ли кто будетъ спорить, что «поклоненіе» полу, когда алтарь его—милое, цѣломудренное [1]) существо, сладко. А когда эта сладость, эта нѣга, окрыляющая мечту, эти слезы благодарныя у ногъ кумира, сливаются съ гордостью орла, съ сознаніемъ своей правоты передъ Богомъ и людьми, тогда ужъ это захватывающее блаженство... Пять, шесть секундъ такого блаженства еще выносимы—какъ говоритъ кто-то у Достоевскаго въ «Бѣсахъ», но десять—невыносимы...

Но многимъ ли, скажите по совѣсти, доступно это блаженство (это «подвижничество», по мнѣнію г. Розанова).

Мнѣ кажется, что и Іаковъ и Ревекка, если бы ихъ поставить въ обстановку Позднышевыхъ, Карамазовыхъ [2]), или даже Наташи и Пьера Безъуховыхъ, уже не «поклонялись» бы такъ чисто полу. Можетъ быть и Позднышевы, живи они въ Ветхомъ завѣтѣ, былибы счастливыми супругами. Другія времена; иные люди!.. Дѣло въ томъ, что современная общественная и семейная жизнь все болѣе становится... *безъ*-полой [3]), тогда какъ прежде она была исключительно *полой*. Въ семьѣ и въ обществѣ роли мужчинъ и женщинъ такъ странно спутались, что часто не различишь, гдѣ начинается мужчина и гдѣ кончается женщина. Цѣломудреннаго «сіянія»—почти не видать. Не слыхать и властнаго, энергичнаго мужского голоса, не видать его орлинаго взгляда. Все, что вертится кругомъ,—не то мужчина въ юбкѣ, не то женщина въ пиджакѣ. Дѣвушку, даже прелестную, даже *совсѣмъ* цѣломудренную, не манитъ уже мужчина своей отвагой, силой, авторитетомъ, а лишь—положеніемъ. Муж-

---

[1]) Непремѣнно. И самъ Богъ, устроивъ бракъ, устроилъ его предвареніе и цвѣточное ложе—любовь! *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Вотъ! Вотъ! И Карамазовы, и Позднышовы суть плодъ не *крови* нашей, но условій нашего брака: и Іаковъ съ Исаакомъ, имѣя *женъ имъ отвратительныхъ*, стали-бы Позднышовыми; обратно каждая наша *случайно*-счастливая семья ничуть не уступаетъ Ревеккамъ и Іаковамъ. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Тягостная истина: но болѣе *жизнь*, чѣмъ самъ человѣкъ, становится безполой. *Прим. В. Р—ва.*

чину, даже неиспорченнаго въ конецъ, не манитъ обликъ цѣломудренной дѣвственницы, если она безприданна. Страхъ, толкотня, укороченная жизнь и удлиненные нервы сгладили тѣ рѣзкія, тѣ лучшія черты пола, которымъ поклонялись древніе. За то, эти же причины придали особую пряность, особую цѣну тѣмъ поверхностнымъ чертамъ, которыя расчитаны на возбужденіе инстинктовъ, на темпераментъ, на эгоизмъ, на чванство. Вся культура послѣдняго времени направлена была именно сюда, на эту область человѣческой жизни, какъ бы въ отместку за успѣхи, достигнутые въ другихъ областяхъ: чтобы сдѣлать наслажденіе доступнѣе, острѣе, продолжительнѣе, чтобы въ немъ отдохнуть отъ мукъ и уколовъ жизни. И искусства, и ремесла, и науки, и даже гражданскіе законы—все направлено было къ *обнаженію* пола, къ популяризированію его, къ возбужденію въ людяхъ не мистическаго уваженію къ нему, а реальнаго желанія или реальнаго отвращенія.

Согласитесь, что на этой почвѣ, и этимъ людямъ съ зажженной кровью проповѣдывать «поклоненіе» полу и «святость тѣлеснмго экстаза»—по меньшей мѣрѣ рискованно: это похоже на то, какъ бы пьяницѣ объяснять пользу и своевременность рюмки водки передъ обѣдомъ.

* * *

Повторяю, я глубоко проникнутъ прекрасной мыслью г. Розанова. Я бы и самъ всѣмъ существомъ своимъ желалъ испытать то поклоненіе полу, которое возбуждали къ себѣ библейскія: Ревекка, Рахиль, Юдифь, Сарра и проч. Я понимаю, почему отъ наготы ихъ, этой чудной наготы, вѣетъ цѣломудріемъ, и почему, глядя на нихъ, въ голову не лѣзутъ дурныя мысли. На ихъ челѣ написано «мать»—и такимъ женщинамъ надлежитъ поклоненіе. Но много ли ихъ на свѣтѣ? Въ простонародіи еще найдется. Въ среднемъ кругу—мало. А въ высшемъ и вовсе нѣтъ. Если и встрѣтится такая женщина гдѣ-нибудь въ переулкѣ старой Москвы, или въ обглоданной помѣщичьей усадьбѣ, вы пройдете мимо ея скромнаго облика и не почувствовавъ, что коснулись рѣдкой жемчужины. Ея свѣтлые глаза скромно опущены; улыбка какой-то упоительной гордости бродитъ по алымъ губкамъ; хоть она и высока ростомъ, стройна, «могуча», но одѣта не по модѣ; она прекрасна не столько чертами лица, сколько атмосферой женственности, которая ей сопутствуетъ, хрустальностью своей улыбки, взгляда и той поступью, тѣми движеніями, которыя обѣщаютъ цѣломудреннѣйшее, но и сумасшедшее счастье. Познакомившись съ такой женщиной, вы безъ всякихъ понуканій упадете ницъ и поклонитесь ея плоти, ея духу. Женившись—помолодѣете, исправитесь и пріобрѣтете къ сѣдинѣ ту нравственную чистоту, которую утратили въ юности.

Ну, а если она васъ не захочетъ, если жизнь станетъ между ею и вами? Пройдутъ годы, десятки лѣтъ, вы изгадитесь, извѣритесь, истреплетесь, пока другую такую встрѣтите...

Поклоненіе полу должно быть такимъ, чтобы оно вверхъ подымало, а не внизъ тянуло. Съ этимъ г. Розановъ, несомнѣнно, согласится. Чтобы у насъ была смутная надежда, слившись съ любимой женщиной, стать лучше, чѣмъ были до того, ближе къ нему. Такая любовь, такое поклоненіе прежде всего исключаютъ жажду личнаго блаженства. Свое «я» у подножія такого алтаря—расплывается въ чужое «ты». А легко ли это въ современномъ бракѣ?!.

Лучшее доказательство, что не легко,—медовый періодъ всѣхъ браковъ. Ужъ это ли не періодъ «религіознаго» поклоненія полу, «культа» его (еще до пресыщенія). А между тѣмъ, не это ли самое скверное, шероховатое время всѣхъ почти супружествъ, такое скверное и такое шероховатое, что если бы оно продолжалось годъ, два, если бы жизнь не вытягивала молодыхъ изъ «мистической глубины бездны» къ безбрежной шири реальнаго существованія, ставящаго ежедневно новые вопросы и требующаго отвѣтовъ на нихъ,—я думаю, брака больше не существовало бы. А почему? Только потому, что ни онъ, ни она не намѣрены, *не могутъ* пожертвовать реализмомъ своего пола (привычками, воспитаньемъ, темпераментомъ и характеромъ) ради поклоненія идеѣ его; что оба жаждутъ наслажденія для *себя*, успокоенія *себя*, а главное—*ощущенія себя*...

Проповѣдь поклоненія полу, поверхностно усвоенная, очень опасная штука въ нашъ безполый вѣкъ: полъ надо культивировать исподволь, воспитаніемъ. Надо создать полаго мужчину и полую женщину. Надо возсоздать тотъ духъ пола, который жизнь и культура сгладили въ насъ. Надо еще успокоить плоть: столько накопилось горючаго матеріалу въ изнервничавшейся натурѣ современнаго человѣка—того и гляди, вспыхнетъ и сгоритъ отъ неосторожнаго прикосновенія. Поклоненіе духу пола можно только *душой* и постигнуть. Но для этого нужно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, накапливать, а не растрачивать душу, успокоивать, а не растравлять плоть. Самое вдумчивое, самое святое поклоненіе полу безсильно сдѣлать бракъ счастливымъ, если сверху его струится безсодержательная, отравляющая [1]) душу муть. А вѣдь она—наша жизнь.

Кромѣ того, мнѣ сдается, что въ культѣ поклоненія полу, мы, мужчины, всегда потеряемъ. Потеряемъ потому, что мы больше желаемъ женщину, чѣмъ она насъ (и духа, и плоти ея); потому что мы искреннѣе; цѣльнѣе; чувственнѣе; добросовѣстнѣе (въ массѣ). Отдавшись этому культу, но не перекроивъ жизни на ветхозавѣтный ладъ, мы рискуемъ и вовсе потерять тотъ остаточекъ нашего престижа и вліянія на дѣла міра, которымъ мы еще (незаслуженно) кичимся.

---

[1]) Все это—святыя истины. Возстановить религію *пола* и нельзя, не возстановивъ религіи *жизни*, какъ *обстановки* пола. *Прим. В. Р—ва.*

И, наконецъ, если бы даже всего этого не было, если бы всѣ, какъ и я, согласились съ мнѣніемъ г. Розанова,—многіе-ли могли бы *искренно* поклониться своимъ женамъ, своимъ мужьямъ? Вѣдь большинство ихъ «пояты» по всякаго рода побужденіямъ, кромѣ любви [1]). «И въ болѣзни и въ старости сохрани»,—рекомендуетъ г. Розановъ. Сохранить-то можно, но поклониться [2]) трудно. Между ветхозавѣтнымъ поклоненіемъ полу и этимъ новозавѣтнымъ велѣніемъ: «и въ болѣзни и въ старости сохрани»—реальная (а не мистическая) жизнь вырыла цѣлую бездну. То, что не договорилъ г. Розановъ, представляется мнѣ такъ:

Чтобы добиться положительнаго поклоненія полу, надо начать съ отрицательнаго: съ воздержанія и даже аскетизма, когда жизнь въ своемъ неумолимомъ, на видъ—безтолковомъ, но въ сути—мудрѣйшемъ, ходѣ событій, врасплохъ или исподволь требуетъ отъ насъ такой жертвы. Тогда мнѣ понятно: «и въ болѣзни сохрани»! Тогда и только тогда, путемъ страданій, будучи вѣрнымъ больной, старой женѣ, больному и старому мужу, можно приблизиться въ бракѣ къ «подвигу», къ «схимникамъ»... А то слишкомъ легко, слишкомъ заманчиво рисуется «подвигъ брака» подъ «крышкой» уютной скиніи, у ногъ прекрасной Ревекки...

* *
*

Что опасность браку грозитъ *сверху*, а не *снизу*—съ широкой стороны его, сливающейся съ общественной жизнью, съ воспитаніемъ, врожденнымъ характеромъ и нажитыми привычками, а не съ узкой, теряющейся въ мистическомъ мракѣ бездны пола,—этому предположенію найдется не мало доказательствъ. И прежде всего — разная устойчивость брака въ разныхъ слояхъ общества, въ разныхъ странахъ и въ разныя времена. Врядъ ли нужно доказывать, что, чѣмъ большимъ количествомъ точекъ бракъ соприкасается съ жизнью, тѣмъ устойчивость его подвергается большимъ опасностямъ [3]). Семьи, обязанныя по своему положенію, или побуждаемыя богатствомъ, раскрыться, выползти, такъ сказать, на улицу, чаще разстраиваются, чѣмъ буржуазныя ячейки, которыя имѣютъ и досугъ и право скрываться во всякое мгновеніе подъ крышку домашняго очага. А эти буржуазныя ячейки, эти семьи чиновниковъ, рентье, помѣщиковъ, въ свою очередь безконечно чаще разстраиваются, чѣмъ семьи мѣщанъ, крестьянъ, которыя уже почти вовсе не вы-

---

[1]) Здѣсь центръ паденія европейской семьи, безъ *любовной*; «пѣсни пѣсней» въ супружествѣ нѣтъ. Есть лавочка, комфортъ: позднѣе образуется привычка и... «терпѣніе, терпѣніе безъ конца». *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Больная и старая жена *краше всякой другой, если смолоду была мила*; вообще бракъ отнюдь не есть только молодое таинство, но и старое (90-лѣтняя Сара). Но вотъ если, какъ въ тысячѣ нашихъ семей, она и смолоду была *не мила*, то въ *старости становится несносна*. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Вотъ здѣсь и ниже важная мысль. *Прим. В. Р—ва.*

глядываютъ изъ-подъ брачной «крышки». Та же причина дѣлаетъ бракъ болѣе устойчивымъ въ странахъ съ меньшей культурой, съ преобладаніемъ добывающей промышленности надъ обрабатывающей, съ преобладаніемъ суроваго климата надъ нѣжнымъ,—словомъ тамъ, гдѣ жизнь оборачивается медленнѣе и не взываетъ столь настойчиво къ дружной, внѣ половой и внѣ семейной заботѣ [1]).

Поэтому же бракъ въ средніе вѣка былъ устойчивѣе [2]), чѣмъ въ новые, а въ древніе—проще, чѣмъ въ средніе.

Еще доказательство моему предположенію можно усмотрѣть въ сложившемся убѣжденія, что бракъ въ юные годы, когда брачущіеся еще «не знакомы» съ жизнью,—рискованъ. Что надо дѣвушкѣ дать «вытанцоваться», а мужчинѣ—«перебѣситься». Этимъ убѣжденіемъ общество не признаетъ ли превосходство жизни надъ поломъ,—ибо, если бы было иначе, люди торопились бы соединиться въ самое цвѣтущее время, когда полъ ихъ сіяетъ еще цѣломудріемъ и дѣвственностью [3]). Вѣдь въ то время (а оно бываетъ для всякой дѣвушки и для всякаго мужчины) поклоненіе полу въ его цѣломъ (и духу и плоти) есть не заслуга, не подвигъ, а свойство возраста, и какими блестящими штрихами это свойство намѣчено! Какіе подвиги совершаетъ въ ту пору мужчина ради *взгляда* любимой женщины! Какую самоотверженность, настойчивость проявляетъ воздушное, 17-лѣтнее созданіе ради пожатія крѣпкой мужской руки! Замѣтьте—взгляда, пожатія! Ничего больше! Никакихъ дурныхъ мыслей, только бы *быть* вмѣстѣ, только бы *чувствовать* другъ друга, и это напряженіе пола со всѣми его тончайшими нервами и завитками разряжается, разглаживается въ пустой болтовнѣ, невиннымъ на лету поцѣлуемъ...

Такъ вотъ, если эту яркую полосу цѣломудреннаго поклоненія полу переживаетъ всякій,—отчего же люди не цѣпляются за эти моменты, чтобы соединиться [4]) и спастись? Отчего они такъ настойчиво не довѣряютъ этому настроенію, называютъ его: блажью, ребячествомъ, сентиментальностью, и рекомендуютъ познать жизнь, прежде чѣмъ поклоняться полу? Отчего говорятъ: «онъ, она жизни

---

[1]) Однако, нельзя не замѣтить, что *счастливая* семья сама почти не ищетъ показаться, «выйти въ люди», объектироваться. Такая семья сидитъ дома или имѣетъ тенденцію сидѣть дома. На несчастіи европейской семьи основано богатое развитіе объективной, *общественной* въ Европѣ жизни. Умеръ (идейно) мужъ, жена: родился—членъ общества, рыцарь (странствователь) въ средніе вѣка, клубистъ—въ новые. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Тутъ очень много иллюзіи. Теперь и представить себѣ нельзя принцессу à la «королева Марго». Вообще въ XIX вѣкѣ семья скорѣе имѣетъ тенденцію воскреснуть, чѣмъ окончательно погибнуть. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Да, нашъ холодный бракъ основанъ болѣе на устойчивости равнодушія, чѣмъ на крѣпости идеалу. «Всѣ надоѣли и все уже надоѣло, и вотъ теперь переносимы и мужъ, и жена, и семья». *Прим. В. Р—ва.*

[4]) И худо дѣлаютъ. Не *умѣютъ* обращаться съ небеснымъ огнемъ, а только съ дымнымъ углемъ перегорѣлыхъ остатковъ души. *Прим. В. Р—ва.*

не знаетъ», когда хотятъ помѣшать союзу?.. Мнѣ кажется, что огромное большинство, культурное большинство, поступающее такъ, не желаетъ зла своимъ дѣтямъ, а лишь *не довѣряетъ* спасательной силѣ пола въ борьбѣ съ жизнью, и предпочитаетъ союзы, гармонирующіе въ верхнихъ частяхъ своихъ (свойства характеровъ, ума, положеніе, воспитаніе, годы) союзамъ, гармонирующимъ въ основаніи (влеченіе пола). Это вполнѣ понятно. Но не раціональны пріемы, которые для этой цѣли практикуются.

Отъ жизни въ бракѣ принято спасаться застрахованьемъ себя, прививкой яда ея, какъ прививаютъ оспу. Дѣвушка выѣзжаетъ, принимаетъ ухаживанья, выслушиваетъ двусмысленности и размышляетъ надъ ними; хорошо, если ее обнимаютъ *только* въ танцахъ. Мужчина прыгаетъ черезъ нѣсколько ступенекъ къ безднѣ всякаго рода наслажденій: хорошо, если *только* не караемыхъ закономъ. Черезъ годъ, два, оба готовы [1]), оба утратили лучшую часть своего пола—духъ его. И ихъ соединяютъ. Что же соединяютъ? Очевидно, плоть [2]) одну,—и что же можетъ произойти отъ этого соединенія, кромѣ тѣхъ шереховатостей, которыми полонъ современный бракъ и которыхъ не искоренитъ живая проповѣдь Толстого къ аскетизму, какъ не искоренитъ и призывъ г. Розанова возвратиться въ недра пола.

Есть два сорта брачущихся: одни выносятъ прививки яда жизни молодцами и вступаютъ въ бракъ закаленными. Такіе браки называютъ *счастливыми*. Супруги любятъ другъ друга въ размѣрѣ, совершенно достаточномъ для поддержанія равновѣсія въ житейскомъ морѣ своей брачной ячейки. Они не философствуютъ, не оглядываются по сторонамъ—они живутъ. Въ такомъ бракѣ все, болѣе или менѣе, гладко, ибо все, болѣе или менѣе, компромиссъ. Если одна сторона пошаливаетъ, то другая, вздыхая, говоритъ: что подѣлаешь! Жизнь!.. И бракъ этотъ отъ грязи жизни и невзгодъ ея какъ будто крѣпнетъ. Они—союзники: жизнь, со всѣмъ тѣмъ, что разрушаетъ полъ, даетъ имъ матеріалъ, чтобы оцѣнить личность, чтобы привязаться другъ къ другу во имя общихъ интересовъ [3]).

Другой сортъ людей—это тѣ, кого жизненныя прививки только разбередили, а не успокоили. Они *вскакиваютъ* въ бракъ, какъ вскакиваютъ въ хомутъ невыѣзжанныя лошади, съ цѣлью успокоиться, пристроиться... Иногда, очень рѣдко впрочемъ, они и успокаиваются. Если случай столкнетъ ихъ съ Ревеккой, они, послѣ нѣсколькихъ прыжковъ туда и сюда, поддаются ея обаянію. (Про такихъ женъ говорятъ: она глупа, но отлично держитъ въ рукахъ своего мужа). Чаще, понятно, вмѣсто Ревекки попадается барышня «изъ

---

[1]) Все это мѣсто и ниже строки—глубоки. Но какъ это ужасно! *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Вотъ, вотъ! *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Да, это *соціальный* бракъ, а не религіозный. *Прим. В. Р—ва.*

общества», умненькая, изящная, воздушная, и эта барышня, краснѣя, запинаясь, но съ настойчивой ноткой въ голосѣ, даетъ понять жениху, что она не особенно любитъ дѣтей... Послѣ «херувимской», шампанскаго и поздравленій, *онъ* не успокаивается, а *она* недоумѣваетъ,—гдѣ сладость брака? Когда, наконецъ, она постигаетъ эту сладость, онъ обыкновенно уже пресыщенъ ею и въ мысляхъ любитъ уже кого-нибудь другого...

Начинаются муки «Крейцеровой Сонаты», за исключеніемъ, можетъ быть, ножа. Роль ножа въ современномъ бракѣ играетъ разводъ. А еще чаще—сдѣлка [1]).

* * *

Вотъ эту сдѣлку, вѣроятно, г. Розановъ называетъ развратомъ. Сожитье безъ любви—есть развратъ, говоритъ онъ. Ахъ, Боже, какъ часто это говорятъ и какъ дурно дѣлаютъ, что говорятъ! У насъ есть развратъ незаконный, терпимый. На тему его пишутъ романы. У насъ завелся развратъ законный и объ немъ тоже пишутъ. Зачѣмъ?.. Искоренить, образумить? Но если ужасныя послѣдствія уличнаго разврата не искореняютъ его, какъ же вы хотите искоренить то, что охраняется [2]) закономъ, церковью, и что имѣетъ вовсе не столь прямолинейныя причины, какъ вамъ кажется. Съ брака срываютъ «крышку» и говорятъ: «мы сорвали ее потому, что здѣсь не было любви; а тамъ, гдѣ есть любовь, мы не тронемъ!» Но позвольте, гг. философы,—знаете ли вы еще толкомъ, что такое любовь современнаго труженика? Вы все еще, по традиціямъ, считаете ее «святой», какимъ-то дворянскимъ (въ нравственномъ смыслѣ) чувствомъ, съ опредѣленными контурами, ну, точно бѣлый Георгіевскій крестъ, цѣломудренно сіяющій на груди героя. А она, голубушка, измѣнилась, какъ и все въ мірѣ: она демократизировалась, огрубѣла, потеряла стройность линій и свой ослѣпительный цвѣтъ, ныньче мимо ее пройдешь 10 разъ и не замѣтишь... Метаморфоза любви шла параллельно съ метаморфозой пола [3]). Исчезалъ въ тискахъ культуры духъ пола, исчезала и яркость, стройность [4]) любви. Онѣгинъ любилъ Татьяну! Дубровскій любилъ Марію! Такъ мы же понимаемъ, за что: за женственность, за кротость, за невинность, за милосердіе—за *духъ* пола. Понятно также, почему любимъ муже-

---

[1]) Вѣрная и поразительная картина павшей семьи, разсмотрѣвъ которую воскликнешь съ апостолами: «если *такъ—лучше* не жениться». *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Поразительное признаніе, но, конечно, вѣрное: флиртирующая жена противъ домовитаго мужа и мужъ на глазахъ вѣрной жены заводящій связь съ бонной, гувернанткой и проч., находятъ оба полную себѣ защиту въ законѣ! Этого поразительнаго обстоятельства не замѣчаютъ. Вѣрной женѣ и домовитому мужу отвѣчаютъ: «потерпите, что-же дѣлать», «закройте глаза». Вотъ путь Голгоѳы, но не тернистой, а топкой, въ европейскомъ бракѣ. *Прим. В. Р—ва.*

[3]) Замѣчательно цѣнная мысль. *Прим. В. Р—ва.*

[4]) Именно—*стройность! Прим. В. Р—ва.*

ственный циникъ Онѣгинъ, дерзкій разбойникъ Дубровскій. Ихъ отрицательныя качества, тѣ качества, которыя дѣлаютъ ихъ негодными для общественной дѣятельности, не стерли, однако, съ нихъ ореола мужской духовной красоты, той красоты, которая всегда, во всѣ времена, покоряла женское сердце. Но, позвольте,—за что любить титулярнаго совѣтника Бородавкина, обрученнаго съ генеральской дочерью [1]) Бездонной? За что любить m-lle Бездонную? За его фракъ, пріятныя манеры, прическу и французскую рѣчь? За ея... крошечное приданое и еще болѣе крошечную душонку? Обручаемые любятъ другъ-друга ровно постольку, поскольку заслуживаютъ и умѣютъ. Ихъ чувство ничтожно сравнительно съ чувствами Онѣгина и Татьяны, но кто же посягнетъ на него, кто разлучитъ ихъ у аналоя? Любовь разбилась нынче на столь мелкія струйки (всѣмъ вѣдь хочется ея), что безъ лупы иногда и не разберешь: есть она, или нѣтъ? «Домъ Божій» называютъ чуть ли не домомъ... только потому, что не *видятъ* любви въ немъ. А можетъ она была? А можетъ она будетъ? А можетъ она и есть, только завалена хламомъ жизни, котораго вамъ не понять: нуждой, ссорами, завистью, болѣзнью и проч?!..

Если Христосъ запретилъ бросить камень въ явную, уличную грѣшницу, то клеймить гнуснымъ названьемъ отношенія супруговъ, любящихъ другъ-друга чувствомъ, изгаженнымъ *жизнью* и *воспитаніемъ*,—мнѣ кажется, немножко рискованно, да и не гуманно. Вѣдь бракъ защищаться не можетъ. Онъ и спорить не можетъ. Вы его клеймите, а онъ молчитъ, потому что выйти на улицу, заспорить съ вами, значитъ для него—распасться.

* * *

Наконецъ—«соринки». Мы добрались до главнаго. «Искусство жить въ семьѣ заключается въ вынесеніи, въ выбрасываньи соринокъ, которыя и т. д.»—какъ говоритъ г. Розановъ. Мнѣ бы хотѣлось перефразировать это такъ: «Бракъ, какъ институтъ гражданской жизни, какъ источникъ личнаго счастья и какъ ячейка, скапливающая въ себѣ здоровую семью,—есть искусство *перемалывать* (а не выбрасывать, ибо выбросить ихъ некуда) дурныя и хорошія сѣмена, сыплющіяся на него неустанно изъ рѣшета жизни»...

Образно, бракъ можно представить въ видѣ мельничныхъ жернововъ, въ которые мельникъ—жизнь—неустанно подсыпаетъ зерна; причемъ сила, двигающая эти жернова, есть чувство, которое связываетъ брачущихся. Очевидно, результатъ работы находится въ зависимости отъ трехъ причинъ: 1) отъ двигающей силы, 2) отъ поверхности жернововъ и 3) отъ сорта и количества попадающихъ

[1]) Вся это—печальная истина! Уже *совершилось* побѣдное «*нѣтъ* болѣе ни мужской полъ, ни женскій», но... все слилось въ аморфную безъ-выразительность! *Прим. В. Р—ва.*

зеренъ. Когда движущая сила есть поклоненіе полу, и если поклоненіе это стройно, равномѣрно, безъ вспышекъ, всякій пойметъ, что это хорошо. Но можетъ выйдти недурно и тогда, когда поклоненіе полу смѣняется уваженіемъ къ личности, заботой о дѣтяхъ и даже матеріальной заботой. Колесо не остановится въ такомъ бракѣ, лишь бы сила дѣйствовала равномѣрно и лишь бы она могла сдвинуть механизмъ. Поверхность жерноновъ—это субъекты брачущихся. Жернова, какъ извѣстно, тщательно пригаживаются, нарѣзаются, для нихъ ищутъ самаго твердаго камня. Если бы такъ-же поступали въ бракѣ! Если-бы поняли, что половой инстинктъ въ самомъ возвышенномъ значеніи—только сила, спаивающая брачную ячейку, но не предотвращающая ни визга, ни скрипа, ни излишняго стиранія поверхностей жерноновъ, когда они плохо пригнаны и нарѣзаны, когда они высѣчены изъ мягкой породы.

Но и равномѣрная сила и твердые, хорошо пригнанные жернова—ни къ чему, если мельникъ не засыплетъ въ поставъ зерна. Бракъ ради поклоненія полу—красивый звукъ; замкнутая брачная ячейка никому и ничему не нужна. Бракъ ради жизни и посредствомъ жизни—идея, и такой бракъ нуженъ для развитія общества. Ветхозавѣтный бракъ имѣлъ единственной [1]) цѣлью—потомство. Новозавѣтный, мнѣ сдается, имѣетъ задачи шире: онъ призванъ очищать атмосферу жизни отъ скопившихся въ ней тлетворныхъ осадковъ культуры. Чтобы выполнить эту задачу, бракъ долженъ раскрыться и воспринять жизнь въ дурныхъ и хорошихъ ея проявленіяхъ. Нигдѣ такъ не примѣнима пословица: «перемелется—мука будетъ» [2]), какъ въ бракѣ. И мука эта, по моему, не только семья, выростающая отъ даннаго брака, но и сосѣднія семьи; горе и радости не только брачущихся, но и всѣхъ близкихъ и далекихъ, кого можетъ согрѣть сіяніе счастливаго брака. Что толку, если я буду «свято» исповѣдывать культъ поклоненія *моимъ* дѣтямъ, *моей* женѣ, а кругомъ моей скиніи будетъ царить развратъ, бѣдность, страданія? Если отъ замкнутости моей въ культѣ *моего* счастья остановятся знанія, задремлютъ искусства? Нужно раскрыться, нужно хлебнуть этой мути и очистить ее тѣми силами, которыя вырабатываются отъ счастливаго союза...

Мнѣ кажется, не «соринки», а цѣлыя пригоршни грязи попадаютъ изъ жизни въ бракъ. При удачномъ подборѣ брачущихся

---

[1]) Въ высшей степени важно (въ смыслѣ психическаго воздѣйствія на брачущихся), что *единичность* цѣли сообщаетъ *ясность* и *твердость* браку. Нашъ бракъ запутался въ множественности цѣлей и сталъ не ясенъ. И супруги бредутъ въ немъ «куда-нибудь и какъ-нибудь», а не идутъ. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Вообще говоря, это *такъ* при взаимномъ согласіи, но не по принужденію: если цѣломудренной женѣ о развратномъ мужѣ законодатели говорятъ: «Э. перемелется—мука будетъ», то это безчеловѣчность. *Прим. В. Р—ва.*

онѣ перемалываются въ пыль и разлетаются по воздуху. При неудачномъ—соринки проскальзываютъ между жерновами и тяжестью своею опускаются «въ нѣдра брачнаго завитка».

Но позвольте! Могутъ ли онѣ потревожить семейный покой, если онъ черпается изъ «мистической бездны поклоненія полу»? Вѣдь бездна—это что-то очень большое, чего во всякомъ случаѣ соринками не заполнишь. Пусть ихъ падаютъ—культъ поклоненія полу, разъ онъ струится изъ «бездны», не можетъ пострадать отъ нихъ. Но г. Розановъ самъ поучаетъ брачущихся: торопитесь вынести эти соринки, ибо въ нихъ—опасность!

Въ нихъ, по моему, не только опасность, въ нихъ—все! Соринки ничтожны. Это: настроеніе духа, свѣтская болтовня, туръ вальса, служебная неудача, другъ, гость, рюмка вина, цвѣтъ платья, чадъ изъ кухни, неудавшійся супъ—ихъ и не перечтешь. Вся жизнь изъ соринокъ. Но вотъ, что происходитъ: соринки, не перемолотыя брачущимися, падаютъ въ бездну, а вѣдь бездна-то эта—узкое, растравленное жизнью, плотское чувство. Чѣмъ глубже опускаются соринки, тѣмъ онѣ *кажутся* больше. На днѣ бездны онѣ уже—бревна. Такими бревнами, уродующими супружескій союзъ, является и лишняя рюмка вина, и лишній роберъ винта, и слишкомъ открытое платье, и слишкомъ много, и слишкомъ мало труда—словомъ, чѣмъ полнѣе жизнь, шире горизонтъ сношеній съ людьми, тѣмъ бревна больше,—только вытаскивай!

Гдѣ же тутъ мистическое? Гдѣ культъ? Гдѣ святость? Гдѣ скинія?

Нѣтъ, мнѣ кажется, тутъ, къ несчастью, нѣтъ—ни того, ни другого, ни третьяго.

Бракъ въ его реализмѣ—есть жизнь, а не религія, и приспосабливаться къ нему нужно какъ къ жизни, т. е. столько же (если не больше) умомъ, сколько и чувствомъ.

Культъ поклоненія полу не можетъ спасти современный бракъ отъ разрушенія, ибо бракъ разрушается сверху, изъ сферъ, гдѣ кончается полъ и начинается личность.

Мотивы, приведшіе Позднышева къ преступленію,—есть *послѣдствія*, а не причины болѣзни брака. Поэтому самому и лѣчить бракъ приходится не въ томъ мѣстѣ, гдѣ сказалась боль, а выше и шире,—въ условіяхъ [1]) соціальной жизни.

И, наконецъ, какъ выводъ изъ всего этого, приходится думать, что святость брачущихся и крѣпость семьи зиждятся на поклоненіи *личности* [2]), а не полу.

---

[1]) Непремѣнно съ этого надо начать: съ *постановки условій, обстоятельствъ* брака. Но *что* здѣсь дѣлать, объ этомъ можно догадаться только понявъ бракъ какъ поклоненіе *образу Божію.* Вѣдь сказано-же о *молитвѣ*: «не иди на нее, *не примирившись съ братомъ твоимъ*», и «если *не* примиренъ—*вовсе не иди*!» *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Это—лукавое обѣщаніе (фата-моргана), изъ котораго нѣтъ выхода къ свѣту, а только прежнее и вѣчное скитаніе въ темнотѣ. *Прим. В. Р—ва.*

Въ заключеніе, не мѣшаетъ напомнить, что культъ поклоненія полу есть культъ архи-древній, какъ и всѣ культы. Въ Индіи, много тысячъ лѣтъ тому назадъ, онъ назывался культомъ Лингамы, въ Египтѣ—культомъ Озириса (Phallus). Поклоненіе этому культу [1]) занимало весь древній міръ, и слѣды этого поклоненія сохранились въ музеяхъ Неаполя, Рима (Ватикана) и у насъ въ Эрмитажѣ. Нѣсколько прекрасныхъ сочиненій посвящены слѣдамъ этого культа, не спасшаго, увы, древній міръ, отъ крушенія [2]). Культъ этотъ въ тѣ времена былъ открытымъ, видимымъ, не нарушая цѣломудрія, общественной скромности и не соблазняя никого сладостью запрета. Возвращеніе къ нему даже въ той одухотворенной христіанствомъ формѣ, которую рекомендуетъ г. Розановъ, и даже подъ покровомъ непроницаемой «крышки скиніи»—врядъ ли измѣнитъ инстинкты человѣчества, склоняющіеся, какъ показываетъ опытъ исторіи, болѣе въ сторону животную, чѣмъ въ сторону божественную.

Эти инстинкты надо щадить, не привлекая ихъ къ созерцанію бездны, а, наоборотъ, скорѣе—отклоняя. Въ этомъ, мнѣ кажется, заблужденіе автора «Крейцеровой Сонаты» и всѣхъ изслѣдователей мистической тайны пола.

«Тайна сія велика есть!»...

---

2) Какими «рожцами» питается наша интеллигенція? Изъ дневника Православнаго.

Говорятъ: литература есть зеркало жизни. Что касается нашей русской литературы, то пожалуй это можно сказать относительно нашего свѣтскаго общества: въ литературѣ, особенно въ періодической печати, какъ въ зеркалѣ, отражается весь тотъ духовный міръ, въ которомъ живетъ наше такъ называемое образованное, интеллигентное общество. Но если такъ, то къ какимъ грустнымъ выводамъ приходишь, когда вчитываешься въ наши свѣтскіе журналы и газеты! Право, иной разъ спрашиваешь себя: да неужели въ самомъ дѣлѣ до этого дошло? Ужели духовное язычество такъ

---

[1]) Ну, что кромѣ *слова* мы знаемъ о «культѣ Phallus'а?» Это какъ надгробная надпись: «подъ симъ камнемъ лежитъ Иванъ Иванычъ». Но кто онъ былъ и что съ нимъ было—уже *прохожій* (мы) не знаетъ. *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Однако страны названныя *не умерли въ хилости*, какъ умираемъ мы (сифилисъ, проституція, богатое развитіе общественности, постоянное войско и долгая школа) или римляне и греки. Вообще замѣчательно, что страны высокаго ощущенія брачнаго ритма—не вымираютъ! *Прим. В. Р—ва.*

глубоко проникло въ среду нашего образованнаго общества, что болѣе талантливые его представители какъ будто вовсе не читали Евангелія, какъ будто знать не хотятъ—не говоримъ уже ученія Церкви—нѣтъ, а хотя бы самыхъ элементарныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, священной исторіи,—того, что должно быть знакомо каждому школьнику церковно-приходской школы?..

Скажутъ: «тяжкое обвиненіе!» Спѣшимъ оговориться: есть и свѣтлыя исключенія, но современная печать ихъ не жалуетъ, и они ютятся большею частію по духовнымъ журналамъ. Говорятъ: «въ послѣднее время замѣченъ поворотъ къ лучшему: если въ шестидесятыхъ-семидесятыхъ годахъ стыдились словъ *Богъ* и *душа*, то теперь въ образованномъ обществѣ замѣтенъ интересъ къ вопросамъ вѣры, замѣтно оживленіе философствующей мысли»...

Не споримъ, но вотъ тутъ-то и обнаруживается то невѣроятное невѣжество въ вопросахъ вѣры и истинной философіи, о которомъ мы говоримъ. Говорятъ, Екатерина Великая не задолго предъ своею кончиной сказала: «намъ надобно начинать съ катихизиса». Но нашихъ интеллигентовъ за катихизисъ не посадишь. Недавно одинъ изъ такихъ «мыслителей» принесъ намъ тетрадь, озаглавленную: «въ защиту вѣры съ точки зрѣнія философіи» и просилъ сказать свое мнѣніе. Мы прочитали и были поражены полнѣйшимъ невѣжествомъ этого господина въ вопросахъ христіанскаго вѣроученія.

— Послушайте, сказали мы этому «философу»: да читали ли вы хотя нашъ пространный катихизисъ?

— Какъ? говоритъ, не только читалъ, но и учился по этой книгѣ въ школѣ (ему по виду было за 60 лѣтъ); теперь конечно всего не припомню.

— Ну, а кромѣ-то катихизиса, который вѣроятно полузабытъ вами, читали ли что изъ Догматическаго Богословія, напримѣръ, преосв. Макарія, Сильвестра или еще какого?

— Помилуйте, говоритъ, я человѣкъ свѣтскій: на что мнѣ эти мудрости академическія читать?

— Да вѣдь вотъ вы пишете объ основныхъ догматахъ вѣры нашей христіанской, вы всѣ ихъ отвергаете, вы пишете—точь въ точь какъ какой-нибудь апологетъ язычества въ родѣ Цельза...

— Сохрани Богъ, говоритъ: я религію христіанскую защищаю, я такъ убѣжденъ въ истинѣ того, что пишу, что напечатаю свое сочиненіе за границей...

А его сочиненіе есть не что иное, какъ бредни спиритовъ, объявившихъ себя въ Америкѣ открыто «антихристіанами». И надо правду сказать: вѣдь человѣкъ много думалъ, большую книгу написалъ, все по своему къ единству привелъ, только объ одномъ не позаботился: поближе познакомиться съ ученіемъ христіанскимъ...

А сколько такихъ «мыслителей» развелось въ нашей свѣтской печати! Типичнѣйшимъ изъ нихъ въ наше время является именитый графъ Л. Толстой, котораго они иначе не называютъ, какъ «чудеснымъ, ослѣпительнымъ солнцемъ нашей современной литературы», которое для нихъ «сіяетъ въ загрязненномъ фабриками узенькомъ переулкѣ въ Хамовникахъ» (см. «Новое Время», № 8511). Это—идолъ, если хотите—даже идеалъ всѣхъ подобныхъ мыслителей, только съ тою разницей, что каждому изъ нихъ *свое* слово хочется сказать, *свою* мыслишку въ ходъ пустить, словомъ — пооригинальничать, разыграть роль если ужъ не свѣтила великаго, то хотя маленькой звѣздочки. Была мода на матеріализмъ: они писали въ духѣ Фогта и Дарвина; теперь вѣтеръ подулъ съ другой стороны—они пишутъ на темы о Богѣ, о душѣ, о высшихъ вопросахъ вѣры и нравственности. Что имъ за дѣло, что еще Апостолъ Христовъ Іаковъ назвалъ ихъ [1]) суемудріе мудростью «земною, душевною, бѣсовскою» (3, 15). Имъ нѣтъ времени заглянуть въ Библію: остались отъ временъ школьнаго обученія какіе-то обрывки религіознаго знанія—и довольно съ нихъ... До чего доходитъ это пренебрежительное отношеніе къ Библіи, показываетъ хотя бы вотъ этотъ примѣръ: одинъ изъ болѣе талантливыхъ сотрудниковъ газеты, издаваемой родовитымъ княземъ Мещерскимъ, нисколько не задумываясь, пишетъ, напримѣръ: «Бракъ существовалъ еще тогда, когда не было никакихъ религій (даже истинной?). Культъ поклоненія полу (духу и плоти его, поясняетъ въ скобкахъ авторъ) едва ли не слѣдовалъ непосредственно за культомъ поклоненія Богу. Избранникамъ такого культа обѣтовалось многочисленное «аки песокъ въ море» (и лапки, и орѳографія автора) потомство. Самъ Іегова привелъ на ложе Авраама его служанку. Возвышенная активная вѣра псалмопѣвца Давида не омрачалась, а, наоборотъ, какъ бы вдохновлялась плотской жизнью его среди гарема женъ. Весь Ветхій Завѣтъ обвѣянъ, испещренъ этимъ культомъ, который какими-то таинственными нитями сплетенъ воедино съ культомъ служенія Богу». Упомянувъ далѣе «о *благотворномъ* и огромномъ вліяніи искръ полового восторга на *творчество* человѣческаго генія», указавъ въ примѣръ на Рафаэля, Данте и нашего Толстого, авторъ далѣе продолжаетъ: «Развѣ Іаковъ имѣлъ бы такое потомство (къ чему тутъ рѣчь о потомствѣ? или и въ потомствѣ видно «творчество генія»)? Развѣ Давидъ могъ бы воспѣвать Бога среди *многихъ* женъ? Какихъ еще доказательствъ нужно, что Богъ *всегда* жилъ на днѣ блаженства пола, ибо оно—осколокъ блаженства рая»...

Но довольно. Для насъ... благоговѣющихъ къ каждому слову [2]) Библіи, это кажется прямо кощунствомъ, богохульствомъ (достойно

[1]) Почему *ихъ*, а не вашъ? *Прим. В. Р—ва.*

[2]) Изъ чего это видно? Куда дѣвали обрѣзаніе? *Прим. В. Р—ва.*

ли Бога такое «сводничество»)? а вотъ князь печатаетъ, ничтоже сумняся, и никто, рѣшительно никто изъ пишущихъ не счелъ нужнымъ замѣтить гдѣ-либо въ свѣтскихъ изданіяхъ, что вѣдь это—и ложь безсовѣстная, и богохульство, и ничего подобнаго въ Библіи нѣтъ... [1]).

---

[1]) Какъ нѣтъ? Вотъ какъ сторонники безбрачія называютъ простое повтореніе писателемъ словъ Библіи: «и сотворимъ *жену ему*» (человѣку). Имъ это представляется «богохульствомъ» и потому именно, что ихъ собственныя обѣщанія дѣвства, отрицающія слово Апостола: «ничѣмъ разжизиться—то *лучше посягати*», суть похуленіе заповѣди Божіей: «раститеся и множитеся и *наполните* землю». Чтобы показать, какъ Богъ относится къ супружеству, не можемъ лучшаго сдѣлать, какъ привести трогательный и вразумительный разсказъ Библіи о Моисеѣ (уже имѣвшемъ сына и жену) и ееіоплянкѣ:

1. «И упрекали Маріамь и Ааронъ Моисея за женщину, Ееіоплянку, которую онъ взялъ; ибо онъ поялъ Ееіоплянку;

2. «И сказали: одному ли Моисею говорилъ Господь? Не говорилъ ли Онъ и намъ? И услышалъ *сіе* Господь.

3. «Моисей же былъ человѣкъ кротчайшій изъ всѣхъ людей на землѣ.

4. «И сказалъ Господь внезапно Моисею и Аарону и Маріами: выйдите вы трое къ скиніи собранія; и вышли всѣ трое.

5. «И сошелъ Господь въ облачномъ столбѣ, и сталъ у входа скиніи, и позвалъ Аарона и Маріамь, и вышли они оба.

6. «И сказалъ: слушайте слова Мои: если бываетъ у васъ пророкъ Господень, то Я открываюсь ему въ видѣніи, во снѣ говорю съ нимъ;

7. «Но не такъ съ рабомъ Моимъ Моисеемъ; онъ вѣренъ во всемъ дому Моему.

8. «Устами къ устамъ говорю Я съ нимъ, и явно, а не въ гаданіяхъ; и образъ Господа онъ видитъ: какъ же вы не убоялись упрекать раба Моего, Моисея?

9. «И воспламенился гнѣвъ Господа на нихъ, и Онъ отошелъ.

10. «И облако отошло отъ скиніи, и вотъ, Маріамь покрылась проказою, какъ снѣгомъ. Ааронъ взглянулъ на Маріамь, и вотъ, она въ проказѣ.

11. «И сказалъ Ааронъ Моисею: господинъ мой! не поставь намъ въ грѣхъ, что мы поступили глупо и согрѣшили;

12. «Не попусти, чтобъ она была, какъ мертворожденный *младенецъ*, у котораго, когда онъ выходитъ изъ чрева матери своей, истлѣла уже половина тѣла.

13. «И возопилъ Моисей къ Господу, говоря: Боже, исцѣли ее!

14. «И сказалъ Господь Моисею: если бы отецъ ея плюнулъ ей въ лице, то не должна ли была бы она стыдиться семь дней? Итакъ пусть будетъ она въ заключеніи семь дней внѣ стана, а послѣ опять возвратится.

15. «И пробыла Маріамь въ заключеніи внѣ стана семь дней, и народъ не отправлялся въ путь, доколѣ не возвратилась Маріамь. (Числъ гл. 7).

Вотъ страница, которую забылъ нашъ богословъ въ своей поспѣшной публицистикѣ.

Прим. В. Р—ва.

Бракъ и христіанство. [1]

(Изъ переписки съ православнымъ священникомъ).

I.

Въ рядѣ статей въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ мнѣ пришлось, оспаривая нѣкоторыя ходячія мнѣнія, высказаться утвердительно о краеугольномъ камнѣ бытія человѣческаго—*семьѣ*, и о таинственномъ родникѣ, изъ коего и вокругъ коего она образуется. Я былъ такъ счастливъ, что мысли мои нашли отзвукъ; и, какъ увидитъ читатель, онѣ даже дали нѣкоторый плодъ, вызвавъ такія формулы вопроса, какія мнѣ не приходили на языкъ и которыя, именно какъ выраженія, какъ формулы, я считаю высоко цѣнными. Въ сущности умственно, духовно, субъективно не можетъ быть колебанія въ этомъ вопросѣ: и метафизическія, и этическія соображенія твердо устанавливаютъ священность семьи; требуютъ, взываютъ о религіозной санкціи сюда; но есть великія затрудненія выразить эти метафизическія и этическія соображенія въ словѣ: тутъ можетъ быть случай, удача, когда вдругъ нужное слово, какъ «огненный языкъ», разрѣшаетъ тучу навпсшихъ и еще не прорвавшихся, не умѣющихъ прорваться, мыслей.

Желаніе подѣлиться этими формулами, — пусть сказавшимися кратко, афористически, — но выражающими великія и отдаленныя

---

[1] Статья эта печаталась въ «Русскомъ трудѣ» за 1898 г., и редакторъ журнала, С. Ѳ. Шараповъ, сопроводилъ ее примѣчаніями, которыя я считаю крайне цѣнными въ смыслѣ «полемическихъ матеріаловъ» и сохраняю ихъ, безъ перемѣны, всѣ. Чтобы отдѣлить эти *редакціонныя* примѣчанія, безъ моего вѣдома и согласія сдѣланныя, я отмѣтилъ ихъ буквами: *С. Ш—въ*; всѣ остальныя примѣчанія принадлежатъ мнѣ и, при печатаніи статьи въ «Русск. Тр.», стояли безъ отмѣтки. Здѣсь они отмѣчены, для различенія отъ Шараповскихъ, моимъ именемъ: *В. Р—въ*.

чаянія человѣческаго сердца, побуждаетъ меня къ нескромности: предать печати четыре частныя письма русскаго священника, такъ и этакъ, но касающіяся великаго идеала: какъ построить христіанскую семью? Какъ ощутить семью не номинально, но реально—религіозною? не въ томъ nomen, которое ее предваряетъ, но въ той res, въ которой она существуетъ и течетъ?

Поводомъ къ письмамъ моего почтеннаго корресподента послужило слѣдующее: едва была напечатана въ № «Нов. Вр.», отъ 31 декабря 97 г., статья моя: «Смыслъ аскетизма», какъ въ № 3 «Церковныхъ Вѣдомостей», отъ 17 января 1898 г., явился обширный ея разборъ: «Христіанскій аскетизмъ и ложныя сужденія о немъ» г. Мих. Сменцовскаго. По научному содержанію,—всегда основательному у духовныхъ писателей, — эта статья заслуживала-бы разбора; но, къ сожалѣнію, дурной тонъ, допущенный ея авторомъ въ концѣ статьи, и явное непониманіе имъ моей мысли понудили меня удержаться отъ отвѣта. Я замѣтилъ только, и считаю нужнымъ отмѣтить это, скопческую у автора тенденцію: именно, разбирая мое указаніе на видѣнія Іезекіиля и ап. Іоанна четырехъ мистическихъ животныхъ, изъ коихъ у одного «лице было какъ-бы дѣвы» (такое именно лице я вижу, по крайней мѣрѣ не рѣдко, въ храмовыхъ изображеніяхъ), г. Сменцовскій яростно отринулъ это утвержденіе: не «дѣвы», но «человѣческое». Однако, «дѣвы» или «юноши» было это лице — оно было которымъ нибудь изъ нихъ, если было «человѣческое»; и яростное, дважды повторенное, въ текстѣ и примѣчаніи, отрицаніе: «не дѣвы» есть именно та ярость «ложно толкуемаго аскетизма», которая бросаетъ нашихъ скопцовъ къ ихъ печальной операціи «надъ дѣвами» [1]). Этой точки зрѣнія, отдаленно и косвенно скопческой: унпчиженія дѣвства, уничиженія пола въ человѣкѣ — я не хотѣлъ, не могъ принять; оспариванію этой точки зрѣнія на аскетизмъ посвящена была моя, такъ дурно понятая и въ дурномъ смыслѣ перетолкованная, статья «Смыслъ аскетизма».

Въ началѣ февраля 98 г., зайдя въ редакцію «Новаго Времени», я получилъ отъ ея секретаря слѣдующую записку вопросъ:

Покорнѣйше и усерднѣйше прошу Уважаемую Редакцію сообщить мнѣ адресъ сотрудника «Новаго Времени» В. В. Розанова, автора фельетона «Смыслъ аскетизма», помѣщеннаго въ «Новомъ Времени» отъ 31 декабря 1897 года.

На отвѣтъ прилагаю семикопѣечную марку.

Съ полнымъ уваженіемъ остаюсь С—скій Соборный Протоіерей Александръ Ус—скій.

30 января 1898 г.

Признаюсь, не безъ тревожнаго ожиданія, что мнѣ предстоитъ приватно выслушать обвиненія, подобныя тѣмъ, какія печатно сдѣ-

[1]) Скопцы, какъ извѣстно, отрѣзаютъ груди у женщинъ, приближая *дѣву* (или женщину) къ *виду обще-человѣческому*, какъ болѣе богоугодному. *В. Р—въ.*

далъ г. Сменцовскій, я далъ требуемый адресъ; но не вездѣ, гдѣ мы ожидаемъ ямы, мы находимъ ее: я имѣлъ утѣшеніе получить слѣдующее письмо:

«11 февраля 1898 г. Досточтимѣйшій Василій Васильевичъ! Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы прежде всего засвидѣтельствовать вамъ искреннюю и глубокую признательность за многіе часы истинаго удовольствія и наслажденія, испытанные мной при чтеніи вашихъ сочиненій. Первою попалась въ мои руки ваша брошюра *Мѣсто христіанства въ исторіи*, наполнившая мою душу неописаннымъ восторгомъ. Затѣмъ я познакомился съ вашей обширной книгой *О пониманіи*, которая съ тѣхъ поръ стала моею настольною книгою. Читалъ я еще рядъ вашихъ статей, въ которыхъ вы изложили историческіе взгляды К. Леонтьева, и статьи въ *Вопросахъ философіи и психологіи*. Такъ что я уже давно принадлежу къ числу вашихъ молчаливыхъ поклонниковъ и давно ужъ собирался отыскать вашъ адресъ, въ намѣреніи обратиться къ вамъ съ однимъ предложеніемъ, или правильнѣе, съ просьбою. Но дѣло все откладывалось. Непосредственнымъ побужденіемъ написать вамъ въ настоящій разъ послужила критика *Церковныхъ Вѣдомостей* на вашъ фельетонъ *Смыслъ аскетизма*. Меня поразило извращеніе вашихъ мыслей статьею *Церковныхъ Вѣдомостей*, и вотъ я, не имѣя ни силъ, ни возможности защищать васъ въ печати, рѣшился хотя письмомъ высказать вамъ свое сочувствіе и одобреніе. Я имѣю въ виду вашу основную мысль касательно основъ аскетизма [1]). Поз-

---

[1]) Моя основная мысль заключалась въ томъ, что аскетизмъ религіозный не имѣетъ ничего общаго, въ тенденціяхъ и существѣ, съ скопческою надеждою «внити въ Царствіе Божіе безполымъ, и при условіи безполости, существомъ». Аскетизмъ есть родъ плотскаго молчанія, налагаемаго на себя человѣкомъ не иначе, т. е. не въ иныхъ надеждахъ и не съ инымъ смысломъ, какъ и *обѣтъ молчанія*, столь обыкновенный въ монастырахъ: углубляется внутреннее слово. когда умолкаетъ внѣшнее; просвѣтляется, озаряется сердечное глаголаніе, когда нѣтъ пустой базарной болтовни. Великіе молчальники суть не только монастырскіе аскеты: ими были великіе мудрецы, великіе въ подвигѣ именно слова. когда оно нужно и благовременно. Вообще всѣ обѣты молчанія, плоти-ли. устъ-ли, имѣютъ значеніе великаго сосредоточенія, собиранія человѣка внутрь себя. Въ частности аскетизмъ плоти имѣетъ то значеніе. что никому острота плоти и высота ея смысла не бываетъ такъ открыта, какъ именно аскетамъ: не бѣлый священникъ, но аскетъ Никаноръ первый ополчился въ защиту брака противъ идей, высказанныхъ въ «Крейцеровой сонатѣ» Толстымъ: не безъ удивленія, какъ радующее подтвержденіе своихъ мыслей объ аскетизмѣ, я прочелъ, въ № 13 «Русскаго Труда», слѣдующія слова знаменитаго Порфирія Успенскаго, высказанныя имъ въ бесѣдѣ съ митрополитомъ Филаретомъ: «Достойно вниманія, что аѳонскіе отшельники, не пускающіе женщинъ на св. Гору свою, любили изображать въ своихъ церквахъ семейныя добродѣтели и занятія. Представлю вамъ примѣры: Іоакимъ и Анна угощаютъ левитовъ и священниковъ, пѣстуютъ Марію и любуются ею. Пресвятая Дѣва слушаетъ благовѣстіе Архангела съ веретеномъ въ рукахъ. прядущая червленицу для храма. Спаситель и Матерь Его присутствуютъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской. Апостолы Петръ и Павелъ обнимаются и лобызаются послѣ примиренія. Весьма семейна икона

вольте заявить похвалу вашей наблюдательности въ разсматриваемой вами области, поблагодарить васъ за отвагу и смѣлость высказать свой взглядъ въ печати, и засвидѣтельствовать вамъ о моей полной солидарности съ вами въ вашей основной мысли. Вы высказали такую мысль, которой принадлежитъ развитіе и будущность, и которая должна будетъ освѣтить и уяснить нѣкоторые, непонятные доселѣ, пункты и стороны аскетической и святой жизни (напр. споръ варлаамитовъ и паламитовъ о ѳаворскомъ свѣтѣ, сіяніе на лицѣ Моисея послѣ полученія имъ скрижалей Завѣта и т. под.). Что касается 4-хъ частныхъ пунктовъ [1]) критики, то, конечно, въ

Богоматери, питающей Младенца своего сосцемъ *обнаженнымъ* (курс. автора). Умилителенъ образъ ея, называемый *Сладкое лобзаніе* (курс. автора),— Γλυκοφιλοῦσα: Матерь и Сынъ лобызаютъ другъ друга. Эти картины и иконы внушили мнѣ мысль дать новое направленіе церковной живописи, такъ чтобы она была семейная и общественная, а не монашеская только. Домашнія добродѣтели и общественныя доблести послужатъ превосходными и назидательными предметами для храмовой живописи» и пр. («Русскій Трудъ» № 13, за 98 г., стр. 12) Какъ «умное молчаніе» не есть «безсловесность», презрѣніе или отрицаніе существа «слова»: такъ «молчаніе плоти» не есть ея «искорененіе», ни даже простая къ ней «вражда». *В. Р—въ.*

[1]) Отвѣтъ, коего я не могъ дать г. Смирновскому, охотно даю г. *Ус—му*: 1) Соломонъ совершалъ въ самомъ началѣ царствованія куренія *на высотахъ* (мое утвержденіе), но не по сирофиникійскому ритуалу (возраженіе г. Смирновскаго). Въ трехъ-двухъ строчкахъ я могъ бросить лишь намекъ, но его дальнимъ развитіемъ служатъ, такъ мало достигнутыя историками, всѣ страницы четырехъ *Книгъ царствъ*, съ ихъ неумолчною скорбью-негодованіемъ: «Поклонялись (Евреи) Господу, но поклонялись и... сиро-финикійскимъ божествамъ». Изъ этой скорби ясно открывается, что въ классическій и творческо-религіозный періодъ своей исторіи (пророки) Евреи находились въ какомъ-то явномъ недоумѣніи о Лицѣ Поклоняемомъ, и какъ-то въ чемъ-то сбиваясь, то поклонялись по-еврейски, то по-Тирски, по-Сидонски: какъ-бы мы, сбиваясь изъ раціонализма въ мистицизмъ, или изъ католицизма въ протестантизмъ, тамъ и здѣсь все-таки исповѣдовали одно (христіанство). Фактъ этотъ безспоренъ, и негодованіе пророковъ также мало указуетъ отсутствіе родства между юдаизмомъ и сиро-финикійскими культами, какъ мало о «не-христіанскомъ», «анти-христіанскомъ» содержаніи штунды свидѣтельствуютъ миссіонерскіе, «христіанскіе противъ штунды», съѣзды, или какъ полемика лютеранъ противъ католиковъ не есть документъ *анти*-христіанства Рима. Была разница въ имени Лица Поклоняемаго: въ тембрѣ и колоритѣ самого поклоненія (большая и меньшая страстность); но не въ природѣ какъ теизма, такъ и Лица Поклоняемаго, которое здѣсь и тамъ оставалось «Сый» (откровеніе Моисею), «Огнь поядающій» (Богъ о Себѣ — въ *Исходѣ*), «Богъ ревнующій» (тамъ-же). Иначе какъ близостью и, такъ сказать, двоюродностью всѣхъ исповѣдовавшихся въ Сиріи и Финикіи культовъ нельзя объяснить какъ этой явной сбивчивости, такъ и построенія храма Іеговѣ (Соломонова храма) финикійскими мастерами, которые, не спрашивая Соломона, уже знали, Кому и какъ построить «домъ молитвы»; ни, наконецъ, слѣдующаго поразительнаго восклицанія Іезекіиля, бросившаго Тиру слова *Божіи*: «Ты былъ помазаннымъ Херувимомъ», «Ты въ саду Божіемъ», «Ты совершенъ былъ въ путяхъ твоихъ со дня сотворенія твоего» (глава 28). Поклоненіе Соломона «на высотахъ» есть только подробность въ этомъ непрерывномъ почти сліяніи юдаизма и финикійства; правдоподобность, что онъ совершилъ поклоненіе «по сиро-фи-

этихъ пунктахъ вы лишь только допустили недоговоры и маленькіе недосмотры. Когда это мое письмо будетъ принято вами благосклонно, то въ слѣдующемъ обращусь къ вамъ съ своею просьбою Вашъ давнишій почитатель, С—ій соборный протоіерей *А. Ус—скій*».

II.

Читатель да не посѣтуетъ, что ради немногихъ безцѣннаго значенія строкъ — я печатаю, какъ обстановку ихъ, эти письма; кой-

никійскому ритуалу», свидѣтельствуется вызовомъ для построенія храма финикійскихъ мастеровъ, какъ-бы мы вызывали, при Грозномъ, «флорентійскихъ художниковъ» и уже никакъ, для построенія Василія Блаженнаго, не могли-бы позвать художниковъ изъ магометанскаго Константинополя или браминскаго Бенареса. Такимъ образомъ г. Смѣнцовскій явно не понялъ великой проблемы, которую ему предлежало-бы объяснить, и на которую я лишь намекнулъ.— 2) Св. Юстинъ-философъ «хвалитъ Платона не за то, что онъ проповѣдуетъ безуміе въ любви, а за то, что онъ, согласно съ ветхозавѣтными пророками, учитъ о Единомъ Богѣ, о воскресеніи и судѣ». Ссылокъ на согласіе съ пророками, о коихъ ничего Платонъ не зналъ, мы не находимъ въ его діалогахъ; но это согласіе есть фактъ, нами наблюдаемый и который наблюдается параллельно со ссылкою Платона въ «Тимеѣ», что «мы, эллины—дѣти въ познаніи природы вещей, коего глубь и великая дѣдина находится въ Египтѣ» (куда Платонъ и совершилъ путешествіе, гдѣ онъ научался). Такимъ образомъ открывается идентичность: ветхозавѣтныхъ пророковъ, Египетскаго наученія и философскихъ доктринъ Платона — тема для размышленія богослова какъ и философа. Но для моей темы особенно было важно указать, что самостоятельно возвысившійся до богооткровенныхъ истинъ философъ есть въ то же время авторъ діалоговъ «Федръ» и «Пиръ», и характернаго требованія, мною приведеннаго, относительно чувственной любви. Св. Юстинъ-философъ не могъ-бы высказать одобренія «Федру» или «Пиру»: но не по какой иной причинѣ, какъ что «закрылись уже очи его» на ту связь между религіозностью и чувственностью, какую и постигъ умомъ, и вѣроятно непосредственно въ себѣ ощутилъ греческій философъ.— 3) «Не знаемъ, на какихъ основаніяхъ г. Розановъ устанавливаетъ подобную мнимую связь апокалипсическихъ животныхъ съ египетскими»... На тѣхъ *зрительныхъ* основаніяхъ, что если въ Апокалипсисѣ написано «левъ» и въ египетскихъ изображеніяхъ нарисованъ «левъ»-же, то я и читаю: «левъ и левъ»; равно «орелъ и орелъ», «быкъ и быкъ», лицо «какъ-бы человѣческое» и «какъ-бы человѣческое» (не всегда вовсе дѣвы: есть сфинксы мужскіе). Г-ну Смѣнцовскому мучительно, а мнѣ радостно видѣть христіанство въ средоточіи всемірнаго теизма, и моего Господа—чаемымъ въ «языкахъ и странахъ». Онъ не наблюдалъ въ самомъ Евангеліи, его тусклое воображеніе не поразило, не потрясло, что вѣдь таинственные «волхвы съ Востока», руководимые «звѣздою», которые пришли и поклонились «рождшемуся Богу», поклонились, конечно, нашему, но немножко и *ихъ* Богу, *ими* исповѣдуемому, у *нихъ* чаявшемуся; «на Востокъ», т. е. именно въ Месопотаміи, именно на Нилъ,—куда, кстати, съ Предвѣчнымъ Младенцемъ бѣжала и Богоматерь. — 4) Іовъ не сказалъ приписанныхъ ему мною словъ: «Дыханіе мое опротивѣло женѣ моей, и я долженъ умолять ее ради дѣтей чрева моего», т. е. что и на гноищѣ реальное супружество Іова не прекратилось, и это не помѣшало ему быть «праведнымъ, благочестивымъ» и «лучшимъ всѣхъ людей передъ очами Господними». Но слова эти текстуально см. стр. 638 (стихъ 17, гл. 19) синодальнаго изданія «Библіи или книгъ ветхаго и новаго завѣта». Спб. 1892 г. *В. Р—въ.*

что не относящееся къ темѣ, выраженной въ заголовкѣ статьи, интересно въ другихъ отношеніяхъ. Получивъ письмо, выше напечатанное, съ выраженіемъ сочувствія моимъ утвердительнымъ мыслямъ о полѣ, я почувствовалъ къ автору его горячую признательность по одной особенной причинѣ: по сознанію опасности темы, по сознанію огромнаго риска, который я дѣлалъ, начиная говорить о ней, ставя самую тему, опредѣляя ее, подчеркивая ее.

Оцѣломудрить человѣчество... двѣ тысячи лѣтъ это понимается какъ *отвергнуть* полъ, *уничижить* его; и никто не догадывается, что *это* именно и есть cadence пола, его загрязненіе, его развращеніе. Вдумаемся въ предметъ. Вдумаемся въ себя, въ обстановку своихъ дѣйствій. Вотъ—«жена» («да будетъ имя ей не Сара, *госпожа*, но Сар—ра, *высокая жена*»; *Бытіе*), и вотъ—«наложница». Какая ихъ разница? Да разница въ нашемъ къ нимъ отношеніи: что беря обѣихъ въ полѣ—мы беремъ одну съ тяжелодумной серьезностью, религіозно; и другую — играя, свѣтски. Т. е. нѣкоторый *плюсъ* нашего отношенія къ полу начинаетъ семью, открываетъ въ женщинѣ жену; и нѣкоторый *минусъ* этого-же отношенія начинаетъ «свѣтскую связь»—преобразуетъ, низводитъ, сбрасываетъ женщину до «наложницы». Вотъ альфа постиженія всего дѣла. Продолжимъ опытъ. Вынемъ изъ отношенія къ полу поэзію, которая еще играетъ въ свѣтской связи: нѣтъ уже ничего здѣсь духовнаго; «полный разрывъ плоти и духа» достигнутъ—и въ оставшейся физіологіи, теперь отвратительной, мы читаемъ всѣ черты ужаса проституціи. Вотъ ея родина; вотъ ея «камень», который «бысть во главу зданія» современнаго Вавилона. Нѣтъ не только священнаго въ отношеніи къ полу, нѣтъ шутки, игры; духъ вынутъ,—и умершее тѣло пола заражаетъ зловоніемъ своего разложенія цивилизацію. Какъ отсюда подняться? По тѣмъ-же ступенямъ, по которымъ мы низошли сюда. Внесемъ въ образъ смерти лучъ духа; вотъ, мы играемъ, шутимъ:

Посмотри—въ тѣни мелькаетъ
Русая головка...
. . . .
Ты не спишь, плутовка?..

и эта сравнительная теплота отношенія оживляетъ хладную проститутку до относительной высоты любовницы. Теперь грубость, оскорбленіе, уличное сквернословіе — недопустимы; духъ, внесенный сюда, гонитъ вонъ все это. Но игра эта есть временное, и пѣснь о «русой головкѣ» — оборвется. Мы ищемъ прочнѣйшаго, мы ищемъ священнѣйшаго: беря за руку «русую головку» мы идемъ къ предстоятелю Божію и говоримъ: «благослови, соедини»; «дай намъ Бога — возведи насъ къ Богу». Какъ только это сказано, т. е. какъ только, безъ перемѣны функціи, почувствовалась въ ней религія — романъ исчезъ и началась семья. Пѣсенъ нѣтъ уже—есть нѣчто болѣе серьезное: «соблюди ее, сохрани ее»;

«соблюдитесь другъ другу въ вѣрности, и въ болѣзняхъ, и въ старости—даже до послѣдняго ея дыханія», «прощайте другъ другу вины—и горькое-ли, сладкое-ли вкушайте все вмѣстѣ, ничего не относя въ сторону одинъ отъ другого». Здѣсь взятъ полъ-же и для пола: но онъ насыщенъ атмосферою священства. Мы получаемъ бракъ въ прочности и правильности священно-юридическаго института. Все-ли кончено здѣсь? Только начато! Дайте намъ бракъ—*исполненный*, семью — *исполненную*; дайте *священное исполненіе* великихъ завѣтовъ священника брачущимся, великихъ обѣтовъ брачущихся передъ священникомъ какъ-бы передъ Богомъ; т. е. дайте намъ священство rei, а не священство nominis.

Ну, такъ всю эту полноту ощущенія, эту вздымающуюся грудь, эту готовность, эти слезы, это сіяніе души передъ алтаремъ — повторите и повторяйте во всѣ дни живота вашего, даже до гроба! Никогда не имѣйте отношенія къ полу, какъ только къ тѣлу, но всегда—какъ и къ духу, къ духовному. Какъ это возможно? Не поражало-ли васъ: всякій духовный актъ какъ вихрь вовлекаетъ въ себя и тѣло. Мы говоримъ, и глаза наши горятъ; мать Самуила молилась, скорбѣла о безплодіи своемъ, «и щеки ея пылали, губы шевелились, но словъ не было слышно, такъ что первосвященникъ подумалъ: не пьяна-ли она». Мы воздѣваемъ руки, подымаемъ брови, нахмуриваемъ лобъ: тѣлесныя движенія—вслѣдъ за движеніемъ души! Что за таинственная связь? Радостнѣйшая связь, показывающая; что тѣла наши не извержены изъ милости Божіей, изъ круга спасенія; что Онъ призрѣлъ и на тѣлесное наше смиреніе (обѣтованіе тѣлеснаго воскресенія: «оживутъ кости», «облекутся плотью», хотя безспорно они суть плодъ плотскаго соединенія), потребовалъ къ молитвѣ не одинъ «умъ» нашъ, но и руки, уста, грудь, взоръ...

Какая глубина въ этомъ словѣ «взоръ»: вѣдь тутъ — глазное яблоко, одна казалось-бы физіологія; но въ этой «физіологіи» есть скорбь, есть безутѣшное — есть духъ, высоко духовное, по коему мы и переименовываемъ анатомическое «глазное яблоко» въ почти религіозное: «взоръ». Но углубимъ-же преданность Богу, и дадимъ въ куреніе Ему всю суть насъ: сожжемъ Богомъ въ себѣ («Азъ есмь огнь поѣдающій» — см. *Исходъ*) послѣдній грѣхъ. Теперь мы «въ чертѣ Бога», не воздѣтыми руками, не шевелящимися руками, но «отъ вѣка и до вѣка», «до десятаго и сотаго, и тысячнаго поколѣнія», съ «дѣтьми и внуками», съ «святою землею» нашего священнаго «Азъ есмь».

Вся мука, вся задача на землѣ религіи—стать реальною, *осуществиться*; соединимъ-же конецъ ея съ самымъ центромъ реализма въ себѣ, и уже на всю остальную жизнь она разольется сама собою и свободно. Кто внимательно слѣдитъ за нашею мыслью, угадаетъ, что въ ней есть нѣкоторое подобіе таинственной и неисповѣдимой «лѣствицы», которая была показана въ ночномъ видѣніи

первому во Израилѣ, отъ «чреслъ» коего «потекли 12 колѣнъ», Іакову. Въ самомъ дѣлѣ—конецъ безспорно на землѣ; сама «мать земля», «сырая земля»; и иной конецъ — какъ показываютъ великіе образы великихъ женъ, священныхъ женъ—ну, отъ понятной даже Шекспиру Дездемоны, отъ понятной всѣмъ Татьяны, до святой Рахили, и даже до таинства Виѳлеема — безспорно въ небѣ. Это—безконечная гамма; но, странно, тогда какъ никого не пугаетъ нисхожденіе по ней, и мы уже снизошли до проституціи, именно потому, что мы такъ низко низошли по ней, «стоимъ на землѣ и не видимъ неба», насъ пугаетъ не это стояніе, но обратный поворотъ къ небу. «Съ такою-то землею», «съ этою тяжестью долу» — мы пойдемъ къ Богу? Но развѣ Богъ не превозмогаетъ всякій грѣхъ? Да и самая «земля», что теперь обездушеннымъ трупомъ лежитъ передъ нами, не всегда была такою и даже вовсе не такова въ таинственной и скрытой своей природѣ. Ее ищите; ее разрывайте; и проще, конкретнѣе: отъ «потерянной женщины»—ну, хоть восходите къ наложницѣ; но оставьте и ее—идите къ женѣ; и, наконецъ, свято почувствуйте жену, полноту вашего передъ нею долга. Какъ просто, какая азбука! Но азбука страшитъ младенцевъ, еще не приступившихъ къ ней, и имъ кажется это погруженіе святыни, «священства» въ зараженный уже источникъ, отъ коего всѣ пьютъ и не могутъ не пить, — не его «очищеніемъ», но «погубленіемъ святыни». Да, въ самомъ дѣлѣ, вотъ параллель. Въ колодезь пала мышь; нечистое животное пало въ источникъ въ пустынѣ, внѣ котораго и не откуда почерпнуть воды жаждущему. Народъ шарахнулся въ сторону:

— «Не можемъ не пить и не можемъ пить»!

Подходитъ старенькій священникъ. Онъ надѣваетъ эпитрахиль. Беретъ крестъ — и *опускаетъ его въ зараженную воду;* беретъ *святую воду* и выливаетъ ее въ источникъ:

— «Теперь, православные, подходите и пейте безбоязненно».

Проѣзжающая мимо кавалькада всадниковъ и дамъ, не понимая совершившейся драмы и тайной мысли священника, негодуетъ на послѣдняго:

— «Онъ богохульствуетъ!»

Вотъ положеніе вопроса о полѣ. И насъ упрекали (см. выше: «Какими рожцами питается наша интеллигенція» и здѣсь примѣчанія *С. Ѳ. Ш—ва*) и еще болѣе будутъ упрекать: «онъ смѣшалъ небо съ землею», «онъ заразилъ всякую на землѣ святыню», «до сихъ поръ въ чистотѣ лежавшую и въ сторонѣ отъ нашей скорби и грѣха». Боже. какъ будто суть, таинственная суть самого христіанства и не лежитъ именно въ этомъ смѣшеніи, мѣсивѣ! Какъ будто не Христосъ на верху «лѣствицы» простираетъ къ человѣку руки! Какъ будто не этою именно лѣствицею Онъ сошелъ на землю! И мы, въ самомъ дѣлѣ, дѣлаемъ маленькое толкованіе: это вѣдь

Іаковъ видѣлъ во снѣ Спасителя; а лѣствица—это и есть Богоматерь, омега во Израилѣ, увидѣнная или показанная тому, кто былъ самъ позванъ стать альфою въ немъ.

Въ письмѣ къ почтенному священнику я выразилъ полноту тревогъ и спасеній моихъ; и полноту — мотивовъ, прося сохранить письмо. Вотъ его отвѣтъ:

«Многоуважаемый В. В.

«Глубоко благодарю васъ за письмо. Буду хранить его, какъ драгоцѣнность. А теперь простите, если я своей безцеремонной навязчивостью нѣсколько нарушу обычное теченіе вашихъ мыслей.

«Поводомъ къ моей просьбѣ послужило ваше собственное замѣчаніе, высказанное вами въ предисловіи къ ряду статей по истолкованію мыслей К. Леонтьева. Тамъ вы сказали, что ранѣе вы не слыхали и имени этого писателя, но что когда вамъ попали въ руки его сочиненія, вы были пріятно удивлены свѣтлостью его взглядовъ и рѣшились привести ихъ въ систему. Такъ вотъ, мнѣ хочется предложить вамъ новую работу въ томъ-же родѣ, а именно: познакомить свѣтское русское общество съ сочиненіями и взглядами другаго малоизвѣстнаго русскаго писателя, Александра Матвѣевича Бухарева, бывшаго архимандрита Ѳеодора. Не говоря уже о свѣтскомъ обществѣ, этотъ писатель даже и въ средѣ духовенства не только не пользуется популярностью, но даже простою извѣстностью. Вотъ, я, напримѣръ, прошелъ всю духовную школу, отъ нижняго края до высшаго, и что же? Ни одинъ учитель духовнаго училища, ни одинъ наставникъ семинаріи, ни одинъ профессоръ духовной академіи ни разу ни полсловомъ не обмолвился о Бухаревѣ. При жизни его считали писателемъ неудобопонятнымъ, а послѣ смерти стали называть мистикомъ. При томъ, монахи намѣренно замалчиваютъ его существованіе, въ его оригинальной и замѣчательной судьбѣ находя какъ-бы укоръ и посрамленіе монашеству. А между тѣмъ, что это за свѣтлая личность! И какія чудныя, неподражаемыя идеи [1]) проповѣдывалъ онъ! Это единственный у насъ на Руси богословскій писатель, который не скользитъ только по поверхности христіанства, а опускается въ самую глубь [2]) и суть его. Въ настоящее время, при пробуждающемся въ свѣтскомъ обществѣ интересѣ къ религіознымъ вопросамъ, писанія Бухарева не-

---

[1]) И я наблюдалъ въ нашемъ добромъ священствѣ чрезвычайно много свѣтлыхъ духовныхъ порывовъ, новыхъ лучшихъ мыслей: но все глохнетъ въ чувствѣ какого-то страха! *В. Р—въ.*

[2]) *Глубинъ* христіанства никто еще не постигъ, и эта задача, даже не брезжившаяся Западу, можетъ быть есть оригинальная задача русскаго генія. Западные критическіе умы трогали только *букву* Евангелія, западные положительные умы писали *свои варіаціи* на его звуки, картины и вообще на необъятную его красоту. Но *что* оно—этого никто не постигъ. *В. Р—въ.*

замѣнимы для послѣдняго. Возьмите во вниманіе хотя одно заглавіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр.: *О православіи въ отношеніи къ современности, О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно русской.* Вѣдь только тотъ, «кто мертвъ душой и спитъ умомъ», можетъ равнодушно пройти мимо этихъ заглавій! Когда-же вы возьмете въ руки эти книги, то убѣдитесь, что заглавія эти не одна вывѣска и не для краснаго словца только поставлены.

«Я самъ по окончаніи академическаго курса питалъ надежду изучить сочиненія Бухарева и написать относительно ихъ изслѣдованіе. Но эта задача оказалась для меня слишкомъ непосильною. И вотъ, съ тѣхъ поръ я ищу, кому-бы передать мнѣ мою завѣтную мечту. Обращаюсь къ вамъ. Попробуйте познакомиться съ сочиненіями Бухарева. Можетъ быть, вы заинтересуетесь ими и дадите о нихъ рядъ блестящихъ статей, подобно тому, какъ это вы сдѣлали съ сочиненіями К. Леонтьева. Многія сочиненія Бухарева можно найти въ книжномъ магазинѣ И. Л. Тузова. Прежде были они и въ магазинѣ Овсянникова, Гостиный дворъ, № 17. Нужно только имѣть въ виду, что одни изъ нихъ надписаны именемъ архимандрита Ѳеодора, а другія именемъ Бухарева.

«Для первоначальнаго ознакомленія съ личностью и характеристикой Бухарева потрудитесь прочитать въ апрѣльской книжкѣ *Православнаго Собесѣдника* за 1896 годъ статью проф. Знаменскаго *Печальное двадцатипятилѣтіе*, затѣмъ въ его же «Исторіи Казанской Дух. Академіи», выпускъ I-й, 1891 г., страницы 124—136, 176—180; выпускъ II-й, 1892 г., стр. 205—221, 388 и 389, и еще въ Русской Старинѣ за мартъ 1897 года статью: *Консисторскій судъ надъ Бухаревымъ.*

«Ласкаю себя надеждою, что рекомендую вамъ писателя, который придется вамъ по вкусу. Если-же этого послѣдняго не случится, или если вы уже знакомы съ нимъ, то великодушно простите меня, извинивъ меня тѣмъ, что мое предложеніе вамъ исходитъ отъ преискренняго желанія напомнить своимъ соотечественникамъ объ имени такъ незаслуженно забытаго писателя, къ сочиненіямъ котораго самъ я прибѣгаю всякій разъ, какъ только почувствую оскудѣніе духа, или черствость и жесткость по отношенію къ своимъ ближнимъ.

«Вашъ горячій поклонникъ С—скій соборный протоіерей

Александръ У—скій.

«4 Марта 1898 г.»

*
* *

Свѣдѣнія о Бухаревѣ пробудили во мнѣ живѣйшій порывъ познакомиться съ нимъ, но «въ скорби нашихъ дней» мы даемъ едва минуты духу, ибо все остальное время не то чтобы «работаемъ тѣлу», но «прокормляемъ» грѣшную сію немощь, которую несемъ

до могилы. Чувство обязанности литературной исполнить предложенное вызвало во мнѣ сейчасъ-же отвѣтъ, что этого исполненія я не могу дать ни сейчасъ, ни даже позднѣе, ибо дни свободныхъ досуговъ, когда писались обширныя статьи, какъ о Леонтьевѣ, по всему вѣроятію, навсегда для меня окончились. Въ замѣнъ я предложилъ самому ему исполнить эту тему, и онъ мнѣ отвѣчалъ:

«Многоуважаемый В. В.

«Въ послѣднемъ своемъ письмѣ вы писали, что вамъ некогда заняться Бухаревымъ. Но, должно быть, въ нынѣшнія времена у всѣхъ достаточно дѣла. Вотъ и я все собирался написать вамъ поподробнѣе о немъ, но увы! не удосужился, и теперь пишу для того лишь, чтобы сказать, что мнѣ надолго предстоитъ необходимость забыть о всякихъ Бухаревыхъ. Прошу васъ еще разъ великодушно простить меня за доставленное вамъ моею просьбою безпокойство.

«Если достану брошюру проф. Знаменскаго о Бухаревѣ, пришлю Вамъ.

«Продолжайте-же заниматься вопросомъ о бракѣ. Онъ стоитъ того. Въ этомъ вопросѣ я вполнѣ вамъ сочувствую. Все, что вы выскажете въ этомъ направленіи, будетъ и интересно, и поучительно.

«Если опять когда соблаговолите написать мнѣ, то будьте любезны сообщить, какую должность теперь вы въ Петербургѣ занимаете.

«Вашъ горячій почитатель, прот. *А. У—скій*.

III.

Собственно, тептизація пола уже содержится въ институтѣ семьи; въ инстинктахъ частныхъ людей къ семьѣ, въ признаніи семьи. Мы только не понимаемъ своихъ тенденцій. Семья—это и есть *свѣтлая горница*, куда мы вносимъ половой актъ, который, очевидно, раскалывалъ-бы всякую семью, загрязнялъ ее, дѣлалъ невозможнымъ ни «бракъ», какъ «религіозное таинство», ни семью, какъ общепризнанный институтъ, еслибъ въ себѣ самомъ и искони онъ былъ отрицательнымъ. Совершенно очевидно, что нѣкогда и именно *искони*—онъ былъ свѣтлымъ и зиждительнымъ; и эта свѣтлая и зиждительная его природа можетъ быть возстановлена, или—точнѣе—ей предстоитъ быть открытою, renovata. Невозможно постигнуть, откуда пробуждается въ человѣкѣ половая ревность: кто-же ревнуетъ, что онъ обойденъ въ *грѣхъ* и не пріобщенъ ему!? За это *благодарить*-бы! Но люди, и именно чистѣйшіе сердцемъ (Отелло, Пушкинъ)—убиваютъ или убиваются; и только человѣкъ грязный, только на послѣдней ступени половаго загрязненія становится индифферентенъ ко всякой вѣрности-ли, измѣнѣ-ли. Это—

такъ поразительно! Есть что-то *личное* и, очевидно, *духовное* въ содержаніи пола, и на этой его чертѣ зиждется *вѣрный бракъ*, *вѣрность въ бракѣ*, *святая*—«до могилы»—*семья*. Но и наконецъ: дѣйствительно, если что совершаетъ человѣкъ неизслѣдимое для собственной его мысли, непроницаемое ни для какой мудрости, то опять—въ таинствѣ зачатія, и около него—семьи. Казалось-бы, новый человѣкъ, «лишній ротъ около каравая», долженъ тяготить: но тутъ, и только тутъ какъ охотно тѣснятся старые и усталые родители, чтобы припустить къ хлѣбу юнаго ѣдуна. Какое пробужденіе любви! Какой родникъ ея — вѣчный, и, очевидно, по-ту-сторонній, ибо онъ несокрушимъ, ибо онъ владычествуетъ надъ страхами, эгоизмомъ; онъ побѣждаетъ самую смерть и страхъ смерти, первую—въ существѣ младенца, а второй — въ томъ мужествѣ, съ которымъ мать бросается на опасность, гибель, чтобы защищать свое дитя. Все это далеко отъ простой физіологіи; все это—такое «богословіе» нашихъ костей и жилъ, такая ихъ «мораль», отъ которой далеко позади остаются мораль и богословіе катехизующихъ системъ. Наконецъ, — безгрѣшность младенца, его сіяніе, его— дерзнемъ сказать — положительная святость: откуда это, что за странность? Вѣдь онъ долженъ-бы быть простымъ «кускомъ мяса» и возрастать въ красотѣ по мѣрѣ того, какъ отъ букваря мы переводимъ его къ ариѳметикѣ. Но нѣтъ этого. Вопреки всѣмъ нашимъ умственнымъ разсчетамъ—нѣтъ! Младенецъ *темнѣетъ* по мѣрѣ того, какъ онъ отходитъ отъ рожденія; и новый свѣтъ начинаетъ набѣгать на человѣка лишь въ старости. *Дѣдъ*—опять свѣтелъ, «какъ младенецъ»; и не невѣроятно, не невозможно предположеніе, что самую *смерть* намъ слѣдуетъ разсматривать, какъ вторичное «въ тотъ свѣтъ» рожденіе. Душа наша рождается «туда», оставляя здѣсь тѣло, какъ ранѣе оно оставило утробу матери: только при этомъ мышленіи возможенъ монизмъ нашихъ, тогда до полноты радостныхъ, представленій, безъ скорби и плача, безъ «надгробныхъ рыданій». Да вѣдь и есть странное сплетеніе словъ о «погруженіи въ лоно Авраама... отцовъ нашихъ», въ *то* лоно, *изъ коего* мы и вышли: что за дивное слово-сплетеніе, если-бы въ самомъ дѣлѣ въ смерти не было какой-то таинственной параллели—даже до слиянія — съ рожденіемъ! Только обратно ихъ направленіе, при тожествѣ существа: мы приходимъ *изъ* и уходимъ *въ* двѣ разныя двери, однако ведущія въ *одно* «мѣсто злачно, мѣсто прохладно, идѣ-же нѣсть болѣзнь, печаль и воздыханіе». Но тогда какъ лежащее за гробомъ для насъ безпросвѣтно темно, и ничей глазъ туда не заглядывалъ— предшествующее рожденію намъ несравненно яснѣе, ибо рождающіе-то—это и есть мы. Великимъ *инстинктомъ* мы входимъ для этого въ «свѣтлую горницу» — семью. Но дополнимъ-же мыслью этотъ инстинктъ, и скажемъ, что семья также священна какъ храмъ, куда отнесутъ насъ въ гробѣ; и даже она параллельна храму и

сливается съ нимъ, по незслѣдимой глубинѣ своей. Разберемъ инстинкты: позовете-ли вы въ семью, кажущійся «хлѣвъ бытія своего» — грязнаго, хоть пусть и «нужнаго», человѣка? «Обдѣлывая дѣла», вы, хоть и дороже, но угостите его въ ресторанѣ, и умывшись, хоть только въ душѣ умывшись, — войдете одинъ подъ свѣтлый кровъ дома и сядете за столъ съ семьей своей, т. е. «хлѣвъ бытія» вашего, кажущаяся «физіологія», грязь пеленокъ и неодѣтая жена — есть истина Виѳлеема около васъ; я хочу сказать—это есть дѣятельный и никогда не имѣющій угаснуть свѣтъ, брошенный изъ виѳлеемскаго смиренія на смиреніе каждой хижины, каждой ремесленной семьи. Волхвы поклонились Виѳлеему: какая неразгаданная еще мысль здѣсь содержится! Вѣдь они поклонились—своему *ожиданію*, и поклонялись раньше въ какомъ-то предчувствіи звѣздамъ, «звѣздочкамъ», пока послѣдняя поклоняемая звѣзда привела ихъ къ Спасителю и Богу. И исчезло, но не ранѣе этого времени, «звѣздопоклонничество», эта какая-то неясная тревога о звѣздахъ; выглядываніе звѣздъ, выискиваніе чего-то въ нихъ: выискиваніе, которая-же поведетъ ихъ и остановится надъ «рожденнымъ» Богомъ? Такъ съ башенъ Вавилона и Мемфиса ожидали своего часа—«волхвы», чтобы этимъ неразгаданнымъ поклоненіемъ сказать свое «нынѣ отпущаеши»... Я все повторяюсь въ кругѣ однѣхъ и тѣхъ-же мыслей, открывающихъ христіанство «съ Востока», когда мы его разсматривали до сихъ поръ «съ Запада». Эти напр. стада около Виѳлеема; мы все видимъ здѣсь фабулу и подробности фабулы, почти отыскиваемъ географическую точку «рождества Христова», когда передъ нами знаменія его мысли: что Спаситель, «родившись», освятилъ и всю «рождаемую тварь»; онъ — «Спаситель міра», а не Спаситель только римской провинціи Галилеи. Такимъ образомъ, еврейская семья, столь высокая въ колоритѣ и тембрѣ своемъ, была семьею ожиданія (старицы рождающія—первая Сарра, послѣдняя—Елизавета евангельская, мать Предтечи): но, если постигнуть глубже, христіанство имѣетъ еще болѣе глубокія основанія для семьи и ея трансцедентнаго значенія, чѣмъ этотъ утлый народецъ Азіи, живущій теперь среди насъ въ недоумѣвающемъ разсѣяніи. Но основанія эти какъ-то не раскрыты. Христіанство, вся полнота его, весь мистицизмъ его—и есть мистицизмъ семьи; «кровное» начало, «родное», «родственное»—всегда предчувствуемое какъ религіозное—въ христіанствѣ прямо возведено къ небу, низошло съ неба: Богъ сошелъ по таинственной лѣствицѣ на землю, онъ «родился», черезъ это ставъ изъ прежней внѣшней, лишь черезъ глаголаніе устъ, черезъ алканія сердца, близости къ человѣку — въ родство и нѣкоторое ему подобіе. «Святая семья», исторія коей составляетъ предметъ повѣствованія четырехъ Евангелій, что это, какъ не «семья», однѣ части коей на небѣ, а другія—на землѣ? Что

мы не ошибаемся, указуя центръ тяжести христіанства въ просвѣщеніи и объясненіи семьи, видно изъ одного, до сихъ поръ продолжающагося знаменія: нѣтъ образовъ Спасителя *чудотворныхъ*—безъ *Матери*, и иначе. какъ со *Спасителемъ—Младенцемъ*: «Иверская» чудотворная икона, «Владимірская», «Казанская», «Смоленская»—все это суть иконы, гдѣ христіанство взято въ младенческо-материнскомъ сцѣпленіи; но нѣтъ, кажется вовсе нѣтъ чудотворныхъ иконъ съ содержаніемъ: «Спаситель и грѣшница», «Спаситель и самарянка», «Іисусъ, искушаемый фарисеями», или—«въ синагогѣ учащій», или—«распятый», «преображенный», «молящійся въ Гефсиманскомъ саду». Почему-бы? Здѣсь есть указаніе, поражающее небесное указаніе, выражающееся въ исцѣленіяхъ, въ «явленіяхъ» (большинство этихъ богородичныхъ иконъ—«явленныя»), что человѣкъ поклоняется и долженъ во Христѣ поклоняться младенчеству Его и материнству около него св. Дѣвы. Этотъ рядъ религіозныхъ наблюденій, далѣе—твердыя философскія соображенія, и, наконецъ, лишь для тупаго невидимый религіозный свѣтъ, ясно вспыхивающій всякій разъ, когда, по выраженію Спасителя, «*новый человѣкъ приходитъ въ міръ*» — побудилъ меня высказать мысль, что полъ имѣетъ вообще трансцедентно-религіозное значеніе; что въ немъ выражено второе темное, ноуменальное лицо въ человѣкѣ [1]), и что къ этому-то лицу неудержимое влеченіе и породило какъ ветхую заповѣдь: «*того ради* оставитъ человѣкъ отца и мать... и прилѣпится... и будутъ два—въ одно», такъ и страшныя, а главное—непонятныя бури, здѣсь иногда вспыхивающія, и которыя эмпирическая мысль назвала «аномаліями пола». Онѣ *есть*, какъ фактъ; и этотъ фактъ возможенъ и *есть* потому, что «полъ» выходитъ изъ границъ «естества»; что онъ *внѣ*-естественъ и *сверхъ*-естественъ; что тутъ—прорвана природа, видимый физическій (и физіологическій) порядокъ вещей; что въ этихъ таинственныхъ и такъ волнующихъ насъ топяхъ есть бездна, есть пропасть, уходящая въ антиподъ бытія, что это—образъ *того свѣта*, здѣсь и единственно здѣсь выглянувшій въ нашъ свѣтъ, и который мы страшимся называть именемъ и страшимся, убѣгаемъ взглянуть на него: кромѣ моментовъ, когда «взглядываемъ» и тогда «новый человѣкъ приходитъ въ міръ», а «женщина забываетъ всю скорбь свою» (слова Спасителя) въ ясно вспыхивающемъ около нея религіозномъ свѣтѣ: приходитъ еще душа въ этотъ міръ, съ памятью иного, откуда она, съ чув-

---

[1]) Втянувшаяся внутрь человѣка «главизна пустотъ»: по плану человѣка (симметрія конечностей, гдѣ нижнія такъ подобны верхнимъ, и проч.) мы въ точкахъ пола должны-бы ожидать *головы*-же; и находимъ *противо*-голову, затаившуюся въ тазовыхъ, какъ въ своихъ черепныхъ, костяхъ: но изъ устъ которой исходятъ *глаголы бытія*. Вѣдь ребенокъ—вѣчная мысль, мудрость, «мудрая тварь»: и онъ «выговоренъ» въ половомъ общеніи, психологія котораго, по всему вѣроятію, опредѣляетъ качества его души. *В. Р—въ.*

ствомъ «искры Божіей», въ ней теплящейся и освѣщающей стихіи этого свѣта, куда она завивается въ таинственномъ и черезъ таинственный актъ. Я сознавалъ, что это — истинно; и что черезъ этотъ оборотъ мысли мы поворачиваемъ изъ нисхожденія по «лѣстницѣ» въ восхожденіе и получаемъ семью какъ реально-религіозный, а не номинально-религіозный институтъ. Открывается возможность культуры семьи, ибо уже есть камень ея—культъ, какъ проникновенное уваженіе, какъ трансцедентно религіозное благоговѣніе къ мѣсту, изъ коего зиждется и течетъ она. Часто мнѣ думалось и думается, что самый «комъ земли», изъ котораго образовано это мѣсто, вовсе иного происхожденія, чѣмъ прочія части тѣла (отсюда, въ *обыкновенное* время и *обыкновеннымъ своимъ глазомъ* мы и *не можемъ на него смотрѣть*) и относится къ нимъ напр. какъ *метеоритное* желѣзо къ *обыкновенному*. Просто иначе нельзя понять всѣхъ здѣсь феноменовъ.

IV.

Едва была напечатана, въ «Бирж. Вѣд.», статья «Женщина передъ великою задачею», гдѣ я указалъ на трансцедентный характеръ пола, какъ мой корреспондентъ отозвался слѣдующимъ письмомъ:

«Многоуважаемый В. В.!

«Глубоко благодарю васъ за присланные фельетоны. Особенно важна, конечно, вторая половина. Ну, что за прелесть! Что за роскошь! Такъ и расцѣловалъ-бы васъ за эту статью! Вѣдь вы открываете своего рода Америку. Вѣдь вопросъ, вами поднятый, это совершенно непочатая почва; это — область, куда еще не ступала нога христіанская; это первобытные, дѣвственные лѣса Америки, которыхъ еще не касалась сѣкира человѣческая. Да и посудите, кому-же было до сихъ поръ браться за рѣшеніе брачнаго вопроса съ точки зрѣнія христіанскаго міросозерцанія? Вѣдь вся наша христіанская догматика составлена монахами, или дѣйствительными, или фальсифицированными дѣвственниками, т. е. такими людьми, которые считали стыдомъ и грѣхомъ для себя даже только открывать ротъ, чтобы говорить о брачныхъ отношеніяхъ. Да, этотъ вопросъ именно ждалъ для своего рѣшенія такихъ работниковъ, которые-бы были и людьми женатыми, и вмѣстѣ съ тѣмъ «во главу угла», въ «начало веселія своего» полагали единственно, исключительно и неизмѣнно мысль о небесномъ Іерусалимѣ [1]); которые-бы на пригла-

[1]) Замѣчательна эта ссылка на Апокалипсисъ. Въ Апокалипсисѣ, и именно въ указываемомъ образѣ, дано и указано *удвоеніе* христіанства, и именно (какъ мы предполагаемъ)—разлитіе его на вторую область, сверхъ той одной аскетической, въ которой сейчасъ-же, подъ впечатлѣніемъ Голгоѳы, стало выражаться, фразироваться христіанство. И въ самомъ дѣлѣ, никакъ иначе, какъ

шеніе ихъ на вечерю Божію не отвѣчали дикимъ нелѣпымъ отказомъ: «жену поняхъ и потому не могу прійти», а напротивъ, обращались къ Зовущему: «Господи, позволь мнѣ придти къ Тебѣ ужъ

въ смыслѣ *удвоенія*, нельзя понять апокалипсическихъ видѣній о *второмъ* Іерусалимѣ, сходящемъ съ неба, когда уже *одинъ* есть и стоитъ на землѣ; о *второмъ* «вѣчномъ Евангеліи», пролетающемъ надъ землею, когда уже написано и держится въ рукахъ человѣчествомъ—первое. Мысль *удвоенія*, какого-то невѣроятнаго *расширенія* христіанской истины, очевидна изъ этихъ видѣній. Теперь вопросъ: куда, въ какую сферу возможно это расширеніе? Вчитаемся въ этотъ дивный образъ:

«И явилось на небѣ великое знаменіе: жена—облеченная въ солнце; подъ ногами ея—луна, и на головѣ ея вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ.

«Она имѣла во чревѣ и кричала отъ болей и мукъ рожденія». (Апокалипсисъ, гл. XII).

Какіе-бы комментаріи къ этому темному видѣнію мы ни дѣлали—его прямой смыслъ не можетъ быть оспоренъ, и онъ состоитъ въ томъ, что «рожденіе», «рождающая» есть центръ, очевидно мистическій и религіозный, коему какъ-бы поклоняются «солнце, луна и звѣзды»; здѣсь до извѣстной степени, повторено видѣніе Іакова, но уже не въ отношеніи къ Іосифу и братьямъ его, утлому зачатку Израиля, но въ отношеніи къ какой-то небесной Евѣ, откуда изшелъ, «родился» человѣческій родъ. Въ то-же самое время какъ *противуположное* рожденію начало—указана смерть, и глава смерти—діаволъ: «И другое знаменіе явилось на небѣ: вотъ — большой красный драконъ съ седьмью головами и десятью рогами; и на головахъ его седьмь діадемъ (земные вѣнцы, земная похвала «духу отрицанія и небытія»; «вѣнчикъ святости», который исхитилъ онъ для себя у человѣчества). Хвостъ его увлекъ съ неба третью часть звѣздъ (онъ подобится, уподобляется святости «жены») и повергъ ихъ на землю (загрязненіе, произведенное на землѣ отрицаніемъ «рождающей жены»). Драконъ сей сталъ передъ женою, которой надлежало родить, дабы, когда она родитъ, *пожрать ея младенца*» (дѣтоубійство, Иродовъ варіантъ «исканія Христа» черезъ «избіеніе» въ себѣ — субъективное, — или объективно, когда уже онъ рожденъ—*младенческаго существа*).—Суть христіанства есть поклоненіе *Богу во младенцѣ* (чудотворныя иконы); суть анти-христіанства, «древній Драконъ»—есть вражда, борьба противъ младенцевъ; запрещеніе имъ «играть во чревѣ передъ Господомъ», какъ и выразила это старица-Елизавета передъ Маріею: «Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Богѣ Спасѣ моемъ; и откуда это мнѣ, что пришла Матерь Господа моего ко мнѣ?». Замѣчательно это евангельское событіе: изъ него открывается, что первымъ Апостоломъ, возвѣстившимъ Іисуса вселенной — и было «чрево матери», уже совершенно земной и безъ небесныхъ отношеній, но въ которое былъ заключенъ «предтеча Господа». Однако, вернемся къ Апокалипсису: четыре животныхъ передъ престоломъ Божіимъ, «не имѣющія ни днемъ, ни ночью покоя, взывая: святъ! святъ! святъ!» какіе-бы опять ни были комментаріи къ нимъ, суть именно то, что о нихъ написано: «животныя», нѣкоторое животное «сотвореніе въ Космосѣ, позванное къ Агнцу; какъ и животныя стада встрѣтили и окружили родившагося» въ Виѳлеемѣ Бога. Всѣ эти многочисленныя, нами указываемыя черты, и которыя мы не можемъ-же признать поставленными «безъ разума» въ Евангеліяхъ и Апокалипсисѣ, открываютъ тенденцію туда именно, куда и на что мы указываемъ — разлитіе христіанства въ кровь, въ семью, въ кровную «родственность» человѣческихъ «стадъ». Дабы «святое» глаголовъ Іисусовыхъ вошло не въ книжную разработку («книжники и фарисеи»), но стало, пусть несвязнымъ, но умиленнымъ лепетомъ младенчествующаго человѣчества, младенчествующаго въ святѣ старости («мудрый, какъ змій и чистый, какъ дѣти»), и непосредственно сливающагося «съ лиліями полевыми» и «птицами небесными». *В. Р—въ*.

и съ женою и съ дѣтками» [1]). У насъ на Руси, въ послѣднее время, я зналъ только двухъ такихъ работниковъ. Это Василій Андреевичъ Жуковскій и Александръ Матѳѣевичъ Бухаревъ. Но они дали только ничтожное зерно къ рѣшенію этого вопроса съ христіан-

---

[1]) Вотъ, вотъ слова—ради коихъ мы пишемъ эти комментаріи и печатаемъ всѣ письма: «Господи—возьми насъ вкупѣ! возьми въ той связи, которою мы затеплились во имя Твое на землѣ: возьми насъ въ родствѣ и смиренномъ несеніи тяготы другъ друга, которое мы совершили здѣсь въ веселіи и въ скорби. Я хочу Тебѣ поклониться не одинъ, какъ увядающая и безплодная смоковница, которую Ты проклялъ: но, принеся плодъ Тебѣ,—иду самъ другъ, уже старецъ и со старицею женою, и съ дѣтьми, которыхъ мы научали на землѣ имени Твоему Святому, молитвѣ Тебѣ, и вотъ, теперь ихъ за руки подводимъ къ Престолу Твоему: дабы и на вечери Твоей сидѣть рядомъ и согласными сердцами радоваться радостью, которую Ты уготовалъ вѣрнымъ Тебѣ!» Это—совершенно новая концепція христіанства: поклоненіе Богу не въ темныхъ ризахъ аскетическаго отъединенія, но въ свѣтлыхъ ризахъ кровнаго соединенія. Конечно, мысль христіанства не только не искажается черезъ это, но черезъ это-то она и входитъ въ полноту. Однако—не искажается-ли? Но развѣ законъ у Христа Небеснаго—иной, чѣмъ у Христа въ земномъ его образѣ? Вездѣ Онъ бралъ людей въ кровномъ соединеніи, и нигдѣ, ни разу не разорвалъ кровей ихъ: «не скорби, сестра: *братъ твой* Лазарь не умеръ, онъ—спитъ».— «Гдѣ вы положили дѣвицу?» спросилъ Онъ о *дочери* Іаира *). Въ этомъ и

---

*) Позвольте! А это: «И сказали Ему: вотъ Матерь Твоя»... и т. д. И отвѣчалъ имъ: «кто Матерь Моя? И кто братья Мои? И обозрѣвъ сидящихъ вокругъ Себя, говоритъ: вотъ Матерь Моя и братья Мои» (Марка, III, 32—34).

Затѣмъ, какъ объяснить совершенно опредѣленное положеніе Евангелія, что дѣвство *выше*, *духовнѣе* супружества, и, какъ высшій подвигъ, дается лишь тѣмъ, кто можетъ вмѣстить? Не возвращаетъ-ли насъ В. В. Розановъ назадъ къ упраздненной христіанствомъ религіи плоти **). *Прим. С. Ѳ. Шаранова.*

**) Къ «религіи плоти»... Не поклоняйся бѣдности своей (теперешняя наша плоть), но *внеси идеалъ* въ бѣдное твое! Неужели противъ внесенія идеала въ плоть, погруженія, какъ я привелъ параллель, креста и евангелія въ зараженный источникъ, возсталъ-бы Тотъ, Кто сказалъ: «Я пришелъ для грѣшнаго, а не для святого»?! Потомъ это не разобранное дѣвство, сильнѣйшее въ плотскихъ алканіяхъ, чѣмъ всякое супружество: ну, тогда оно не противорѣчитъ заповѣди о бракѣ, какъ крѣпкая водка — ослабленной своей степени. Иначе нельзя объяснить, не позволивъ *расколъ* между заповѣдями и между Ветхимъ Завѣтомъ и Новымъ. Наконецъ текстъ: «Кто Матерь Твоя» и т. д. Спаситель не *родство* этимъ хотѣлъ уничтожить, но поправить *случаи* родства. Возьмемъ житейскій примѣръ, нашъ бытовой, историческій: и мы упрекнули-бы тѣхъ «дѣточекъ своихъ родителей», или тѣхъ родителей своихъ дѣтей, которые въ 40-хъ годахъ не читали-бы Бѣлинскаго, въ 60-хъ—Добролюбова, и вообще *не слушали-бы* учителей своего времени, говоря: «намъ что̀ до этого, у насъ есть дѣти и мы должны добывать имъ хлѣбъ». Это—*бываемый* въ семьѣ эгоизмъ, явленіе отрицательное и не хорошее. Но ошибки мореплаванія не говорятъ противъ мореплаванія, и что *есть* болѣзни—не указываетъ на *ненужность* тѣла. *Принципъ* семьи всетаки выше Бѣлинскаго, Добролюбова, всякаго ученія: между тѣмъ аскеты поняли приведенныя слова Спасителя въ смыслѣ противоположенія царства Мессіи принципу крови, и исторически развили вражду къ крови и подорвали довѣріе къ спасительному «сѣмени жены»: что̀ одно мы критикуемъ и рѣзко отвергаемъ, придвигая къ «сѣмени жены» Іисусову чистоту, и сѣменемъ жены сообщая реализмъ, наливая кровью и плотью, эту чистоту. *В. Р—въ.*

ской точки зрѣнія. Вы ударяете въ самый центръ, въ самую суть дѣла. О, пожалуйста, продолжайте работать надъ этимъ вопросомъ: право, онъ стоитъ того. Два вашихъ фельетона, отъ 31 декабря («Смыслъ аскетизма») и настоящій — безсмертны и неумирающи: имъ предстоитъ будущность и развитіе. Смущаться нечего, что для многихъ ваши мысли покажутся странными. Вѣдь всякая мысль

только въ этомъ освѣщеніи понятны, законны и радостны становятся его бесѣды съ пяти-мужнею Самарянкою, прощеніе грѣшницы, слова о Хананеянкѣ, о Маріи Магдалинѣ: не осудивъ блудницъ, неужели-же, неужели не благословилъ Онъ женъ? «Будьте всегда вмѣстѣ», «близьтесь другъ къ другу». «не бойтесь грѣха—иного, чѣмъ грѣхъ отъединенія, гордыни, мнимой чистоты». И опять только въ этомъ освѣщеніи понятны и законны станутъ нѣкоторыя Его слова: «блудницы и мытари впередъ васъ внидутъ въ царство небесное». «потерявшій душу свою—сбережетъ ее, а сберегающій — потеряетъ». Т. е. не говори какъ скупецъ (и скопецъ) «духъ, духъ мой, тебя взыскую»: но «взыскуй ближняго» даже цѣною потери этого «духа», и вотъ тутъ-то, когда ты думаешь, что «потерялъ» его — ты и «обрѣтаешь» его, даже сторицею, какъ-бы выколосившееся зерно. Такимъ образомъ, начало собственно плоти и плотскаго человѣка къ человѣку «прилѣпленія» не только не враждебно Христу, но, можно сказать, что въ эту слѣпленность людскую Христосъ и вошелъ, какъ въ сѣнь свою, вездѣ беря человѣка не въ сіяніи одеждъ его, не въ украшеніяхъ гроба, но въ радости семейнаго очага, у колыбели. Противъ этого общаго колорита Евангелій и Лика Христова совершенно безсильны бѣгучія и, можетъ быть, апокрифическія привѣски, въ родѣ «лучше не жениться», «даяй дѣву въ бракъ—хорошо поступаетъ, а не даяй—лучше поступаетъ», гдѣ такъ явно человѣческое колебаніе или человѣческая (двоящаяся въ незнаніи) ограниченность. Добавимъ: только этотъ взглядъ, вводящій семью ко Христу, спасаетъ отъ колебаній и даже гибели само христіанство; ибо если начало «кровности» не входитъ въ христіанство, то наряду и около христіанства открывается возможность второй религіи, развивающейся изъ свѣта и теплоты «семейности» и несокрушимости, а также изъ трансцендентности плотскихъ узъ. Или Христосъ есть брачный и брачущій Женихъ человѣчества (такъ Онъ и именовалъ Себя: «доколѣ женихъ съ ними—пусть будутъ свѣтлы»), или открывается возможность *еще* и притомъ *противуположнаго* Христа; и, можетъ быть, тревога объ «анти-Христѣ», сейчасъ же почувствовавшаяся въ христіанствѣ (собственно—въ Писаніи ея нѣтъ), какъ только оно ступило на аскетическую почву, имѣетъ здѣсь, въ этомъ истинномъ предчувствіи, для себя основаніе. Но этотъ предчувствуемый «еще Христосъ»—есть первый, сказавшій таинственныя слова: «вкусите плоти—и живы будете, испейте крови—въ жизнь вѣчную», которыя мы понимаемъ или какъ аллегорію, или какъ напоминаніе, когда они исполнены реализма и раскрываютъ существо Христа какъ Бога-плоти, какъ Господа «кровей». Христосъ и есть Сама Небесная Евхаристія; тотъ таинственный «опрѣснокъ», который повелѣно было Іудеямъ вкушать въ Пасху; «хлѣбъ животный»—какъ Онъ опредѣлилъ Себя, т. е. плодъ зрѣлый, иниспавшій отъ Отческаго зерна, которое есть Сѣмя и Отецъ міра.

Замѣтимъ, что всякая концепція христіанства становится правдоподобною, насколько она принимаетъ въ нѣдра свои кровную и слезную, скорбную человѣческую правду. Тутъ проходятъ такія глубины самоотреченія, деликатнаго прощенія, такую «Голгоѳу» несетъ порою на себѣ человѣкъ, передъ которою всѣ аскетическіе «подвиги и упражненія» въ «ядѣніяхъ», «питіяхъ» и «глаголаніяхъ» представляются своего рода духовнымъ жонглерствомъ. И весь этотъ духовнѣйшій подвигъ—около семьи и крови человѣческой, около младенца и колыбели его: отъ чего они и святы въ себѣ, священны (не касаемы) должны быть для человѣка. *В. Р—въ.*

казалась своимъ современникамъ странною. Между тѣмъ, нужно-же, чтобы кто-либо впервые провозгласилъ ту или иную новую мысль. Въ данномъ случаѣ счастливая доля глашатая истины выпала на васъ.

«Теперь нѣсколько словъ о Бухаревѣ. Онъ кончилъ курсъ въ Московской Д. Академіи въ началѣ 40-хъ годовъ. Былъ послѣдовательно профессоромъ въ Моск. и Казанской Д. Академіяхъ. Сряду, по окончаніи курса, принялъ монашество. Митроп. Филаретъ, смущавшійся своеобразіемъ его воззрѣній, перевелъ его въ Казань, а отсюда его вывели цензоромъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ началъ печатать толкованіе на Апокалипсисъ, но, по проискамъ Аскоченскаго [1]), печатаніе это было остановлено, и самое толкованіе его запрещено. Это обстоятельство такъ его поразило, что онъ счелъ неудобнымъ для себя продолжать далѣе нести на себѣ тяготу монашескаго послушанія и снялъ съ себя и санъ архимандрита, и обѣты монашества. Послѣ сего вступилъ въ законный бракъ, жилъ около 8 лѣтъ и померъ въ 1871 году, на 47-мъ году жизни. Жена его, Анна Сергѣевна, кажется, еще и доселѣ проживаетъ въ г. Переяславлѣ Владимірской губерніи.

«Главною, основною идеей, которую онъ проводилъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, была мысль о необходимости благодать и истину Христовы распространять на всѣ стороны, во всѣ слои человѣческой жизни, семейной, общественной, политической [2]). Въ наши дни, когда мы имѣемъ подъ руками массу сочиненій Влад. Сер. Соловьева, Н. Н. Неплюева и подобныхъ, эта мысль для насъ не новость. Но первымъ ее провозгласилъ архимандритъ Ѳеодоръ, и это въ началѣ 50-хъ годовъ, когда безраздѣльно царствовалъ у насъ въ духовной литературѣ жестокій, подавляющій режимъ митрополита Филарета. Да, поистинѣ, Бухаревъ послужилъ тѣмъ «упавшимъ на землю» и потому, конечно, всѣми забытымъ зерномъ современнаго пророческаго направленія въ русской публицистикѣ, которое (зерно)

---

[1]) Самая низкая была клевета Аскоченскаго, и можно печалиться, что духовное вѣдомство, вообще не поставленное у насъ достаточно независимо (смѣсь власти и робости)—не отстояло «своего». Митр. Филаретъ очень цѣнилъ Бухарева; и уступилъ, когда зашумѣли (Аск—скій). См. дѣйствительно прекрасную о немъ статью высоко-талантливаго автора «Исторіи Казанской Духовной Академіи», проф. Знаменскаго. Біографія Бухарева, тамъ набросанная—вызываетъ и восхищеніе передъ русскимъ духомъ, и слезы сожалѣнія о почившемъ праведникѣ, и умиленіе къ истинному другу, согрѣвшему и утѣшившему (вотъ—несеніе «Голгоны» въ супружествѣ) его, благочестивой его супругѣ. Это—примѣръ супружеской четы у насъ, страница въ семейные *Четьи-Минеи*, которымъ давно, давно пора начаться: такъ много въ безвѣстности затеривается жемчужинъ семейной у насъ праведности. *В. Р—въ.*

[2]) Собственно, это есть не столько даже нужда *жизни, практики* нашихъ дѣлъ (религіозное имъ освѣщеніе), сколько нужда для самого христіанства, которое доселѣ поставлено угломъ къ жизни, и стоитъ «въ углу», а не въ «серёдочкѣ» жизни; не дѣйствуетъ, а по сему и недѣйствительно (не осуществлено). *В. Р—въ.*

приноситъ на нашихъ глазахъ такой обильный, такой роскошный, заставляющій истинно радоваться, духовный плодъ. Правоту своихъ воззрѣній Бухаревъ хотѣлъ подтвердить своимъ собственнымъ поведеніемъ, снятіемъ съ себя монашества и вступленіемъ въ законный бракъ—сбивъ съ позиціи монополію монашества на спасеніе.

«Но писалъ-ли что нибудь Бухаревъ о существѣ брака, этого я вамъ не умѣю сказать, такъ какъ весьма многихъ сочиненій Бухарева не только не читалъ, но и не видывалъ. Въ этомъ отношеніи нужно было-бы просмотрѣть его книги: *О св. апостолѣ Павлѣ* и *О міротвореніи* [1]). Но первой книги въ свое время я не нашелъ даже въ фундаментальной библіотекѣ Петерб. Дух. Акад. Нѣтъ ее и у Тузова. Что касается второй книги, то когда я могъ-бы ознакомиться съ нею, ея у меня не было, а теперь мнѣ рѣшительно некогда. На основаніи другихъ сочиненій его могу сказать, что онъ говорилъ о бракѣ съ нравственной точки зрѣнія, находя въ немъ отсвѣтъ [2]) духовнаго союза Христа съ Церковію.

---

[1]) Очень глубокая книга, которую я досталъ по указанію отца прот. *А. У—скаго.* Бухаревъ здѣсь становится на вѣрную точку: *въ тайнѣ не постижимаго сотворенія міра Богомъ*—искать, рыться, копаться и, можетъ быть, когда-нибудь найти раскрытіе тайны *сейчасъ сотворенія человѣка* («рожденіе»). Но, какъ у духовныхъ бываетъ почти всегда: свѣтлая мысль кладется флеромъ на проблему, а въ проблему онъ не врубается! Такимъ образомъ у него есть чудесныя движенія къ истинѣ, но истины—нѣтъ; и напр., ключъ къ ней—*не единственное число* выраженія: «бара Елогимъ» (ед. ч.—Елоахъ)—«сотворилъ Богъ» (міръ), *Быт.* I, 1—онъ выпустилъ изъ рукъ, истолковывая его въ томъ-же невѣрномъ смыслѣ, какъ у насъ не вѣрно толкуются и слова Бога змію о «сѣмени жены». Замѣтимъ также, что гл. *бара* (=сотворилъ) означаетъ *внутреннее изъ себя* твореніе, а вовсе не гимназическое: «создалъ изъ *ничего*». *В. Р—въ.*

[2]) Нужно замѣтить—«романъ» въ бракѣ все исказилъ и запачкалъ, такъ что къ нему стало даже страшно подступить съ религіознымъ воззрѣніемъ; но какъ только мы возьмемъ его грубо и въ реализмѣ—трансцендентная и мистическая его природа сейчасъ выступитъ. Бракъ есть чадо-зачатіе, чадо-рожденіе, чадо-воспитаніе; изъ нихъ последнее, уже явно высокое для насъ есть все-же меньшее: оно—раціонально. Какая-то Божія тайна, неразрѣшимая для всѣхъ средствъ науки, лежитъ въ чадо-вынашиваніи и чадо-рожденіи: но здѣсь человѣкъ есть сосудъ тайны, а еще не «тайно-творецъ о чадѣ». Чадо-зачатіе есть главный трансцендентно-мистическій актъ, гдѣ человѣкъ актомъ участія своего сводитъ душу съ до-мірныхъ высотъ и завиваетъ ее въ стихіи. Нельзя не видѣть въ актѣ этомъ еще продолжающагося и по сейчасъ міротворенія: ибо міръ въ точности *еще* творится, *вновь* созидается въ каждомъ вновь зачинаемомъ живомъ существѣ. Никогда и никѣмъ (наукою) не постигнутое существо жизни, «тайна жизни», «тайна живого бытія» оттого и не постигнуто, что стихіи, «азотъ», «кислородъ», куда завита жизнь,—и земны, и раціональны, но «огонекъ», въ нихъ завитый «душою живою», точно ниспалъ «съ неба», точно—не земной вовсе, и не стихійной природы. Мы выше упомянули объ аномаліяхъ въ полѣ: противуестественныхъ (и часто неодолимыхъ) въ немъ влеченіяхъ, такъ мало и даже вовсе не разгаданныхъ; однако, вдумаемся-же въ самый терминъ, который одинъ мы сумѣли прибрать къ непонятному явленію: полъ идетъ *противъ* естества и *рушитъ* намъ сколько-нибудь понятные его законы; обнаруживаетъ такое въ природѣ своей, что не отвѣчаетъ всѣмъ нашимъ понятіямъ о немъ и раскрываетъ его именно съ

«Особенныхъ какихъ-либо сочиненій о бракѣ въ духовной лите-

трансцендентной стороны. Можно сказать, дать удобопонятное объясненіе этимъ аномаліямъ—значило-бы ввести понятное въ душу міра и, наконецъ, приблизиться къ разгадкѣ жизни на землѣ. Но остановимся-же на терминѣ: *противу*-естественное и значитъ *внѣ*-естественное, *без*-законное, т. е. *мимо*-проходящее *въ* законы и *въ* естество «сего міра»,—притомъ ихъ *отмѣняющее*, *одолѣвающее*. Что-же это такое? Всегда почти это суть волненія, отмѣняющія законъ чадорожденія, и собственно его замѣняющія собою, т. е. ему *эквивалентныя*. Эти тайны такъ жгутъ языкъ, что о нихъ нельзя собственно говорить: и языкъ «прильпе къ гортани», и бумага подъ чернилами горитъ, тлѣетъ, проваливается. Наступаетъ—«ἄρρητος». Но вотъ кой-что и хоть въ формѣ намека: въ аномаліи, которую мы не смѣемъ назвать по имени, человѣкъ усиливается и дѣйствительно ухитряется выйти изъ своего «species»—закона чрева выносившей его матери и также Закона Божія, отдѣлившаго день его созданія отъ прочихъ и болѣе раннихъ дней. Но «Господь привелъ къ человѣку всѣхъ животныхъ и повелѣлъ всѣмъ имъ нарѣчь имя», т. е. постичь ихъ существо и дать формулу. И вотъ, какъ-бы «нарекая имена», человѣкъ отходитъ отъ своего «я» и обращается къ ждущимъ его вниманія без-рѣчнымъ животнымъ. Онъ сходитъ съ «трона человѣчности» и погружается въ міръ подъ собою, въ природу до себя, въ «дыханіе» болѣе раннихъ дней творенія, чѣмъ «шестый день»: единственная точка и единственная секунда, гдѣ это совершается, гдѣ это можетъ совершиться. «Я» его—расплылось теперь, растворилось не иносказательно, но на самомъ дѣлѣ въ

...дольней лозы прозябаньи...
И гадъ морскихъ подводный ходъ...

Страшная минута, гдѣ вѣдѣніе и даже именно дыханіе, біеніе пульса, содроганіе переступаетъ грани, вообще доступныя человѣку, и о чемъ вспомнивъ, онъ можетъ и *въ правѣ* будетъ повторить, что —

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Листовъ разумѣлъ прозябанье,—
Была ему звѣздная книга ясна...

Это-же поразительно: это — фактъ, онъ именно въ томъ состоитъ, на что мы указываемъ: именно въ сліянности на секунду, въ *отождествленіи*, въ *счлененіи* даже *до одного неразрываемаго существа* съ стихіями пятаго и четвертаго творческихъ дней. Нигдѣ еще, ни въ чемъ еще человѣкъ не можетъ совершить актъ этого могущества, и никогда отъ этого онъ не порывается иначе, какъ въ полѣ, къ этому «выходу изъ себя», «переступанію черезъ себя». Вотъ маленькая попытка возможнаго объясненія: вотъ тайны очень мало «снившіяся нашимъ мудрецамъ», но которыхъ тайное вѣдѣніе мы находимъ въ мірѣ скульптуры и живописи, въ темныхъ миѳахъ человѣчества, во всѣхъ этихъ «минотаврахъ» и проч., гдѣ дни «творенія» перемѣшаны и мы видимъ сумерки бытія, ни день, ни ночь, ни «человѣка», ни «лошадь», но «полу-лошадь и полу-человѣка». Какъ далеко это отъ архаизма и дикости, но заключаетъ въ себѣ ноуменальную тайну—видно изъ того, что при множествѣ болѣе благородныхъ «сюжетовъ» упражняли надъ этимъ кисть свою (и слѣд. воображеніе) творецъ «Тайной вечери»—Леонардо да Винчи («Леда») и «Страшнаго суда»—Микель Анджело («Леда»-же). Человѣкъ въ полѣ раздвигается въ «альфу и омегу» жизни и бытія, когда во всемъ остальномъ онъ есть альфа-ли, омега-ли, но непремѣнно *одна* и *опредѣленная* буква животнаго алфавита. «Не хорошо быть человѣку одному»... Теперь, что-же просвѣчиваетъ намъ въ этой аномаліи? Родство человѣка съ природою, не изолированность его, и то, что онъ лежитъ на ней кроткимъ и владычественнымъ вѣнцомъ: все то, что такъ трудно теоретически доказать. Это—аномалія въ одну сторону, и есть еще четыре или пять, расходящихся по разнымъ направленіямъ. Во всѣхъ ихъ чрево міра какъ-бы пробуравливается, и въ узенькую воронку потрясающаго

ратурѣ я не знаю [1]). Да, кажется, рѣшительно никто еще не касался

случая мы разглядываемъ еще второе, «надъ» или «подъ» міромъ чрево; въ самомъ дѣлѣ «еще землю» и «опять небо»—звѣздное-же, но уже не съ нашими созвѣздіями, «лилейное»—но гдѣ цвѣты не нашихъ садовъ.

Вернемся теперь къ первому моменту бытія собственно человѣка, къ тому «обыкновенному» пола, что все-же такъ необыкновенно: собственно, *одна* душа, и то не всегда, завивается въ стихіи міра; но фактъ поразительнаго сходства (обыкновенно—дочери) съ отцомъ показываетъ, что полный его душевный и тѣлесный образъ перешелъ въ такой частицѣ, малость коей почти неизслѣдима. Мы знаемъ мартовскій и сентябрьскій пролетъ аэролитовъ черезъ земную атмосферу, въ которой они свѣтятся; собственно, всякое обоюдо-полое сліяніе есть пролетъ, не всегда со впаденіемъ «въ сферу тяготѣнія земли», цѣлыхъ созвѣздій человѣческихъ душъ; есть въ точности «млечный небесный путь» «дыханій жизни», «безсмертныхъ душъ», который исходитъ изъ существа пола и не заходитъ сюда, не закрѣпляется за «кислородъ», «водородъ», «азотъ». Но, какъ небесный сводъ повернулся и мы днемъ не видимъ ночнаго неба, ночью—дневнаго: такъ на утрѣ проснувшись—и не помнимъ, и не думаемъ, и не видимъ видѣннаго. Что, однако, мы видѣли?—наше сознаніе *померкло* и мы *содрогнулись*, т. е. индивидуальное «я» стерлось, сошло на «нѣтъ», уничтожилось до атома, «невидимаго въ малости и безгласнаго въ безмысліи», до трупнаго «остолбенѣнія», засыпанное свѣтомъ и могуществомъ промелькнувшихъ метеоритовъ. Какъ-бы небо на насъ разсыпалось и подавило до паденія и исчезновенія, до крика ничтожества и уничтоженія. Что половое притяженіе существуетъ какъ фактъ и что оно такъ ноуменально-неодолимо—ясно отсюда. *В. Р—въ.*

[1]) По поводу «Брака и христіанства», и статей въ «Русскомъ трудѣ», вызванныхъ имъ (онѣ всѣ ниже будутъ перепечатаны) появилось въ духовныхъ журналахъ нѣсколько размышленій. Отмѣтимъ ихъ всѣ съ благодарностью: *Вопросъ о бракѣ въ свѣтской печати*»—А. Полозова, въ «Вѣра и церковь», 1899, кн. X (обширное и честное изложеніе хода спора).—«Какими рожцами питается наша интеллигенція»—Православнаго (анонимъ одного изъ архимандритовъ нашихъ лавръ); авторъ совсѣмъ не понимаетъ, о чемъ дѣло идетъ.—Въ «Страннике»—*Обзоръ журналовъ* за 1899 г.—Чрезвычайно умна и даже единственно проницательна, хоть и совершенно ошибочная, статья К. Сильченкова: *Изъ современныхъ газетныхъ толковъ о христіанскомъ бракѣ* (о разводѣ), въ «Вѣрѣ и Разумѣ» за 1899 г.—*О христіанскомъ бракѣ; по поводу современныхъ толковъ въ печати о бракѣ и безбрачіи,* г. Л. П., въ «Богословскомъ Вѣстникѣ» за 1900, февраль (къ сожалѣнію, почему-то прервалась на первой книжкѣ). Это всетаки не «ничего», хотя къ рѣшенію вопроса ничего не даетъ. Писатели наши духовные, эти крѣпкіе умы, еще не раскачались. Они толкутся пока въ словахъ. Ихъ общая мысль — богоучрежденность таинства брака, но опредѣляется онъ—какъ нравственная другъ другу помощь. Бракъ *безъ...* и *внѣ...* пола: изъ этого круга мышленія они не умѣютъ и не хотятъ выйти: между тѣмъ, очевидно, тутъ есть дружба, пожалуй (скопческо-хлыстовское) «духовное супружество», но вовсе не ущемляются въ суть брака слова Спасителя: «развѣ вы не читали у Моисея: въ началѣ Сотворившій *мужчину и женщину* сотворилъ ихъ (Быт., 1). *Того ради* оставитъ человѣкъ отца и матерь и *прилѣпится* къ женѣ и будутъ *два одною плотью* (Быт., 2); итакъ—они уже не два, но *одна плоть.* И такъ—что *Богъ сочеталъ*, человѣкъ да не разлучаетъ». Имѣя такія поразительныя слова—поразительна слѣпота спрашивающихъ (А. Полозовъ, г. Л. П.): «въ чемъ *состоитъ* существо брака—съ достаточной точностью въ духовной литературѣ не опредѣлено». Раствореніе мужчины въ женщинѣ и женщины въ мужчинѣ, такъ что первый есть уже *полу*-мужчина, *оканчиваясь* женщиною, и вторая есть *полу*-женщина—*оканчиваясь* мужчиною, и оба—*одно существо и общая жизнь*: эта неисповѣдимая

вопроса о бракѣ именно съ той стороны, съ которой вы его разсматриваете. Въ свое время у меня была выписана изъ одной журнальной статьи небольшая тирадка, которая по своему значенію имѣетъ нѣкоторое, хотя и отдаленное [1]), соприкосновеніе съ вашей мыслью. Переписываю ее для васъ. Вотъ она: «Около половины XII в. Новгородскій епископъ Нифонтъ въ своихъ отвѣтахъ на вопросы мѣстныхъ приходскихъ священниковъ высказалъ слѣдующія правила о супружескихъ отношеніяхъ. Одинъ священникъ (Кирикъ) спрашивалъ своего владыку: «достоитъ-ли дати тому причащеніе, иже въ великій постъ совокупися съ женою своею». Разгнѣвася Нифонтъ: «ци учите, рече, въздержаться въ говѣніе (т. е. въ продолженіе *всего* великаго поста) отъ женъ? *Грѣхъ вы въ томъ!*» Другой (Савва) предлагалъ такіе вопросы: «Въ клѣти иконы держачи, или честный крестъ, достоитъ ли быти съ женою своею»?— «*Ни въ грѣхъ, рече, положена своя жена*... А крестъ на тобѣ чи съимаешь, съ своею женою буда?» Еще: «Аще случится платъ женьской въ портъ въшити попу, достоитъ ли въ томъ служити портѣ».— И рече: «достоитъ, — *ци погана есть жена?*» Третій (Илья) недоумѣвалъ по тому случаю, что «жена бяше причащалася на обѣдни, а на вечеръ совокупилася съ мужемъ».—И не повелѣ ей владыко дати епитемьи, но рече: «аже быша съблюли ту ночь, аже хотяще заутра причащатися, а по причащеніи съблюли другую, то добро. А ежели будутъ молоди, а не мочи начнутъ (совокупляться), то нѣтуть бѣды: *во своей бо женѣ нетуть грѣха*».—Для насъ эти отвѣты Нифонта имѣютъ тѣмъ большую важность, что они, какъ извѣстно, приняты были въ составъ Кормчихъ русской редакціи и чрезъ то сдѣлались у насъ источникомъ общаго церковнаго права». (*А. Павловъ*. «Христ. чт.» 1884 г., № 3—4, стр. 388). Для меня отвѣты Нифонта имѣютъ важность еще въ томъ отношеніи, что въ нихъ слышится голосъ древняго христіанскаго рус-

тайна, едва-ли не міро-держущая (*сочетаніе* всего въ мірѣ)—вотъ бракъ! Поразительно, что вездѣ кругомъ *очерченный и сомкнутый въ линіяхъ* мужчина (женщина), и въ «аэролитѣ» пола, — *не оконченъ*: и въ телеологическій моментъ бытія этого «аэролита» («прилѣпленіе») эта *не оконченная часть* слѣпляется, спаивается, *суть въ одно*, съ другою *не оконченною-же частью:* такъ-что теперь они—*окончены и цѣлое*, и одновременно только теперь—*бытійствуютъ, живутъ*. Вездѣ человѣкъ оканчивается точкой; въ полѣ—многоточіемъ, коему на встрѣчу идетъ многоточіе противоположнаго пола. Удивительно. *В. Р—въ*.

[1]) Ближайшее: о, какъ прекрасны вопросы Кирика, и благостны, мудры отвѣты Нифонта. Это—дѣло, съ этого надо было начать литературу брака. Все остальное—пустословіе. Да: *вынести* изъ спальни образа, или—*внести* ихъ? Въ *постъ* сближаться въ Божію тайну, или—въ *масляницу? Межоу* молитвами, или—*внѣ* ихъ? Въ какихъ *одеждахъ*, мірскихъ или *не мірскихъ?* Но «тайна Божія»—внѣ міра сего, и мудрые вопросы Кирика подводятъ къ колоссальному вопросу: какъ *на это время и въ этомъ мѣстѣ* избыть міръ изъ мыслей и круга заботъ и круга вѣдѣнія и созерцанія своего? Иначе говоря: дай трансцендентный *часъ* или трансцендентный *уголъ, кругъ, квадратъ*, площадь—сюда, на землю. *В. Р—въ*.

скаго сознанія, еще не затемненнаго разными византійскими измышленіями, выдающими. подъ фирмой христіанскихъ, гностическія и манихейскія [1]) воззрѣнія.

«Хочу еще привести вамъ, такъ, для любопытства, маленькую параллель между дѣвственниками и брачниками, составленную мною въ дни юности моей, въ то время, когда я еще былъ студентомъ и лично для себя рѣшалъ вопросъ о бракѣ и безбрачіи. Параллель эта явилась у меня подъ вліяніемъ господствующаго у насъ воззрѣнія о превосходствѣ дѣвства. Я захотѣлъ провѣрить правильность этого воззрѣнія путемъ примѣровъ святой жизни изъ библейской исторіи, и у меня самъ собою открылся только лишь параллелизмъ между дѣвствомъ и супружествомъ, а никакъ не превосходство перваго предъ послѣднимъ. Вотъ эта параллель:

Дѣвственники:	Брачные:
1. *Апостолъ Павелъ.* Сила любви: «Я желалъ-бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти». Римл., 9, 3.	*Пророкъ Моисей.* Сила его любви. «Прости имъ грѣхъ ихъ. А если нѣтъ, то изгладь и меня изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ». Исх. 32. 32.
2. *Іоаннъ Креститель.* О немъ Господь сказалъ: «Не возсталъ въ рожденныхъ женами болій Іоанна Крестителя». Мѳ., 11. 11.	*Пророкъ Моисей.* Ему Господь сказалъ: «Обрѣлъ еси благодать предо Мною, и вѣмъ тя паче всѣхъ». Исх. 33. 17.
	Царь Давидъ — называется «человѣкомъ по сердцу Божію». 1 Цар. 13, 14; 16, 12.
	Праведный Іовъ. — «Нѣсть, яко онъ, на земли человѣкъ непороченъ, истиненъ, благочестивъ». Іовъ, 1, 8.
3. *Пророкъ Илія* — видѣлъ явленіе Господа на горѣ Хоривѣ. 3 Цар., 19. 11—13.	*Пророкъ Моисей* — видѣлъ явленіе славы Божіей на горѣ Синаѣ. Исх. 33. 18—23.
4. *Илія*—на Ѳаворѣ со Христомъ. Мѳ., 17—3.	*Моисей*—тоже.
5. *Илія*—живой взятъ на небо. 4 Цар., 2, 11.	*Енохъ*—тоже. Быт., 5, 24.

«Какъ видите, для сравненія взяты самыя высокія вершины нравственнаго совершенства, до какихъ только когда-либо достигали отдѣльные индивидуумы человѣчества. Но на всѣхъ вершинахъ мы одинаково встрѣчаемъ какъ дѣвственниковъ, такъ и брачниковъ.

---

[1]) Въ сущности—проклятіе плоти, и безразсудно-грѣшная (?! *С. Ш—въ*) мысль, что въ половомъ началѣ, родникѣ вообще жизни, лежитъ начало и сущность «первороднаго», «внутрь-роднаго» грѣха — есть до-христіанская и внѣ-христіанская мысль, именно манихеизма: при этомъ манихейскомъ воззрѣніи сейчасъ-же возникаютъ «два Бога» — «духа» и «плоти». И еще можетъ быть споръ, который «витѣе и могущественнѣе»: ибо начало «семьи», «семейности» не только есть «духъ», но и безспорно — «святой», религіозно-святящійся духъ. Гораздо его менѣе въ «академическомъ» духѣ, въ «ложноименномъ разумѣ», разражающемся Summ'ой theologiae «псевдо-ангельскаго философа» (Ѳомы Аквинскаго). *В. Р—въ.*

«Такъ вотъ вы гдѣ? Чиновникомъ состоите? А я полагалъ, что вы служите по учебному вѣдомству. Ну, что-же? Дѣло доброе. Нынѣ чиновничій міръ далъ много писателей съ пророческимъ направленіемъ: Побѣдоносцевъ, Филипповъ, графъ Валуевъ, Тернеръ; не знаю, а, вѣроятно, и Властовъ изъ этого-же міра. Къ этой плеядѣ пророковъ принадлежите и вы. Да, нынѣ вѣкъ пророковъ. Не даромъ Владиміръ Сер. Соловьевъ такъ любитъ употреблять это слово. Вѣроятно, будущій историкъ нашихъ дней начнетъ свое сказаніе о нихъ такими словами: «Въ то время, когда пастыри душъ человѣческихъ превратились въ пастырей однихъ только кармановъ человѣческихъ, для управленія человѣческими душами сталъ Господь Богъ воздвигать пророковъ»

«А что Филипповъ? (Т. И.). Все по прежнему носится со своей идеей Вселенскаго собора? Но вѣдь эта идея—полная фикція. Слѣдовало-бы сказать ему, что о *Вселенскомъ* соборѣ не можетъ быть не только рѣчи, но и помышленія до тѣхъ поръ, доколѣ не образуется и не получитъ права гражданства *тріединое* христіанство. А до тѣхъ поръ можно говорить только о соборѣ *Православія*, а никакъ не о *Вселенскомъ*.

«Началъ я это письмо 12 числа, немного продолжилъ 16 числа и кончаю 18 числа. И это только ради необходимости и невозможности откладывать еще далѣе. Вотъ, видите, какой плохой я письмописецъ.

«Вашъ усердный поклонникъ и почитатель

«Протоіерей *А. У—скій*.

V.

Вопросъ о бракѣ столь-же мучителенъ, какъ и труденъ; столь-же скользокъ и грозитъ бездной, какъ и открываетъ просвѣтъ въ небесныя видѣнія, къ небеснымъ связямъ. Безспорно — его суть чувственна: гдѣ нѣтъ половъ—нѣтъ брака; нѣтъ брака между однополыми существами; и сама Церковь безъ возраженій расторгаетъ бракъ, когда дано свидѣтельство его *неосуществленности* и *неосуществимости* (медицинская причина разводовъ). Какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ въ словахъ: «того ради оставитъ человѣкъ .. и прилѣпится... и будутъ два въ плоть едину», такъ и въ новозавѣтномъ словѣ Апостола: «мужъ да не владѣетъ своимъ тѣломъ, но—жена, и жена да не владѣетъ своимъ тѣломъ, но—мужъ», текстуально опредѣлено существо брака, какъ тѣлеснаго «прилѣпленія». И одновременно—онъ есть «религіозное таинство», что также признано и есть догматъ. Такимъ образомъ, въ этой связности текстовъ и признанія открывается *религіозная чувственность*, возможность и даже требованіе религіознаго ощущенія въ чувственномъ актѣ, и сейчасъ-же непремѣнно черезъ это допускается и даже указуется—

чувственная религіозность [1]). Это не можетъ не испугать насъ и не заставить задуматься. Но гдѣ страхъ, тамъ и надежда: послѣ тщательныхъ разматываній вопроса умомъ, мы постигаемъ, что именно это пугающее насъ сліяніе чувственности и отношенія къ Богу и есть камень непорочной и святой семьи, которую тогда «врата ада не одолѣютъ»; что именно завитокъ «религіознаго» здѣсь—все сберегаетъ въ семьѣ, отъ всего предохраняетъ семью: дѣлаетъ ее чистѣйшею колыбелью дѣтей [2]). Безъ этого «камня» связуемости и даже нераздѣлимости пола и религіи не возможенъ вовсе «бракъ», и осталась бы грубая физіологія, которую никакъ не возведешь въ таинство: грязно-холодная, безсмысленно-«нужная» и непонятно-«неизбѣжная». Лютеръ, выбросившій бракъ изъ состава «религіозныхъ таинствъ»—сталъ на эту точку зрѣнія; но что ноуменальная сторона религіи лежитъ именно въ бракѣ, обнаружилось изъ того, что лютеранство сейчасъ же послѣ этого впало въ поверхностную феноменальность раціональнаго, земного явленія. Въ сущности, на лютеранской точкѣ зрѣнія стоялъ и Григорій VII Гильдебрандтъ, введшій целибатъ всего католическаго священства; но то, что Лютеръ допускалъ, какъ *безразлично*-физіологическое, Григорій VII отринулъ какъ *грязно*-физіологическое, отринулъ по крайней мѣрѣ для клира. Замѣчательное послѣдствіе этого: католицизмъ сейчасъ же высвѣтился темнымъ, демоническимъ свѣтомъ, истиннымъ духомъ «унынія, печали и празднословія»—«Dies irae, dies illa veniet». Зажглись костры инквизиціи, и неранѣе этого. Теплота материнства, святая «животность» не смягчала ригористическихъ формулъ парижскихъ и римскихъ богослововъ; пламя «ада»—что̀ въ самомъ дѣлѣ зальетъ его (мы испытуемъ религіозныя концепціи), какъ не молоко матерей, когда онѣ ринутся въ самый «адъ» извлекать оттуда «дѣтокъ» своихъ? Я хочу сказать, что какъ только мы возьмемъ религіозную ли концепцію семьи, или семейную концепцію религіи, идея «ада» упраздняется по совершенной невозможности: въ «аду дѣти», «родители въ раю» невмѣстимо по абсолютному требованію здѣсь: «всѣ-вмѣстѣ», «каждый за всякаго». Обратно, какъ только мы разрѣзали нить семейности, «рай» и «адъ» для «право» и «не право» исповѣдующихъ становится возможенъ на небесахъ, возможенъ и здѣсь на землѣ. Это—«подпись» или «не подпись» на присяжномъ листѣ католичества. Кто

---

[1]) Совсѣмъ не то—см. примѣчаніе ниже. *С. Ш—въ.*

[2]) Инстинктъ *сложенія чина вѣнчанія*—заключался въ этомъ. И что мы здѣсь дѣлаемъ, это—превращаемъ *ударъ* въ *теченіе*, *часъ*—въ *жизнь*, какъ бы говоря: «нѣтъ, не такъ, не достаточно: но въ день, когда придетъ или допустимо желаніе—одѣньтесь вновь, и помолитесь, и облекитесь въ вѣнцы, какъ теперь только бываетъ при вѣнчаніи». Вотъ моя мысль въ смыслѣ красоты, обряда; а въ глубинѣ еще: вспомните твореніе міра, и память своихъ родителей, и благословеніе первой четѣ человѣческой, и сотворите соотвѣтственное сему. *В. Р—въ.*

«не подписался» — въ адъ, и уже здѣсь, на землѣ — на костеръ. Рѣзкость и острота формулы торчитъ сухой логической костью, «не одѣтой плотью». Но перейдемъ же къ третьей изъ раздѣлившихся Церквей. Православіе осталось въ эклектической нерѣшительности. Отъ этого оно не вошло въ мощность выраженія историческаго, не имѣетъ ни страстнаго и твердаго «нѣтъ» католицизма, ни, по крайней мѣрѣ, учености протестанства: но оно все свѣтится инымъ мистическимъ свѣтомъ, оно имѣетъ свѣтъ теплоты, *подлинной* вѣры — и это происходитъ именно отъ эклектичности въ немъ «ума» и тѣхъ частицъ «да» въ въ данномъ пунктѣ, передъ данною проблемою, которыя затерялись въ его робкомъ сердцѣ и недоумѣвающемъ умѣ. «Старенькій священникъ», «полинялыя ризы»... да, это дѣйственнѣе и авторитетнѣе въ православіи, чѣмъ вопросъ, въ академіи или семинаріи онъ кончилъ курсъ? Взятъ *возрастъ*, *сѣдина*, что-то *дѣдовское*, какая-то будничная *простота*: опыта ли, *долгаго ли* служенія, но вообще продолжительнаго *около людей тренія*—какъ ручательство *священства*. Такъ, вѣдь это такъ въ общемъ чувствѣ русскихъ! «*Потрись* около людей—будешь святъ», «побѣгай, *посуетись* для нихъ или на нихъ—и станешь праведенъ». Вотъ суть православія въ раздѣленіи его отъ католицизма и протестантизма: *человѣчность* въ Божествѣ! Да, это *жизненное* и *теплое*, это *плоть* около скелета логики, и намъ только трудно переложить ее на членораздѣльную рѣчь. Но возвращаемся къ *полу* и *браку*. Какимъ образомъ бракъ, *тѣлесное* явленіе, можетъ быть *религіозенъ*, т.-е. *поту-сторонен*ъ, когда «кости» наши и всякое «тѣлесное тлѣніе» столь явно *по-сю-сторонне?* Именно потому, что *полъ* уже не есть вовсе тѣло, что тѣло клубится *около* него и *изъ* него, какъ временный фантомъ, въ которомъ онъ скрытъ, какъ неумирающій и по-ту-свѣтный ноуменонъ этого тѣла, какъ лицо порядка «Сый» въ насъ. «Сый—такъ будешь ты называть Меня»: что за непонятное и даже безсодержательное на первый взглядъ опредѣленіе! «Je pense—donc je *suis*», формулировалъ Декартъ; между тѣмъ, совершенно обратно «je *suis*», и уже потомъ на фундаментѣ этого «suis»-«сый»—«мыслю, чувствую, желаю». Въ этотъ порядокъ «сый» западная философія никогда не заглянула: отъ этого атеистичность, какъ и бѣдная раціональность,— суть ея душа и тенденціи. Порядокъ «сый» открытъ былъ семитамъ, а гдѣ родникъ его и что этотъ родникъ существенно религіозенъ — выразилось въ «обрѣзаніи». Его печать и приложена именно къ нашему и всеобщему «сый». Мысль обрѣзанія—въ религіозномъ *устроеніи* пола: и въ томъ, чтобы *воспитать* человѣка къ религіозности здѣсь. Всякій разъ, когда еврей (египтянинъ или финикіянинъ, у коихъ *всѣхъ* было обрѣзаніе) мыслилъ о Богѣ, начиналъ размышлять о своемъ къ Нему отношеніи, онъ не могъ не

вспомнить объ обрѣзаніи: такъ явно, что *тутъ* сказался и что-то, пусть совершенно непонятное, изрекъ ему Богъ. Такимъ образомъ въ обрѣзаніи устанавливалось вѣчное (и невольное) созерцаніе Бога какъ бы черезъ кольцо здѣсь срѣзанное, и это до такой степени связывало Бога съ точкой обрѣзанія, что теизмъ—сексуализировался, а sexus—теитизировался. И такъ—уже въ тысячелѣтіяхъ, такъ—уже невольно! Тутъ получалось вѣчное зеркало созерцаній, изъ коего не умѣлъ и никогда не могъ выйти семитъ: всякая мысль о полѣ («сонныя мечтанія») пробуждала мысль о Богѣ, теряла жесткое выраженіе (намъ извѣстной) чувственности и растворялась въ богообращенности, не отрицаясь («здѣсь взялъ меня Господь); обратно, о Богѣ мысль — побуждала вспомнить свой полъ, и, можетъ быть, даже навѣрное—будила «мечтаніе». Двое малютокъ въ одной люлькѣ—ласкаются рученками. Не сочинить этого, а priori не сотворить; *не изъ чего сотворить*—иначе какъ черезъ «обрѣзаніе» Богу, «ветхій завѣтъ». Я беру и *чиню себѣ* перо: вотъ подобіе и аллегорія «срѣзанія», «чиненія» Себѣ Израиля. И Богъ зналъ, гдѣ «зачинить» его въ союзъ вѣчный и нерасторжимый, и до *дна* проникающій. «А, теперь-то онъ будетъ крѣпокъ Мнѣ». «И не *согрѣшитъ* здѣсь, и самъ—*не умретъ*». Въ самомъ дѣлѣ, «шутка», романъ и всякая «глупость» въ полѣ этимъ навсегда отмѣнялись, становились психически невозможной. Предупреждалась (наша) фабрика проституціи; и, наконецъ семья, столь кровно связанная съ Богомъ, потекла религіозно, стала въ точности «святою семьею», и, до извѣстной степени, замѣнила собою религію («нѣтъ храмовъ» — кромѣ руинъ одного). Вотъ—Сіонъ; и таковы же были Геліополисъ, Ѳивы, Тиръ: мысль *одна* вездѣ — поклоненіе «святому Сый»; страстно-*музыкальное* поклоненіе въ юдаизмѣ, *образно*-страстное въ Египтѣ и Финикіи (Моисеевы: «не изображай», «не видѣлъ образовъ». «не твари поклонитесь, но Творцу»—«въ бурѣ», «въ тихомъ вѣтрѣ», «во мглѣ»). Всѣ комментаріи Библіи, такъ сказать написанныя *нашими* чернилами, а не іудейскою *кровью обрѣзанія*—не уловляютъ существа дѣла и просто—ложны и дѣтски... Сказаннымъ объясняется множество подробностей въ юдаизмѣ: отвращеніе къ браку съ инородцами, «нечистыми—именно, именно въ бракѣ животными»; и то, что собственно внутренно, промежъ себя еврейство есть половой союзъ, религіозно-половое товарищество, *кровное* племя не мнимыхъ (мы), а *истинныхъ* братьевъ, сестеръ, невѣстъ, жениховъ, отцовъ, матерей. Нѣтъ гражданъ—есть супруги! нѣтъ отечества—есть обрѣзаніе! нѣтъ орденовъ—есть чадородіе! И нѣтъ войнъ, мирныхъ договоровъ, а только—суббота и передъ ней «св. миква» (всеобщее очистительное погруженіе въ воду). Входитъ дщерь Израиля въ рѣку, и выходитъ; около, вдали—толпа юношей: она — *наша, кого-нибудь* изъ насъ, не обидь ея никто взо-

ромъ нескромнымъ, или поступкомъ дерзкимъ. Она — свята! Нѣтъ психологіи и невозможна физика насилія. Юноша—пойдетъ-ли онъ въ дурной домъ? онъ обидѣлъ-бы всего Израиля, которую-то изъ чистѣйшихъ дѣвушекъ. У насъ, насилуя—я *пустую* насилую, можетъ быть старую дѣву, во всякомъ случаѣ—*ничью*; и идя въ домъ терпимости — *себя* мараю, а не *племя русское*. У насъ полъ есть *моя частность*; черезъ «ветхій завѣтъ» полъ каждаго и каждой есть *сокровище всего* Израиля, есть общая казна, изъ коей *мнѣ* нельзя ничего украсть. И мнѣ это *сладко*, *эта* моя принадлежность къ такому товариществу — сладка: ибо крѣпкою мышцею оно держитъ меня не за горькое и болящее, а за сладкое, и *чѣмъ оно меня крѣпче держитъ, чѣмъ я связаннѣе, подневольнѣе*— тѣмъ болѣе во мнѣ разливается сладость. Вотъ сладкій и несокрушимый союзъ, тайна Израиля!

Здѣсь узелъ пониманія его; оно отчуждено, напр. отъ другихъ племенъ, какъ вѣрные жена и мужъ нѣсколько отчуждены, отрѣзаны отъ міра. Міръ содрогается отъ эгоизма Евреевъ, но удержитесь и загляните *внутрь* его: это эгоизмъ своего ложа, не раздѣленнаго съ другимъ; эгоизмъ, въ сущности, величайшаго цѣломудрія — какъ бы разлившагося на всѣ дѣла и отношенія. «Нѣтъ *васъ* для меня: — есть возлюбленный женихъ — мое племя; возлюбленная невѣста — эта заплеванная міромъ Хайка», которой «пребуду вѣренъ», и съ нею — «въ роды и роды». У насъ нѣтъ «обрѣзанія»; но для достиженія его ноуменальныхъ задачъ и неодолимо-могущественнаго на душу вліянія предлежитъ по крайней мѣрѣ философски обрѣзаться, т.-е. повторить древній завѣтъ не въ знаменіяхъ и видѣніяхъ, не кровью и ножомъ, но въ обратившейся сюда и обширно развитой философіи. Альфа ея — разрывъ съ понятіемъ функціи и органа, т.-е. разрывъ съ физіологіей, на почвѣ коей невозможно таинство, ни религія. Лицо, какъ уголъ, къ коему сбѣгается ноуменальный планъ человѣка — вотъ «β» постиженія пола; *лицо*, какъ индивидуальнѣйшее, неизслѣдимое, невыразимое — тутъ въ самомъ дѣлѣ возможенъ завитокъ брака и семьи въ религіозномъ смыслѣ. Знаменитый вопросъ (недоумѣніе) одного изъ героевъ романа «*Что дѣлать?*»: «почему не дать пріятелю покурить изъ своей трубочки?»—въ сущности такъ и остался безъ отвѣта. Да, въ самомъ дѣлѣ, почему «не дать покурить»? *Вѣрность* въ бракѣ невозможно удержать, стоя на почвѣ физіологическаго воззрѣнія. Но вѣрность, или къ ней тенденція, ея требованіе, есть *фактъ;* ревность—это опять фактъ, раскрывающій поразительныя зрѣлища. Отелло, заливаясь слезами, убиваетъ Дездемону, а года три назадъ, гдѣ-то въ переулкѣ Петербургской стороны, Отелло-сапожникъ закололъ «финскимъ короткимъ ножомъ» измѣнявшую ему Дездемону, заколол и сознался, хотя «она» даже не была, кажется, ему женою. Чувство ревности потому и возможно, что половая связь

есть связь индивидуальностей половыхъ, т.-е. лицъ пола. А что она священна и по-ту-свѣтна, выражается въ томъ, что за измѣну въ дружелюбіи, за невѣрность, въ коммерціи, и вообще во всякомъ земномъ дѣлѣ—гнѣваются, буйствуютъ, но такъ быстро и не колеблясь не закалываютъ. Нѣтъ этого *чувства права*. И вдругъ, «въ этихъ-то пустякахъ»—выростаетъ такое ни царями, ни законами не пожалованное право, и въ коемъ какъ-то люди не смѣютъ отказать человѣку, содрогаются «засудить» Отелло. Съ «функціональной» точки зрѣнія такое мелкое, и, наконецъ, «грязное» явленіе—«чего», казалось бы, «стоитъ?». Но факты не выдуманные, а *разражающіеся* показываютъ, что эти «пустяки» не только идентичны и равновѣсны жизни и крови, но и *выше* ихъ, поглощая ихъ себѣ въ жертву, въ подножіе себя. Вотъ смыслъ потрясающихъ явленій. И обратная, свѣтлая ихъ сторона лежитъ въ вѣрной и непорочной семьѣ, какъ святомъ союзѣ ноуменально-святыхъ въ человѣкѣ лицъ: бракъ есть «кровь, выливаемая на землю», когда оскверняется; т.-е. онъ есть «кровная, теплящаяся къ Богу молитва» — когда блюдется. Снова обращаясь къ «цикламъ и эпицикламъ» пола, этимъ «неправильностямъ» его, отмѣняющимъ бѣдное Птоломеевское воззрѣніе и требующимъ Коперниковской поправки, мы наблюдаемъ, что онъ именно не «органъ» и не «функція». Давидъ, уже хладѣя и не «будучи въ силахъ согрѣться»— беретъ, по совѣту израильскихъ старѣйшинъ, еще дѣву въ бракъ (IV Книга Царствъ, гл. I.). И множество аналогичныхъ случаевъ показываетъ, что существо пола не умираетъ и даже не старѣетъ (не ослабляется), когда вся функціональная сторона ослабла и почти гаснетъ. Вѣчно живучее есть въ полѣ, и онъ также не связанъ съ годами, какъ мышленіе; «не старѣетъ во дняхъ». Далѣе, формы волненій пола часто не имѣютъ ничего общаго съ функціей; и именно здѣсь они разражаются бурно и страстно. Родникъ ихъ, очевидно, не въ функціональной сторонѣ пола, но именно во владычественной и личной. Она пугаетъ насъ своимъ видомъ, своимъ «ἄρρητος», но и затѣмъ открываетъ міръ великихъ надеждъ. Мы всѣ рождаемся изъ пола, т.-е. человѣкъ въ точности ноуменонъ и приходитъ изъ ноуменальнаго міра; вотъ основаніе: «не убій». Мы становимся драгоцѣнными, по-ту-свѣтными существами другъ для друга: хочется лобзать руки другъ другу, ибо «образъ Божій» въ насъ есть не красивая аллегорія, но точный фактъ. Какъ только мы признаемъ религіозный смыслъ точекъ «обрѣзанія» въ себѣ, то за великую на это рѣшимость мы получаемъ богатства мышленія, передъ коими не кажутся большими обѣтованія, полученныя Израилемъ за каплю таинственной и изъ таинственной точки крови. «Міръ — отъ Бога», «Міръ — Божья тварь» — это до такой степени близко становится, это такая простая и родная истина, что упоенные ею, мы впадаемъ въ «скаканіе и играніе» Давидово;

мы хотимъ — Псалтири, мы ищемъ — псалмовъ. Какъ же иначе, когда Богъ переполняетъ сердце и я почти осязаю Его:

И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду?

Является міро-моленіе, міро-лобзаніе, жизне-молитва: пусть будутъ прощены мои неуклюжіе глаголы! Я ложусь на землю и цѣлую ее: почему? — Божія! Я беру мотылька—и не сорву съ него крылышекъ, но съ неизъяснимой нѣгой буду слѣдить, какъ онъ неумѣлыми ножками ползетъ по пальцу: братъ мой, сынъ мой, одно съ нимъ у меня дыханіе жизни. Нѣтъ болѣе могилъ — вездѣ «воскресеніе истлѣвшихъ костей». Самая смерть непостижима для меня иначе, какъ второе рожденіе; и муки болящаго тѣла суть муки утробы, извергающей изъ себя «жизнь будущаго вѣка». Куколка умерла, мотылекъ выпорхнулъ; опять это не сказка, но точный и теперь понятный фактъ. Ибо міръ есть утроба, которая умѣетъ только рождать и не можетъ умереть. Вотъ горизонты, открывающіеся изъ «грязныхъ блужданій мысли», изъ «запачканности воображенія», куда мы впадаемъ. Не сойдя въ (кажущійся) адъ—не побѣдишь (кажущуюся) смерть. Но пока всѣ эти свѣтлыя мысли раскроются, пока ступень за ступенью спускоешься внизъ, въ челюсть казалось бы «смерти» и «вѣчной гебели»,—какъ сердце бьется и пугаетъ сторонній крикъ: «что ты дѣлаешь?» И въ особенности пока-то, пока еще найдешь

...языкъ простой
И голосъ мысли благородной,

а до времени употребляешь первыя попавшіяся, раскосо-стоящія слова, чтобы указать новое и неожиданное, что на ступеняхъ видишь. Такимъ пугающимъ голосомъ для меня прозвучало письмо-строка, полученная мною на другой день по напечатаніи статьи «Изъ загадокъ человѣческой природы»:

«В. В.

«Подъ гнетомъ духа любодѣянія написаны Ваши послѣднія статьи» [1]). *М. С—въ.*

---

[1]) Вѣрно, вѣрно, истинная правда! Я очень досадую на себя, что рѣшился печатать ваши статьи, почтеннѣйшій Василій Васильевичъ! Каюсь, передъ сдачей въ наборъ не дочиталъ до конца, да вѣдь и почеркъ вашъ отчаянный! Когда мнѣ подали корректуру № 50—51 и я прочелъ, какъ сладко разглагольствуете вы о «противуестественномъ», я взялъ перо и началъ вымарывать, смягчать и накладывать фиговые листья. И все-таки «духа любодѣйнаго» выкурить не могъ.

Вы говорите, что ваша цѣль—*оцѣломудрить человѣчество*, но что современное *церковное христіанство* этого не понимаетъ, и, поклоняясь аскетизму, отрицаетъ «плоть», считаетъ «животнымъ» состояніемъ тотъ моментъ, который вы, повидимому, готовы считать наиболѣе *божественнымъ*. Вы даже въ эту ересь цѣлаго протоіерея соблазнили. Но пусть отецъ протоіерей поетъ Вамъ какіе угодно акаѳисты, ваша теорія сначала до конца соблазнительна и не-

Голосъ былъ не авторитетенъ только (по учености), но и дорогъ по интимности личнаго ко мнѣ отношенія. Не заблуждаюсь-ли я? Не гублю-ли душу свою безсмертную и съ нею вмѣстѣ души сво-

состоятельна. Въ прошломъ году *Гатчинскій Отшельникъ* напечаталъ у меня статейку «Бракъ и святые отцы». Тамъ, стоя тоже немножко па вашей почвѣ (хотя дѣйствительно цѣломудренно) онъ задавалъ вопросъ: «почему въ Церкви есть такія чудныя молитвы и такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ»? Вотъ тутъ-то и есть вамъ отвѣтъ. Да потому, что Новый Завѣтъ только *снисходитъ* къ немощи [1]) человѣческой и благословляетъ *союзъ душъ* [2]), а неизбѣжный при немъ союзъ тѣлъ *прощаетъ* [3]), какъ совершенно опредѣленный *грѣхъ*. Идеалъ христіанства несомнѣнно *дѣвство*, т. е. *отрицаніе пола* для тѣхъ, кто можетъ вмѣстить, тогда какъ у Еврея дѣвство—*позоръ*. Идя по вашей дорогѣ, непремѣнно, логически придешь къ тому, что актъ грѣхопаденія человѣка будешь считать самымъ настоящимъ богослуженіемъ, откуда даже шага не надо дѣлать къ культу Астарты,—онъ уже готовъ. Я не могу строить здѣсь теоріи въ опроверженіе вашей и только набросаю ея схему. Человѣчество въ христіанствѣ несомнѣнно одухотворилось [4]), Животная сторона, *необходимость* отступила, *свобода* приблизилась. Сочетаніе мужчины и женщины о Христѣ [5]) есть совсѣмъ нѣчто иное, чѣмъ еврейскій бракъ. Тамъ все идетъ по предписанію, все регламентировано [6]), здѣсь благословленъ союзъ душъ, союзъ духовной любви и оставлена свобода животной сторонѣ, категорически названной *грѣхомъ*. Отчего читается молитва надъ родившей? Ангелъ-то—ангелъ, да изъ грѣха вышелъ! Этого никакъ не перетолкуете. Развѣ, что въ этомъ грѣхѣ не каются, ибо онъ предвидѣнъ заранѣе, какъ слабость «не могущихъ вмѣстить». Но представьте, что мужъ съ женой, оба *добровольно* условятся жить какъ братъ съ сестрой. Для еврея и это—беззаконіе, для насъ подъемъ духовный, и навѣрно ни одинъ священникъ не скажетъ: «ну, зачѣмъ это?». Далѣе Церковь не входитъ въ супружескія отно-

[1]) Да кто-же сѣмя объявилъ, и, особенно, *смѣлъ*-бы объявить «немощью человѣческой?!» Это—сила! Какъ глазъ не можетъ «объявить немощью» свою часть—хрусталикъ, или свою способность—зрѣніе, такъ никто, кромѣ сумасшедшаго, безсѣменность живущаго не назоветъ «силой» и «мощью». *В. Р—въ.*

[2]) Да это—духовная дружба или «духовное супружество» хлыстовъ. Христосъ у Матѳ., 19, только и упоминаетъ *союзъ тѣлъ*, ничего не говоря о «союзѣ душъ». Такимъ образомъ, очевидно, бракъ *исниженъ*. *В. Р—въ.*

[3]) Фактически—это такъ. Но *откуда* это взялось, въ этомъ и весь вопросъ. О роженицѣ говорится: «*прости* ей *грѣхъ* ея: яко *Твоя* (Божія) есть воля законное супружество и еже изъ него чадорожденіе». Вотъ это «прости» «исполненіе Твоей воли», или, что тоже: «грѣхъ есть «исполнить Твою волю»—гдѣ кѣмъ-то и когда-то законъ Божій *отмѣненъ*—и составляетъ истинный предметъ нашихъ исканій. *В. Р—въ.*

[4]) Только не въ полѣ половыхъ отношеній, въ которыхъ оно скорѣй минерализировалось, потеряло (именно въ нихъ) и образъ и подобія Божье, и черезъ это заразилось страшнымъ и уже всеобщимъ (и душевнымъ) грѣхомъ. *В. Р—въ.*

[5]) Это много спустя *послѣ* Христа началось: Христосъ нигдѣ не осудилъ еврейской семьи. См. его бесѣду съ *пяти*-мужнею самарянкою. *В. Р—въ.*

[6]) Да непремѣнно: иначе получится безпутство въ семьѣ, и паденіе христіанской семьи въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что мы имѣемъ очень строгое регулированіе «заключенія браковъ» (когда, съ кѣмъ, сколько разъ вѣнчаться): а *какъ жить* въ бракѣ—объ этомъ началъ въ XII вѣкѣ спрашивать Кирикъ, и затѣмъ все замолкло. И получилась черезъ 7 вѣковъ картина «Крейцеровой сонаты», впрочемъ впервые только *разсказанная* Толстымъ, а въ самомъ дѣлѣ всегда существовавшая. *В. Р—въ.*

ихъ читателей, за кои по существу дѣла авторъ всегда отвѣтственъ Богу? Что область блужданій на обыкновенное (феноменальное) сужденіе «грязновата»—это-то я видѣлъ; но вѣдь и вся цѣль поисковъ была—найти. не *загрязнена*-ли только она, такова ли «an und für sich» въ до-мірной истинѣ своей? [1]) И если «нѣтъ»—*очистить*.

ненія. но ихъ *ограничивать*, запрещаетъ ихъ тогда-то и тогда-то. Медицина идетъ на помощь и договариваетъ, чего не досказала Церковь. Не прикасайся къ беременной, не прикасайся къ кормящей. Возьмите нормальную жизнь. Много-ли мѣста грѣху, если строго жить по закону Церкви да по гигіенѣ? Да почти только и остается, сколько нужно для зачатія. Посмотрите съ этой точки зрѣнія и вы увидите, какое глубокое таинство бракъ. Я не ошибусь, если скажу, что это есть именно таинство *воздержанія*. Здѣсь его идеалъ, и Левъ Толстой былъ-бы совсѣмъ правъ, если-бы по своей всегдашней привычки не перепуталъ. У васъ половой актъ является какимъ-то гимномъ, почти богослуженіемъ, торжествомъ и т. д.; у идеальнаго христіанина, — вполнѣ собой владѣющаго — только печальной *уступкой* святому и справедливому желанію имѣть дѣтей. Такой цѣной приходится покупать дѣтей, спускаясь до животнаго *)—да. да! Отчего ослабѣваетъ аскетизмъ? Оттого, что это протестъ противъ разврата, а разврата съ эволюціей семьи *должно* становиться меньше. Не религія, такъ медицина поможетъ. Человѣкъ и дома, въ семьѣ, высоко настроенный, можетъ быть *почти* аскетомъ. И сколько такихъ! Есть кружки цѣломудренной до брака молодежи. Полагаете-ли Вы, что *воспитавшій* въ себѣ среди нашихъ соблазновъ цѣломудріе мужчина, вступая въ бракъ, станетъ «вознаграждать» себя? Да самая любовь, съ такою силою охватывающая влюбленныхъ, есть-ли это *только* предисловіе къ грѣху? Съ самой пламенной любовью годы ждутъ, и въ ней, въ духовной любви, охватывающей душу, ничтожной точкой, а иногда и прямо концомъ, смертью, является физическое соединеніе. Совершенно обратно животному міру. Такъ вотъ, эту-то любовь возводитъ въ таинство бракъ, оставляя полную свободу *не грѣху*, а *воздержанію*. А грѣхъ останется грѣхомъ, и чуть вы его изъ этой области попытаетесь приподнять, сейчасъ-же открываются перспективы высшей порнографіи, хотя-бы и философической, которою мы съ вами вотъ уже три нумера журнала подъ рядъ угощаемъ читателя. *С. Ш—овъ.*

Грустно это примѣчаніе, особенно въ той части, гдѣ С. Ѳ. Ш—въ позволилъ себѣ столь необдуманныя выраженія объ отцѣ *А. У—скомъ*; но я оставлю это примѣчаніе какъ оно есть: будущность разсудитъ, кто правъ. Со своей-же стороны напомню: «сказавшій ближнему своему: *рака*...» *В. Р—въ.*

[1]) Не «грязна», а животна *), неизмѣнна, не свободна, и во всякомъ случаѣ ниже *воздержанія*, разсматриваемаго какъ свободный подвигъ. *С. Ш—овъ.*

*) Да, но вѣдь животное-то мистично, вотъ чего не разобралъ Сергѣй Ѳедоровичъ. Всѣ богословы теперь въ одну трубу трубятъ: «Богъ—въ каждой живой клѣточкѣ растенія и животнаго», Богъ—«живъ», «даруяй животъ», «живогенъ» («Азъ есмь хлѣбъ животный, сшедый съ небесъ, чтобы грѣшныя спасти»—Христосъ о Себѣ, Іоан., 41). Удивительно: нашъ частный споръ о бракѣ, но *точно и послѣдовательно веденный*, приводитъ къ разгадкѣ еще никогда не понятыхъ и *никакъ не объяснимыхъ* съ точки зрѣнія «духовности», словъ Писанія: «И видѣлъ я *посреди Престола и вокругъ Престола* (небеснаго, Божія)—четырехъ животныхъ, исполненныхъ очей спереди и сзади» (Апокалипсисъ, гл. 4). Зачѣмъ животныя *на небѣ??!* Да отъ того, что небо *въ животныхъ* (въ животномъ), что все *живое* загадка и тайна Божія. Очи Божіи міръ. Міръ глядетъ, вучитъ смыслъ свой изъ каждой точки, вездѣ смыслъ Божій. И Богъ этими миріадами глазъ, «пескомъ» глазъ, «ураганомъ» глазъ смотритъ въ обдержавшую Его темь небытія, глаголя: тебя—нѣтъ, ты ничто, во Мнѣ—нѣтъ тебя (пустоты) и въ тебѣ—Меня». *В. Р—въ.*

Но это очищеніе невозможно было произвести одною только философіею, по существу холодною и лишь пролетающею *около* темы (можетъ быть—*мимо* ея): нужно было, т. е. была задача—снизойти и чуть-чуть уничижиться *самому* передъ темою... Какъ бы взявъ священную бороду—начать отирать ею точку всеобщаго тысячелѣтняго плеванія, столь важную вмѣстѣ точку! «Погибни мое имя, но воскресни вещь». Нужно было, чтобы кто-нибудь первый рѣшился своимъ *я* (достоинствомъ, авторитетомъ) сойти сюда; и замѣшивая, сливая это *я*, не имѣющее причинъ быть не почтеннымъ, съ точкою всеобщаго à prior'наго отвращенія, перенести на нее часть уваженія, себѣ приличествующаго. Это и было причиной, что я не только писалъ о темѣ, но и сливалъ свое лицо съ нею [1]), какъ бы говоря всякому, желающему оскорбить ее: «*я*—тутъ, человѣкъ; до извѣстной степени философъ, мудрецъ». Задача пробужденія pietät'a, а не задача пониманія. Но всякій-ли могъ различить механизмъ моего дѣйствія, и тонкое «не то», что́ я дѣлалъ—отдѣлить отъ кажущагося «любострастія», которое обычно дѣлается. Здѣсь именно тоже незамѣтное съ виду и колоссальное по существу различіе, которое лежитъ между «святымъ бракомъ» и «преступнымъ развратомъ». Вѣдь однѣ ласки здѣсь и тамъ, даже въ бракѣ—страстнѣйшія (нѣтъ чувства отталкиванія, отвращенія), но сосредоточенно серьезныя:

Открылись вѣщія зеницы,
Какъ у испуганной орлицы...

И отъ этого новаго чувства—все ново въ бракѣ сравнительно съ развратомъ! Все уже курится; все теперь есть духъ, музыка, страданіе и радость вмѣстѣ, мелодія душъ и жизни. Нисколько я не скрою (и не такова моя задача), что и тема, схожденіе къ которой лишь въ первомъ моментѣ горько, уничижительно, какъ-бы въ самомъ дѣлѣ оправдывая вѣру сходящаго, въ послѣдующіе моменты рѣетъ на него сладкими видѣніями, глубокими обѣщаніями, легкостью душевной и тайнымъ восторгомъ. Вошелъ въ заколдованный лѣсъ, и пока съ *этой* стороны къ нему подходилъ—казалось жабы и вѣдьмы повисли на его сукахъ: а какъ вошелъ и *оттуда* посмотрѣлъ—увидѣлъ рѣющихъ эльфовъ. Какъ это и выразилъ, совершенно безотчетно, нашъ поэтъ, взявшій темою эту самую мысль: пришествіе души въ міръ, прилетаніе ея «сюда» «откуда-то»:

По небу Полу-Ночи ангелъ летѣлъ...
Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ...
Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

---

[1]) Вотъ, вотъ, это-то и гадко! *Прим. С. Ѳ. Шарапова.*

«Небо Полу-Ночи»—это и есть то, которое мы открываемъ; тамъ новыя звѣзды и созвѣздія, не видныя въ нашемъ полу-шаріи. Въ самомъ дѣлѣ, идея напр. «ангела», «ангелоподобнаго существа»—не изобрѣтаема для ума; просто это есть *не умственная идея*, но—*чувство*, *трепетъ и предчувствіе пола*. «Ангелъ»—*существо*, а не понятіе; существо не вѣрное, а—*прекрасное*; чистое, невинное; *младенчески*-образное; все—категоріи и постулаты пола, и нисколько не постулаты и не категоріи ума. Такъ вотъ что открывается, какая новая область! Дерзнулъ сюда кинуться; и въ первый мигъ—страшно, горько, но потомъ уже влечешься новою силою, новымъ и не земнымъ, а противо-земнымъ притяженіемъ. Горечь уменьшается; сладость возрастаетъ; возрастаютъ обѣтованія. Да, суть въ этомъ—ближе, ближе къ Богу! Сильнѣе рѣютъ крылья, цѣль близка—сліяніе съ ноуменами, съ «тою стороной» непостижимыхъ здѣсь вещей... Переплетенность sexus'а и Бога (міровая проблема брака, міровой феноменъ брака) даетъ плодомъ своимъ величайшее истонченіе и одухотвореніе плоти, которая въ точности начинаетъ подниматься дымомъ курильнымъ въ воздухѣ, струной въ отдаленіи, и дѣлаетъ Бога сладостно алкаемымъ, насыщающимъ и не могущимъ насытить. «*Святая* жизнь», «*живый* Богъ»—вотъ двѣ рѣки, въ своемъ родѣ «Геонъ» и «Фисонъ», которыя вдругъ начинаютъ течь изъ подъ ногъ вашихъ, когда вы думали, что тутъ только Кама и Ока, грубая матерія. Распаденіе половъ и самый инстинктъ брака, вообще не осуществленнаго, потому, однако, и существуетъ, что существуетъ бракъ «an und für sich», который «вовсе, вовсе не то», что о немъ думается и въ немъ видится: но есть изліяніе субъекта нашего, «я», въ снѣдь Богу («все, разверзающее ложесна—Мнѣ»,—Богъ о Себѣ и человѣкѣ, и даже о животныхъ, въ *Исходѣ и Второзаконіи*); лучъ на землю спавшій въ его поворотѣ и обратномъ въ небо устремленіи, въ «старую свою родину». Обратный порядокъ столь извѣстному намъ—«Богу, дающему Себя въ снѣдь людямъ».

Смутившись духомъ, я послалъ письмо-строку единственному корреспонденту, въ коемъ находилъ сочувствіе, прося отвѣта: не ошибаюсь-ли я? Не скоро я получилъ на него слѣдующій отвѣтъ:

VI.

«Многоуважаемый В. В.!

«Вотъ, какъ долго я не отвѣчалъ на ваше письмо. Великодушно простите меня и не сочтите моего долгаго молчанія за невѣжливость Причина его та, что я человѣкъ больной, и уже въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ кое-какъ лавирую между жизнью и смертью.

«Я чрезвычайно радъ, если могъ быть въ чемъ нибудь, хотя въ ничтожной степени, для васъ утѣшеніемъ. Письмо къ вамъ *М. П. С—ва* не выдерживаетъ даже и слабаго прикосновенія критики. Слѣдовало-бы сказать совершенно наоборотъ: «не подъ гнетомъ духа любодѣянія, а подъ гнетомъ духа самаго чистаго, святого цѣломудрія». Но, увы! письмо это въ тысячу сотый разъ подтверждаетъ лишь непреложность того духовнаго закона, который св. апостоломъ Павломъ высказанъ въ слѣдующихъ словахъ: «душевный человѣкъ не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно. Но духовный судитъ о всемъ, а о немъ судить никто не можетъ» (1 Кор. 1, 14, 15). Изъ письма виденъ человѣкъ [1]), который никогда не ставилъ для себя задачей освѣтить христіанской идеей всѣ области, всѣ проявленія и всѣ уголки своей собственной жизни; который смотритъ на христіанство лишь какъ на внѣшній объектъ для своего сознанія, наравнѣ съ магометанствомъ, буддизмомъ, еврействомъ и т. под. Такіе люди—плохіе судьи въ дѣлахъ, касающихся практическаго, а не номинальнаго христіанства. Потому и не мудрено, что вашъ критикъ произнесъ о вашемъ фельетонѣ такой судъ, какъ въ баснѣ пѣтухъ о жемчужномъ, для него не съѣдобномъ,

---

[1]) Весь нижеслѣдующій взглядъ на моего краткословнаго корреспондента неправиленъ, какъ основанный на незнакомствѣ съ его дѣйствительно возвышенной, но строгой и аскетической личностью. Суть «брака» и мучительность въ томъ и состоитъ, что онъ безспорно анти-аскетиченъ и вмѣстѣ «святъ». Но этотъ взглядъ отца У—скаго въ томъ смыслѣ вѣренъ, что аскетъ вообще и никогда не сможетъ проникнуть въ святое существо брака, скользнетъ по немъ фикціей («свято—вѣнчаніе, а потомъ—не знаемъ»), внѣшнимъ благословеніемъ («вѣнчаніе»-же), но въ глубь «обрѣзанія», т. е. точекъ и секундъ брака—просто откажется спуститься. Принося извиненіе моему корреспонденту за напечатаніе строкъ не лестнаго (и невѣрнаго) о немъ отзыва, прибавлю только, что идентичный отзывъ г. У—скій далъ-бы и о другомъ моемъ корреспондентѣ, знаменитомъ С. А. Рачинскомъ, съ коимъ въ теченіе цѣлой зимы я велъ упорный на эту-же тему споръ и не могъ ни побѣдить его, ни въ чемъ-либо уступить ему, и вынужденъ былъ прекратить безплодную корреспонденцію, колебавшуюся у него между «святое» и «мерзость». Для меня было ясно, что святымъ собственно квалифицируется *авторитетъ* церковнаго постановленія («бракъ таинство»), но то, къ чему оно относится, квалифицируется «мерзостью» *); какъ-бы сказано было: «Церковь повелѣла считать честнымъ и даже святымъ то, что въ себѣ самомъ безчестно и даже проклято». Какимъ образомъ могла у Церкви возникнуть рѣшимость на такое чудовищное признаніе, и какъ сложился въ ней самый позывъ къ этому передъ предлежавшимъ ея проклятію или благословенію неизвѣстнымъ, предм[…]ительно гнуснымъ, фактомъ—Рачинскій не объяснилъ и, очевидно, не могъ объяснить. Я рѣшительно [ст]ановлюсь на точку зрѣнія о. У—скаго, открывающую «святое супружество», и противъ доктринъ М. П. С—ва и Рачинскаго, идейно и исторически открывшихъ эру проституціи (уничижительнаго, гадливаго отношенія къ полу). ***В. Р—въ.***

---

*) И совершенно правильно, ибо это дѣло чистой физіологіи и біологіи.
С. Ш—въ.

зернѣ. Но, вѣдь, при всемъ этомъ, есть и нѣкоторыя общія нормы для оцѣнки предметовъ, не подлежащія прихоти частныхъ вкусовъ.

«Вмѣсто того, чтобы кручиниться отъ приговора *М. П. С—ва*, лучше обратитесь къ сочиненіямъ Бухарева. Не полѣнитесь сходить къ Тузову и не поскупитесь купить у него книгу архимандрита Өеодора *О міротвореніи*. Она стоитъ всего 75 коп. Прочтите въ ней страницы 80—83-ю. На нихъ вы встрѣтите многостороннее подтвержденіе вашихъ мыслей. Для васъ тутъ выгода въ томъ, что Бухаревъ можетъ быть для васъ основательной и авторитетной точкой опоры. Во первыхъ, онъ магистръ богословія; во-вторыхъ, онъ былъ профессоромъ, послѣдовательно въ двухъ духовныхъ академіяхъ, и притомъ не по какимъ-либо второстепеннымъ, а по самымъ главнымъ, основнымъ и существеннымъ богословскимъ предметамъ, каковы: «Изъясненіе священнаго Писанія» и «Догматическое и нравственное богословіе». Такимъ образомъ, голосъ его является авторитетнымъ и компетентнымъ въ богословской области. Но, можетъ быть, вамъ посчастливится найти у букинистовъ и книгу его *О св. Апостолѣ Павлѣ*. Полагаю, что въ ней онъ неизбѣжно долженъ былъ коснуться и ученія о бракѣ.

«Теперь обращаюсь къ вашей мысли о святости брака. Она стоитъ того, чтобы о ней говорить и писать. «Дайте мнѣ только точку опоры, и я сдвину съ мѣста землю», — восклицалъ нѣкогда Архимедъ. «Дайте мнѣ только матерію, и я построю вамъ весь міръ»,—восклицалъ Кантъ. Такъ было въ области механики и въ области космогоніи. Но въ области религіи еще не появилось такого отважнаго пророка, который-бы, на основаніи опыта собственной жизни [1]), воскликнулъ: «Дайте только въ руки христіанской супружеской четѣ, какъ постоянный принципъ жизни, обѣтованіе Христово: *истинно говорю вамъ, что если двое изъ васъ согласятся на землѣ просить о всякомъ дѣлѣ,—то, чего-бы ни попросили, будетъ имъ отъ Отца Моего небеснаго; ибо гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ*, и тогда совершенно преобразится, совершенно пересоздастся весь соціальный строй общественной жизни». Это былъ-бы такой могущественный духов-

[1]) Вотъ второй великій глаголъ моего корреспондента, ради коего я печатаю и комментирую его непритязательныя и между тѣмъ прекрасныя и глубокія письма. Конечно, все въ *практикѣ* жизни, и *не ощутивъ* «святаго» въ бракѣ—нельзя постигнуть его святости. Нужно годы трудиться, смиренно копаться другъ около друга женѣ и мужу: наблюдать эту уйму терпѣнія, страданія другъ за друга, чтобы, остановившись, воскликнуть, наконецъ, съ изумленіемъ: да откуда это? неужто-же это не Божіе? Неужели «кровность» союза, дающаго такой полновѣсный плодъ, передъ коимъ по истинѣ суть «лепты вдовицы» всѣ и всяческія дѣла остальнаго человѣческаго подвига и милосердія, неужели эта кровность не есть *первое* Божіе, «кровнѣйшее» Богу, и слова: «Я посреди васъ» не первѣе-ли всего относятся къ свѣтлому утру и сумеречному закату «благочестивыхъ въ юности», «благочестивыхъ въ старости». Товія-ли и Сары, Іоакима-ли и Анны, и всякаго изъ насъ, кто ихъ смиренно повторяетъ? «Мило-

ный рычагъ, о послѣдствіяхъ примѣненія котораго къ жизни теперь трудно было-бы и гадать. Вѣдь это было-бы то оживленіе мертвыхъ духовныхъ костей человѣчества, которое такъ ясно предвидѣлъ св. пророкъ Іезекіиль (гл. 37). Это было-бы то первое воскресеніе духовныхъ мертвецовъ, которое такъ опредѣленно и такъ настойчиво предвозвѣстилъ новозавѣтный Тайнозритель (гл. 20). Приложеніе этого принципа къ жизни можно было-бы сравнить съ открытіемъ въ физикѣ электрическаго освѣщенія. Позволю себѣ нѣсколько остановиться на этомъ сравненіи.

«Христосъ Спаситель истинныхъ Своихъ послѣдователей называетъ *свѣтомъ міра*, *свѣтильниками* для освѣщенія окружающей среды (Мѳ. 5, 14, 15). Теперь, возьмите во вниманіе способы физическаго освѣщенія. Почти до половины XIX-го столѣтія человѣчество знало только одиночные свѣтильники. Этимъ я хочу высказать ту мысль, что для производства свѣта употреблялась одинокая свѣтильня, будетъ-ли это свѣтильня свѣчи, лампы, ночника или факела. Но вотъ, появилось электрическое освѣщеніе, гдѣ для производства свѣта непремѣнно требуются два агента, два проводника электричества, анодъ и катодъ, оконечности которыхъ поставлены почти въ соприкосновеніе между собою.

«Что сказали-бы теперь о томъ скептикѣ, который въ XVIII столѣтіи сталъ-бы упорно отрицать всякую возможность *парнаго* освѣщенія и настаивать на исключительности освѣщенія *одиночнаго*? Вѣдь то, что считалось немыслимымъ въ XVIII столѣтіи, стало воочію совершающимся фактомъ въ XIX столѣтіи. Теперь продолжите Христово сравненіе, подыскавъ и въ духовной области подобіе электрическому парному освѣщенію. До половины текущаго столѣтія у насъ, въ восточномъ православіи, признавали (?*С. Ш—въ*), что свѣтильниками духовными могутъ быть только люди одинокіе, монахи, люди, отрекшіеся отъ міра, отъ семейства, отъ супружества. Но, вотъ, одновременно съ появленіемъ парнаго элек-

---

ствые Самарине», красиво отдѣляющіе копѣйками изъ филантропическихъ комитетовъ, -какой *подробностью* они проходятъ по *поверхности* жизни, коей фундаментъ, и стѣны, и крыша—все выткано изъ «союза кровей» и странной неугасимой любви, которая изъ него льется и не умѣетъ остановиться, не знаетъ усталости. Горда-ли эта любовь?—смиреннѣйшая! Ищетъ-ли наградъ?—да, въ простой ласкѣ. Простота кровнаго союза, его смиренныя формы—поражаютъ такъ-же, какъ неистощимость льющагося изъ него подвига. Тогда мы останавливаемся передъ узломъ его: тутъ завита Божія тайна!» Отъ того все особен[illegible] и исключительно свѣтло здѣсь, что именно «въ кровяхъ, въ кровяхъ рожденъ[illegible], какъ написалъ Іезекіиль (гл. 15). Богъ и беретъ человѣка,, приближается къ нему, его къ Себѣ приближаетъ. А новозавѣтное: «Я—посреди ихъ» имѣетъ первою себѣ Церковью не иной, но опять-же кровный союзъ, откуда разными голосами и разные лики поютъ одну неисповѣдимую пѣснь Господу: и лепетомъ младенца изъ колыбели, и «первымъ ученіемъ» отрока, и цѣломудріемъ невѣсты— вдаемой въ бракъ», и радующихся на нее, какъ на созрѣлый плодъ своей жизни, старыхъ Іоакима и Анны». *В. Р—въ*.

трическаго свѣта, и какъ-бы въ параллель къ нему, стали у насъ и въ духовной области раздаваться голоса о святости и спасительности [1]) супружеской жизни. Не есть-ли это признаніе той истины, что и въ духовной области *свѣтомъ міра* могутъ быть не только одинокіе свѣтильники, иноки или монахи, но и всякая христіанская супружеская чета или пара? Да и мало еще этого. Не слѣдуетъ-ли, далѣе, признать, что, если электрическій *парный* свѣтъ и гораздо ярче, и гораздо сильнѣе *одиночнаго* простаго ламповаго или свѣчнаго свѣта, то и духовный свѣтъ супружеской четы или пары [2]) долженъ быть и ярче, и сильнѣе духовнаго свѣта *одинокаго* монаха? Не принимая на себя смѣлости на поставленный вопросъ дать утвердительный отвѣтъ, нахожу, по крайней мѣрѣ, позволительнымъ признать, что тотъ и другой родъ духовнаго свѣта должны пользоваться одинаковымъ признаніемъ ихъ права на существованіе.

«Такимъ образомъ, тотъ, кто въ наши дни сталъ-бы отрицать чистоту, святыню и спасительность супружескихъ отношеній, въ законномъ бракѣ, у истинныхъ и неподдѣльныхъ послѣдователей Христовыхъ, не уподоблялся-ли-бы предполагаемому мною скептику XVIII вѣка, оспаривающему возможность парнаго физическаго свѣта?

«Крайне хотѣлось-бы не пропускать ни одной вашей статейки, касающейся брачнаго вопроса. Но такъ какъ вы печатаете свои

---

[1]) Именно, именно! Пока мы признаемъ бракъ (и его зерно) *позволительнымъ*—мы собственно еще не получаемъ брака, какъ «таинства»; мы стоимъ на точкѣ безразличія и, собственно, «допущеннаго разврата». Нужно еще дополнить: бракъ—*религіозно-спасителенъ, духовно-очищающъ, мистически-живородителенъ* (дѣти). Это и открываетъ «религіозное таинство», тогда непремѣнное для всякаго, и во всѣ дни живота его, какъ непремѣнно для всякаго христіанина рѣшительно каждое изъ остальныхъ (?! *С. Ш—въ*) таинствъ: «крещеніе», «причащеніе» и др. Именно только послѣдняя точка зрѣнія и правильна, цѣльна, послѣдовательна. *В. Р—въ.*

[2]) Нужно замѣтить, что, возведя «бракъ» въ «религіозное таинство», чего не сдѣлано относительно монашескаго пострига, Церковь и дѣйствительно признала предпочтительную богоугодность «парнаго» «служенія Богу». Но тутъ начинается изумительный эклектизмъ. Едва это сдѣлавъ, Церковь на всѣхъ путяхъ бросилась вонъ изъ брака, всюду выдвигая, какъ высшій образъ христіанскаго житія, «черное отреченіе» отъ брака и семьи. Церковь «правительствующая», «передающая дары священства» и даже «канонизированно-святая» (см. перечень угодниковъ въ святцахъ) есть Церковь, «отрицающая» міръ и «отрекшаяся» отъ міра. (?! *С. Ш—въ*). Этотъ эклектизмъ есть въ сущности точка колебанія. Не будемъ завидовать спасенію чернецовъ, но, скорбя объ отсутствіи (?! *С. Ш—въ*) «угодниковъ» изъ міранъ, не можемъ удержаться, чтобы не подумать, что родникъ этого есть именно непросвѣщенность отброшенной, пренебреженной и въ сущности вовсе *не постигнутой* въ тайныхъ *дарахъ* своихъ *семьи*. «Изгой» и «рабъ» не поведетъ себя какъ «господинъ», и нѣтъ у насъ, да и невозможно пока, «господскаго поведенія» въ семьѣ-ли, въ бракѣ-ли. Еще не научились «угождать Господу» «парно»; но это не по существу «пары», но по ея «непросвѣщенности», по неустроенности «свѣтильниковъ»... *В. Р—въ.*

статьи въ разныхъ газетахъ и журналахъ, то слѣдить за ними мнѣ нѣтъ возможности. Не будете-ли любезны о такихъ статейкахъ увѣдомлять меня кратко, открытыми письмами?

«Подвизайтесь во славу Божію, не отдавая въ обиду и въ поношеніе первую заповѣдь Божію, данную человѣческой четѣ (Быт. I, 28).

«Вашъ глубокій поклонникъ, магистрантъ богословія, протоіерей

А. У—скій.

14 Августа 1898 г.

Конецъ и Богу слава, а пособнику—глубокое спасибо, читателю-же—прощальный привѣтъ и пожеланіе крѣпкой и осторожной мысли.

С. Ѳ. Шарапову, напомнившему слова: „могій вмѣстити—да вмѣститъ“ [1]).

«Могій вмѣстити—да вмѣститъ», говорите вы...

— Что тебѣ и мнѣ, сестра? ты вмѣстила высшій законъ—отвѣтилъ я въ холодную петербургскую ночь дѣвушкѣ, безмолвно и робко глядѣвшей на меня съ тротуара. Она дрожала, въ легкомъ бурнусикѣ, среди завывавшаго вѣтра.

— Гдѣ-же братья твои и сестры? Гдѣ матерь твоя? И весь кругъ родства, котораго по закону природы не лишены и звѣри полевые?

— «Слушающіе слово Божіе суть сестры мои и братья мои и матерь моя». Я вошла въ лучшій законъ, нежели естественный.

— Гдѣ мужъ твой, опора юныхъ дней? Гдѣ чада, которыя помолились-бы о грѣшной душѣ твоей, когда тебя свезутъ на Смоленское?

— Я имѣю много мужей, и постоянно: но, какъ пятимужняя самарянка, могу сказать о нихъ только то, что она сказала о послѣднемъ: всѣ они—не мужья мнѣ.

— Но, войдя въ законъ высшей любви, нежели естественный: что имѣешь ты отъ *«слушающихъ»* «братьевъ твоихъ» и «сестеръ твоихъ» и «матери твоей?»

— Они и суть постоянные мужья мои, и кормильцы: хоть и не удостоиваютъ рабыню свою имени жены.

— Иди, сестра. Но лучше было бы тебѣ не грѣшить; и особенно не грѣшить ропотомъ сердца своего.

* * *

Кто будетъ скрывать отъ себя, что *практически* и *исторически* именно *это* вышло изъ словъ, на которыя Вы необдуманно и же-

[1]) См. статью «Бракъ и христіанство», стр. 113.

стокосердно (потому что безъ вниманія къ подробностямъ) сослались? Очевидно, заповѣдь вами приведенная, дана какъ *индивидуальный* совѣтъ, какъ предметъ не лицемѣрно свободнаго, а *дѣйствительно свободнаго* алканія. «Возжажди *ты*: и если вмѣщаешь—вмѣсти», но именно и только *ты*, свободно возжаждавшій. Но законъ свободы перемѣнивъ на законъ повиновенія (о, во сколькихъ, во сколькихъ случаяхъ!), мы понудили человѣчество къ «вмѣщенію»,—и вотъ его плоды, эта дѣвочка въ бурнусикѣ, холодная, дрожащая!

— Я потерялъ любимую жену; но уже три года прошло: и трехлѣтокъ мой развращается безъ матери, — говоритъ вдовый священникъ.—Не дозволили бы вы мнѣ опять семью?

— Лучше вмѣстить высшую заповѣдь, нежели впасть въ недостоинство низшаго естества!

Офицеръ, при небольшомъ жалованьи, и полюбивъ скромную дѣвушку безъ средствъ, обращается по начальству,—но получаетъ въ отвѣтъ:

— Ну, братецъ... «Лучше—не жениться»!

И, наконецъ, когда вы, останавливая роберъ винта, говорите партнеру «съ вѣсомъ и не безъ средствъ» о достоинствахъ скромной дѣвушки, ему и вамъ знакомой, онъ говоритъ, лукаво улыбаясь:

— «Лучше не жениться». Бью вашихъ бубенъ.

«Лучше не жениться...» Сперва это было только законъ, теперь—нравы. Точнѣе: это былъ непререкаемо свободный, глубоко личный и глубоко частный совѣтъ для алканія, который превративъ въ законъ пассивнаго повиновенія—мы развратили нравы: и уже теперь нельзя ихъ исправить никакимъ закономъ! Лаврецкій брошенъ женою, и полюбивъ Лизу Калитину, обращается въ «Управу аскетизма» съ требованіемъ возстановить его въ правѣ семьи:

— Ну, вотъ! «Лучше—не жениться».

«Лучше не жениться: поѣдемте въ Аркадію!» «Я, братецъ мой, не женатъ: у меня—горничная», «у меня—жены ближнихъ моихъ». «Жениться: ха! ха! вотъ—наивность!» И, можетъ быть, черезъ вѣкъ заговорятъ: «Это-же—неприличіе: онъ женится, когда интересы нашей партіи требуютъ его ораторскихъ талантовъ»; «это—какой-то fall'истъ, живущій не головой, а тѣмъ, что и назвать въ обществѣ порядочныхъ людей нельзя».

* * *

Кто будетъ скрывать, что «къ этому грядетъ». И что тайное и возвышенное алканіе, давшее отъ корня своего такой низменный плодъ, вызываетъ мысль о совершенно обратномъ—пожалуй съ виду низменномъ алканіи, но которое дастъ обратный плодъ: 100% брака, атмосферу не только насыщенную, но и пресыщенную

семьею. Кантъ и Соломонъ, мудрецы Кенигсберга и Сіона, авторъ «Критики чистаго разума» и авторъ «Пѣсни пѣсней»: первый авторъ—*совершившій* «пѣсню пѣсней», какъ другой *совершилъ* «критику чистаго разума», прогуливаясь, съ циферблатомъ въ рукахъ, по стогнамъ нѣмецкаго городка и медленно переползая съ улицы на улицу, и съ страницы на страницу печальной своей книги.

Двѣ идеи, два міропорядка. Какое блистаніе одеждъ—у Соломона! Развѣ Царица Савская захотѣла бы посѣтить Канта: довольно съ него синихъ чулковъ. Двѣ красоты: одна—смертная, какое-то шамканье беззубымъ ртомъ; и другая—молодой привѣтъ, возрождающій... вчерашней проституткѣ, *нашей* проституткѣ, *нами* «культивированной»...

«Голубица моя, сестра моя»...

«Я не *научу* тебя, но я *полюблю* тебя. И не дамъ тебѣ *книги*, но дамъ тебѣ *чадо*. Я взращу *родство* около тебя, которое бы не *молилось* о грѣхѣ твоемъ, но при которомъ не *было*-бы грѣха твоего.

— Гдѣ мать твоя и сестры твои?

— Вотъ мать моя, и сестры мои, и чада мои, и мужъ мой: и всѣхъ много, даже до пресыщенія; и я купаюсь въ волнахъ разнообразной любви—какъ лебедка въ утреннихъ волнахъ озера.

«Но Господь хотѣлъ страданія?..»

«Да, но не—*грѣха*! не—*оставленія* человѣкомъ человѣка! и не этого *притворнаго*:

— Что тебѣ и мнѣ: я не вмѣстилъ высшей заповѣди и иду въ теплую семью; ты же вмѣстила ее и ожидай здѣсь на тротуарѣ.

* * *

Вы видите, что «фривольность» моихъ писаній изъ большой скорби идетъ; и что на всякое ваше *слово* возраженія—я имѣю *страницы* отвѣтовъ. Что въ точности не «похоть» мною руководитъ (поразительно: да *кто*-же *запрещаетъ* ее себѣ сейчасъ?), но это совершающееся и чуть-ли не оканчивающееся пересыханіе человѣчества, параллельное съ ужаснымъ болотнымъ загниваніемъ самого родника его! Я былъ этотъ годъ въ Пятигорскѣ: какое ужасное зрѣлище искалѣченныхъ членовъ! дергающихся рукъ и ногъ!—И я повторяю себѣ: вотъ—плодъ культа духа, и отрицанія—тѣла. И при видѣ этихъ ужасныхъ страданій, часть коихъ (наслѣдственныя)—не заслуженны, абсолютно безвинны, не разъ я повторялъ мысленно:

— Не довольно-ли мы послужили безумію? и какой «духъ» у этихъ искалѣченныхъ? и какое имъ дѣло, въ неодолимыхъ страданіяхъ, что ихъ «отцы» и «сестры» поклонялись «въ истинѣ и духѣ», а не «въ тѣлѣ»...

Мысль продлить непорочность, начать непорочность «въ тѣлѣ»—мелькнула тогда у меня, капнула каплею, впрочемъ уже въ полный

стаканъ. Дайте мнѣ непорочныя тѣла—и я уже справлюсь «съ духомъ». Я припомнилъ ужасныя «учительскія» мученія свои (въ бывшей практикѣ) съ духомъ «такъ-себѣ» при явной «порочности тѣлъ» множества мальчугановъ. Увы! Такая «плоть» дѣйствительно «превозмогала» и всякое слово ученія, падая въ душу «такъ-себѣ» черезъ зараженный каналъ уха—давало тусклый, тупой звукъ. Тогда я подумалъ:—«да они не такъ зачаты!» да они зачаты «во грѣхѣ», «объядѣніи», «пьянствѣ»! И мысль свѣтлаго нимба сіянія около первой и важнѣйшей *педагогической* секунды бытія человѣческаго—мелькнула у меня, мелькала у учителя: Дайте мнѣ другой, совершенно обратный отрицательному и грязному, способъ зачинанія: и новый человѣкъ попытается начать новую исторію! Такимъ образомъ *очищеніе* человѣка должно начаться именно не отъ духа (при обезсиленномъ-то духѣ, уже «отъ зараженнаго источника!»), а—отъ тѣла; однако съ внутреннѣйшей точки этого тѣла. И вотъ мысль о религіозной къ нему подготовленности повела за собою длинную нить мыслей: мы «спускаемся» всегда въ этотъ мигъ; нужно—«восходить», т. е. нужно въ «трудахъ и дняхъ» не избирать для этого промежуточную, «проходную», «ни для чего еще другого не нужную» минуту, но лучшую—самую свѣтлую, а главное—строго выметенную минуту, съ отложеніемъ въ нее всякой скорби, мрака и попеченія. Все, что отъ «сего міра»—должно быть отложено въ секунду существенно «не сего міра». Трудъ-ли есть—онъ долженъ быть отложенъ! скорбь—она должна быть забыта [1]). Злоба—должна быть умиротворена. Ничего горькаго и отрицательнаго—ничего въ эту положительнѣйшую секунду бытія! Я бы насаждалъ въ утро этого дня дерева (при безъ-лѣсіи-то какъ-бы хорошо!) и совершалъ хотя-бы небольшую милостыню; счастливый и въ семьѣ, напр., звалъ-бы *по моей винѣ страдающую* («всѣ за каждаго») дѣвушку съ тротуара—и давалъ ей раздѣлить съ семьею моею столъ! Чтобы не было никакого страданія—пусть только въ этотъ Божій день! «Ничего проклятаго»—какъ говоритъ Апокалипсисъ.

---

[1]) Поразительна въ *цѣлой* природѣ тенденція къ этому: исканіе покоя, уединенія, и такъ сказать отрицаніе всякой *внѣшней касаемости*, какъ *смущающаго* обстоятельства, какъ *разстраивающаго* обстоятельства. И человѣкъ въ *страхѣ* и въ *заботѣ*—теряетъ способность брачнаго ритма; какъ только онъ обращается вниманіемъ «къ этому свѣту», то этого достаточно, чтобы прервать актъ, очевидно отсюда—обращенный *не* къ «сему свѣту», актъ *выхода* изъ условій «этого свѣта».

Полемическіе матерьялы.

3. «Безсмертные» вопросы—Гатчинскаго Отшельника.

(Письмо къ редактору «Русскаго Труда» С. Ѳ. Шарапову).

«Хорошій вкусъ фотографа и вѣрность его глаза познаются въ умѣніи опредѣлить *центральный* пунктъ ландшафта.
«На этотъ именно пунктъ и нужно навести фокусъ. Тогда вы получите хорошій снимокъ.
«Centrez toujours le centre»—вотъ правило».
(Изъ французскаго руководства для фотографовъ-любителей).

Въ № 52 «Русскаго Труда» за прошлый (1898) годъ Вамъ угодно было, между прочимъ, напечатать:

«Въ прошломъ году *Гатчинскій Отшельникъ* напечаталъ у меня статейку «Бракъ и святые отцы...» Онъ задавалъ вопросъ: «почему въ Церкви есть такія чудныя молитвы и такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ»?

На это мое позапрошлогоднее недоумѣніе Вы даете *свой* отвѣтъ. Можетъ быть, предложенное Вами объясненіе вполнѣ вѣрно, но во всякомъ случаѣ оно не единственно возможное. Я много размышлялъ въ теченіе минувшихъ двухъ лѣтъ на затронутую тему, и мнѣ кажется, что тутъ допустимы и другія точки зрѣнія..

Но я не знаю, будетъ-ли мнѣ вообще дозволено вернуться къ названной темѣ? Вопросы, о коихъ идетъ рѣчь, повидимому, возбуждаютъ въ Васъ отвращеніе. Вы сами на себя досадуете, что, по нѣкоторому недосмотру, допустили на страницы Вашей газеты рядъ статей, которыя въ сущности являются продуктомъ «высшей

порнографія»... Нужно-ли, возможно-ли допустить вторично сдѣланную ошибку?

Чѣмъ недоступнѣе становится для меня типографскій станокъ вообще, чѣмъ менѣе и менѣе оказывается мнѣ возможнымъ высказывать печатно свои мысли о *чемъ-бы то ни было*, тѣмъ основательнѣе мои страхи передъ темою, которая *завѣдомо* находится подъ подозрѣніемъ. Стоитъ-ли браться за перо, чтобы почти *навѣрное* увидать написанное въ редакціонной корзинкѣ?

Рѣшаюсь, однако! подбодрить себя вотъ какимъ воспоминаніемъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ я былъ въ знаменитой «Gemäldegalerie» въ Дрезденѣ. Въ Рембрандтовской залѣ я съ восхищеніемъ остановился передъ картиной, которая (сколько знаю) не пользуется въ публикѣ такою извѣстностью, какъ нѣкоторые другіе chefs d'oeuvr'ы Рембрандта, какъ напр. рядомъ, въ той-же галлереѣ находящееся и по репродукціямъ всѣмъ, вѣроятно, памятное изображеніе геніальнаго мастера съ женою своею *Саскіей* на колѣняхъ и др. Картина, о которой я говорю, обозначена въ нѣмецкомъ каталогѣ, который былъ тогда у меня въ рукахъ, слѣдующимъ образомъ:

«№ 1563. Das Opfer Manoah's und seines Weibs»—«*Жертвоприношеніе Маноя и его жены*».

Кто такой Маной? О какомъ жертвоприношеніи идетъ рѣчь?

Каюсь, въ ту минуту рѣшительно выпало изъ головы. Вижу, что сюжетъ взятъ изъ Ветхаго Завѣта, но далѣе этого ничего не могу припомнить...

Вблизи горящаго жертвеннаго костра старикъ, Еврей конечно, преклонивъ одно колѣно и, сложа руки, молится. Глаза *закрыты*, и это придаетъ какой-то особый характеръ молитвенному выраженію лица и всей позѣ молящагося... Мнѣ какъ то невольно приходитъ на память покойный преосвященный одесскій *Никаноръ*. Какъ сейчасъ вижу его выходящимъ изъ царскихъ вратъ съ трикиріемъ въ одной рукѣ и дикиріемъ въ другой: «Благодать Господа нашего Іисуса Христа» и т. д. При этомъ онъ полузакрывалъ глаза и получалось что-то *мистически-страшное*: человѣкъ *видитъ* «херувимовъ, тайно образующихъ...» Это мы—грубая, косная плоть—ничего не различаемъ въ синевѣ кадильнаго дыма, но онъ *видитъ*, онъ ослѣпленъ; наконецъ, онъ самъ приходитъ въ ужасъ отъ этой близости къ реально разверзшемуся надъ нимъ небу, и эти полузакрытые глаза, это особое выраженіе въ лицѣ, когда глаза полузакрыты, обнаруживаютъ внутреннее состояніе его души... Такъ приблизительно молится Маной. Кажется, видишь движеніе его губъ, слышится характерный речитативъ еврейской молитвы... Судя по положенію тѣла, онъ долженъ былъ слегка раскачиваться... Рядомъ, тоже на колѣняхъ, женщина, немолодая, однако и не старая; нельзя сказать, чтобы прекрасная,—какъ и всѣ вообще женщины у Рембрандта, но на нее пріятно смотрѣть, пріятно даже и вглядываться,

хочется даже, когда уже отошелъ отъ картины, вернуться и еще разъ посмотрѣть. Въ глазахъ, въ глазахъ-то у нея что? Она такъ низко, низко опустила ихъ долу... Стыдно-ли ей? Чего? Грѣхъ-ли на душѣ? Какой? А тамъ, въ углу картины, гдѣ, по обыкновенію, у Рембрандта темно, почти вовсе ничего не видать, поднимается, какъ-бы вылетая изъ горящаго костра, ангелъ... Нѣтъ, не ангелъ, не ребенокъ, какъ мы привыкли видѣть съ крылышками, а довольно таки солидный господинъ, въ какомъ-то широкомъ плащѣ... Господи! *что такое Маной?* Только вернувшись изъ заграничнаго путешествія домой, я нашелъ отвѣтъ въ «Книгѣ Судей израилевыхъ»: «Въ то время былъ человѣкъ изъ Цары, отъ племени Данова, именемъ Маной, жена его была неплодна и не рождала...»

Вы догадываетесь, припомните, что сюжетъ картины *родственно-близокъ* къ тѣмъ вопросамъ, которые «къ досадѣ Вашей», почти противъ воли Вашей, дебатируются у Васъ послѣднее время?... Такимъ образомъ, и Рембрандтъ объ *этомъ* думалъ, и онъ посвятилъ *этому* вдохновеніе геніальной кисти... Возможно-ли послѣ этого не согласиться съ прот. А. У—скимъ, полагающимъ (см. № 50—51 «Русскаго Труда»), что вопросы указанной категоріи «безсмертны, не умирающи»?

Во всякомъ случаѣ, не стыдно, мнѣ кажется, очутиться въ компаніи Рембрандта, думать, о чемъ и онъ думалъ, пытаться углубиться въ предметъ, который онъ не считалъ недостойнымъ трактовать въ величайшихъ произведеніяхъ искусства...

И такъ, въ чемъ дѣло?

Сближеніе половъ *свято* или *мерзость*?—Такъ, кажется, поставленъ вопросъ въ рядѣ статей, которыя въ концѣ концовъ возбудили въ Васъ досаду.

Лично Вы, повидимому, склоняетесь къ опредѣленію—*мерзость*. Вы идете даже, кажется, далѣе, признавая за несомнѣнное, что самое грѣхопаденіе Адама заключается не въ иномъ чемъ, какъ именно въ упомянутой *мерзости*. Въ данномъ случаѣ Вы сходитесь съ Пушкинымъ, который ту-же мысль, хотя и въ игривой формѣ, высказалъ весьма категорично:

Что скрыто на время
У всѣхъ милыхъ дамъ,
За что изъ Эдема
Былъ выгнанъ Адамъ.

Врядъ-ли однако такъ. Пушкинъ могъ выразить общераспространенное вѣрованіе своего времени, или своего круга, но это еще ничего не доказываетъ. Обращаясь къ историкамъ, болѣе въ данномъ случаѣ авторитетнымъ, мы врядъ-ли найдемъ что-нибудь похожее на Ваше утвержденіе, по крайней мѣрѣ, въ такой кате-

горической формѣ [1]). Крайне желательно было-бы услышать по этому поводу голосъ вполнѣ *компетентный*...

Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности связывать себя указаннымъ сомнѣніемъ и, оставаясь неподвижно на одной точкѣ, ждать вразумительнаго разъясненія со стороны. Попробуемъ пойти далѣе, оставивъ до времени открытымъ вопросъ о сущности грѣхопаденія первозданнаго человѣка.

Во всякомъ случаѣ Вы не отступитесь отъ мнѣнія, что *«союзъ тѣлъ*—совершенно опредѣленный *грѣхъ»*. Это Ваши подлинныя слова. Такъ какъ Вамъ угодно было сослаться на *одно мѣсто* моей статьи «Бракъ и святые Отцы», то, можетъ быть, Вы соблаговолите припомнить и другія мѣста. Именно, я выдвинулъ, подчеркнулъ крайнюю враждебность [2]) нѣкоторыхъ св. Отцовъ (преимущественно западныхъ) къ «союзу тѣлъ», но, опираясь на не менѣе авторитетныя свидѣтельства другихъ Отцовъ (преимущественно восточныхъ), смотрящихъ болѣе благосклонно на бракъ и все, что въ немъ, я позволилъ себѣ ***лишь слегка намекнуть*** на возможность вопроса: нѣтъ-ли какой *односторонности* въ нашемъ пониманіи христіанства? Побѣда ***исключительнаго*** аскетизма надъ болѣе гармоническимъ, болѣе широкимъ міровоззрѣніемъ не будетъ-ли когда-нибудь признана лишь ***временнымъ*** торжествомъ не истины, а партіи, притомъ къ очевидному ущербу именно для того дѣла, ради котораго старались въ свое время побѣдить?

Въ настоящее время протоіерей *А. У—скій* (никогда, конечно, меня не читавшій) прямо ***отчеканиваетъ*** то, что у меня было высказано, какъ эскизный намекъ: «христіанская догматика создана ***монахами***», т. е. выражаетъ не полноту истины, а только часть

[1]) Только что полученъ мною 1-ый томъ «Исторіи христіанской церкви въ XIX-мъ вѣкѣ», изданный, подъ редакціей проф. Лопухина, журналомъ «Странникъ». Наскоро открывъ, я жадно пробѣжалъ нѣкоторыя мѣста и пораженъ былъ, по связи съ родною мнѣ темой, *подготовительной* исторіей къ Ватиканскому провозглашенію новаго католическаго догмата: «О непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы». Оказывается, догматъ этотъ *назрѣвалъ* съ XVI—XVII вѣка, и тогда уже францисканцы и доминиканцы дѣлились по своему отношенію къ нему. Но вотъ что важно: догматъ именно понимается въ смыслѣ *высвобожденія* пресв. Дѣвы Маріи *изъ первороднаго грѣха, изъ Адамова паденія*, и такъ какъ въ тоже время это есть догматъ о *зачатіи*, то очевидно *зачатіе* и *первородный грѣхъ* дѣйствительно сливаются въ воззрѣніи и Запада и Востока европейскаго. Непостижимо тогда, и едва-ли искренно, все ученіе Запада и Востока о «тайнѣ супружества». Какое-же можетъ быть тогда «святое таинство», состоящее изъ *суммы*, *итога* «грѣховныхъ актовъ»?!! Въ суммѣ ничего нѣтъ, кромѣ слагаемыхъ. *В. Р—въ.*

[2]) Удивительно. Просто трудно повѣрить. Да почему-же закрылись у всѣхъ глаза на непререкаемыя слова Іисуса: «развѣ вы не читали у Моисея: Сотворившій «*мужчину и женщину* сотворилъ ихъ... Того ради оставитъ... и *прилѣпится* къ женѣ... и будутъ *два въ плоть едину*» (Матѳ. 19), гдѣ *ничего нѣтъ о душѣ*, и только о—«союзѣ тѣлъ». Почему эти *повторительныя слова* (изъ Ветхаго Завѣта) «такъ глубоко, до забвенія цѣлыми школами, забыты?! Очевидно—они *разрушены*! Кѣмъ? Когда? Вотъ вопросъ паденія Ветхаго Завѣта. *В. Р—въ.*

ея... Съ другой стороны, мы слышимъ не менѣе рѣзко отчеканенную мысль: «христіанство не удалось». Но развѣ могло удасться, разъ приведена въ дѣйствіе, воплощена въ жизнь не *полнота* Истины, а какой-то обрывокъ, часть ея, притомъ даже, можетъ быть, не главнѣйшая?... [1]).

Весь этотъ ходъ мысли какъ-будто прошелъ мимо Васъ, хотя все это печаталось у Васъ передъ глазами... Вы какъ будто не догадываетесь, что русская мысль подступила къ очень, очень крупной проблемѣ...

Вотъ почему я никакъ и не могу удовлетвориться Вашимъ отвѣтомъ на позапрошлогоднее мое недоумѣніе: «почему въ Церкви есть такія чудныя молитвы и такъ любовно разработанъ», какъ Вы передаете своими словами мою мысль, «ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ». А Вы отвѣчаете: «да потому, что Новый Завѣтъ только *снисходитъ* къ немощи человѣческой и благословляетъ *союзъ душъ*, а неизбѣжный при немъ союзъ тѣлъ *прощаетъ*, какъ совершенно опредѣленный *грѣхъ*» [2]).

Значитъ Вы не допускаете, даже какъ *вопросъ*, вотъ эту, категорически въ письмѣ протоіерея А. У—скаго высказанную мысль, что «христіанская догматика создана *монахами*»? [3]). Даже безъ кри-

---

[1]) Тутъ—очень трудный вопросъ. Приводите, пожалуй, въ исполненіе «*всю* Истину», всѣ, положимъ, 300 страницъ «Глубинныхъ книгъ»; но какъ только практически, при моемъ и вашемъ бракѣ, разрѣшеніи мнѣ или вамъ, или классамъ и положеніямъ (офицеры, вдовые священники) жениться,—вы будете вынуждены обратиться къ этимъ книгамъ, вы обратитесь непремѣнно и невольно вовсе не къ 300 страницамъ, а къ одной, двумъ (въ итогѣ) страницамъ ихъ, на которыхъ говорится о бракѣ. Такъ что слова автора, такъ нравящіяся и такъ правдоподобныя въ первую минуту, объ *односторонности нашего пониманія*—недостаточно прощупываютъ глубину дѣла. *В. Р—въ.*

[2]) Въ сущности, отвѣтъ С. Ѳ. Шарапова, съ налету, съ улицы схваченный, однако и поднимаетъ тему во всей ея безконечности. Какъ С. Ѳ. Ш—въ думаетъ, думало *человѣчество* и уже *почти двѣ тысячи лѣтъ*, и было-же конечно солидное основаніе для *такой* мысли, всѣ послѣдствія которой мы только теперь суммируемъ. Ну, Гатчинскій Отшельникъ хотѣлъ-бы двинуться, рвануться къ «болѣе гармоничному развитію»... Пусть попробуетъ, испытаетъ силы: *ничего не выйдетъ!* Нѣтъ фундамента! Вырвана почва! И въ этомъ—или непоправимая, или поправимая черезъ очень глубокія перемѣны нашихъ взглядовъ—сторона дѣла! *В. Р—въ.*

[3]) Тутъ есть второй и можетъ быть болѣе глубокій вопросъ: *а что создало монаховъ?* Что за духъ? откуда поэзія? что за философія? Въ Ветхомъ Завѣтѣ идеи и признака монашества не видно. Но вотъ мы приходимъ въ Оптину, Соловки, куда-нибудь въ Египетъ или Италію: «покажите намъ *святаго человѣка*». Ведутъ насъ лѣсною тропинкою, ведутъ долго, вводятъ въ пещеру: сострóганъ грубый дощатый гробъ, лавочка, столикъ, кружка воды, старецъ, истощенный видъ, но сіяніе въ глазахъ: «Кто ты, человѣче?» дрожа, мы спрашиваемъ. «Я—*пророкъ* Новаго Завѣта». Да, пророкъ! О монашествѣ нѣтъ догматовъ, это—не таинство: оно совершенно (въ идеѣ, и въ началѣ практически) свободно и даже какъ будто находится *сбоку* христіанства; но собрало въ себя всю силу его, и въ точности стало тѣмъ, чѣмъ было въ Вет-

тики, безъ разбора необходимо, по Вашему, откинуть, какъ очевидную нелѣпость, всѣ соображенія относительно нѣкоторой *односторонности* въ пониманіи нами христіанства?

Ну, а что, если-бы христіанская догматика была создана не исключительно представителями аскетическаго направленія, но и «мірскаго», женатыми, семейными, явившимися, положимъ, на соборъ со знаменемъ въ рукахъ, на которомъ-бы красовались слова Апостола: «*домашняя Церковь*»—что тогда? Все-таки «мерзость» такъ и осталась-бы «мерзостью», грѣхъ—грѣхомъ?

Но позвольте! Самое это ходячее выраженіе, унаслѣдованное отъ бл. Іеронима и его единомышленниковъ: «*мерзость*», и усилія, которыя мы сейчасъ наблюдаемъ, противупоставить этому опредѣленію: *святость*—могутъ-ли они быть приложены къ понятію, которое по существу не мерзко, и не свято, но исключительно *физіологично*?

Позвольте отъ брака обратиться къ другому таинству.

Чтобы жить, нужно питаться элементами вещественныхъ стихій. Чтобы жить *вѣчно*, нужно еще *питаться Богомъ*. «Царь-бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вѣрнымъ...» Спрашиваетъ-ли, однако, кто: *какъ мы съѣдаемъ Бога? Какъ мы перевариваемъ Бога?* Свята-ли (или «мерзка») слюна, въ которой растворяются кровь и тѣло Спасителя нашего и Бога? Свято-ли (или «мерзко») круговращательное движеніе кишекъ и пр. и пр.? Безсмысленные вопросы! Слюна, желудокъ, кишки—необходимое физіологическое *орудіе* принятія «пана Бога», какъ говоритъ наивная польская простота. Нужно питаться Богомъ, чтобы жить—вотъ *центръ* дѣла, а все остальное: подробности, *моментъ*, пусть, физіологически говоря, *существенно* необходимый, но все-таки—моментъ, нѣчто побочное, а никакъ не главное.

Сообразите теперь: не сказалъ-ли я болѣе, чѣмъ сколько требуется, чтобы устранить забавное (хотя, какъ видимъ, вѣка длящееся) недоразумѣніе относительно «великой тайны брака»? Неужели, сразу понявъ нелѣпость въ одномъ случаѣ, въ другомъ мы будемъ упрямо настаивать на квалификаціи: «мерзко», «свято» по отношенію къ чисто *физіологическому орудію* таинства? [1]). Безъ

хомъ Завѣтѣ пророчество, кстати подъ корень срубленное, угасшее, замолкнувшее, какъ только мы переступаемъ въ нашу эру: только *Апокалипсисъ* есть послѣднее и какъ-бы мстящее, грозящее (за весь исчезнувшій духъ Ветх. Завѣта) пророчество. *В. Р—въ.*

[1]) Этотъ софизмъ кажется чрезвычайно убѣдительнымъ съ перваго взгляда. Не могу отвѣтить на него лучше, чѣмъ слѣдующимъ извлеченіемъ изъ одного частнаго письма, полученнаго мною въ отвѣтъ на посылку этой статьи и съ указаніемъ именно на это мѣсто. Вотъ оно «...Замѣтка *Гатчинскаго Отшельника* производитъ на меня двойственное и не скажу, чтобы пріятное впечатлѣніе; есть *полу-истины*, которыя хуже очевидной лжи. Я думаю, что онъ не вполнѣ знаетъ, что говоритъ. Если на физіологію не смотрѣть, какъ на внѣшнее вы-

этого орудія таинство невозможно, невозможно чадородіе, невозможна семья, невозможна «домашняя Церковь», и все-таки не оно, не это орудіе, не его дѣйствіе—*центръ* дѣла. Въ чемъ-же *центръ*?

Мнѣ кажется, что лучшій способъ избѣжать паденія, это ухватиться руками за неподвижный предметъ.

Вотъ твердыня, которая не поколеблется, это—слово Апостола: *Женщина спасется чадородіемъ* [1]).

Что это значитъ? Какъ понять? Неужели можно приблизить къ этому глаголу игривую мысль, пусть она и высказана волшебникомъ, чудомъ нашей исторіи:

> Хвалю, мой другъ, ея охоту,
> Поотдохнувъ, рожать дѣтей,
> Сію пріятную заботу etc, etc.

И такъ, «пріятность», отъ которой не откажется ни m-elle Отеро, ни m-elle Иветъ Гильберъ, это и есть путь *спасенія?* Или нужно такъ понять, что есть въ чадородіи и болѣзнь, и трудъ, и подвигъ, можетъ быть, даже *великій подвигъ?* [2]). Какой? Зачѣмъ мнѣ говорить то, чего не видѣли *Ваши* глаза, къ чему Вамъ говорить о томъ, чего не знаютъ *мои*? У всякаго *своя* радость, *своя* печаль, *свой* крестъ, *свое* терпѣніе, *свой* подвигъ, если есть подвигъ, а то одна «пріятность» и «съ полнымъ комфортомъ», какъ говаривалъ Достоевскій, но опять-таки на *свой* образецъ...

раженіе души, и притомъ нераздѣльное съ нею, то всегда будетъ путаница. И кромѣ того есть предметы, о которыхъ нельзя говорить такъ за панибрата; меня оскорбляетъ его манера выражаться о Причастіи. По отношенію принятія Причастія дѣйствіе рта и кишекъ тоже божественно... Охъ, этотъ *Гатчинскій Отшельникъ*: совсѣмъ не то онъ говоритъ»... Добавимъ къ этой цѣнной и тонкой критикѣ слѣдующее: къ изслѣдуемой нами темѣ брака вѣдь ничего *не привходитъ третьяго отъ-инуду, но полный составъ вещей и силъ* течетъ изъ сочетающихся и *въ четѣ остается*: гдѣ-же здѣсь аналогія съ таинствомъ, о которомъ онъ говоритъ, и гдѣ принимая со лжицы—я принимаю какъ *третье, не мое и внѣшнее?* Здѣсь можетъ быть аналогія съ *дарохранительницею*, которая конечно-же *свята, священна*! *В. Р—въ.*

[1]) Полный кругъ семьи. Да, пріемлемъ эту мысль. Но кто-же экваторіальный поясъ земли назоветъ ея центромъ; или, поднявъ неопредѣленно палецъ къ верху, скажетъ: это—зенитъ. Потомъ, тутъ опасность: вниманіе отойдетъ отъ самаго остраго и важнаго пункта, и потому въ немъ вы допустите засореніе. «Мы такъ были чадородны, что теперь и пошалить можно». Между тѣмъ *никогда* здѣсь пошалить нельзя: но какъ мы держимъ въ величайшей бережливости самую тонкую и внутреннюю и хрупкую часть механизма, мы и сюда вѣчно будемъ проливать предохранительное масло, освященіе, молитву. Въ сущности, до чего вѣренъ инстинктъ вѣнчанія въ церкви, и страшное осужденіе любви безъ вѣнчанія: все можно безъ молитвы, но *этого — нельзя*! Здѣсь — слишкомъ хрупко, опасно, внутренно: какъ только вы соскользнули на свѣтскость — вы все погубили. Инстинктъ этотъ требуетъ только того дополненія, что *всякая любовь* должна покрываться торопливо и радостно идущимъ на встрѣчу вѣнчаніемъ (пассивность вѣнчанія, активность любви). *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ это все мѣсто прекрасно и истинно. И прекрасна молчаливая стыдливость, за этимъ слѣдующая. Да, тутъ—*у каждаго свое*! Вотъ чего во всемъ тонѣ своихъ замѣчаній не почувствовалъ С. Ѳ. Шараповъ. *В. Р—въ.*

Для меня до очевидности ясно, что въ таинствѣ брака *центръ* тяжести не въ половомъ актѣ, какъ не въ процессѣ пищеваренія центральная суть таинства Евхаристіи. Позволь только *моменту* занять мѣсто *центра*, и съ неизбѣжностью въ одномъ случаѣ дойдешь и до трюфлей, и до культа «священныхъ зубовъ» (хотя-бы и вставныхъ), а въ другомъ до m-lle Отеро, при игривомъ настроеніи, или до культа Астарты при углубленно-философическомъ... [1]).

Но не менѣе для меня ясно, что и при отрицаніи начисто *момента* даже какъ момента, какъ подробности, но необходимой, мы вовсе *выпариваемъ* [2]) таинство, остаемся при чистомъ «ничто», скажу сильнѣе: совершаемъ *кощунство*.

---

[1]) Никогда... «День-же *седьмый* суббота—Господу Богу твоему». Но вообще говоря, практическая и ритуальная разработка жизни въ супружествѣ—это и есть вопросъ и тема, къ которой мы лишь подготовляемъ всѣми этими статьями. Не могу я понять, что и какъ устроилось это между юными, неопытными супругами (ранніе браки, о коихъ не можетъ не мечтать всякій желающій воскресенья семьи), ни—пожилыми циниками. Тутъ должно быть наученіе: но *кто* будетъ учить? *Какъ* учить? Тягостные, но непремѣнно предлежащіе къ рѣшенію вопросы.—Однако вотъ кое-что приблизительно. Въ 1885 году, по случайному поводу, я пріѣхалъ изъ Брянска въ Орелъ на Страстной недѣлѣ и пробылъ въ немъ (Орлѣ) всю Страстную и Святую недѣлю. Въ первый день Пасхи, очень скучая въ номерѣ гостиницы, я послѣ об[ѣде]ннаго сна пошелъ гулять по улицамъ города. И вотъ иду по одной, не гла[вн]ой, однако и не захолустной: смеркалось, было часовъ восемь и тѣмъ паче [я] удивился, увидѣвъ у богатаго деревяннаго дома съѣздъ пролетокъ. По наивности я спросилъ извощика: «что-же, развѣ еще не кончились визиты?» Но онъ, замявшись, отвѣтилъ мнѣ, что это—не визитеры и не визитный домъ, а домъ терпимости. Никогда я не забуду своего удивленія, особенно по отношенію къ такому дню и часу, и много разъ я возвращался къ этому случаю мыслью. Но вотъ что наконецъ мнѣ стало ясно: что съѣхавшіеся были вдовые и холостые купцы, вообще торговцы,—сѣрые люди, которые потомъ такъ нетерпѣливо сюда съѣхались, что *абсолютно воздерживались истекшія семь недѣль*. Тутъ есть просвѣтъ къ утѣшенію: вотъ что значитъ вѣками внѣдренное понятіе и настойчивая священниковъ угроза относительно поста. Въ концѣ концовъ она одолѣваетъ всякія страсти, становится привычною, закономъ внутреннимъ и внѣшнимъ. То, что не вѣнчаютъ въ Великій постъ есть всеобщее и всему народу указаніе разрывать фактическое супружество на семь недѣль. Теперь, если пять шесть дней недѣли воздержанія, то уже для самыхъ пылкихъ силъ—оно возможно! Мнѣ думается, что таинственный *седьмой день* (почему итогъ дней недѣли—не *восемь*? не *шесть*?) выбранъ въ беспросвѣтной дали вѣковъ черезъ глубочайшее и непостижимое вѣдѣніе, что *ростъ человѣка въ шесть дней даетъ итогомъ преображеннымъ живую каплю брачнаго ритма*. Ибо вѣдь суть полосочетанія въ томъ, что человѣкъ *перестаетъ рости* или *отчасти перестаетъ рости* и ростъ въ полномъ или частичномъ объемѣ преобразуется въ сѣмя и въ половой актъ. Дерево ростетъ въ вѣтви и стволь, если нѣтъ цвѣтка; а есть цвѣтокъ—оно въ ростѣ останавливается: значитъ ростъ есть цвѣтокъ и, обратно оплодотвореніе цвѣтка есть поглощеніе роста. У человѣка, вѣроятно, семь сутокъ даютъ полный творческо-половой актъ. *В. Р—въ.*

[2]) Вотъ очень удачный терминъ, который полезно запомнить: *ничто не начинается* до ...«прилѣпленія», *безъ него* ничего нѣтъ: онъ conditio sine qua non. Безполезно говорить объ артиллеріи безъ пороха, о мирномъ состояніи безъ чувства мира. Какъ женщины это понимаютъ, какъ *онѣ берегутъ*

Именно такимъ кощунствомъ представляется мнѣ мысль о возможности и желательности сожитія супруговъ, *какъ братъ и сестра*... Хуже, по-моему, всякой Отеро! Какъ лучше-бы я считалъ уже вовсе не говѣть, чѣмъ взять, да и не проглотить таинства изъ-за *чудовищной гордыни*, что я-де *чище* Бога [1]). Онъ не гнушается тѣлесности моей, а меня шокируетъ! *Безуміе гордыни*! Совершенно тоже и въ другомъ таинствѣ: есть аппетитъ—въ добрый часъ, и благодари Бога. Нѣтъ—воздержись, и тоже благодари. Мнѣ *кажется*, что это такъ; мнѣ кажется, что это во всякомъ случаѣ болѣе *просто*, болѣе поэтому *смиренно*, а посему и болѣе *благочестиво*, чѣмъ, простите, какая-то *духоборческая* теорія о «союзѣ душъ», которую Вы проповѣдуете...

Впрочемъ, еще разъ: извините. Можетъ быть, я чего-нибудь не выразумѣлъ. Вы говорите очень сжато, почти полусловами. Можетъ быть, Вамъ угодно будетъ развить свои мысли?

Но ранѣе—вотъ мысль!—не съѣздить-ли Вамъ въ Дрезденъ? Какая бездна геніальности отдана нашей темѣ, какая жизненность въ трактовкѣ вопроса, какая *правда* и сколько подчасъ святой наивности въ выборѣ сюжетовъ, рискованность коихъ доходитъ до nec plus ultra!

Ну, хоть этотъ Рембрандтъ съ женою своею на колѣняхъ: да развѣ это не идеальнѣйшій союзъ душъ и тѣлесъ? Да остановитесь-же въ восторгѣ передъ этимъ Маноемъ! *Такъ* развѣ можно молиться безъ единенія душъ? А о чемъ молятся? Ну, а въ другихъ обстоятельствахъ жизни—хороня своего сына, если-бы онъ умеръ, празднуя его воскресеніе, если-бы онъ ожилъ—не то-же-ли святое пламя жертвеннаго костра зажжется въ ихъ сердцахъ?

Сколько слѣпоты, благодаря *односторонностямъ*! Христосъ побѣдилъ міръ, и побѣдилъ его *всецѣло*. Будемъ-же въ *полнотѣ* Его побѣды искать реальныхъ плодовъ новой жизни и вѣчной радости, возвѣщенной намъ Евангеліемъ! [2]).

бя! Я—«потеряла себя», «потерянная женщина», говоритъ и *думаетъ* несчастная «согрѣшившая»: какъ мало мы, мужчины, цѣнимъ ихъ это чувство, и неразработавъ (соціально и религіозно) брака активно—какое сокровище сдержанности мы опустили изъ рукъ. Но если бракъ воскреснетъ—то силою этого женскаго *неуничтожимаго* чувства! Замѣтимъ, что въ секунду перехода дѣвушки въ женщину, она «*обрѣзывается*», и таинственное «обрѣзаніе» семитовъ имѣетъ ту сторону въ себѣ, что и «ты, юноша, пострадай—какъ вѣдь страдаетъ-же твоя невѣста—жена», и, далѣе: «сбереги себя, какъ она, до брака». «Обрѣзаніе» есть, такимъ образомъ, какъ-бы усвоеніе и мужскому полу дѣвичьяго поло-устроенія: надѣваніе на него таинственной завѣсы (hymen) предъ-брачнаго молчанія. *В. Р—въ*.

[1]) Очень хорошо. Аскетизмъ вообще есть «чудовищная гордыня передъ Богомъ» и отвѣтъ на Его заповѣдь: «роститесь, множитесь, наполните землю» (Быт., 1)—чудовищнымъ высокомѣрнымъ: «не хочу, это гнусность». *В. Р—въ*.

[2]) Ниже помѣщаемъ болѣе обстоятельныя размышленія по поводу этой цѣнной замѣтки Гатчинскаго Отшельника. *В. Р—въ*.

4. Изъ письма священника Іоанна Д. Руднева.

Многоуважаемый В. В. Отъ души благодарю за вашу книгу «Сумерки просвѣщенія», которая прочитана мною съ большимъ интересомъ, а затѣмъ извиняюсь за долгое молчаніе относительно статьи «Бракъ и христіанство». Не недосугъ и лѣность удерживали меня отъ немедленнаго отвѣта, а боязнь за легкомысленный отвѣтъ на ваше сужденіе о такомъ важномъ вопросѣ. Всякая мысль, несогласованная съ обыденнымъ нашимъ ходячимъ мнѣніемъ, или же уже съ сложившимся убѣжденіемъ, весьма туго поддается нашему анализу. Нужно долгое время вдумываться въ суть ея, чтобы въ надлежащей мѣрѣ оцѣнить ее. Особенно пастырю церкви трудно отрѣшиться отъ усвоенныхъ взглядовъ на извѣстное ученіе. Я всегда считалъ дѣвство выше брака и теперь остаюсь при своемъ убѣжденіи. Простое умозаключеніе [1]) приводитъ меня къ этому убѣжденію, указанное св. Павломъ въ 32 и 33 ст. 7-й главы въ посланіи Коринѳянамъ [2]). Но не подумайте,

[1]) Оно было-бы *просто* и непререкаемо, еслибы не имѣло параллельныхъ себѣ и *встрѣчныхъ по направленію* текстовъ: напр. вѣдь *Книга Бытія* — богооткровенна, отъ этого ни одинъ священникъ не отречется; но тамъ стоитъ: «раститесь, множитесь, *наполните землю*». Если скажемъ, что тексты идутъ *въ вѣкахъ*, то вѣдь идутъ они развивая послѣдующимъ предъидущее, а не *на перекоръ* другъ другу, не для *зачеркиванія*, и притомъ въ основѣ. *В. Р—въ.*

[2]) Тутъ нужно имѣть въ виду слова апостола, въ этомъ-же самомъ посланіи: «Относительно дѣвства *я не имѣю повелѣнія отъ Господа*» (I Коринѳ., 7, ст. 25). Далѣе, все это посланіе написано передъ картиною Коринѳа, его зрѣлищемъ и какъ *ему* увѣщаніе: а Коринѳъ во времена Христа—это уже былъ остатокъ павшаго міра, блюда грязныя и сальныя на утро послѣ роскошной вечери! Плоть ослабѣвшая распустилась въ послѣднихъ порокахъ, слюна и гной точились у умирающаго, и неужели имъ несчастнымъ было говорить о супружествѣ?! Всякъ глаголъ — во благовременіи, и о всемъ глаголъ есть глаголъ своему часу и этому человѣку. Но *Быт.* 1 или 4 («вражду положу между тобою и женою, и сѣменемъ твоимъ и сѣменемъ [illegible]ы»)—не мѣсту и часу сказаны, но *человѣчеству,* отъ его, человѣчества, [illegible]енія и до всемірной могилы. Кромѣ частнаго обращенія къ коринѳянамъ, е[illegible] другіе и истинно тягостные пункты преткновенія для супружества: 1) прямыя слова о скопчествѣ; 2) безъ-сѣменность рожденія І. Христа; 3) и самое главное: безъ-сѣменный *духъ трехъ синоптическихъ Евангелій;* хотя въ Апокалипсисѣ уже нѣтъ этого духа безсѣменности и соотвѣтственно въ немъ воскресаетъ пророческій духъ! провидѣніе! предсказаніе! Тутъ—глубочайшее сокровеніе о тайнѣ Ветхаго и Новаго завѣта, о судьбахъ обрѣзанія, о новой идеѣ святыни гроба и почтительности къ смерти. Вообще тутъ все «новое и новое», новый потокъ «откровенія» хлынулъ: но какъ-же ихъ спаять съ Ветхимъ откровеніемъ, безъ фундамента коего все будетъ «на пескѣ»... Тема огромныхъ размышленій. Дѣло въ томъ, что *безъ*-сѣменности нѣтъ, а есть *одно*-сѣменность, сѣмя одной св. Дѣвы, которое однако имѣетъ всю реальность сѣмени, и сообщило *человѣчность* Бого-человѣку. Слова-же о скопчествѣ можно принять только въ смыслѣ тайнаго и обширнѣйшаго раздвиженія брака, а не его погашенія. Замѣтимъ, что вѣдь Селивановскаго, *помѣшаю-щаго* и *тушающагося* поломъ, скопчества въ I-мъ вѣкѣ *до* и *послѣ* Христа —

что я дѣвство поставляю идеаломъ человѣчества. Изъ предъидущихъ стиховъ той же 7-й главы я убѣждаюсь, что апостолъ Павелъ совѣтуетъ скорѣе бракъ, чѣмъ дѣвство. Особенное вниманіе на себя обращаетъ 25 ст. (тамъ же), гдѣ говоритъ, что о дѣвствѣ онъ не получилъ повелѣнія отъ Господа, а совѣтуетъ какъ самъ соблюдшій его по милости Господа. Все это заставляетъ меня дѣвство считать высшимъ состояніемъ человѣка въ служеніи Богу, но въ тоже время признавать только истинное дѣвство, явленное въ любви къ Богу и самоотверженномъ служеніи людямъ. Все же дѣвство въ современномъ обществѣ, выразителями котораго считаются ваши оффиціальные аскеты, есть фальсификація и есть униженіе христіанства и даже человѣческаго достоинства.

Перехожу теперь къ другому вашему положенію о бракѣ, гдѣ вамъ желалось бы одухотворить его во всѣхъ (деталяхъ) подробностяхъ. Но вспомните слова Давида: «въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя» [1]). Лишилъ Адамъ тѣлесную природу невиннаго состоянія и мы его потомки получаемъ съ рожденіемъ первородный грѣхъ, какъ наслѣдство [2]) и только при таинствѣ крещенія вступаемъ снова въ общеніе съ Богомъ, но опять только духовно, а въ тѣлѣ остается дѣйствующимъ въ насъ первородный грѣхъ [3]). Въ таинствѣ брака благословляется полное

не было, хотя вообще скопчество было. Но *обращая къ ученикамъ слова о скопчествѣ*, Спаситель могъ сказать ихъ только *въ понятномъ для нихъ смыслѣ*, т. е. въ *описательномъ* по *отношенію къ бываемымъ и зримымъ фактамъ того времени*. Въ скиніи (и храмѣ) лежали и были приносимы *хлѣбы предложенія*; мы приносимъ, по осени, *первые плоды* въ храмъ; у евреевъ (древнихъ) былъ праздникъ *возношенія снопа* (перваго, сжатаго по осени) и вообще Богу посвящалось все *перво-рожденное*, отъ человѣковъ, деревъ и скота; и въ сосѣднихъ съ Іудеею, родныхъ ей странахъ, нѣкоторые приносили въ жертву самый родникъ перворожденія: но это вовсе не Селивановское: «вотъ, я вырвалъ изъ себя *жало сатаны*», т. е. вовсе не отрицаніе и не бракоумерщвляющее дѣвство. *В. Р—въ.*

[1]) Превосходный разборъ этого стиха псалма, ссылки на который, при спорахъ о бракѣ, мнѣ приходилось и устно слышать, см. ниже въ одномъ изъ писемъ отца протоіерея *А. П. У—скаго. В. Р—въ.*

[2]) Однако вѣдь казалось-бы первородный грѣхъ снятъ съ человѣчества Христомъ. Церковь поетъ: «смертію смерть *искупи*», и въ Евангеліи отъ Іоанна сказано: «Той (Іисусъ) язвенъ бысть за грѣхи наши и мученъ бысть за беззаконія наша: *наказаніе міра нашего на Немъ*, язвою *Его мы исцѣлѣхомъ*». Все это надо принять во вниманіе. *В. Р—въ.*

[3]) Это очень отчетливо, но едва-ли это ученіе имѣетъ церковь. Итакъ, по свящ. І. Рудневу, мы имѣемъ:

Невинный Адамъ.
Палъ Адамъ душевно и особенно тѣлесно.
Мы—павшіе душевно и особенно тѣлесно.
Рождая и рождаясь «течемъ какъ отъ зараженнаго источника» (терминъ «Катихизиса» Филарета).
Половая сфера есть или родитель, или участникъ грѣха.
Рожденный младенецъ—душевно и особенно тѣлесно грѣховенъ, *не чистъ*.
Крещеніе омываетъ грѣхъ, однако только душевный.

общеніе двухъ лицъ для рожденія дѣтей [1]), будущихъ чадъ церкви [2]), но не возводится физіологическій процессъ до духовнаго начала [3]). Этимъ не хочу сказать, подобно редактору С. Ѳ. Шарапову, что христіанство только снисходитъ къ роману брака. Христіанство наоборотъ въ бракѣ благословляетъ и освѣщаетъ и плотскую сторону, но все таки не возводитъ ее до одухотворенія, и если плотская сторона брака усиливается [4]) во вредъ нашего общенія съ

Тѣлесно и въ крещеніи и послѣ крещенія мы остаемся грѣшны и нечисты какъ до крещенія.

Тѣло вообще и постоянно грѣшно. тѣло есть грѣхъ.

Это—духоборчество; крещеніе здѣсь не проникаетъ достаточно глубоко и самая смерть Спасителя «не искупила нашихъ тѣлъ отъ грѣха, проклятія и смерти». Спаситель какъ-бы держитъ передъ нами новыя скрижали еще завѣта: но вѣдь для этого Ему не нужно было страдать и умирать, а только — *живя учить!* Но особенно важно слѣдующее: ну, тогда нѣтъ таинства брака! Развѣ же возможно *благословить грѣхъ, благословлять въ грѣхъ*. Въ Варѳоломѣевскую ночь католики благословляли мечи, но это былъ экстазъ и минута, и она не названа *таинствомъ!* Таинство очевидно можетъ быть о *велико-таинственномъ* и *велико-цѣнномъ* и *велико-желаемомъ* предметѣ или дѣлѣ. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ хорошее опредѣленіе пишетъ священникъ. и какъ онъ далекъ отъ Шараповскаго тона и *одно*-«духовности». *В. Р—въ.*

[2]) Это уже ограниченіе, очень тонкое, но любопытна непремѣнная къ нему тенденція: не рожденое важно, а что «родятся намъ ученики и слушатели». Однако не выступаетъ-ли здѣсь эгоизмъ и немножко самомнѣніе учителей? Увы, дитя внѣ ученія также дорого родителямъ, и умершій годовалый ребенокъ — какъ мы его помнимъ! И неужели эта *связанность любви и воспоминаній*— ничего an und für sich?! Тягостные вопросы. Наконецъ, жизне-*твореніе*? Не переходимъ-ли мы незамѣтно черезъ эти тенденціи на почву Бюхнера, Дарвина, Молешотта? Но эта точка зрѣнія совершенно объясняетъ религіозно-брезгливое отношеніе вообще клира къ рожденію. и «очистительную надъ роженицею молитву». и прочее. Потомъ, если дѣло въ «чадахъ церкви», «ученикахъ церкви», и семья и бракъ суть только мастерская этихъ чадъ. важная въ отношеніи къ темѣ, къ рынку потребленія, то дѣятель рынка, напр. учитель церковно-приходской школы, куда болѣе священенъ, чѣмъ супругъ? Но тогда должно было-бы быть «таинство учительства». Очевидно, таинство брака есть въ отношеніе *къ вещи его* «таинство», т. е. священна и свята *вещь* брака. Или если обратно, то это есть таинство кажущееся. мнимое. *В. Р—въ.*

[3]) Но вѣдь однако *и душа рождается* слiянно съ тѣломъ въ младенцѣ? и слѣд. и зачатіе есть *духовно-физическій* актъ, какъ и введеніе къ нему. любовь, желаніе и страсть суть акты никакъ не механическіе и не химическіе. Но и этого мало: какъ похожъ *по сложенію тѣла и характеру души* (глубочайшія индивидуальныя черточки) дитя и даже потомъ взрослый на родителей; и «каковъ онъ въ колыбелькѣ — таковъ и въ могилку». Между тѣмъ въ яйцо матери входитъ *одна билліонная* часть изверженія отца, и слѣд. билліонъ этихъ душъ изошло изъ него. Не мрачится-ли наше удивленіе при этой мысли, и не признаемъ-ли мы половое слiяніе гораздо,—о, гораздо болѣе,—чѣмъ только духовнымъ. Ибо «духовно»—и написать стихотвореніе, и выучить урокъ. Нѣтъ— тутъ *сотвореніе душъ* или *исхожденіе душъ*, во всякомъ случаѣ *«вхожденіе ихъ въ этотъ міръ»*: изъ *какого?* вотъ вопросъ. Конечно—«тотъ свѣтъ», и свѣтъ, я полагаю—высшій. Наконецъ, помня «будущихъ чадъ церкви», тонкій совопросникъ для чего не обратитъ вниманіе на свѣтлость лика младенца, моего. цыганенка, татарченка. каждой твари. Нѣтъ — это таинство самого міра или глубочайшее изъ міровыхъ таинствъ. *В. Р—въ.*

[4]) Объ этомъ и рѣчи нѣтъ. Невоздержанность въ супружествѣ есть именно плодъ физіологичности воззрѣнія. *В. Р—въ.*

Богомъ, то этимъ бракъ низводится до степени блуда. Что плотскій бракъ въ связи съ духовнымъ благословляется въ христіанствѣ, можно видѣть въ словахъ ап. Павла къ Евр.: *честна женитьба во всѣхъ, и ложе не скверно* (Евр. XIII, 4), а что всякое излишество въ потребностяхъ плотскихъ осуждается тѣмъ же апостоломъ—видно изъ посланія къ Коринѳянамъ; «Все мнѣ позволительно, но не все полезно, но ничто не должно обладать мною» (VI, 12) и далѣе: «Пища для чрева, и чрево для пищи; но Богъ уничтожитъ то и другое: тѣло же не для блуда, но для Господа [1]), и Господь для тѣла» (VI, 13). Вообще отъ человѣка требуется духовной свободы въ служеніи Богу и плоть человѣческая указывается какъ нѣкоторое препятствіе къ достиженію [2]) этой свободы. Мнѣ думается я по возможности сообщилъ вамъ взглядъ свой на бракъ и христіанство какъ пастырь церкви, руководствуясь ея ученіемъ.

Теперь перехожу къ личнымъ соображеніямъ, основаннымъ на наблюденіи и на умозаключеніи на законѣ достаточнаго основанія. Дѣвственникъ имѣетъ меньше обязанностей чѣмъ брачный, отсюда мы заключаемъ, что брачному болѣе трудовъ на жизненномъ пути, чѣмъ дѣвственному, а награду большую долженъ получить болѣе потрудившійся, а потому по правосудію Божію въ вѣчныхъ обителяхъ брачный долженъ удостоиться большаго блаженства. На это умозаключеніе можетъ привести положеніе ап. Павла о меньшихъ затрудненіяхъ для дѣвственника—какъ угодить Богу. Но это умозаключеніе было бы справедливо при томъ положеніи, если бы отрѣшеніе отъ брачныхъ узъ было бы для насъ легко, но отрѣ-

---

[1]) Какъ вообще все это хорошо обнимаетъ мысль брака. Мы готовимся къ причащенію, очищаясь на исповѣди отъ грѣха: какое можно было-бы и слѣдовало-бы ввести подготовленіе юныхъ къ браку, священное, религіозное! Сколько для этого тѣлесно-учительныхъ словъ въ Библіи, о сѣмени, о женщинѣ, о мужѣ! о зачатіи и разрѣшеніи отъ бремени. *В. Р—въ.*

[2]) Да, тенденція на это указать—есть, но какъ она печальна! Тутъ-то мы и удаляемъ отъ Бога полъ свой, и гдѣ-же мысль вѣнчанія (приблизь, *подведи подъ Бога*—чадородіе свое). Къ тому-же замѣтимъ, что *едва сотворилъ Богъ человѣка*, а не *когда-нибудь потомъ*, въ *одной изъ* послѣдующихъ съ нимъ бесѣдъ, сказалъ: «растите, множитесь»; какъ-бы: «Азъ сотворихъ тя, и ты—сотвори». Поразительно, по еврейскому тексту *Бытія*, что въ словахъ о рожденіи Сиѳа: «И Адамъ пожилъ сто тридцать лѣтъ, и *прижилъ по образу своему, по своему подобію*, и нарекъ ему имя Шеѳъ» (гл. 5 ст. 3) есть совпаденіе въ самомъ характерѣ слово-оборота съ изрѣченіемъ о сотвореніи человѣка: «И сотворилъ Богъ человѣка *въ образъ Своемъ, въ образъ Божіемъ сотворилъ* Онъ его: мужчиною и женщиною сотворилъ Онъ ихъ. И Богъ благословилъ ихъ и сказалъ имъ Богъ: *плодитесь* и размножайтесь» (гл. 1, ст. 27—28). Замѣтимъ еще, что глаголъ *бара* (сотворилъ изъ..) употреблено: Бытіе, I, 1—въ отношеніи къ міру («бара Элогимъ» —въ началѣ *сотворилъ Богъ* небо и землю) и I, 2 — въ отношеніи «рыбъ большихъ и всякой души животныхъ» и I, 26—въ отношеніи къ человѣку. Въ прочихъ случаяхъ и о другихъ *неодушевленныхъ* предметахъ употреблены глаголы: *аса* и *яцеръ* — *сдѣлалъ* и *образовалъ*. *В. Р—въ.*

шеніе отъ брака составляетъ для насъ величайшій подвигъ, на который только можетъ себя опредѣлить человѣкъ [1]). Подвигъ вопіющій противъ всего нашего существа [2]). Мнѣ припоминается при этомъ юноша, ушедшій опечаленнымъ отъ Господа послѣ предложенія отказаться отъ своего богатства. Однако въ нагорной проповѣди о блаженствахъ умалчивается о дѣвствѣ [3]). Изъ этого умолчанія Господа о подвигѣ дѣвства я умозаключаю, что для общенія съ Нимъ не потребуется отъ Его послѣдователей дѣвство, но только подчиненіе своей воли волѣ Отца небеснаго, а воля Отца небеснаго: раститеся и множитеся и наполняйте землю [4]). Откуда-же взялся въ христіанскомъ мірѣ идеалъ дѣвства? Мнѣ думается отъ безконечной любви [5]) къ Богу. Первые христіане, преданные всей душой Богу, выбирали, что они могутъ пожертвовать Богу самое дорогое для нихъ, и выбрали дѣвство. И дѣйствительно выбрали величайшій подвигъ, указывающій на ихъ великую любовь къ Богу, и многіе изъ нихъ выполнили этотъ подвигъ съ честію, на что указываетъ присоединеніе ихъ Церковію къ лику святыхъ. Но что возможно было выполнить людямъ почти одухотвореннымъ, взялись выполнить и всѣ

---

[1]) Не нужно избирать подвига не нужнаго, и особенно противорѣчащаго столь основному закону Божію: тогда мы придемъ къ подвигамъ само-искаженія, само-истребленія (скопцы, само-сожигатели). Между тѣмъ, идея «труда», «подвига», «уродованія себя» «Бога для» поразительно расползлась въ христіанскомъ мірѣ, и начинаясь крупицами, зернышками, разрослась въ чудовищное древо «само-страдальчества» христіанскаго, и еще хуже: понужденія другихъ къ страданію. *В. Р—въ.*

[2]) Потому-то усиленно онъ не нуженъ и прямо грѣховенъ (возстаніе твари противъ путей своего сотворенія). *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ чрезвычайно цѣнное указаніе! Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Іисусъ Христосъ сколько-нибудь путь дѣвства считалъ Себѣ угоднымъ, «блаженнымъ», «спасительнымъ», то при столь полномъ и подробномъ исчисленіи путей къ Себѣ, «путей блаженства», почему онъ не сказалъ: «блаженны дѣвственники, ибо ихъ есть Царство Небесное». Какимъ-же образомъ потомъ дѣвство было выдвинуто какъ «царскій (срединный, коренной) путь спасенія». Дѣвственники ухватились именно за «іоты», прибавки, оговорки, попутныя и промежуточныя слова, а не за *срединное слово Евангелія*, и черезъ чрезвычайный *упоръ въ идеалъ дѣвства* (вѣдь по степенямъ дѣвства даже церкви раздѣлились: католическая -*все* духовенство безбрачно, православная —*высшее* духовенство въ безбрачіи, протестантство — духовенство брачно или безбрачно—безразлично) проскользнули мимо всего остальнаго Евангелія! Вопроса о дѣвствѣ и бракѣ просто не должно бы быть. Между тѣмъ половина религіи ушла на разграниченія: кому и насколько непремѣнно вмѣстить, и вся исторія — на поэзію и философію «вмѣщенія». Рухнуло при этомъ и обрѣзаніе, и древнія субботы, и поднялъ древній змій главу: «теперь то я побѣдилъ сѣмя жены»...
В. Р—въ.

[4]) Какъ хорошо все это разсужденіе. *В. Р—въ.*

[5]) Правда, *переслащили* въ любви, отъ себя и по своему захотѣли нести плоды любви, и на этомъ-то и были въ путяхъ своихъ уловлены... Служа Творцу, возстали *противъ твари и творенія*, и черезъ это отдѣлились *и отъ Творца*. Для этого-то и нужно поло-сочетаніе мыслить *какъ соединеніе со всею тварью и Творцомъ*, дабы не уклониться въ опаснѣйшее и тончайшее отпаденіе. *В. Р—въ.*

обыкновенные люди. Всякій паршивый солдатъ захотѣлъ быть генераломъ. И что же вышло? А вышло то, что дѣвственники стали притчей въ языцѣхъ. Ихъ развратъ сталъ настолько краснорѣчивъ, что всякій порядочный человѣкъ отъ заурядныхъ дѣвственниковъ сторонится болѣе, чѣмъ отъ послѣдней распутной бабы. Но это распутство прикрывается мантіею фарисейства и не такъ ярко бросается въ глаза. Кончаю письмо, но не по желанію своему, а по нуждѣ. Сейчасъ 12 часовъ, а завтра мнѣ вставать къ утрени въ 4 часа. Прощайте! Простите за помарки и небрежность. Письмо собственно и не окончено и за продолженіе его не даю слова.

Сестру и всѣхъ вашихъ малютокъ цѣлую.

Любящ. васъ *С. I. Рудневъ.*

---

5. Изъ письма Влад. Карловича Петерсена.

Многоуважаемый и дорогой В. В. Книжка г. NN, присланная вами мнѣ для отзыва—вовсе пустая книжка... Совсѣмъ напротивъ ваши статьи въ «Русскомъ Трудѣ» о бракѣ и о христіанствѣ. Повѣрьте мнѣ, что тотчасъ по прочтеніи сквернаго замѣчанія Шарапова къ вашей статьѣ, я уже сидѣлъ за машинкой и строчилъ ему строгій и рѣзкій репримандъ «*По душѣ*» [1]. Но затѣмъ я остановился, принимая во вниманіе:

1) травлю, которой подвергается теперь Сергѣй Федоровичъ, во всѣхъ журналахъ, столько же консервативныхъ, какъ и либеральныхъ, такъ и уличныхъ.

2) время предподписочное, когда ему, конечно, работы по горло, и когда онъ и безъ того находится въ состояніи понятнаго раздраженія.

И я на основаніи сего прекратилъ стукотню Ремингтона. Но вамъ я каждый день собирался писать подбодряющія письма, ибо вполнѣ искренно и по совѣсти говорю и вѣрю, что ваши тезисы въ этихъ статьяхъ суть именно *коренные тезисы*, какіе необходимы въ настоящую минуту всеобщей и всесвѣтной гибели христіанскаго брака и семьи [2].

---

[1]) Отдѣлъ въ «Русскомъ трудѣ» откровенныхъ замѣчаній и писемъ въ редакцію. *В. Р—въ.*

[2]) Уже благодатно, что наконецъ это сознается. Ничего нѣтъ *самообольщеннѣе* европейскихъ взглядовъ на свою европейскую семью. Европейскіе офицеры и инженеры, попадая въ Среднюю Азію, въ Китай, Индію, Африку, къ женщинамъ тамошнимъ, т. е. къ чужимъ дочерямъ и женамъ, относятся какъ къ животнымъ, и почему?— «у нихъ нѣтъ семьи, и что-же значитъ, если я, христіанинъ, попользуюсь магометанскимъ или языческимъ мясомъ».—«У насъ» семья—«строгая: 1) она не расторгается ни по какимъ поводамъ и никогда, 2) она есть духовный союзъ, духовное единеніе, 3) она спиритуалистична и идеальна,

Но... не писалъ я этихъ писемъ ранѣе, потому что у меня въ домѣ вполнѣ отсутствуетъ время. Я рѣшительно ничего опредѣленнаго къ сроку сдѣлать не могу. Кромѣ того, за послѣднія недѣли у меня въ семьѣ, какъ со стороны женниной, такъ и моей родни, скопилось много смертельныхъ неожиданностей и непріятностей. У жены утонула молодая племянница, мать двухъ малютокъ, а у меня умеръ старшій племянникъ, чудный мальчикъ, христіанскаго

---

4) она—таинство нашей св. церкви». Это—всѣ повторяютъ, и я такъ еще объяснялъ ученикамъ въ классѣ, напр. говоря, что «личная слабость Магомета отразилась и на его послѣдователяхъ тѣмъ, что у магометанъ собственно нѣтъ семьи». Мы представляемъ ихъ семью какою-то «дѣвичьей, гдѣ шалитъ помѣщикъ стараго закала»,—совсѣмъ выпустивъ изъ виду: 1) дѣтей у нихъ, 2) необыкновенно ранніе у нихъ браки, 3) покрывала на лицахъ ихъ женщинъ. Въ Кисловодскѣ двѣ пожилыя кабардинки прохаживались по главной аллеѣ, и мнѣ сказалъ съ грустью Ахметъ, продававшій кумысъ:—«Это мои невѣстки; десять лѣтъ назадъ повѣрилъ-ли бы кто-нибудь такому... такой нескромности, чтобы магометанская женщина безъ покрывала выходила на общественное гулянье». Кабардинки-же эти (очень пожилыя) были образецъ солидности, важности, —и какое же было сравненіе съ ними треплющихся «нашихъ» старушекъ—кормившихъ сластями кадетовъ, старичковъ «семенившихъ около барышень-подростковъ, и глубочайшаго отвращенія къ «скверному полу» рослыхъ гвардейцевъ, которые тутъ-же, въ сторонкѣ отъ аллеи, часовъ съ 8 засаживались за зеленое сукно, не поворачивая головы къ шумящему около нихъ шолку. Женщина европейская—жадно и уже давно пошла на линію «приключеній», а разобравъ все и сначала—и осудить ее нельзя. Тысячу лѣтъ подневольной любви (не было развода) заставила ее... «выстрѣлить въ свободную любовь», подъ чѣмъ разумѣется не независимая, свободная преданность одному, а «свобода» всѣмъ отдаваться, никого не любя. Мнѣ этотъ Ахметъ говорилъ: «мужъ у насъ женѣ не можетъ сказать оскорбительнаго слова: она пожалуется муллѣ, мулла разберетъ и дастъ разводъ и прикажетъ ей выдать калымъ» (денежное обезпеченіе, оговоренное, на случай развода, въ брачномъ договорѣ).—«Но ихъ много: какъ-же онѣ не ссорятся»?—«А какъ-же онѣ будутъ ссориться, когда это съ незапамятныхъ временъ и по приказанію пророка». Тутъ-же пилъ, за столикомъ, кумысъ нашъ священникъ, и перебивъ Ахмета, сказалъ мнѣ: «по магометанскому закону женщина есть въ родѣ какъ-бы животное и такъ на нее смотритъ мужъ». Ахметъ даже не повернулся въ его сторону, и я видѣлъ, что священникъ говорилъ по трафарету, какъ я ученикамъ гимназіи. Со мной была жена и переспросила: «а что, если она ему измѣнитъ».—«Этого невозможно, это не бываетъ». «Ну, а если случится»?—Ему не хотѣлось отвѣчать. «Какъ-же случится? Если мужъ уѣзжаетъ, напр., по торговлѣ, на годъ два: никто, сосѣдъ или его другъ, не можетъ войти и никогда не войдетъ въ его домъ. Это ужасный стыдъ и непозволительно». Тутъ я понялъ идею «гарема», нашего древняго «терема», и слова Ахитофеля Авессалому: «войди на половину (часть дома) женъ твоего отца: тогда народъ увидитъ, что ссора твоя съ отцомъ непримирима и на смерть». Это «восточное чувство, совершенно неизвѣстное на западѣ: у насъ «измѣна» до того въ «крови» цивилизаціи, что съ нею боролись, боролись—и наконецъ перестали; каждый сберегаетъ кой-какъ «свое», а ужъ подумать, чтобы у всѣхъ «свое» соблюдалось, никому и въ голову не приходитъ теперь.—«Но все-таки если случится», настаивала моя жена.—«Если случится (измѣна) и объ этомъ покажутъ передъ обществомъ четыре почтенные человѣка, но ужъ такіе почтенные, такіе почтенные... однимъ словомъ—которые никогда не лгутъ, то такую жену по поясъ закапываютъ въ землю и закидываютъ камнями». Но вотъ тайный инстинктъ

воспитанія и образа мыслей, отъ горя по матери, у которой доктора московскіе и иные констатировали ракъ желудка [1]).

Все это обезсиливаетъ и безъ того достаточно слабаго. Наконецъ, я все не умѣю поправиться отъ инфлуэнціи, которая и поламываетъ и подергиваетъ, и въ кровать не кладетъ и изъ дому не пускаетъ. Тутъ—вы согласитесь—не до такихъ важныхъ, глубокихъ и всеобъемлющихъ вопросовъ, какъ тѣ, которые задѣты вашими статьями.

Понимая всю важность этихъ вопросовъ и, совершенно согласно съ вами же, видя ихъ опасную сторону при неправильномъ и *зломъ* толкованіи [2]), я не могъ не видѣть съ одной стороны, что они написаны вами слишкомъ кудряво: съ бездною цитатъ и полуцитатъ, не вѣдомыхъ большой публикѣ, и потому, скажемъ прямо, въ газетѣ мало умѣстныхъ. Конечно ваши статьи—статьи чрезвычайно неудобныя для газеты и вообще, ибо они ниспровергаютъ ту установившуюся тысячелѣтнюю фальшь, за которую стоитъ владычествующій аскетизмъ. По этому вопросу вамъ, непремѣнно служенія

женщины. Мы оба были задумчивы съ женой о слышанномъ, пришли домой, она и говоритъ:—«что мнѣ болѣе всего изъ разсказаннаго нравится, что измѣнницу закидываютъ камнями: *какъ они цѣнятъ любовь женщинъ*»! Я не сразу понялъ; но, размышляя, рѣшилъ: да, какъ имъ нужна, психологически нужна вѣрная жена, и во что оцѣнитъ семейное чувство цѣлой страны, цѣлаго Кавказа: «здѣсь у насъ ни одной невѣрной мужу жены»! Намъ просто не понятно это чувство, этотъ подъемъ на аэростатъ въ области супружества, этотъ горизонтъ, эта линія воздуха. «У меня жена не измѣняетъ, и у сосѣда съ правой стороны тоже, а вотъ съ лѣвой—пошаливаетъ, впрочемъ не знаю, только говорятъ». Всѣ наши романы, т. е. почти цѣлая литература, вертятся около измѣны и о томъ, какъ она (измѣна) красива, психологична, углублена, живописна. Да это—такъ и есть, и должно было такъ стать: разъ въ бракѣ, «вѣчномъ, не расторжимомъ ни по какой причинѣ, духовномъ» и проч. нѣтъ любви, любовь должна была прорыть себѣ канавки, она бросилась въ подворотню, робка какъ собака и увертлива какъ собака. И собственно истина-то супружества, «вѣрнаго, любящаго, духовно-тѣлеснаго», и лежитъ въ этой вывернувшейся изъ-подъ формъ любви, отчего она и живописна стала, и углубленно-психологична, оставивъ въ узаконенныхъ формахъ одинъ хладный трупъ супружества.— Ну, растлѣвай меня по закону, это уже изъ тьмы вѣковъ и хоть мнѣ гадко, но я мирюсь, ибо это освящено: я вознагражу себя потомъ тепломъ и поэзіей съ другимъ». Ужасно, но истинно. *В. Р—въ.*

[1]) Да проститъ читатель, что я оставляю подробности внѣ темы, какъ это сдѣлалъ и съ письмами отца прот. *А. П. У—скаго.* У меня—злобная привязанность не къ одному дѣлу, а и къ поэзіи вкругъ дѣла, не къ каѳедрѣ, а къ дому; и не убранныя завѣсы домашней жизни просто я не въ силахъ отдѣлить отъ строкъ, иногда немногихъ, важныхъ для темы. Ибо вѣдь эти племянники и племянницы въ несчастіи—они люди, и намъ слѣдуетъ, хоть и не зная ихъ, сказать: «со святыми упокой». *В. Р—въ.*

[2]) Т. е. въ смыслѣ: «а, религіозно—такъ все позволено». Но вѣдь именно *ничего не позволено иначе какъ въ смыслѣ Божіей правды*, какъ-бы *передъ лицомъ Божіимъ!* Просфора прекрасна и священна; но значитъ-ли, что мы станемъ *когда-нибудь объѣдаться просфорами!* Мнѣ кажется, мысль о присутствіи Божіемъ уже исключаетъ возможность внутреннюю и душевную злоупотребленій здѣсь. *В. Р—въ.*

человѣческаго ради, необходимо выступить отдѣльной книжкой и даже книжищей. Въ этомъ направленіи надо работать страстно, ибо тамъ спасеніе, иначе христіанскому человѣчеству грозитъ неминуемая гибель въ развратѣ, проституціи и еще худшихъ грѣхахъ, такъ сказать на самой папертй христіанской церкви. Вотъ именно ради мучительно рискованной стороны вопроса, нельзя слишкомъ сильно осуждать и Шарапова. Онъ все же напечаталъ самое сильное, самое существенное. Такіе архикретины, вѣдающіе русскимъ мышленіемъ и русской совѣстью, и имѣющіе наглость собственнаго невѣжества, какъ этотъ ужасный С-въ, могутъ каждаго заставить задуматься. О земля невѣжественная, и земля владычествующихъ невѣждъ! Съ этой точки зрѣнія надо пожалѣть, а подъ часъ даже и подивиться Шарапову! И я глубоко сочувствуя вамъ, удивляясь вашей эрудиціи по вопросу и смѣлости мышленія, все же думаю, что эти статьи не для газетъ, говоря вообще, что сначала надо потрясти умы кабинетные, умы философски обработанные, а уже затѣмъ, и то осторожно, можно идти съ этими же выводами въ грубую, страстно настроенную толпу—вѣрующихъ страстно, и столь же страстно невѣрующихъ.

Была у меня также мысль написать по поводу вашихъ тезисовъ фельетонъ въ одной распространенной газетѣ: но, пощупавъ почву, я увидѣлъ, что это вышелъ бы напрасный трудъ. Можно бы попробовать у Ухтомскаго, такъ какъ тамъ вы помѣщали статьи подобнаго же содержанія. Но вѣдь тамъ это вышло бы тѣхъ же щей, да пожиже влей. Однако, если бы вы сами пощупали почву въ этомъ направленіи, то я, конечно, съ удовольствіемъ остановился бы на такой задачѣ, желая быть искреннимъ апостоломъ вашей прекрасной и вѣрной идеи.

Вотъ въ короткихъ словахъ обуревающія меня невзгоды и сомнѣнія, мѣшавшія и мѣшающія мнѣ сказать въ этомъ направленіи какое-либо публичное слово. Но зато платоническое мое сочувствіе вамъ всегда настроено высоко и горитъ въ душѣ пламенемъ искренней благодарности, рождающей и удивленіе вамъ и благодарность за свѣтъ, просвѣщающій насъ грѣшныхъ.

И день, когда ваши мысли [1]) станутъ общими мыслями—христіанство станетъ вполнѣ ученіемъ человѣческимъ и спаситель-

[1]) Мнѣ думается цѣломудріе есть мать всяческаго воскресенья, а распадъ половой—мать всяческой и всѣхъ видовъ смерти, особенно—душевной. Смерть души начинается съ разврата. Но тутъ и осѣкся весь христіанскій міръ, черезъ ошибочный идеалъ дѣвства принявъ за развратъ *ростъ* силъ и организма, съ нѣкотораго опредѣленнаго года, 14-го—17-го, преобразующагося изъ геометрическаго увеличенія тѣла во внутреннее ссачиваніе, теченіе (сѣмя, яйцо). Тутъ-бы вниманіе! Тутъ-бы заботы! Но заботы не было, уже тысячу лѣтъ! «Не рости! крыпись и не рости—въ этомъ похвала, въ этомъ слава»! Явился стыдъ роста, и жажда славы. И вотъ, съ двухъ сторонъ поощряемый, и страхомъ и обольщеніемъ, прокрался *обманъ* въ полъ. И вотъ обманная и фальши-

нымъ для всѣхъ.] Страшна эта логическая неурядица съ догматами о безбрачіи, какъ о чемъ-то приказанномъ и высокомъ, рядомъ съ необходимостью жить въ бракѣ честномъ, если желаешь не обезлюдить міръ путемъ безбрачія, и сопровождающихъ его отвратительныхъ грѣховъ.

Пошли вамъ Боже силъ и удачи, поддержать ваши высоко человѣческіе и столь же высоко христіанскіе тезисы и въ текущемъ году.

Шарапова пожурите, что и я самъ можетъ быть умудрюсь сдѣлать, но съ нимъ не ссорьтесь.

Всего вамъ хорошаго и не падайте духомъ крѣпкимъ и служащимъ правдѣ.

Вамъ сердечно преданный *Вл. Петерсенъ.*

---

6. Изъ письма одного незнакомца.

Уважаемый В. В. Я не стану искать словъ и фразъ, скажу лишь, что за этотъ послѣдній годъ знакомство съ вашими статьями было самымъ значительнымъ моментомъ моей духовной жизни. Въ особенности близки мнѣ всѣ статьи ваши по религіознымъ вопросамъ и о бракѣ. Читая вашу переписку съ прот. *А. У—скимъ* въ «Рус. Тр.», я нѣсколько разъ порывался писать вамъ, выразить—какъ горячо я сочувствую «религіи брака». Дѣйствительно, все «святое» вычеркнули мы изъ жизни нашей [1]), отвели это въ верхніе этажи,

---

вая половая жизнь, мечты безъ осуществленія, порокъ въ прикрытіи; *идеалъ дѣвства* соблюденнаго и *единобрачья* кажущагося поверхъ «все позволено въ тайнѣ»—и развратили христіанское человѣчество. Ибо *душу* мою трогаетъ не то, *чѣмъ я кажусь*, но то, *что я есть*: и душа христіанская растлилась отъ того, что *она знаетъ о себѣ. и что въ самомъ дѣлѣ есть*. Войдя въ мусульманскій домъ, мы знаемъ: тутъ есть Богъ и совѣсть: войдя въ христіанскій домъ, знаемъ, что тутъ забытъ Богъ и забыта совѣсть. Если при этомъ въ храмахъ нашихъ ярко горятъ свѣчи, несется кадильный дымъ,- что̀ въ этомъ! *В. Р—въ.*

[1]) Вѣдь только кажется. что объ *одномъ* бракѣ дѣло идетъ, а въ самомъ дѣлѣ—о гораздо бо̀льшемъ. Въ религію врываются «чресла»—вотъ новое! Что такое «чресла»? — Реальность! Что же это значитъ? Религія *реализуется:* неужели это не ново для Европы? Но и еще: что такое «чресла»?—Грѣхъ! Всемірный. постоянный грѣхъ! Что-же это значитъ. какая мысль, тайна въ сближеніи?!—Исцѣлить и исцѣлѣть въ первомъ и коренномъ грѣхѣ! Все пока скользило по поверхности, и религія и человѣкъ были какъ наружные ободья двухъ не совмѣщающихся колесъ. Теперь они подходятъ, но внутреннею стороною тѣхъ-же ободьевъ: и — слѣпляются. Полъ да будетъ религіозенъ. религія да будетъ реальна: вѣчное алканіе церкви и человѣчества! Но и далѣе, конкретнѣе: въ «середочкѣ» цивилизаціи и исторіи навсегда будетъ лежать семья. И вотъ еслибы началось. что семья не когда она забываетъ *о своемъ специальномъ*—-шла въ церковь. а именно *когда она семья и поскольку семья*—спѣшила въ церковь! Уже теперь «пойти и взять молитву, себѣ и ребенку, на 6-ой недѣлѣ послѣ родовъ» есть какое-то религіозное, *памятное и реальное*, прикос-

а для истинной, реальной жизни нашей оставила однѣ формы, голые рутинные «способы» жить. Такъ жить слишкомъ тяжело, когда хочется найти, коснуться этой «святости» во всемъ, во всемъ... Мнѣ кажется, что чувствующее и мыслящее человѣчество устало страшно отъ такой жизни и если идетъ еще по рутинному пути идеаловъ безъ святости, то какъ-то неувѣренно, нетвердыми шагами, ища руками путь въ потьмахъ, такъ хочется найти Бога во всякой минутѣ жизни, во всякомъ способѣ жизни, такъ же хочется, какъ раньше хотѣлось уйти отъ Бога... «Развѣ я сторожъ брату моему?»—развѣ не это говорили люди много-много лѣтъ уже. Теперь на́до ждать реакціи. Дай Богъ.

Не буду теперь писать вамъ, потому что боюсь злоупотребить вашимъ вниманіемъ, но многимъ хотѣлось бы подѣлиться. Сообщу вамъ два слова о себѣ, чтобы вы знали внѣшнія условія жизни пишущаго къ вамъ эти строки. Въ 1897 г. я окончилъ математическій факультетъ Московскаго Унив. и былъ оставленъ по каѳедрѣ физической космографіи профессорскимъ стипендіатомъ. Мнѣ удалось близко и лично познакомиться съ кругомъ профессоровъ, ихъ жизнью и интересами. Все, мною узнанное, далеко не привлекало меня, особенно послѣ того, когда я познакомился съ жизнью и принципами Трудового Братства, учрежденнаго Н. Н. Неплюе-

---

повеніе къ храму Божію. Что прекраснѣе священника, берущаго на руки ребенка и подъемлющаго его передъ царскими вратами, подносящаго къ Богу подъ благословеніе! Какое чувство матери! Ожиданія отца! Но мы вѣримъ — и какое при этомъ таинственное дѣйствіе (конечно безсознательное) на душу ребенка! Но это — разъ, въ одинъ-два-три года! Еслибы ежемѣсячно сюда приходила женщина, со своею женскою спеціальною нуждою — какое чувство, какія новыя душевныя возбужденія! О, ничего подобнаго мы не испытали! Не поднимались въ эти линіи религіозной атмосферы, какъ и въ чувствѣ семьи не поднимались въ линію представленія: «въ Россіи нѣтъ измѣняющихъ женъ». Далѣе, кормленіе грудью своихъ дѣтей, это особенное сцѣпленіе, которое всѣмъ народамъ запомнилось, всѣ народы это изображали, и изображали мы на образахъ (не часто попадается, но есть образъ «Божіей Матери млекопитательницы», о которомъ упоминаетъ еп. Порфирій Успенскій, въ путешествіяхъ на Востокъ), — что еслибы самою реальностью своею это слилось, сцѣпилось, задѣлось взаимными крючьями, какъ не разрывныя шестерни, съ религіею: какъ сладко было-бы кормить дѣтей, какъ сладко было-бы пойти и въ храмъ! Да, сладкая вѣра, физіологически сладкая, на мѣсто горькой усталости душевной и усталости не разогнутой спины и закоченѣвшихъ ногъ: какой это рычагъ, еще неподсунутый подъ землю! Какое поднятіе человѣка къ Богу! Въ Израилѣ и его вѣчномъ играніи передъ Богомъ, этой жаждѣ тимпановъ, Псалтири, брезжется что-то подобное въ смыслѣ. О, «обрѣзанные» народы такъ и должны молиться, не уставая, «еще и еще»! Кажется, мы угадываемъ. Но и безъ угадокъ, — что должна почувствовать женщина, видя Вѣчное Око, зрящее внутрь ея беременности. Какой страхъ за себя, за свои мысли, трепетъ передъ ложью въ себѣ. «я не чиста — а Оно видитъ». И въ вознагражденіе теперешнихъ удовольствій лжи, легкомыслія, злобы и гнѣва, — сладость истомы, особой женской, въ религіи. Молитва потечетъ по жиламъ — это совершенно новое! О, какая поэзія будетъ тогда старость, и какъ свѣтлы и жизненны рождаемыя дѣти. *В. Р—въ.*

вымъ. Я горячо полюбилъ эту идею и носителей ея и мнѣ естественно захотѣлось послужить ей своими силами. Годъ назадъ я мечталъ о такой средней школѣ, но время мнѣ показало, что такія мечты преждевременны, особенно относительно меня лично, что прежде чѣмъ призывать къ жизни на новыхъ устояхъ, къ жизни братства, нужно лично испытать, можешь ли самъ такъ жить...

Вашъ *А. Л-цкій.*

1900 г., 11 мая.

---

7. Изъ писемъ Пл. Ал. Кускова [1]).

I.

Марковка. 24 Сент. 1899 г.

В. В.! На Іоническихъ островахъ я не былъ; попалъ изъ Одессы въ Ниццу; потомъ былъ въ Парижѣ. Вернулся въ Марковку въ концѣ апрѣля, на святой, часть которой, какъ и всю страстную, провелъ въ Кіевѣ. Всѣ письма, какія ко мнѣ приходили въ мое отсутствіе, садовникъ мой, остававшійся въ домѣ хозяиномъ, пересылалъ въ Одессу, гдѣ я получилъ и ваше письмо, а также и №№ «Русскаго Труда» съ статьею «Бракъ и христіанство». Прочелъ ее; но не писалъ ничего вамъ для того, чтобы не смущать вашего упоенія: обожествляйте, причащайтесь! Для меня это было, въ свое время, тоже причащеніемъ жизненнаго огня; но мнѣ никогда въ голову не приходило, что можно такъ на это смотрѣть съ христіанской точки зрѣнія. Ваша защита—семья. А это:

«Не думайте, что Я пришелъ принести миръ на землю; не миръ пришелъ Я принести, но мечъ.

«Ибо Я пришелъ раздѣлить человѣка съ отцомъ его, дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея.

«И враги человѣку домашніе его. Матѳ. X, 34—36.

«Господи! позволь мнѣ прежде похоронить отца моего!»—«Предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ; а ты иди, благовѣствуй Царствіе Божіе!» Лука IV, 59—60.

«Если кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а при томъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть моимъ ученикомъ». Лука XIV, 26.

«Истинно говорю вамъ: нѣтъ никого, кто оставилъ-бы *домъ*, или родителей, или братьевъ, или сестеръ, или жену, или дѣтей для Царствія Божія, и

---

[1]) Еслибы мы не любили литературныхъ и философскихъ темъ, приблизительно какъ собака, дѣлающая стойку надъ птицей—мы мало чего добилисьбы. Истина трудна и добывается прилежаніемъ. Посему я собираю здѣсь съ величайшей любовью взгляды pro и contra. А какъ бракъ есть сама жизнь, то и взгляды на него всегда надо оцѣнивать, внося поправку или соображенія о *личности* и *возрастѣ* и даже семейныхъ обстоятельствахъ высказывающагося, о его темпераментѣ и проч.; отсюда — не выпускаемыя мною подробности писемъ. *В. Р—въ.*

не получилъ-бы гораздо болѣе въ сіе время, и въ вѣкъ будущій жизни вѣчной». Лука XVIII, 29.

Такъ мудрено ли, что у христіанъ семья плохо держится? [1]).

Но черезъ 8—9 дней я выѣзжаю изъ Марковки въ Петербургъ и буду имѣть удовольствіе лично съ вами побесѣдовать. Теперь пишу только для того, чтобы успокоить свою душу: мнѣ ужасно больно, что ваше милое письмо, съ вырѣзками изъ вашихъ статей, такъ долго оставалось безъ отвѣта.—Кто это вамъ такъ ясно, кратко и мѣтко высказалъ впечатлѣніе, произведенное на него вашими статьями о полѣ? Грѣшный человѣкъ, я подумалъ тоже самое: «подъ гнетомъ духа любодѣянія!»

Сегодня, черезъ нѣсколько часовъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ Дмитрій [2]), запоздавшій здѣсь малую толику. Спѣшу кончить письмо, чтобы передать ему, для ускоренія времени. Остающіеся часы придется посвятить ему.

Мой сердечный привѣтъ глубокоуважаемой В. Д.; ребятишекъ цѣлую. Нужно поцѣловать и васъ?—Извольте, заочно; я и ребятъ своихъ только заочно цѣлую. Ахъ, Боже мой! позабылъ: Марѳа [3]) замужъ выходитъ за одного изъ здѣшнихъ помѣщиковъ. Въ январѣ свадьба.

Искренно преданный вамъ *Пл. Кусковъ.*

II.

Харьковъ. 29 Окт. 1899 г.

Дорогой В. В. Вы помните, что̀ вы мнѣ написали?—Что изрѣченія Христа противъ *дома, семьи* и *близкихъ* ставятъ вопросъ: «принесъ ли Онъ все благо на землю? ибо въ такомъ случаѣ есть часть блага, не отъ Него идущаго, и столь же драгоцѣннаго, какъ Его благо».

И вы думаете, что на это можно сказать только: «гм... гм..!»

---

[1]) Вотъ точный, яркій взглядъ, не допускающій «паданья на два колѣна». Христіанство *внѣ* семьи, христіанство —*безъ* семьи. При христіанствѣ и отъ христіанства семья пала, но это потому, что она и не нужна христіанству, и это въ томъ находитъ себѣ оправданіе, что христіанство выше семьи. Съ этой рѣзко выразившейся точки зрѣнія открывается совсѣмъ новое объясненіе не принятія христіанства евреями въ свое время и до сихъ поръ: «мы не можемъ отстать отъ нашей семейности (чистой и святой), а какъ она (даже въ чистомъ и святомъ видѣ) не примирима со Христомъ, то мы Его и не приняли, а Онъ насъ за это отвергъ». Эту точку зрѣнія, но только не какъ историческій и древній фактъ, а какъ протестъ своего сердца сейчасъ, я ему и выразилъ въ отвѣтномъ письмѣ, на которое получилъ новое письмо. *В. Р—въ.*

[2]) Третій сынъ пишущаго. Автору болѣе шестидесяти лѣтъ и онъ прожилъ долгую и прекрасную семейную жизнь, воспѣтую имъ, между другими темами, въ стихахъ («Наша жизнь», сборникъ стиховъ Пл. А. Кускова). *В. Р—въ.*

[3]) Младшая изъ трехъ дочерей пишущаго. *В. Р—въ.*

Христосъ принесъ на землю благо Царствія Божія, которое начинается тамъ, гдѣ кончаются блага, не Христомъ принесенныя [1]); и до тѣхъ поръ, пока эти блага не измѣнятъ вамъ: до тѣхъ поръ, пока вы не возненавидите ихъ и вмѣстѣ съ ними самую жизнь свою,—вы не готовы для оцѣнки благъ царствія Божія [2]). Но вы стоите на прекрасной дорогѣ: «Увы, люблю женщину, люблю самую ея наготу, милое дыханіе, милую теплоту ея тѣла. Да и не хочу я отрѣкаться отъ инстинкта, подарившаго мнѣ четырехъ херувимовъ!»—Такъ пишете вы. Превосходно! Такъ и слѣдуетъ все это любить, для того, чтобы потомъ, когда придется все это возненавидѣть, не начать искать утѣшенія въ чемъ-нибудь подобномъ же, а прямо ринуться къ тому, другому и новому свѣту, который открылъ Христосъ [3]), и ворваться въ двери Царствія Божія, да

---

[1]) Вотъ опять чрезвычайно цѣнная, потому что чрезвычайно опредѣленная мысль. Аскеты, не имѣя, и не уважали семью—это *одна линія;* но нашъ авторъ не только самъ семеенъ, но и высоко цѣнитъ и понимаетъ семью, и однако находитъ таинственно-религіозныя основанія всетаки раздѣлиться съ нею, отдѣлиться отъ нея ради Христа: это совсѣмъ *другая линія.* При этомъ онъ имѣетъ въ виду полное отверженіе семьи, а не «паданье на два колѣна» аскетовъ: «для себя и лично мы семью отвергаемъ; но какъ вы слабѣе насъ и безъ семьи не можете обойтись, то мы, всетаки мы, будемъ управлять (отрицательно и негпижорски) вашею семьею, и дабы это не казалось совсѣмъ чудовищно — признаемъ и даже будемъ настаивать, что мы семью вовсе не отвергаемъ». Въ послѣдней точкѣ зрѣнія, аскетически-властительной, нѣтъ послѣдовательности, чистосердечія и доброты. *В. Р—въ.*

[2]) Какъ хорошо, п. ч. точно! Точность есть методъ истины: ну, да, теперь понятно: *гдѣ кончился естественный міръ*—начался міръ Христовъ! «Не отъ сего міра—Царство». Но тогда *чей*-же «сей міръ»? въ шесть дней сотворенный? и *неудержимо въ себѣ творческій?»* Вопросы, на которые не отвѣтилъ-бы Пл. А. Кусковъ, принимающій «міръ» слишкомъ свѣтски, научно и раціонально, и исключающій изъ него «Божью тварь», отъ которой «первый есмь азъ». Вообще рѣшеніе Кускова только на первый взглядъ отвѣчаетъ на вопросъ, а въ сущности — само есть вопросъ, и притомъ безмѣрно углубляющій тему. *В. Р—въ.*

[3]) Такъ это и было исторически: ринулись ко Христу тѣ, которымъ ничего не оставалось въ жизни (см «житія, иже во святыхъ, отцовъ нашихъ»...). Такъ. Мудро. Истинно. Но *съ Кѣмъ-же* намъ въ міру-то оставаться? Мы не хотимъ *безъ Бога;* а Христосъ, по Кускову, сюда *не* идетъ. Является диллема.— въ самомъ дѣлѣ выраженная въ Евангеліи: *или* «отвергнуться міра» и идти за Христомъ, *или:* остаться въ міру — но безъ Христа. Но тогда съ Кѣмъ-же, съ Кѣмъ-же, и какъ? А безъ Христа прожить трудно. Да вотъ и примѣръ: мужъ больной, много уже лѣтъ больной, когда-то милый женѣ и безцѣнно милый. Теперь у нихъ бѣдность: жена могла-бы уйти, найти лучшую себѣ судьбу, но она *любила его, жила съ нимъ,* въ ея жилахъ уже течетъ его кровь, въ его—ея кровь, о, конечно не сознаваемо это, но дѣйственно, и она его не броситъ,—о, ни зачто! Кому припишете вы и «которому богу» припишите эту любовь? Вы скажете «христіанское милосердіе», но уже я отвѣчу, что вѣдь *ни для кого, какъ для мужа,* она этой жертвы не понесетъ, и несетъ, кромѣ христіанскаго, и въ другихъ мірахъ. Нѣтъ, ужъ тогда отдайте эту любовь, крѣпкую, особенную, *муже-женской тайнѣ:* и тогда, за вычетомъ, посчитайте, много-ли у васъ останется любви. «И къ концу міра охладѣетъ любовь»: да, безъ любви и жертвы онъ останется, похолодѣетъ, обледенѣетъ, если изсяк-

исполнятся слова Его: «Царствіе Божіе силою берется». А не придется возненавидѣть, тогда вамъ въ царствіи Божіемъ не будетъ и надобности: оно принадлежитъ нищамъ, несправедливо гонимымъ, голоднымъ и плачущимъ. Дай вамъ Богъ обойтись безъ него! если вамъ и безъ него хорошо.

У меня, недѣли двѣ назадъ, нѣтъ, больше, это было 9 и 10 октября...—такіе были два припадка удушья, что я дней десять отъ нихъ не могъ оправиться. Думалъ, что конецъ пришелъ.

Въ Харьковъ пріѣхалъ съ докторами совѣтоваться, но понемножку оправился и такъ хорошо себя чувствую, какъ давно ужъ не чувствовалъ. Думаю побывать хоть ненадолго въ Петербургѣ. Тогда побываю и у васъ—покалякаемъ.

Я здѣсь М—ѣ готовлю приданое.

Черкните и вы мнѣ два-три слова въ отвѣтъ на мой отзывъ. Мнѣ очень интересно знать, что̀ вы скажете. И я васъ въ «духѣ любодѣянія» не упрекалъ. Это выходитъ только такъ съ той точки зрѣнія, на которую сами вы хотѣли установить читателя для оцѣнки вашихъ воззрѣній.

Мой поклонъ сердечноуважаемой В. Д.

Искренно преданный вамъ *Пл. Кусковъ.*

III.

Одесса. 19 Ноября 1900 г.

Дорогой В. В.!

...Какія Вы мои письма хотите печатать? Я помню весьма смутно, что я Вамъ писалъ. Мнѣ помнится, на Ваши сѣтованія о томъ, что у насъ, христіанъ, семья не занимаетъ въ жизни такого почетнаго мѣста, какое она имѣетъ напр. хоть у мусульманина, я сказалъ Вамъ: «Еще бы!» и, указалъ на то мѣсто Евангелія, гдѣ сказано: «Кто приходитъ ко Мнѣ, и не возненавидитъ отца своего и матери, и жены, и дѣтей, и братьевъ, и сестеръ, а притомъ и самой жизни своей, тотъ не можетъ быть моимъ учителемъ». (Лука X, 26). Но сказалъ ли я Вамъ, при этомъ, какъ я, самъ про себя, понимаю это мѣсто? Я думаю, что это грубая передача чрезвычайно тонкой и понятной идеи. Ученіе Христа есть ученіе о Царствіи Божіемъ. Люди, пользующіеся въ жизни разными благами, могутъ не чувствовать и нужды въ Царствіи Божіемъ. «Никто, возложившій руку свою на плугъ и озирающійся назадъ, не благонадеженъ для Царствія Божія» (Лука IV, 62). Но какъ драго-

---

нетъ, какъ выражается Пл. Ал., вотъ это «причащеніе жизненнаго огня». Вообще здѣсь незамѣтно *изслѣдованіе* темы переходитъ въ *споръ, антагонизмъ*: и опять-же чрезвычайно много даетъ историческихъ объясненій этотъ антагонизмъ, какъ и обѣщаетъ много въ будущемъ. Кровь и мистицизмъ ея сталкивается съ духомъ и идеализмомъ его. *В. Р—въ.*

цѣнная жемчужина для купца, ищущаго такихъ жемчужинъ, будетъ оно для человѣка, потерявшаго все, что было у него въ жизни самаго лучшаго: любовь и уваженіе къ родителямъ, вѣру въ жену, надежду на дѣтей, все такое, безъ чего самая жизнь станетъ для него ненавистна. Только такой человѣкъ,—если при этомъ онъ сохранилъ въ сердце своемъ достаточно свѣжести, подобно мудрымъ дѣвамъ, уберегшимъ масло въ сосудахъ своихъ,—прильнетъ ухомъ своимъ къ ученію Христа о Царствіи Божіемъ.

Мой глубокій поклонъ всѣмъ Вашимъ.

Вашъ *П. Кусковъ.*

---

8. Отзывъ Гатчинскаго Отшельника [1]).

...Мы только *балуемся* Востокомъ и язычествомъ, балуемся по совершенной невозможности проникнуть въ психологію тѣхъ міровъ, тѣхъ началъ. Вотъ напр. я только-что вычиталъ въ газетѣ: «въ китайскихъ городахъ каждый день кто-нибудь умираетъ на улицѣ,—отъ голода умираетъ.—Собирается народъ. *Смѣются*, глядя на томленіе умирающаго». Ну, и благоволите *понять* это и почувствовать *такъ*! Да, звѣзда и звѣзды—какъ управительницы судебъ! Со звѣзды Евангеліе начинается. *Все пріемлемое умомъ и сердцемъ* [2]) *въ язычествѣ—покрывается христіанствомъ какъ часть цѣлымъ.* Билліонная доля истины—и она не пропадетъ, не затеряется въ исторіи, когда-нибудь принесетъ дивный плодъ, но именно на почвѣ христіанства. Все, все лучшими человѣческими чувствами [3]) пріемле-

---

[1]) Письма Кускова меня заставили очень задуматься, и я переслалъ ихъ г. *Гатчинскому Отшельнику* (его другіе литературные псевдонимы — *Рцы* и *Вл. Заточниковъ*), прося отзыва, который здѣсь и помѣщаю. *В. Р—въ.*

[2]) Да это большая разница: очень легко, «пріемлемое умомъ и сердцемъ» усвоить себѣ, сказавъ: «это—мое». Но тутъ мы не начинаемъ-ли играть *чужими козырями*, т. е. немножко нечестно? Легко сказать: «мое». Нѣтъ, ты *роди* и тогда о выношенномъ утробою можешь сказать: «это *точно* мое». А то вѣдь «съ чужого коня середи дороги долой», да и за чужими подписями векселя не всегда дѣйствуютъ. Вообще это—точка зрѣнія риторически—пріятная. «Люблю весь міръ и весь міръ усвоиваю себѣ: самъ-же ничего не дѣлаю»; «я добръ—а поэтому пожалуйте мнѣ ваши капиталы». Но вѣдь міръ, т. е. *не*-европейскій и *до*-европейскій, можетъ оказаться менѣе снисходительнымъ и болѣе суровымъ: «нѣтъ, я уже лежу въ могилѣ, въ могилу вы меня уложили: и не трогайте меня, а главное—не трогайте моего. Сами наживите богатства, ну хоть вотъ наживите еще Рахиль и Лію, еще моавитянку Руѳь, и терпѣливаго Іова; попробуйте составить сами псалмы, и наживите научнымъ путемъ Соломонову мудрость, но меня оставьте: сами-же объявили, что Ветхій Законъ упраздненъ; не трогайте и рядомъ со мной уложеннаго эллина, не трогайте хотя-бы для вашихъ школъ и дѣтей. Оставьте насъ лежать до страшной трубы — второго пришествія Христова, которое разсудитъ, отличитъ рожденное отъ подражающаго, и подлинныя богатства отъ заимствованныхъ, и каждому вернетъ свое, и каждому воздастъ за свое». *В. Р—въ.*

[3]) Тутъ вотъ и начинается великая проблема пола, и даже, опредѣленнѣе

мое, пріемлетъ и оно. Но глумиться надъ страданіемъ, но подходить съ зубоскальствомъ къ великому таинству смерти... извините! Сіе—*Анти-Христово*! Но вотъ тѣ-же китайцы: благородный, пре-

---

и точнѣе—одного полового акта an und für sich. Пріемлимъ-ли онъ «лучшими человѣческими чувствами» тоже an und für sich ихъ? Авторъ въ другомъ письмѣ рѣзко писалъ мнѣ, правда два года до времени настоящаго письма, слѣдующія слова, утверждающія «абсолютную непріемлемость христіанствомъ» полового акта: «...Или вы будете имѣть безстыдство опять морочить здравый смыслъ ссылками на таинственный процессъ дѣторожденія? Да развѣ онъ не *томъ*-же и въ бракѣ, и въ блудѣ? Песъ ничего не говоритъ (NB. безмолвенъ: но что-же, ничего онъ и не *чувствуетъ*? *В. Р—въ*) и *производитъ*; мой пріятель NN поетъ tra-la-la и тоже *производитъ*. Одинъ В. В. Р—въ умудряется *философствовать* во время акта и потому—святъ?! Тутъ приходится выбирать между явнымъ безуміемъ или явно нечестнымъ отношеніемъ къ спору, къ завѣдомо добросовѣстнымъ, простымъ и яснымъ возраженіямъ оппонента.

«Очевидно, что *не* въ coitus'ѣ центръ брака: такъ въ чемъ-же?

«А въ томъ, что такая ужасная мерзость (NB—«*не* пріемлется умомъ и сердцемъ», «лучшими человѣческими чувствами не пріемлется» *В. Р—въ.*), какъ coitus', съ точки зрѣнія христіанства мерзость,—такое ужасное преступленіе, такой *непрощеный* грѣхъ—*прощается, разрѣшается, терпится, допускается.*

«За убійство въ Сибирь, но война освящаетъ преступленіе — убивай!

«За совокупленіе — геена огненная, но *бракъ разрѣшаетъ, отпускаетъ* этотъ тягчайшій, по христіанскому взгляду, изъ грѣховъ.

«Бракъ въ его *сакраментальной,* таинственной, религіозной сущности, есть подпись «Директоръ Ламанскій» на бумажкѣ, за каковую подпись: а) въ Сибирь, если вы *сами* ее, *отъ себя* выпустили, и б) *ничего*, если она отпечатана въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ и носитъ названіе «кредитный билетъ».

«Бракъ — это индульгенція отъ тягчайшаго изъ грѣховъ (при этомъ я всецѣло раздѣляю со многими другими недоумѣніе: для чего-же этотъ непростимый грѣхъ съ такою силою внедренъ въ меня; но рѣчь идетъ не о моемъ или нашихъ недоумѣніяхъ, а о *положительной догмѣ* христіанства),—бракъ не что иное, какъ *индульгенція*, покупаемая цѣною жизни. Да, дорогою, кровною цѣною покупается право творить сію мерзость!! Я не люблю свою жену, *она* меня не любитъ, совмѣстная жизнь невозможна — нужды нѣтъ! Для *гадости* тебѣ вторую лѣсенку не подставятъ (NB: эти страстно сказанныя слова объясняютъ истинный мотивъ *не* расторжимости у христіанъ брака, каковая нерасторжимость драпируется въ заботу о прочности и вѣчности семейной жизни. *В. Р—въ*). *Умерла* жена. Тѣмъ лучше (NB. какой ужасный пессимизмъ воззрѣнія на бракъ: но онъ очень точно выражаетъ status quo брака въ Европѣ. *В. Р—въ*), ибо ты перестанешь творить мерзость, пусть она, эта мерзость, по немощи нашей и узаконена, индульгирована. Вѣдь *второбрачные* уже подпадаютъ подъ *эпитемію*, вѣдь священнику и вовсе вторично нельзя жениться. Наконецъ, допустимъ, что я *отъ живой жены* схожусь съ другой—какой ужасъ! Церковь тутъ уже дѣлается прямо *лютою*, безпощадною! Не говоря уже о моемъ личномъ, всеконечномъ осужденіи, она *дѣтей* моихъ казнитъ. Вѣдь никогда, никогда усыновить ихъ мнѣ не удастся! Вѣдь навѣки эти несчастные, абсолютно ни въ чемъ неповинные, становятся бл—довыми сыновьями и дочерьми». Припомните Бецкаго. Его отецъ князь Трубецкой былъ женатъ, разошелся съ женой и, живя за границей, женился на дѣвушкѣ хорошаго семейства и прижилъ сына. Какъ-же поступила церковь? Смилостивилась-ли она надъ этой бл—дью? Сняла-ли незаслуженную казнь съ ея сына? Нѣтъ, Трубецкой-сынъ такъ и остался «Бецкимъ», и если идеи этого возвышеннаго, благороднаго человѣка содѣйствовали торжеству *анти-христіан-*

красный культъ покойниковъ? Пожалуйте, ждемъ не дождемся [1].

скихъ,—но глубоко человѣчныхъ, конечно,—началъ въ отношеніи блуднаго житія вообще съ его ужаснымъ послѣдствіемъ для *несчастно-рожденныхъ*, ибо въ отношеніи прелюбодѣянія (т. е. сожитія отъ живой жены, все равно открыто-честно, или подъ фиговымъ листкомъ антиканоническаго *двуженнаго* брака) законъ ни въ чемъ не измѣнитъ своей суровости: дѣти, рожденныя отъ пре-лю-бо-дѣ-янія, никогда, никогда не будутъ узаконены. Да иначе и быть не можетъ. Уступи только въ этомъ пунктѣ церковь, ей неминуемо придется допустить обсужденіе возможности развода,- даже или можетъ быть первѣе всего по той единственной причинѣ, что *онъ* или *она* не любятъ другъ друга. Разъ будетъ допущено это,—нелѣпою представится эпитимья, налагаемая на второбрачныхъ, да и самое запрещеніе священникамъ жениться вторично врядъ-ли удержится. И, такимъ образомъ, все *черное*, *монашески*-созданное зданіе аскетическаго христіанства рухнетъ. Останется основа въ углу зданія отъ вѣка и до вѣка положенная... Тогда другой разговоръ!

«Тогда...

«Ну, если дѣло станетъ на эту почву, то станетъ возможнымъ принять къ обсужденію и недоумѣніе: какимъ образомъ, если coitus есть грѣхъ, то этотъ грѣхъ такъ внедренъ въ нашу природу, и мучительный вопросъ касательно непримѣнимости монашескаго идеала къ *мірскому* житію... Вотъ тогда и ваши соображенія относительно чистоты того, что *яростно* (NB! *В. Р—въ*) понимается нечистымъ, будутъ, можетъ быть, приняты въ соображеніе... Да мало-ли что тогда произойдетъ! Можетъ быть торжественно придется закричать: «да вѣдь христіанство до сихъ поръ пустило только одинъ ростокъ, и этотъ бѣдный и блѣдный ростокъ мы, дураки, приняли за все чудное древо жизни»!!!

«Мало-ли что тогда будетъ... А пока... Или мы стоимъ на почвѣ протестантскаго субъективизма, или же мы всецѣло подчиняемъ себя положительному ученію церкви. Съ этой послѣдней точки зрѣнія только и можно сказать въ заключеніе: dura lex, sed lex».

Письмо это написано въ 1896 году. Теперь, какъ видно изъ статьи «Безсмертные вопросы», авторъ перемѣнилъ свой взглядъ. Но обратимся къ анализу его мыслей въ 1896 году. Если опустить смутныя и колеблющіяся чаянія въ заключительныхъ строкахъ письма, то очевиденъ взглядъ его, тысячелѣтне-застарѣлый взглядъ, на coitus какъ на «невообразимую мерзость», ужъ конечно «не пріемлемую чистымъ сердцемъ и здравымъ умомъ». И такъ, въ сущности, и было тысячу лѣтъ, отъ чего самый честный бракъ и самое чистое въ бракѣ житіе считалось всетаки и всѣми — грѣшнымъ, слабостью, уступкой животной сторонѣ своей природы. Но, какъ онъ догадался къ 1899 году, безъ coitus'а «таинство совсѣмъ выпаривается», «его вовсе нѣтъ». Такимъ образомъ очевидно, что отъ библейско-эллинскаго брако-сочетанія въ Европу перешла только fata-morgana, нѣкоторые жесты и символы, а не плоть и кровь; нѣкое: «сіе творите въ воспоминаніе», а вовсе не сущность. Но, однако, бракъ, семья суть-ли malum, зло? Никто не скажетъ. Значитъ всякій долженъ отвергнуть и идею г. *Гатчинскаго Отшельника* въ послѣднемъ, приводимомъ нами въ текстѣ письмѣ, относительно «полноты полнотъ»... *В. Р—въ*.

[1]) Да вѣдь *все въ связи*, и можетъ быть *отъ того* мы и «не дождемся» этого *чужого* богатства, какъ и «еврейской семьи» (см. его письмо ниже), которая «не перешла къ намъ». Вообще замѣчательно, что мои корреспонденты точно не замѣчаютъ всего объема вопроса, больше играя на струнахъ своего сердца, чѣмъ озираясь извнѣ и собирая черты «вѣка сего» и минувшихъ. У китайцевъ (вѣроятно) есть концепція линіи рожденій, какъ пульса *одной* жилы: и оттого далекія кончики жилы естественно чувствуютъ ея начала «Богъ *отцовъ нашихъ*—Авраама, Исаака и Іакова»... Вотъ какъ далеко: еще Авраама помнятъ. Скажемъ-ли мы, становясь на молитву передъ сномъ: «Боже отцовъ нашихъ, *Рюрика и Гостомысла*»... Совсѣмъ другая психологія. Я

Мы свиньи, а вы умники. Научите, покажите. Христіанство ждетъ не дождется *восполненія полноты* [1])... Такъ въ Египтѣ, которому вы начинаете отдавать свое вниманіе, такъ всюду... Если только есть іота, пріемлемая умомъ и сердцемъ [2]).

Приходитъ иногда въ голову: послѣ торжества христіанства, т. е. какъ-бы вселенскаго его распространенія—вдругъ *мусульманство*? Откуда сіе? Да очевидно, благодаря попыткѣ монаховъ свернуть широчайшую Волгу въ ручеекъ—ниточку аскетически-христіанскаго *толка* [3]). Идеальная еврейская семья въ новый міръ не перешла [4]).

дальше дѣда у себя никого не помню, и дѣда-то знаю лишь изъ отчества отца: Василій *Ѳедоровичъ*, значитъ Ѳедоръ. Больше ничего не знаю. Сколькихъ *они помнятъ*, какъ отцовъ: каждую субботу зажигаются четыре свѣчи, въ память 4-хъ бабокъ Израиля: Сарры, Ревекки, Рахили и Ліи. Они помнятъ чадородіе пра-матерей, характеръ каждыхъ родовъ у этихъ бабокъ. Съ характеромъ и судьбою и рокомъ этихъ родовъ связаны благословеніе и завѣтъ Израиля... Теперь мы бы и готовы сказать: «а—это наше! а намъ!». Но то будутъ безсильныя и напрасныя слова. Мы однако отвлеклись: культъ покойниковъ у китайцевъ вѣроятно связанъ съ особеннымъ чувствомъ рожденія. И нельзя-же стаскивать съ нихъ ихъ одѣяло и одѣваться въ него самимъ. Suum cuique. Здѣсь наша тема (безконечный хамелеонъ) изъ «благочестивыхъ пожеланій», pia desideria, переходитъ въ критику. *В. Р—въ.*

[1]) Отъ чужихъ? сосѣдей или древнихъ? Если точка зрѣнія Кускова вѣрна, то въ христіанствѣ *вовсе нѣтъ семьи и вообще не достаетъ нѣкоторыхъ кусковъ цѣлины*, — и очевидно придется или 1) пришить чужія полотнища къ нему: такъ наука и начала *внѣ христіанства рости*, или 2) придется переткать всю ткань его, перемѣшивая нити христіанства съ языческими, іудейскими и эллинскими: но тогда пала-бы проблема: «всѣхъ привести ко Христу», ибо очевидно пришлось-бы *самимъ пойти къ другимъ*,—да и прежде всего *начать воскрешать многое. В. Р—въ.*

[2]) Авторъ, не замѣчая того, становится на индивидуалистическую точку зрѣнія: мое «*я*» есть критеріумъ благого и разумнаго. Но не только Римскій папа, но и почившій Филаретъ скажетъ: «мы умерли лично—и таинственно воскресли во Христа; и не умеревъ въ своемъ *я*, въ своемъ сужденіи и различеніи добраго и лукаваго, нельзя воскреснуть со Христомъ, чтобы Христомъ (а не собою) судить лукавое и доброе». Авторъ здѣсь ускользаетъ отъ прямыхъ и трудныхъ вопросовъ въ *бездонный субъективизмъ. В. Р—въ.*

[3]) Слишкомъ наивное объясненіе. Очень интересно было Омару знать «Уставъ Ѳеодора Студитскаго». —«Море, уже море,—я не могу идти дальше!», воскликнулъ который-то арабскій полководецъ, вогнавъ коня въ Атлантическій океанъ за Гибралтаромъ: «Земля кончилась—и я сажусь, не по усталости, но потому, что она кончилась!» Это—совсѣмъ *другой* духъ, а вовсе не корректура не удачно напечатанныхъ первыхъ страницъ «Исторіи Христіанства». Вообще вѣчное разсмотрѣніе всего съ точки зрѣнія «насъ» и «мы», столь неудержимое въ европейцахъ («хвастливый ляхъ») едва-ли вѣрно и иногда смѣшно. *В. Р—въ.*

[4]) Да почему не перешла? Съ этого *начинается вопросъ*, а авторъ постановку вопроса считаетъ снятіемъ самой темы. До очевидности понятно, что подъ отрицательнымъ взглядомъ на семью должны были произойти *съуженныя* и *неудобныя* для нея нормы, въ своемъ родѣ *путы* на «могущаго бѣжать» (и въ эллинизмъ, и въ іудейство), и въ нихъ естественно семья «заковыляла» «куда нибудь» и «какъ нибудь». Брошенъ кусокъ семьи человѣку, и какъ-бы ни пришелся горекъ, по случаю или судьбѣ—«больше не проси». *В. Р—въ.*

Явилось фактическое многоженство. Лукавый фактъ [1]) мусульманство возводитъ въ честно-открытый догматъ. Улавливая первооснову, понимаешь, почему *все* въ мусульманствѣ должно было получить характеръ чего-то *честнаго* и *серьезнаго*. Зная все это, разжевавши все это въ сознаніи, станешь-ли говорить себѣ: мусульмане *честны* [2]), а мы лукавы, ergo христіанство... Да вовсе не при чемъ христіанство въ томъ, что дураки или негодяи портятъ дѣло. При многихъ несомнѣнныхъ положительныхъ качествахъ, мусульманство всетаки не болѣе, какъ узкая и душная щель, а христіанство—обсолютный *Панъ*, полнота полнотъ.

Пл. Ал. Кускова очень цѣню, но существенные аргументы его письма не убѣждаютъ меня.

Приводимые имъ тексты (Матѳ., X и др.) суть *труднѣйшіе* для пониманія. — Приводить ихъ, *ничтоже сумняся*, можно только въ полемикѣ съ какимъ-нибудь профессоромъ семинаріи, ad publicum, и чтобы отвязаться отъ него: «ну, на, читай», въ лукавомъ разсчетѣ, что противъ рожна точныхъ словъ онъ не попретъ, но *честнымъ образомъ*, между мудрыми — на нихъ ссылаться нельзя. Вѣдь въ Евангеліи намъ даны твердыя, ясныя величины, *А* всегда равное *А*, а затѣмъ множество *x*—величинъ неизвѣстныхъ. Притча о блудномъ сынѣ=*А*. Милосердный самарянинъ = А. Все, касаю-

---

[1]) «Вѣрные—ходите на ваши *нивы*», попалась мнѣ въ *Коранѣ* одна строка. афористическая. У мусульманъ *конечно меньше*, чѣмъ у насъ, фактическаго (тайнаго) много-женства; у насъ *мало*-брачіе, но *много*-«знайство» (*«и позналъ* Адамъ Еву», Быт., 4) женщинъ. Совсѣмъ я не видалъ ни одного христіанина, который-бы *испыталъ* одну женщину. Валандаясь, между 18—28 г.г. съ проституціей, онъ имъ *и счетъ потерялъ.* Въ мусульманствѣ (я распрашивалъ татаръ-старьевщиковъ и на Кавказѣ) *осуществленная моногамія* и *едино*-«знайство» женщины, добровольное: ибо вѣдь рождается дѣвушекъ почти ровно-столько, сколько мальчиковъ (немножко больше), и лишь очень богатымъ достается этотъ кусочекъ лишка рожденныхъ дѣвушекъ; но такъ какъ никого «въ дѣвахъ» не остается, то средній, т. е. почти всякій мусульманинъ, едва раздобывъ, похитивъ женщину или купивъ ее себѣ («калымъ», который хранится въ приданое на случай развода), во всякомъ случаѣ, нѣчто за нее пожертвовавъ,—только ее одну и знаетъ, даже почти ее одну видитъ. Но перейду къ строкѣ Корана: эта чистѣйшая *одно*-женная мусульманская жизнь и образовалась на почвѣ первоначальнаго законодательнаго *много*-женнаго завѣта: «ходите на ваши *нивы*», при которомъ расхватали дѣвушекъ, и когда дѣвушекъ не осталось — а ихъ сейчасъ-же не осталось — водворилась строжайшая съ ними бережливость, какъ съ дорогимъ товаромъ [у насъ «лежалый товаръ», «засидѣвшіяся дѣвы» и даже «безнадежныя», такъ что ужъ сама, несчастная, хоть кому-нибудь и насколько-нибудь времени отдается («паденія»), только бы «возстановилъ семя вѣчнаго родительства»]. Рѣдкого коня нужно беречь; дорогое ружье — въ чахолъ. Такъ и съ женой на Востокѣ — по простѣйшимъ причинамъ. Но никогда «Пророкъ» и мусульманство не стояли на точкѣ зрѣнія: «ахъ, что дѣлать: лукава природа человѣческая, но будемъ честны: возьмемъ гнусность во всей ея необоримости». Такъ разсуждаютъ петербургскіе писатели, а не восточные пророки. *В. Р—въ*

[2]) Замѣчательна, дѣйствительно, честность мусульманъ: «кого казначеемъ» говорятъ въ южно-русскихъ артеляхъ на промыслахъ: – «Да кого-же?—Абдулку».

щееся любви, состраданія, милости и пр., все это [1]) твердыни=А. И вдругъ загадочный *x*, какъ бы исполненный суровости, жестокости, почти безчеловѣчія... Нѣтъ, мудрый съ легкимъ сердцемъ не скажетъ: «Эврика! *x*=не *A*», и въ конечномъ анализѣ:

А=не А

Лично для своего пониманія названные *труднѣйшіе* тексты я контекстирую съ Матѳ. 13, 33: «Иную притчу сказалъ Онъ имъ: Царство Небесное подобно закваскѣ, которую женщина, взявъ, положила въ три мѣры муки, доколѣ не закисло все», и еще выше, ст. 31, о зернѣ горчичномъ. Если не *все*, то очень, очень многое дѣлается понятнымъ подъ этимъ угломъ. Въ уподобленіи *зерну* раскрыты историческія *внѣшнія* судьбы христіанства. Бродило, дрожжи объясняютъ вѣчную *бгучесть* христіанства со стороны психологической, *субъективной*. Указывается просто на *фактъ*, и что-же въ самомъ дѣлѣ такъ раздѣляло человѣчество, какъ *бродило* христіанства?..

Вашъ *Гатчинскій Отшельникъ*.

---

9. Бракъ и дѣвство—священника А. П. У—скаго.

I.

Любезнѣйшій В. В.!

Сейчасъ раскрылъ я № 50 «Церковнаго Вѣстника» [2]) и встрѣтилъ въ немъ лишь новое подтвержденіе того, какую незамѣнимую

Всегда въ русской артели, съ примѣсью мусульманъ, —казначеемъ выбирается мусульманинъ, вѣрный и не пьющій. Первое растлѣніе человѣка — въ семьѣ, и когда семья фальшива, дѣти изъ нея выростутъ фальшивые. *В. Р—въ.*

[1]) Поразительно, однако, что «А—величины» всѣ *не получили себѣ реализаціи*, ибо вѣдь странно было-бы называть европейскую цивилизацію наиболѣе цивилизаціею «не убій», «не обидь», «подними на дорогѣ замерзающаго». Это—fata-morgana, которая всегда манила пересохшее горло европейца; но «*x*—величины», напр. о скопчествѣ и вообще около и вокругъ семьи, *всѣ реализировались съ ужасною силою, совершенно неодолимою мощью.* Идеалъ дѣвства даже не входитъ въ «пути блаженства» нагорной проповѣди,—между тѣмъ по степенямъ дѣвства, по ступенямъ дѣвственности размѣстились три церкви, весь христіанскій міръ: и это *совершенно неодолимая* тенденція. Между тѣмъ, въ Евангеліи почти ничего и нѣтъ о дѣвствѣ: но *кое-что* есть, однако, въ «заключительномъ словѣ», какъ безмолвный жестъ. Но тайна, нѣга и легкость указаній, какъ будто прощающихъ непослушаніе (*не* дѣвство), она то и увлекаетъ, впослѣдствіи она-то и разражается громами. Такъ часто вся жизнь друга для васъ незамѣтна, но помнится и истиненъ и поразителенъ какой-нибудь одинъ его взглядъ, шопотъ, предостереженіе; или жена любимая умерла и передъ кончиной сказала: «если ты меня любишь — ты не женишься». И все померкло въ вашей памяти, но это помнится. Такъ-же случилось, и можетъ быть и таковоже истинное отношеніе, между «А—величинами» и «*x*—величинами». *В. Р—въ.*

[2]) Журналъ С.-Петербургской Духовной Академіи. *В. Р—въ.*

услугу дѣлаете вы русскому религіозному сознанію, поднявши въ печати вопросъ о бракѣ по существу. Вѣдь по этому вопросу у насъ дѣйствительно царитъ невообразимый сумбуръ и страшная путаница понятій. Вотъ вамъ образчикъ. Въ названномъ № «Церковнаго Вѣстника», въ статьѣ «Бракъ по ученію Христа Спасителя», авторъ пренаивно заявляетъ: «Бракъ честенъ, ибо при помощи его человѣкъ преодолѣваетъ грѣховную похоть невоздержанія... Бракъ безукоризненъ...» (стр. 1730).

Во-первыхъ, въ бракѣ человѣкъ не преодолѣваетъ, а, напротивъ, удовлетворяетъ ту похоть, которую нашъ авторъ назвалъ грѣховною похотью невоздержанія. Во-вторыхъ, кто же и когда эту похоть, по ея существу, богосозданности и цѣлесообразности, возвелъ въ рангъ—грѣховной? Въ-третьихъ, если эта похоть дѣйствительно грѣховна по самой природѣ своей, то какимъ же образомъ бракъ можетъ быть честнымъ и безукоризненнымъ? [1]).

Предоставивъ автору названной мною статьи рѣшать поставленные мною вопросы, самъ я поведу съ вами рѣчь о томъ, о чемъ уже давно собирался побесѣдовать, а именно: о бракѣ по существу съ христіанской, библейской, евангелической точки зрѣнія. Всѣ, сейчасъ названные мною эпитеты, объединяются въ одномъ терминѣ—христіанской догматики. Итакъ, какъ же смотритъ на бракъ по существу христіанская догматика? Здѣсь, подъ выраженіемъ «бракъ по существу», я, вслѣдъ за вами, разумѣю и понимаю актъ или моментъ сокровеннаго супружескаго соитія, сопряженія «двухъ въ плоть едину», тотъ актъ, который въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ быть обозначенъ словомъ «зачатіе». Но терминъ «зачатіе» не совсѣмъ точенъ [2]), такъ какъ имъ не всегда покрывается названный актъ.

Здѣсь я сдѣлаю маленькое отступленіе. Пусть никто не называетъ неприличною поднятую тему. И это вотъ почему. Въ церковномъ богослужебномъ Евангеліи, непрестанно возлежащемъ на Святомъ Престолѣ въ алтарѣ, въ каждомъ православномъ храмѣ, въ

---

[1]) Слѣдовало-бы спросить: какимъ образомъ можетъ *быть* бракъ? *Возвестись* въ какой-либо положительный рангъ? Тѣмъ паче—въ рангъ *святаго таинства?* Какъ только мы допустимъ хотя-бы минимально отрицательное воззрѣніе на полъ и его точки и секунды, мы ничего не получимъ, кромѣ *степеней* проституціи, или совершенно безпорядочной, или высоко *упорядоченной*—въ *семьѣ*; но, однако, и въ семьѣ—только проституція. *В. Р—въ.*

[2]) Собственно, это есть актъ *открытія* въ едино-слитномъ «я»—«отца и дитяти», «матери и дитяти»: ибо послѣдняго безъ акта этого не бываетъ; существо младенца, предвѣчное по существу, эмбріонально предустановленное въ каждомъ «я»—есть причина прилѣпленія, и по этой движущей и образующей причинѣ мы должны опредѣлять самый актъ. Онъ можетъ не окончиться младенцемъ: но это уже внѣшній для дѣвы и юноши процессъ, которые въ себѣ самихъ все равно уже отпрянули въ древность «отчества» и «материнства», постарѣли сейчасъ-же въ мѣру выявившагося изъ нихъ второго «я». «*Отецъ*»—это «*вчера я*», «*младенецъ—завтра я*», на которые распалось теперь исчезнувшее «*сегодня*». *Соитіе* есть разложеніе *есмь* въ *былъ* и *буду*. *В. Р—въ.*

концѣ обыкновенно прилагается мѣсяцесловъ, и въ этомъ мѣсяцесловѣ каждый священникъ подъ 9 числомъ декабря прочитываетъ слѣдующую помѣтку: «Зачатіе св. Анны, егда зачатъ святую Богородицу», а подъ 23 числомъ сентября: «Зачатіе Іоанна Предтечи».

Теперь, если слово «зачатіе», по разуму и голосу церкви, удостоено того, чтобъ быть помѣщеннымъ въ Церковномъ Евангеліи и постоянно пребывать на Св. Престолѣ, предъ Всезрящими Очами вездѣсущаго Бога, то не тѣмъ ли болѣе не можетъ быть постыднымъ или неприличнымъ употребленіе этого, или подобозначущаго ему, слова въ обыденной нашей рѣчи, или на страницахъ какой-либо книги? Но этого еще мало. Для божественнаго сознанія между словомъ и дѣломъ нѣтъ промежутка, или паузы, нѣтъ разстоянія. Если слово «зачатіе» постоянно возлежитъ на св. престолѣ, предъ очами Всезрящаго, то точно такъ же предлежитъ сознанію Вездѣсущаго и Всевѣдущаго и соотвѣтствующее этому слову дѣйствіе [1]).

Что же такое этотъ супружескій актъ: спасеніе или погибель, добродѣтель или грѣхъ, нормальность или беззаконіе? Нужно замѣтить, что въ православныхъ догматикахъ этотъ вопросъ не только не рѣшается, но даже и не ставится [2]). И, конечно, только этимъ обстоятельствомъ можетъ быть объяснено появленіе въ печати различныхъ до противоположности рѣшеній этого вопроса. Мнѣ на своемъ вѣку довелось встрѣтиться только съ тремя писателями, которые высказались по данному вопросу вполнѣ ясно, открыто и опредѣленно. Писатели эти: швейцарскій пасторъ Дю-Туа и наши Вл. Соловьевъ и Н. Н. Неплюевъ. Думаю, что въ своихъ замѣткахъ по поводу ихъ мнѣній я успѣю высказаться вполнѣ. Въ настоящій разъ остановлюсь на взглядахъ пастора Дю-Туа, тѣмъ болѣе, что онъ основываетъ взглядъ свой на догматической почвѣ.

Взглядъ свой на существо брачныхъ отношеній Дю-Туа высказалъ въ своемъ обширномъ сочиненіи: «Божественная философія въ отношеніи къ непреложнымъ истинамъ, открытымъ въ тройственномъ зерцалѣ: вселенной, человѣка и Священнаго Писанія». Книга эта переведена на русскій языкъ и издана въ печати въ Москвѣ, въ университетской типографіи, въ 1818 году. Она, не-

---

[1]) Какъ глубоко и важно это точное, математическое соображеніе. Въ сущности, мы *не научимся* сопряженію, не *войдемъ въ истину* сопряженій, пока какъ-бы каленымъ желѣзомъ не будетъ выжжено въ крови и костяхъ нашихъ ощущеніе: что вотъ—Очи Вышняго, и вотъ—намъ предлежитъ передъ Ними совершить правду. Шуточное тогда исчезнетъ. И нѣкоторое краткое молитвословіе *передъ* и *послѣ* станетъ непремѣннымъ требованіемъ *В. Р—въ.*

[2]) Нужно замѣтить, что какъ религіозное «ученіе о таинствѣ брака» такъ и каноническое право, около факта брака вращающееся, построено «на песцѣ», если оно не исходитъ изъ опредѣленной и рѣшительной доктрины о фундаментѣ всего: тогда это золоченыя рождественскія скорлупки», въ коихъ не содержится вовсе живого, да и никакого, зерна. *В. Р—въ.*

смотря на нѣкоторыя крайности въ воззрѣніяхъ автора, представляетъ собой превосходный матеріалъ для чтенія и назиданія для всѣхъ тѣхъ, въ комъ основательное образованіе соединилось съ пламеннымъ благочестіемъ; кто въ дѣлѣ вѣры не ограничиваются однимъ празднымъ разглагольствованіемъ, а ежедневно и жизнь свою, и душу свою приносятъ въ жертву всесожженія Безсмертному Богу. И потому было бы въ высшей степени желательно, чтобы кто-либо вновь перевелъ эту книгу съ французскаго на современный русскій языкъ и издалъ въ печати для религіознаго просвѣщенія своихъ соотечественниковъ. Но обратимся къ взгляду Дю-Туа на нашъ вопросъ. Разсуждая въ 6 части своей книги о способѣ передачи первороднаго [1]) грѣха отъ предковъ къ потомкамъ, Дю-Туа говоритъ, что «сей грѣхъ или пятно вкореняется посредствомъ *похоти* въ дѣлѣ рожденія» (стр. 106). Свою мысль Дю-Туа основываетъ на нѣсколько выше приведенномъ имъ текстѣ изъ 50-го псалма царя Давида: *«се въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя»* (ст. 7). Мысль безспорная. Дѣйствительно, каждый изъ насъ получаетъ первородный грѣхъ вмѣстѣ со своимъ зачатіемъ и рожденіемъ. Но Дю-Туа этимъ не ограничивается. Изъ означеннаго текста онъ выводитъ далѣе мысль, съ которою уже никакъ нельзя согласиться, а именно, мысль о томъ, что самый актъ супружескаго сопряженія есть грѣхъ и беззаконіе. Состояніе человѣка во время этого акта, по словамъ Дю-Туа, таково, что оно «прерываетъ чистое и внутреннее соединеніе твари съ Богомъ, и удаляетъ ее отъ Него на безмѣрное разстояніе. Ибо надобно знать, что все долженствующее быть соединеннымъ съ Богомъ, непремѣнно должно быть чисто». Такъ какъ мнѣ и въ разговорахъ неоднократно приходилось слыхать, какъ отъ мірянъ, такъ и отъ священниковъ, ссылку на указанный текстъ изъ псалма Давидова, какъ на доказательство той истины, что дѣйствительно половое сопряженіе, все равно и въ законномъ супружествѣ, есть грѣхъ и беззаконіе, и такъ какъ въ Священномъ Писаніи это есть единственное мѣсто, изъ котораго, при поверхностномъ взглядѣ на него, можно извлекать подобную мысль, то я нахожу нужнымъ обстоятельнѣе остановиться на уясненіи смысла этого текста, въ той мысли, что съ достодолжнымъ уясненіемъ этого смысла сама собою падетъ единственная подкладка для ошибочныхъ и оскорбительныхъ воззрѣній на существо брака. Итакъ, какую же мысль

[1]) Собственно—былъ *первый* грѣхъ Адама и Евы, *ослушавшихся* Бога и вкусившихъ заповѣднаго плода отъ древа *познанія* (логическій порядокъ сустиованія); кто и когда сталъ соединять слово «*рóдный*» съ словомъ «перво»—это слѣдовало-бы поискать въ исторіи. Но во всякомъ случаѣ, путемъ этого безосновательнаго слiянія образовался совершенно ложный терминъ: «перво-родный». Эта филологическая ошибка породила сердечную, и поэтому-то именно безъ критики проходившую, тенденцію: принимать за первый и *фундаментальный* грѣхъ что-то *внутрь*-родное, «зачатіевское». *В. Р—въ.*

боговдохновенный царь и вѣнценосный пророкъ высказываетъ въ указанномъ текстѣ? *Се бо въ беззаконіяхъ зачатъ есмь, и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.* Фактъ беззаконія и грѣха кому здѣсь приписывается: зачинаемому и рождаемому, или его производителямъ? акту зачатія и рожденія, или природѣ зачинаемаго и рождаемаго? Ясно, что зачинаемому и рождаемому, свойствамъ и существу его природы. Онъ и зачинается, и рождается въ беззаконіяхъ и во грѣхѣ, какъ въ нѣкоей одеждѣ, съ опредѣленною грѣховною закваскою, съ опредѣленнымъ грѣховнымъ колоритомъ [1]). Вотъ мысль, какая заключается въ названномъ текстѣ. Усматривать здѣсь еще другую мысль о томъ, что самый актъ зачатія есть грѣхъ и беззаконіе, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній. И это по слѣдующимъ соображеніямъ. Во-первыхъ, остановимся на филологической сторонѣ разбираемаго текста. Весь 50-й псаломъ написанъ Давидомъ въ формѣ такъ называемаго синонимическаго параллелизма священной еврейской поэзіи, состоящаго изъ послѣдовательнаго ряда двустишій, въ которыхъ тотъ и другой стихъ выражаютъ подобнозначущія, синонимичесcія мысли. Вотъ наглядный примѣръ такой формы:

Во исходѣ Израилевѣ изъ Египта,
Дому Іаковля изъ людей варваръ,

Бысть Іудея святыня Его,
Израиль область Его.

Море видѣ и побѣже.
Іорданъ возвратися вспять (Пс. 113, 1—3).

Сразу же замѣчаете, какое глубокое соотвѣтствіе между первыми и вторыми членами каждаго двустишія. Второй стихъ въ двустишіи является лишь повтореніемъ мысли перваго стиха, только въ иныхъ выраженіяхъ. Теперь обратимся къ разсматриваемому нами тексту.

Въ баззаконіяхъ зачатъ есмь.
И во грѣсѣхъ роди мя мати моя.

Если мысль перваго стиха понять такъ, что самое зачатіе, или актъ супружескаго сопряженія, есть беззаконіе, то нужно будетъ, въ силу параллелизма и соотвѣтствія мыслей въ двустишіи, и мысль второго стиха понять такъ, что самый фактъ или процессъ рожденія матерью младенца есть грѣхъ. Но, кажется, никто

---

[1]) Поразительно: на тысячахъ страницахъ Писанія, и гдѣ непрестанно этотъ актъ упоминается, только единственное и притомъ бѣглое осужденіе ему... да и то, какъ оказывается, не ему. Да это—такое *утвержденіе*, какое превосходитъ самую полную положительную доктрину. *В. Р—въ.*

еще и никогда факта рожденія не считалъ грѣхомъ [1]). Если же рожденіе не есть грѣхъ, то, по силѣ параллелизма, и зачатіе не есть беззаконіе [2]).

Второе основаніе. Давидъ, согрѣшивши предъ Богомъ, въ указанномъ текстѣ ищетъ себѣ какъ бы извиненія въ своемъ грѣхѣ, какъ бы смягчающихъ обстоятельствъ, и, какъ на таковыя, указываетъ на тотъ фактъ, что онъ и зачался, и родился со грѣхомъ, что склонность и поползновенность ко грѣху есть сущность его природы, полученной имъ отъ родителей вмѣстѣ съ зачатіемъ и рожденіемъ. Такая ссылка дѣйствительно является смягчающимъ обстоятельствомъ. Но могло ли быть какимъ-либо извиненіемъ для Давида указаніе на тотъ фактъ, что родители его сотворили беззаконіе самымъ актомъ его зачатія?

Третье основаніе. Одно изъ главныхъ правилъ толкованія Священнаго Писанія есть сопоставленіе даннаго мѣста Писанія съ другими, соотвѣтственными и параллельными мѣстами. Итакъ, сопоставимъ мысль царя Давида о зачатіи и рожденіи съ самою первою заповѣдью Творца, высказанною Имъ первозданной человѣческой четѣ въ повелительномъ наклоненіи, относительно того же самаго зачатія и рожденія. Вотъ, изъ глубины вѣковъ, съ первой страницы книги Бытія, чрезъ цѣлый рядъ тысячелѣтій, доносится до нашего слуха повелительный, всемогущій и никогда не умирающій глаголъ Елогима: *раститеся и множитеся и наполните землю* (Быт. 1, 28). Какое содержаніе заключается въ этомъ Творческомъ глаголѣ? Не узаконяется ли имъ тотъ самый способъ зачатія и рожденія въ человѣческомъ родѣ, какимъ и Давидъ зачался и родился отъ своихъ родителей? Безъ сомнѣнія. А если такъ, то могъ ли Духъ Святый, говорившій устами Давида, обозвать грѣхомъ и беззаконіемъ прямое, точное и буквальное выполненіе положительной и опредѣленной заповѣди Божіей? Нѣтъ, я не произнесу хулы на Духа Святого и не дамъ безумія Богу, допустивши возможность того, чтобы Духъ Божій противорѣчилъ Самъ Себѣ.

Итакъ, мы, женатые христіане, въ актѣ супружескаго сопряженія являемся не жалкими рабами грѣховной похоти, а изначала Самимъ Богомъ уполномоченными продолжателями Его божественнаго творчества.

Но бракофобы ухищряются подорвать значеніе первоначальной

---

[1]) Т. е. какъ-бы мы сказали о негритянкѣ или китаянкѣ-матери: онѣ рождаютъ *чернаго* или *желтаго* младенца: но не сказали-бы: *актъ* ихъ сопряженія *желтъ* или *черенъ*. *В. Р—въ.*

[2]) О рожденіи слѣдуетъ мыслить по Апостолу: приведемъ весь чудный текстъ, гдѣ обозначенъ имъ ликъ жены: «Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ. Женѣ-же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи.. *Спасется-же она чадородія ради*, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви, и во святыни съ цѣломудріемъ». (I къ Тимоѳею, гл. 2. ст. 11—15). *В. Р—въ.*

Творческой заповѣди плодиться и размножаться, данной первосозданной четѣ. Такъ, Дю-Туа высказывается слѣдующимъ образомъ: «Если бы праотецъ и представитель рода человѣческаго сохранилъ вѣрность въ теченіе срока испытанія, тогда пріобрѣлъ бы онъ даръ непогрѣшимости какъ для себя, такъ и для всего потомства своего, которое бы рождалось не отъ похоти плотскія, но отъ теплоты любви къ Богу» (ч. 6, стр. 105). Конечно, для человѣческой фантазіи никакихъ границъ не положено, и фантазировать можно сколько угодно. И въ данномъ случаѣ Дю-Туа можетъ строить сколько угодно предположеній, для которыхъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній въ Словѣ Божіемъ, но другой вопросъ, какова цѣна всѣмъ этимъ предположеніямъ. Фантазированіе Дю-Туа о томъ, что, если бы первый человѣкъ не палъ, то люди размножались бы не тѣмъ способомъ [1]), какимъ они размножаются нынѣ, а какимъ-то инымъ, болѣе чистымъ и благороднымъ, напоминаетъ собою извѣстный философскій вопросъ о томъ, что существующій міръ есть-ли наилучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ, или Богъ могъ создать міръ, еще болѣе совершеннѣйшій. Мы имѣемъ дѣло съ фактомъ. Намъ данъ извѣстный міръ, и мы имъ довольствуемся. Намъ данъ извѣстный способъ размноженія, и мы имъ пользуемся. Разсуждать о возможности лучшаго міра и лучшаго способа размноженія есть вопросъ совершенно праздный и совершенно безпочвенный.

Въ самомъ дѣлѣ, наши прародители въ раю имѣли ту же самую организацію, какую и мы имѣемъ. Послѣ своего грѣхопаденія они дѣлаютъ препоясанія для пола своего. Но тутъ слѣдовало бы обратиться къ свидѣтельству физіологовъ и медиковъ относительно безконечно дивной, глубокой и цѣлесообразной приспособленности и принаровленности организма мужчины и женщины къ процессамъ зачатія, чревоношенія, рожденія и питанія. Вѣдь эта приспособленность совершенно завита въ организмѣ, вплетена въ него, а не составляетъ въ немъ какого-то придатка. Для чего же такое, дивно

---

[1]) Прекрасенъ и полонъ этотъ разборъ; добавимъ къ нему немногое: для каждаго принципіальнаго вопроса, рѣшаемаго Словомъ Божіимъ, слѣдуетъ выбирать то мѣсто въ этомъ Словѣ, гдѣ данный вопросъ былъ поставленъ принципіально-же, а не бѣгло, не «по поводу», не «по случаю». Ибо во всѣхъ подобныхъ мѣстахъ и рѣшался собственно *частный случай, поводъ*, вызвавшій отвѣтный себѣ глаголъ Бога-ли, Писанія-ли бого-вдохновеннаго. Но принципіально и полно рождающая сторона человѣка обсуждена только въ *Бытіи*, I—2. гдѣ не *по поводу* она обсуждается, а *прямо* и слѣдовательно *прямымъ сужденіемъ* и о *прямой вещи* самого рожденія. Второй принципъ экзегетики есть слѣдующій: Писаніе—*едино* (отсюда—*единъ* Богъ, *едина* вѣра, *едина* церковь) и, слѣдовательно, найдя въ упоръ высказанное мнѣніе объ упорно поставленномъ-же вопросѣ, всѣ остальныя мѣста Писанія предлежатъ лишь къ согласованію съ нимъ, къ открытію какого-либо возможнаго или вѣроятнаго или даже невѣроятнаго смысла, но при коемъ онѣ не расторгали-бы *единства Писанія*. *В. Р—въ*.

цѣлесообразное, въ интересахъ существующаго способа размноженія, устройство [1]) человѣческаго организма?.

Но согласимся на минуту съ Дю-Туа. Допустимъ, что, не будь грѣхопаденія, родъ человѣческій размножался бы совершенно инымъ, теперь невѣдомымъ, способомъ, и что первоначальное Творческое повелѣніе плодиться и размножаться имѣло въ виду именно этотъ, невѣдомый и несуществующій теперь, способъ. Такому предположенію препятствуетъ вторичное, и притомъ дважды повторенное, повелѣніе Бога Творца плодиться и разможаться, данное, послѣ истребленія перваго міра потопомъ, Ною и сыновьямъ его. «*И благослови Богъ Ноя, и сыны его, и рече имъ: раститеся и множитеся, и наполните землю*» (Быт. 9, 1 и 7). Повелѣніе, данное семейству Ноя, высказано буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и повелѣніе, данное Адаму и Евѣ. Но тождество заповѣди предполагаетъ тождество ея выполненія. Никто, въ здравомъ умѣ находясь, не станетъ отрицать той истины, что Ной и сыновья его имѣли ту же самую организацію, какую и мы имѣемъ, и размножались тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ и мы размножаемся. Слѣдовательно, Творческое повелѣніе, данное Ною, узаконяло именно существующій и нынѣ способъ размноженія. Если же и Ною и Адаму повелѣніе Божіе высказано въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, то, слѣдовательно, и для Адама Творецъ узаконялъ тотъ же самый способъ [2]) размноженія, какой и для Ноя!

Высказывая все изложенное, я полагаю, что я ни на пядь не удалился отъ догматической истины. Представитель нашихъ символическихъ книгъ, Пространный Катихизисъ строжайшаго ревнителя православія, митрополита Филарета, на вопросъ: что есть грѣхъ? отвѣчаетъ: «грѣхъ есть преступленіе закона» [3]). Такъ какъ половой супружескій актъ не есть преступленіе никакого закона, а, напротивъ, прямое и буквальное выполненіе Божественнаго закона о размноженіи, то, слѣдовательно, онъ лежитъ внѣ области грѣха и

---

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ-же было созданіе второго пола? Довольно было быть единому мужскому. Въ созданіи Евы и выразилось, еще до грѣха и внѣ вѣдѣнія его самимъ Богомъ (свободная воля)—предназначеніе человѣка къ половому союзу; да подведя Еву къ Адаму, *до грѣхопаденія*, Богъ и благословилъ ихъ *въ супружество*. Замѣчательнѣе гораздо, что ни одного момента созданные люди не находятся внѣ «благословеннаго супружества». Затѣмъ, если *исполняющій* благословеніе *актъ* начинается *послѣ грѣхопаденія* (сейчасъ-же)—это свидѣтельствуетъ объ эквивалентности его, какъ *утѣшенія человѣку, возмѣщенія непосредственной близости къ Богу*,—что выразилось и въ глаголѣ Евы, при рожденіи Каина: «пріобрѣла я *отъ Господа*». *В. Р—въ.*

[2]) Очень глубокое и совершенно рѣшающее детали спора замѣчаніе. *В. Р—въ.*

[3]) Внѣ нашей темы, но нельзя не замѣтить: до чего *внѣшне* это опредѣленіе; и даже ўже, нежели ветхозавѣтное! Это просто *юридическое* понятіе. До чего глубже и религіознѣе понятіе о грѣхѣ («поврежденіе *совѣсти*») у простого нашего народа. *В. Р—въ.*

беззаконія. Какъ же однако и какимъ же образомъ въ сознаніи нашего церковнаго общества распространилось гнушеніе этимъ актомъ? Но объ этомъ, если судитъ Господь, въ слѣдующій разъ.

Вашъ искренній поклонникъ, протоіерей

А. У—скій.

19 декабря 1898 г.

II.

Любезнѣйшій В. В!

Новый Завѣтъ, о коемъ въ письмѣ ко мнѣ вы упомянули, что «не расходится-ли онъ во взглядѣ своемъ на супружескій актъ съ Ветхимъ Завѣтомъ»,—самъ по себѣ, не даетъ даже и малыхъ основаній къ тому, чтобы гнушаться этимъ актомъ супружескихъ отношеній или презрительно относиться къ нему. Но этого мало. Прочтите всѣ четыре Евангелія, съ первой страницы до послѣдней, и вы нигдѣ не найдете даже мысли о превосходствѣ дѣвства, въ нравственномъ отношеніи, предъ супружествомъ. Самая мысль о возможности дѣвственнаго состоянія высказана Христомъ Спасителемъ лишь вскользь, по совершенно случайному поводу. Когда Онъ, въ Своей бесѣдѣ съ фарисеями о разводѣ, указалъ на высоту, священность, ненарушимость и нерасторжимость брачнаго союза, то это ученіе Его показалось Его ученикамъ неудобоносимымъ и неудобоисполнимымъ, и вотъ они говорятъ: «если такова обязанность человѣка къ женѣ, то лучше не жениться (Мѳ. 19, 10)». Скажите пожалуйста: какая нота звучитъ въ возраженіи апостоловъ? Говоря, что «лучше не жениться», ту-ли мысль они высказываютъ, что дѣвство лучше, выше, святѣе, богоугоднѣе супружества, или, наоборотъ: они бѣгутъ отъ этого послѣдняго, именно вслѣдствіе его нравственной высоты и строгости? Очевидно, послѣднее. Есть ли же, такимъ образомъ, въ данномъ Евангельскомъ мѣстѣ хотя какое-либо основаніе для мысли о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ? Рѣшительно никакого. Притомъ-же, никакъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія того обстоятельства, что выраженіе «лучше не жениться» высказано не божественными устами Основателя Христіанства, а лишь недоумѣвающимъ сознаніемъ учениковъ Его. На недоумѣніе учениковъ Своихъ Христосъ Спаситель отвѣтилъ: «Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе, но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ (Мѳ. XIX, 11—12)». Монахи, именно изъ этихъ словъ Христовыхъ выводятъ мысль о превосходствѣ дѣвства [1]). Они говорятъ, что дѣвство

---

[1]) Если-бы Спаситель былъ противъ брака, то вѣдь Онъ училъ въ эпоху многоженства (у евреевъ оно прекратилось около XIII вѣка нашей эры) и какой-бы гнѣвъ оно вызвало у Него, какіе укоры, аналогичные укорамъ книжникамъ и фарисеямъ! Но Спаситель даже не упоминаетъ о многоженствѣ, т.-е. противъ «ужаснаго грѣха» не сказалъ и простаго возраженія. Кто смѣетъ

есть высшій Евангельскій совѣтъ, существующій лишь для немногихъ избранныхъ, могущихъ вмѣстить. Но всѣ ли поэты, всѣ ли философы, всѣ ли художники? Очевидно, не всѣ, а только тѣ, «кому это дано». Точно такъ же всѣ-ли дѣвственники? Очевидно, только тѣ, кому это дано. Но безусловно всѣ, въ мѣру силъ своихъ, обязаны стремиться къ высшему нравственному совершенству, во исполненіе завѣта Божественной Премудрости: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный (Мѳ. 5, 48)». На этомъ пути къ высшему нравственному совершенству безусловно меркнутъ и безусловно блѣднѣютъ самыя высокія духовныя дарованія (что «дано»), какъ меркнетъ свѣтъ луны при утреннемъ появленіи свѣта солнца. «Всѣ ли апостолы? Всѣ ли пророки? Всѣ ли чудотворцы? Всѣ ли говорятъ языками? Ревнуйте о дарахъ большихъ, и я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій (1 Кор. 12, 29—31)». На этомъ превосходнѣйшемъ пути, «если я отдамъ тѣло мое» не только на аскетизмъ, но даже «на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы» (1 Кор. 13, 3).

Новый Завѣтъ основанъ на фундаментѣ Ветхаго Завѣта, и потому не могло быть, чтобы основные и существенные, нравственные и психо-физическіе, законы Ветхаго Завѣта были выброшены въ Новомъ Завѣтѣ. Никто никогда не встрѣчалъ такого неразумнаго строителя, который, выстроивши стѣны зданія, сталъ бы выламывать и выбрасывать вонъ фундаментъ, въ томъ соображеніи, что вѣдь стѣны поставлены, и, слѣдовательно, фундаментъ уже не нуженъ. И потому то Божественный Основатель Новаго Завѣта, на всемъ протяженіи четырехъ Евангелій, нигдѣ и никогда не отрицалъ и не порицалъ брака, и нигдѣ и никогда прямо и положительно не восхвалялъ дѣвства. Да иначе и быть не могло. Ибо Основатель Новаго Завѣта есть то самое воплощенное Слово Божіе, которое «въ началѣ было у Бога» (Іоанн. 1, 1), и которое, въ продолженіе шести дней творенія міра, проводило все сущее изъ небытія въ бытіе и всему сущему полагало всяческіе законы, а въ томъ числѣ—и законъ размноженія, и безъ котораго «ничто-же бысть, еже бысть (Іоан. 1, 3)».

Вдохновеннымъ воспѣвателемъ, приверженцемъ и пропаганди-

это перетолковать въ смыслѣ умолчанія Іисуса: вѣдь Онъ—Богъ, и развѣ не обличилъ *всякую*, при Немъ живущую, *живую* неправду. А полигамія была живою. Этимъ и объясняются неизрѣченной мудрости глаголы, сказанные Имъ пятимужней самарянкѣ. Слова Его о невоззрѣніи на женщину опять перетолкованы: Его утомили лицемѣрные «старѣйшины», вѣчно болтавшіе о седьмой заповѣди, и Онъ обличилъ ихъ почти въ тѣхъ-же словахъ, какъ тогда, когда они привели передъ Него сблудившую отъ мужа жену (только таковыя, а вовсе не вольныя дѣвушки, побивались у іудеевъ камнями; см. *Второзаконіе*). Онъ имъ сказалъ: «блудъ—блудъ, седьмая заповѣдь—седьмая заповѣдь; да развѣ каждый изъ васъ, кто смотритъ на женщину (съ вожделѣніемъ)— уже не нарушилъ эту седьмую заповѣдь и не прелюбодѣйствовалъ въ сердцѣ своемъ? Вотъ отъ чего старайтесь удержаться». *В. Р—въ.*

стомъ дѣвства былъ св. апостолъ Павелъ. Онъ первый высказалъ мысль о превосходствѣ дѣвства предъ супружествомъ. Чисто-поэтическому, восторженному восхваленію дѣвства имъ посвящена почти цѣлая седьмая глава перваго его Посланія къ Коринѳянамъ. Но во всемъ этомъ высказалась лишь особенность его личной природы, личнаго характера, личнаго пониманія. Ибо послѣ того, какъ Самъ Осново-положникъ Христіанства изрекъ: «Не думайте, что Я пришелъ нарушить законъ (писанія Моисея) или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить» (Мѳ. 5, 17)», какой пророкъ или который апостолъ осмѣлился бы отмѣнять вѣчные законы Предвѣчнаго? И потому то, даже этотъ божественный Павелъ, этотъ восторженный поклонникъ дѣвства, преклонявшійся предъ нимъ до энтузіазма, до экстаза, откровенно признавался: «относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія Господня (1 Кор. 7, 25)», и всегда, въ принципѣ, оставлялъ за собою неоспоримое право и власть «имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе Апостолы, и братья Господни, и Кифа (1 Кор. 9, 5)», а лжесловесниковъ, запрещающихъ вступать въ бракъ, конечно, по чувству гнушенія имъ, называлъ «сожженными въ совѣсти своей» (1 Тим. 4, 2, 3).

Хотя, такимъ образомъ, ни Ветхій, ни Новый Завѣтъ не даютъ ни малѣйшаго повода къ тому, чтобы гнушаться супружескими отношеніями или считать ихъ за грѣхъ, тѣмъ не менѣе, это послѣднее воззрѣніе несомнѣнно существуетъ въ сознаніи русскаго церковнаго общества. По этому воззрѣнію, актъ супружескихъ отношеній, по самому существу своему, по самой своей природѣ, есть грѣхъ, только грѣхъ прощаемый, такъ сказать оффиціально допускаемый, въ силу своей неизбѣжности. Въ послѣднее время краснорѣчивымъ и подробнымъ выразителемъ этой теоріи явился С. Ѳ. Шараповъ въ своемъ примѣчаніи къ вашей статьѣ: «Бракъ и христіанство» въ № 52 «Русскаго Труда» за 1898 годъ. «Ангелъ то ангелъ, да изъ грѣха вышелъ», говоритъ онъ про младенца. Прочитавши примѣчаніе г. Шарапова, я пришелъ въ крайнее недоумѣніе. Откуда авторъ почерпнулъ такую религіозную философію? Но, при ближайшемъ вниманіи къ дѣлу, оказывается, что теорія эта имѣетъ глубокіе корни и достаточно зловредныя послѣдствія. По своему происхожденію она является ничѣмъ инымъ, какъ только отдаленнымъ отголоскомъ гностическихъ и манихейскихъ бредней, а въ своихъ послѣдствіяхъ она подкапывается подъ устои законной и правильной христіанской семьи. Остановлюсь на послѣдней мысли. Взглядъ г. Шарапова есть хитрая выдумка, лукаво придуманная съ тою коварною и вѣроломною цѣлію, чтобы прикрыть и оправдать распущенную и развратную жизнь [1]). Въ самомъ дѣлѣ, какіе

[1]) При всемъ своемъ христіанскомъ милосердіи и любви, о. протоіерей У—скій, очевидно, или не потрудился прочесть нашего примѣчанія, или умышленно его искажаетъ. Кажется, послѣднее. Мы рѣшились, однако, напечатать его письмо, оставляя за собою послѣднее слово. *С. Ѳ. Ш—въ.*

неизбѣжные выводы необходимо вытекаютъ изъ этого взгляда? Если совокупленіе и съ законною женою въ законномъ бракѣ есть грѣхъ и преступленіе [1]), то что же заставитъ меня вступать въ законный бракъ, налагать на себя узы супружества и бремя семейной жизни? Не все ли равно, въ такомъ случаѣ, имѣть дѣло съ чужими, посторонними женщинами? Не все ли равно грѣшить, со своею ли законною женою, или съ постороннею женщиною! Нѣтъ, идея христіанскаго брака, въ церковно-религіозномъ его пониманіи, въ томъ именно и состоитъ, что бракъ есть святыня вполнѣ и до дна, безъ всякаго остатка и безъ всякаго исключенія, такъ что въ бракѣ уже нѣтъ мѣста ни для какой мерзости и ни для какой скверны. Мѣсто для этихъ понятій остается только въ блудодѣяніи и въ прелюбодѣяніи, когда холостой человѣкъ имѣетъ дѣло съ свободною дѣвицей или съ чужою женою. Смѣшивать состояніе законнаго супружества съ практикой свободнаго любодѣйства рѣшительно нельзя; распространять понятія грѣха и беззаконія, неоспоримо присущаго беззаконному любодѣйству, на состояніе законнаго супружества Слово Божіе не даетъ ни малѣйшаго основанія.

Подъ какими же вліяніями и воздѣйствіями создалось въ русскомъ религіозномъ сознаніи такое воззрѣніе? Отвѣтить на этотъ вопросъ намъ поможетъ теорія національныхъ особенностей въ религіезныхъ воззрѣніяхъ народовъ. Въ области этой теоріи вы сами работали («Мѣсто христіанства въ исторіи»). Трудились на этомъ поприщѣ профессоры Д. А. Хвольсонъ и А. Д. Бѣляевъ. Сдѣланы краткія указанія въ этомъ отношеніи и у И. В. Кирѣевскаго въ одномъ изъ двухъ его послѣднихъ трактатовъ. Можетъ быть, и многіе другіе по означенному вопросу писали, но я болѣе никого не знаю. Полагаю только, что и означеныхъ писателей достаточно для установленія той истины, что каждый народъ, каждое племя имѣетъ какія-либо свои національныя, своеобразныя черты въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, что каждый народъ поражается какими-либо особыми чертами божественной сущности, преклоняется предъ какими-либо особыми пунктами религіознаго ритуала. Мы, русскіе,

---

[1]) Тутъ есть удивительная вещь: Церковь, *которая позволила-бы грѣхъ*, eo ipso и въ ту-же секунду слилась-бы съ нимъ и стала *грѣховною церковью*, что невозможно. Бракъ есть *таинство*: и какъ очень точно было формулировано г. *Гатчинскимъ Отшельникомъ* («Безсмертные вопросы»), это таинство «выпаривалось-бы до чиста», «отъ него-бы ничего не оставалось» безъ трактуемаго нами акта; слѣдовательно, пусть даже побочною, но все-таки *непремѣнною* частью этотъ актъ включенъ въ таинство, лежитъ въ чашѣ таинства. Но «таинство» *во всемъ своемъ пространствѣ свято*, не имѣетъ пересѣченій съ злымъ, священноотрицательнымъ. Итакъ, трактуемая тема—безгрѣшна, свята. Это—алгебра, которую напрасно было-бы пытаться поколебать. Начать оспаривать г. У—скаго и меня можно, но *какъ?*—переставъ бракъ считать таинствомъ, оставивъ церковь при *шести* таинствахъ и устранивъ седьмое. Тогда мы умолкнемъ. *В. Р—въ.*

приняли Христіанство изъ Византіи и вмѣстѣ съ нимъ заимствовали оттуда и всѣ достоинства, и всѣ недостатки греческаго религіознаго сознанія. Итакъ, ключъ къ рѣшенію постановленнаго вопроса намъ слѣдуетъ искать въ религіозномъ сознаніи Грековъ. Чѣмъ же, какою стороною изъ всей обширной области Христіанства наиболѣе было поражено сознаніе Грека? Идея *безсѣменнаго* зачатія воплотившагося Сына Божія, фактъ *безмужняго* рожденія Христа Спасителя отъ матери Дѣвы — вотъ тотъ пунктъ, вотъ та сторона въ христіанскомъ міросозерцаніи, которая всецѣло и безъ остатка поглотила собою, заполонила сознаніе Грека. Идея дѣвственности для Грека-язычника, привыкшаго давать полный просторъ своимъ физическимъ пожеланіямъ и потребностямъ, была такъ необычна, такъ нова, что онъ въ изумленіи палъ предъ нею ницъ, и у него уже ни въ сердцѣ, ни въ сознаніи не осталось мѣста для какого-либо иного поклоненія. Всякая другая сторона въ Христіанствѣ для него теперь, словно, не существовала. Его сознаніе застыло и закаменѣло на идеѣ дѣвственности, отождествилось съ нею. Доказательство тому—вся наша церковная, богослужебная поэзія, все это множество молитвъ, каноновъ, акаѳистовъ, гимновъ богородичныхъ. Всѣ онѣ переполнены прославленіемъ безсѣменнаго зачатія и безмужняго рожденія совершеннаго Бога и совершеннаго человѣка.

Въ уясненіе указаннаго явленія позволю себѣ привести два, быть можетъ, очень грубыхъ и очень вульгарныхъ, но тѣмъ не менѣе для нашего вопроса весьма типичныхъ сравненія. Припомните послѣднюю сцену изъ Гоголевскаго «Ревизора». Вся группа уѣздныхъ чиноначальниковъ, при извѣстіи о пріѣздѣ дѣйствительнаго ревизора, словно застыла въ своихъ позахъ, съ лицами, съ изумленіемъ обращенными въ сторону непріятнаго вѣстника. У всѣхъ ихъ въ данную минуту все прочее вылетѣло изъ сознанія, и осталась въ немъ одна только мысль о новомъ ревизорѣ. Или возьмите фотографа, снимающаго фотографическую карточку съ какого-нибудь ландшафта. Все то, на что навелъ онъ трубу своей камеръ-обскуры, отразилось на карточкѣ; все прочее осталось внѣ ея. Такъ случилось и съ греческимъ религіознымъ сознаніемъ. Оно не могло вмѣстить въ себѣ всей полноты Христіанства, а остановилось лишь на томъ, что больше его поразило.

И такъ, вотъ тотъ пунктъ, на которомъ греческое религіозное сознаніе съ универсальной христіанской дороги повернуло въ боковую тропу аскетизма. Спасеніе было загнано въ пустыни и заключено въ монастыри. Преклоняясь предъ безсѣменнымъ зачатіемъ и благоговѣя предъ дѣвственной личностью Богочеловѣка, греки старались подражать Ему, отпечатлѣвать въ себѣ Его образъ, прежде всего путемъ дѣвства. *Святыня дѣвственности*—вотъ тотъ кумиръ, предъ которымъ въ продолженіе 1900 лѣтъ съ благоговѣйнымъ изу-

мленіемъ падалъ ницъ и восточный греческій, а вслѣдъ за нимъ и сѣверный россійскій христіанинъ. На *святыню супружества* и некому, и некогда было обращать вниманіе.

Сколь поразительна разница въ отношеніи грека къ дѣвству и супружеству, это всего нагляднѣе открывается изъ нижеслѣдующаго примѣра, который слѣдовало бы признать безусловно невѣроятнымъ, если бы онъ не былъ исторически дѣйствительнымъ. Возьмемъ преподобную Марію Египетскую, эту пустынницу и отшельницу, и тѣхъ двухъ святыхъ замужнихъ женщинъ, относительно которыхъ былъ небесный голосъ преподобному Макарію Египетскому, и которыя этимъ небеснымъ голосомъ, по святости и праведности жизни, поставлены выше одного изъ величайшихъ подвижниковъ золотаго вѣка Христіанства, дѣвственника и пустынника, многіе десятки лѣтъ проведшаго въ подвигахъ поста и молитвы. Какъ отнеслось религіозное сознаніе Грека къ той и къ другимъ? А вотъ какъ. Память преподобной Маріи Египетской положено ежегодно праздновать 1-го апрѣля. Кромѣ сего, воспоминанію ея посвящается пятое воскресенье Великаго Поста. Сверхъ того, въ честь ея поются запѣвы и читаются тропари въ великомъ покаянномъ канонѣ Андрея Критскаго въ первые четыре дня первой недѣли и въ четвертокъ пятой недѣли Великаго Поста, причемъ, въ послѣдній изъ названныхъ дней, положено читать и житіе ея. А когда же по календарю празднуется у насъ память двухъ святыхъ замужнихъ женщинъ? Увы! Религіознымъ сознаніемъ грековъ воспоминанія этихъ святыхъ женъ и въ святцахъ не положено. Мало этого. Жестокосердые поклонники дѣвственности не сочли нужнымъ, не сочли своей нравственной обязанностью сохранить для памяти потомства хотя бы только имена этихъ святыхъ женщинъ. Къ чему же? Вѣдь это такъ обычно, такъ заурядно, такъ будничво! Двѣ простыя замужнія мірскія женщины! Что жь тутъ особеннаго? Какія жь тутъ подвиги? Стоитъ ли передавать имена ихъ памяти потомства? Такъ что, если бы христіанскія жены и матери пожелали, въ лицѣ названныхъ древнихъ праведницъ, имѣть своихъ небесныхъ покровительницъ, защитницъ и руководительницъ на пути семейной жизни, то онѣ лишены были бы возможности удовлетворить свое святое и совершенно справедливое желаніе уже по одному только незнанію именъ этихъ праведницъ, ибо какъ же обращаться съ молитвой къ безымяннымъ святымъ? Судите теперь, насколько справедливы и насколько равномѣрны отношенія Грека къ дѣвству и супружеству.

Изъ такого порядка вещей произошли два, громадныхъ размѣровъ, но весьма сомнительнаго достоинства, послѣдствія. Первое—то, что и міряне, или супружники, привыкли смотрѣть на религію и на религіозныя обязанности монашескими глазами; а второе—то, что семейная жизнь на Востокѣ и на Сѣверѣ, въ теченіе 1900 лѣтъ

Христіанства, не получила ни малѣйшаго развитія, ни малѣйшей культуры въ направленіи Христіанства, съ точки зрѣнія спасенія.

Остановимся на первомъ послѣдствіи. Тонъ церковной жизни на Востокѣ всегда задавали дѣвственники. Изъ ихъ рядовъ вышли церковные организаторы, церковные администраторы, церковные писатели, церковные пѣснописцы. Характеръ и тонъ своихъ воззрѣній, своего пониманія Христіанства, своего отношенія къ укладу христіанской нравственности они наложили безусловно на весь строй церковной жизни. Изъ всего этого строя возьмемъ теперь одну частность, имѣющую непосредственное отношеніе къ нашему вопросу. Для дѣвственника, наложившаго на себя добровольный обѣтъ вѣчнаго ненарушимаго дѣвства, конечно, не только совокупленіе съ женщиною, но и всякія помышленія и пожеланія въ этомъ направленіи суть грѣхъ и преступленіе. Но грѣхъ тутъ не въ существѣ дѣла, а въ нарушеніи даннаго обѣта. Грѣха этого не существуетъ для состоящихъ въ закономъ супружествѣ. Между тѣмъ, мало-по-малу, понятіе грѣха изъ области нарушенія обѣта было перенесено на самое существо супружескихъ отношеній. Такъ какъ дѣвственники съ своей монашеской точки зрѣнія смотрѣли на совокупленіе съ женщиною, какъ на грѣхъ, и это свое воззрѣніе выразили въ безчисленномъ множествѣ церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній, то и міряне, или брачники, въ теченіе многихъ и долгихъ вѣковъ, посѣщая церковное богослуженіе и постоянно слыша тамъ оплакиваніе блудныхъ *монашескихъ* паденій, мало-по-малу привыкли смотрѣть на половыя отношенія *вообще*, безотносительно къ монашеству, даже и въ законномъ супружествѣ, какъ на грѣхъ и нравственное паденіе.

Этотъ вопросъ можно было бы продолжить и распространить, но я думаю, что и того немногаго, что я сказалъ, достаточно для васъ, чтобы вы поняли мысль, которую я хотѣлъ высказать. Мимоходомъ только укажу на тѣ, совершающіеся на нашихъ глазахъ, симптомы русскаго религіознаго сознанія и русской религіозной жизни, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что православнымъ русскимъ людямъ наскучило уже смотрѣть на Христіанство монашескими глазами, и они начинаютъ искать исхода изъ такого положенія. Я разумѣю появленіе на нашей православной почвѣ, за послѣднія тридцать лѣтъ, пашковцевъ, штундистовъ и толстовцевъ, которыхъ такъ усердно и такъ энергично укоряютъ въ отпаденіи отъ истиннаго православія и въ отдѣленіи отъ Церкви. Но вѣдь всѣ они не отъ Церкви бѣгутъ и не отъ православія отрекаются, а бѣгутъ отъ монашескаго гнета, отъ византійской 900-лѣтней забастовки своего религіознаго сознанія, отъ монастырскаго режима въ области семейной жизни, отъ позорной, обидной и оскорбительной для православнаго семьянина монашеской точки зрѣнія на супружескія отношенія. Они не желаютъ, въ видѣ бездушной клади,

нагруженной на баржахъ и баркахъ, плыть по житейскому морю на монашескомъ буксирѣ, а желаютъ плыть на пароходахъ собственной постройки. Возьмите во вниманіе нашъ церковный типиконъ, которымъ въ теченіе 9-ти вѣковъ опредѣляется строй и порядокъ нашей церковной жизни. Гдѣ и для кого онъ написанъ? Въ монастыряхъ и для монаховъ. Міряне своего собственнаго типикона доселѣ не имѣютъ. Они жили и живутъ по монастырскому типикону. Но скажите, насколько пригоденъ режимъ кучки людей, добровольно постановившихъ для себя задачей обуздать и умертвить плоть свою, для милліоновъ мірянъ, никогда для себя такой задачи не поставлявшихъ [1])? Ну, и не удивительно, что появились протесты противъ подобнаго уклада церковной жизни.

Теперь нѣсколько словъ относительно втораго послѣдствія. Въ то время, какъ монастырская жизнь на Востокѣ получила блестящее развитіе, было написано множество уставовъ монашеской жизни, во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ опредѣлявшихъ и внѣшній, и внутренній порядокъ ея,—семейная жизнь была оставлена въ совершенномъ забвеніи. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на тотъ одинъ краснорѣчивый фактъ, что за періодъ времени въ 1900 лѣтъ ни греческій, ни русскій православный міръ не дали ни одного спеціальнаго руководства къ спасенію въ семейной, супружеской жизни, такъ что и нынѣ, какъ и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, если православный мірянинъ задумается о спасеніи, то ему придется самолично прорубать дорогу ко спасенію, пользуясь для сего лишь отрывочными элементами изъ указаній, заключенныхъ въ аскетическихъ писаніяхъ, спеціально принаровленныхъ къ жизни дѣвственниковъ. Но вѣдь это въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ то, какъ если бы плотникъ пошелъ учиться плотничному ремеслу у кузнецовъ.

Греческое пониманіе Христіанства есть пониманіе его подъ угломъ зрѣнія св. апостола Павла, этого апостола языковъ [2]), съ

---

[1]) Замѣчу еще одно: Церковь *двоится* въ идеалѣ, если мы не сольемъ или монашества съ бракомъ («внутреннее глаголаніе пола передъ запирающею его плотиною», какъ я объяснилъ въ статьѣ «Смыслъ аскетизма»), или — но это совершенно невозможно—не сольемъ бракъ съ монашествомъ («таинство вынаривается», «таинства нѣтъ»). Церковь, говорю я, *двоится*, при этой точкѣ зрѣнія, и, подъ покровомъ одной, въ темныхъ и бѣлыхъ ризахъ духовенства, мы имѣли-бы или имѣемъ *два и притомъ противуположныя упованія*, спайку *двухъ Церквей*: «бѣлаго поклоненія» «Свѣтлому Лику» и «темнаго поклоненія» такому «Темному Лику», сути коего, въ противуположность Богу — Елогиму (*Бытіе, I*), есть заповѣданіе: «не раститеся, не множитеся». *В. Р—въ.*

[2]) Позволительно поставить вопросъ: къ Спасителю обращалась и хананеянка, и Онъ не отмелъ ее, и не обличилъ за вѣру. Вообще, Спаситель есть Спаситель міра, а не іудеевъ, и все взялъ подъ крыло Себѣ. Отъ сего, какъ спасающій міръ, Онъ обличаетъ пороки совѣсти, но не возражаетъ противъ ошибокъ вѣроученія. Характерный некнижникъ, Онъ идетъ *мимо* догматовъ, системъ, символовъ, какъ мимо стѣнъ Іерусалима, не обращая глагола къ

оставленіемъ въ сторонѣ или съ выбрасываніемъ за бортъ пониманія его подъ угломъ зрѣнія прочихъ двѣнадцати апостоловъ, апостоловъ обрѣзанія, которые предоставляли вѣрующимъ *равное* право и *равную* власть избирать для себя любое *спасительное* состояніе жизни, состояніе ли дѣвства, или состояніе супружества, ничуть не третируя послѣдняго и ни мало не возвышая перваго. Но если грекъ и 900-лѣтній подобострастный подражатель его Россіянинъ восклицаютъ о себѣ: «азъ убо Павловъ» (1 Кор. 1, 12)», то мы съ вами, совершенно съ одинаковымъ правомъ, можемъ каждый воскликнуть: «азъ же Кифинъ» (тамъ же), въ той совершенно справедливой увѣренности, что «и Павловы и Кифины одинаково суть Христовы» (1 Кор. 3 23).

Глубоко Вамъ преданный протоіерей

Александръ У—скій.

1899 г. 8-го Апрѣля.

III.

Глубокоуважаемый В. В.!

Слѣды апостольскаго отношенія къ вопросу о бракѣ остались для насъ въ такъ называемыхъ «Правилахъ апостольскихъ», которыхъ мы не должны пройти молчаніемъ. Для нашего вопроса важны 5-е и 51-е правило. Приведемъ ихъ сполна. Правило 5-е: «Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ да не изгонитъ жены своея подъ видомъ благочестія. Аще же изгонитъ, да будетъ отлученъ отъ общенія церковнаго; и оставаясь непреклоннымъ, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина». Вслѣдъ за этимъ правиломъ приложено такое толкованіе: «Изгнаніе жены запрещается священнымъ лицамъ потому, какъ изъясняетъ Зонаръ, что сіе *казалось бы охлажденіемъ супружества*». Правило 51-е: «Аще кто, епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина удаляется отъ брака не ради подвига воздержанія, но по причинѣ *гнушенія*, забывъ, что вся добра зѣло, и что Богъ, созидая человѣка, мужа и жену сотворилъ ихъ, и такимъ образомъ, *хуля клевещетъ на созданіе*, или да исправится, или да будетъ изверженъ

спорамъ ихъ. Но *послѣ Спасителя* открылась *пропаганда* его глаголовъ, и вотъ въ этотъ мигъ произошло, какъ кажется, величайшее заблужденіе: Христово (относящееся ко *всему міру*, *весь міръ подъ себя* взявшее, какъ солнце имѣетъ подъ собою океаны, лѣса и горы) — вдругъ *заострилось противъ племенъ, языковъ и капищъ* и сейчасъ-же, силою реакціи, *противъ себя все это заострило*. Возстали эллинъ и іудей, когда самъ Спаситель не возставалъ ни противъ іудея, ни противъ эллина, но противъ грѣха. И вотъ почему до нашихъ дней «весь Израиль» не «спасся». Вообще на почвѣ пропаганды, борьбы съ язычествомъ и іудействомъ, само христіанство съузилось и исказилось, почти до секты, до толка: *анти-іудейскаго* и *анти-Эллинскаго*, когда оно можетъ быть *ни Эллинскимъ*, и *іудейскимъ*». «міровымъ». *В. Р—въ.*

изъ священнаго чина и отверженъ отъ церкви. Также и мирянинъ». Но вѣдь гнушаться въ бракѣ можно единственно только актомъ супружескихъ сношеній. Если, теперь, апостольскія правила запрещаютъ гнушаться бракомъ, то они, тѣмъ самымъ, запрещаютъ гнушаться именно означеннымъ актомъ; если же запрещается гнушаться имъ, то, конечно, потому, что въ немъ нѣтъ ничего, достойнаго гнушенія.

Къ чести широты и многосторонности греческаго религіознаго сознанія нужно сказать, что оффиціальная греческая Церковь, по крайней мѣрѣ въ теоріи, долго отстаивала святыню брака предъ стихійнымъ напоромъ массоваго народнаго сознанія, получившаго наклонъ въ сторону преклоненія предъ дѣвствомъ, пока, наконецъ, и сама не увлеклась, повидимому, общимъ потокомъ. Въ данномъ случаѣ съ греческимъ религіознымъ сознаніемъ относительно дѣвства произошло тоже, что въ Западной Церкви относительно Filioque. Римскіе папы долго и энергично защищали неприкосновенность Никео-Цареградскаго символа, пока, наконецъ, вынуждены были уступить стихійной массѣ народнаго сознанія, дальновидно и благоразумно предохранивъ тѣмъ Западный міръ отъ великаго раскола, чего такъ печально, по своей неразсудительности и упрямству, не съумѣлъ избѣжать нашъ патріархъ Никонъ, неосторожнымъ насиліемъ надъ народнымъ сознаніемъ достигшій лишь грустнаго раздѣленія въ россійской церкви.

Памятникомъ защиты со стороны греческой церкви достодолжнаго отношенія къ браку остались правила Гангрскаго помѣстнаго собора, бывшаго въ Пафлагоніи около 340 года, и шестаго вселенскаго собора. Въ утѣшеніе и въ оправданіе свое, и въ доказательство того, что мы съ Вами не фантазируемъ, когда защищаемъ достопокланяемую святыню брака, считаю нужнымъ привести здѣсь и эти правила. Вотъ они. Гангрскаго собора правило 1-е: «Аще кто порицаетъ бракъ, и женою вѣрною и благочестивою, съ мужемъ своимъ совокупляющеюся, *гнушается*, или порицаетъ оную, яко не могущую внити въ Царствіе, да будетъ подъ клятвою». Правило 14-е: «Аще которая жена оставитъ мужа и отъити восхощетъ, *гнушаяся* бракомъ, да будетъ подъ клятвою». Правило 4-е: «Аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко не достоитъ причащатися приношенія, когда таковый совершилъ литургію, да будетъ подъ клятвою». Правило 9-е: «Аще кто дѣвствуетъ, или воздерживается, удаляяся отъ брака, яко *гнушающійся* имъ, а не ради самыя доброты и святыни дѣвства, да будетъ подъ клятвою». Правило 10-е: «Аще кто изъ дѣвствующихъ ради Господа будетъ *превозноситися* надъ бракосочетавшимися, да будетъ подъ клятвою». Шестаго вселенскаго собора правило 13-е: «Понеже мы увѣдали, что въ Римской церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быти удостоены рукоположенія во діакона, или

пресвитера, обязывались не сообщатися болѣе со своими женами, то мы, послѣдуя древнему правилу Апостольскаго благоустройства и порядка, соизволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. Итако, аще кто явится достойнымъ рукоположенія въ иподіакона, или во діакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругую, и отъ него во время поставленія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ удержится отъ законнаго сообщенія съ женою своею, *дабы мы не были принуждены симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и Имъ въ Его пришествіи благословенный бракъ*. Ибо гласъ Евангелія вопіетъ: яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ (Мѳ. 19, 6). И Апостолъ учитъ: бракъ честенъ, и ложе нескверно (Евр. 13, 4); такожде: привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія (1 Кор., 7, 27). Аще же кто, *поступая вопреки Апостольскимъ правиламъ*, дерзнетъ кого-либо изъ священныхъ, то-есть пресвитеровъ, или діаконовъ, или иподіаконовъ лишати союза и общенія съ законною женою, да будетъ изверженъ. Подобно аще кто, пресвитеръ, или діаконъ, *подъ видомъ благоговѣнія*, изгонитъ жену свою, да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ».

Я не сопровождаю этихъ правилъ никакими примѣчаніями, толкованіями, или выводами. Смыслъ ихъ до прозрачности ясенъ изъ ихъ буквальнаго текста. Я только подчеркнулъ въ нихъ нѣкоторыя выраженія, наиболѣе характерныя для нашего вопроса.

Обращаюсь теперь къ нашей Россіи. Въ печальномъ положеніи христіанства въ русской семьѣ, въ томъ, по истинѣ достойномъ горючихъ слезъ, обстоятельствѣ, что русская семья, въ смыслѣ примѣненія къ ней Евангелія Христова и идеаловъ Новаго Завѣта, Завѣта вѣчнаго (Евр. 9, 12. 15, 24; 10, 12, 14), и доселѣ остается въ томъ же безпорядочномъ состояніи, въ какомъ она находилась въ тѣ далекія времена, когда наши предки изъ-за моря призывали къ себѣ водворителей порядка, и въ такомъ же темномъ, не освѣщенномъ свѣтомъ Духовнаго Солнца, видѣ. въ какомъ она была и въ старыя времена, блаженной памяти, Великаго Князя Василія Темнаго, всецѣло и безусловно виноваты русскій священникъ и русская женщина.

Въ самомъ дѣлѣ, русскій монахъ, съ своей монашеской точки зрѣнія и на своей монашеской дорогѣ, много и долго, и притомъ совершенно добросовѣстно и совершенно усердно трудился на нивѣ Божіей и принесъ отъ своего лица обильный плодъ для Царствія Божія. Доказательство тому безчисленные сонмы святыхъ русскихъ иноковъ, наполнившихъ костями своими и Кіево-Печерскую лавру,

и множество другихъ россійскихъ монастырей. Русскіе святители выдѣлили изъ своего состава многочисленныхъ святыхъ представителей для Царствія Божія, раками съ священными останками которыхъ уставлены храмы Божіи и въ Новгородѣ, и въ Москвѣ, и въ разныхъ другихъ городахъ россійскихъ. Русскіе князья своими многочисленными святыми именами достойно украсили и испещрили страницы Святцевъ, русскіе простолюдины дали изъ своей среды для Царствія Божія не мало разныхъ Христа ради юродивыхъ, блаженныхъ и праведныхъ. Но просмотрите вы весь православный календарь, съ 1-го января по 31-е декабря. Много ли вы найдете въ немъ святыхъ русскихъ женщинъ? Много ли записано въ немъ святыхъ русскихъ священниковъ? Что касается первыхъ, то какихъ-нибудь три, четыре имени, и обочтетесь. Какъ видите, процентъ слишкомъ ничтожный. Что касается послѣднихъ, то ихъ вы вовсе не найдете въ Святцахъ. Что же это значитъ? А то, что русскій священникъ и русская женщина, за 900 лѣтъ христіанства на Руси, не позаботились и не потрудились, каждый въ своей сферѣ и въ своей области, на дѣлѣ и на практикѣ осуществить завѣты христіанства. Коснемся сперва русской женщины.

Что такое русская женщина? Это какая-то деревяшка, совершенно лишенная какого бы то ни было стремленія къ нравственному самоусовершенствованію. Ей совершенно чужды какія бы то ни было понятія о чувствѣ правды и о чувствѣ долга [1]). Въ ней совершенно атрофированы способности постигать небесное и стремиться къ нему. Это какая-то лейденская банка, только заряженная не электричествомъ, а дикимъ, жестокимъ эгоизмомъ. Это какая-то глыба замерзшей, окаменѣлой глины, совершенно неспособная поднимать взоръ свой къ небесному своду. Безчисленное множество русскихъ священниковъ спились съ кругу единственно только изъ-

[1]) Въ одномъ частномъ письмѣ *А. П. У—скій* писалъ мнѣ: «пишу объ этомъ какъ варваръ; но напечатайте, ибо сердце говоритъ». И все у него (въ ощущеніяхъ)—правда. Никакого чувства долга и никакого совпанія идеала—нѣтъ, т. е. *вообще*, въ *массѣ*, въ *пластѣ* женщинъ. Глыба земли, надъ которой еще «Духъ Божій не бѣ». Но тутъ встаетъ во всей силѣ своей *взглядъ* (см. выше) Кускова о томъ, что *семья—внѣ* «Царствія Божія», отъ какого взгляда, за 1.000 лѣтъ, она и полетѣла въ бездну. «Духъ Божій» отлетѣлъ отъ глыбы—и она стала бездыханна, безсвѣтна, безъ-идеальна. Отсюда и Матрены и Катерины уже стали что́ доски. Тутъ *несчастіе*—во первыхъ, а *порокъ*—во вторыхъ. Но есть (рѣдчайшія) страстотерпицы! но не погасли и идеалы! И какъ видалъ *я позоръ* русской семьи и русской женщины, видалъ и *славу* первой и второй, и долженъ свидѣтельствовать. Да вотъ супруга покойнаго Бухарева—вѣдь она *незамѣтная* блестка золота на возможной парчѣ русскаго семейнаго идеала. Тутъ еще, при обсужденіи паденія идеала женщины, нужно принять во вниманіе отсутствіе развода, при коемъ вообще все въ семьѣ пошло по уклону внизъ. «Э, все равно, доживемъ: вѣдь разлучаться нельзя». «Не прогонитъ» (жена о мужѣ). И—«не убѣжитъ» (мужъ о женѣ). Перестала одна и другая сторона въ чемъ-нибудь сдерживаться. *В. Р—въ.*

за женъ своихъ. Недаромъ на счетъ жестоковыйности и инертности русской женщины сложилось такъ много пословицъ, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «Баба, не трясись».—«Нѣтъ, потрясусь!» «Брито».—«Нѣтъ, стрижено!» «Спорить съ женщиной все тоже, что черпать воду рѣшетомъ». Да, русская женщина, въ продолженіе 900 лѣтъ христіанства на Руси, не смирилась предъ словомъ Христовымъ. Въ продолженіе 900 лѣтъ христіанства она добровольно, свободно и сознательно не признала и не приняла апостольскаго ученія, гласящаго, что мужъ есть глава жены (Еф. 5, 23), и что жена должна бояться своего мужа (Еф. 5, 33), или, говоря иначе, согласовать свою личную волю съ волей мужа, отъ того и выходитъ, что едва молодые успѣютъ повѣнчаться, какъ сейчасъ же начинается между ними глухая, часто даже безсознательная борьба за гегемонію въ семействѣ, за преобладаніе, за то, чьей рукѣ быть на верху. Первыя проявленія этой борьбы начинаются еще во время самаго вѣнца и доходятъ до смѣшнаго, когда невѣста торопливо устремляется прежде жениха ступить ногой на подножки, или старается выше его поднять свою вѣнчальную свѣчу, отдавая этимъ дань той примѣтѣ, что, поступая такъ, она и въ жизни будетъ имѣть перевѣсъ надъ своимъ мужемъ и управлять имъ. Между тѣмъ, если бы русская женщина усвоила себѣ духъ Христовъ, Евангельскіе идеалы и апостольское ученіе, то для подобной борьбы не осталось бы и пяди мѣста.

Но это только одна сторона дѣла. Есть другая, несравненно болѣе важная и болѣе существенная сторона въ недочетѣ женскаго міросозерцанія. Указаніе на эту послѣднюю я нахожу въ самомъ свѣжемъ литературномъ свидѣтельствѣ. Въ только что вышедшей и любезно присланной Вами мнѣ книжкѣ «Въ тихой пристани», героиня разсказа «Въ морозную ночь», Мери, получаетъ письмо отъ тетки игуменьи, въ которомъ послѣдняя совѣтуетъ ей вести жизнь внимательную, чистымъ сердцемъ служить Богу. По прочтеніи письма «ей стало немного досадно отъ совѣтовъ игуменьи».

«На что мнѣ они, когда, можетъ быть, даже сегодня я буду невѣстой Матищева?» подумала она.

Итакъ, что же, милая барышня? Значитъ или Христосъ, или замужество? Или спасеніе души, или вѣнчальный уборъ? А въ замужествѣ Христосъ уже не нуженъ? А въ семейной жизни для спасенія уже нѣтъ мѣста? Что же вы, прекрасное созданіе, съ такими взглядами и убѣжденіями, дадите въ своемъ лицѣ мнѣ, юношѣ? Или только одушевленный обломокъ неорганической природы? Что же вы, вѣнецъ творенія, принесете въ своемъ лицѣ въ домъ своего мужа? Или только пучекъ соломы, обшитый человѣческой кожей? Мѣшокъ съ пескомъ, для балласта въ моей жизни, для того, чтобы я, юноша, не улетѣлъ за облака въ своихъ возвышенныхъ мечтахъ и въ своихъ благородныхъ порывахъ? Удивляюсь я, чему

же вы, милая барышня, и въ собственномъ лицѣ, и въ лицѣ своихъ бабушекъ и прабабушекъ, въ продолженіе 900 лѣтъ, научились у христіанства? Да знаете ли вы, будущая подруга и помощница мужа (Быт. 2, 18), что человѣкъ, будетъ ли то мужчина или женщина, безъ Христа въ душѣ своей не имѣетъ въ себѣ жизни (Іоан. 6, 53, 56, 57)? Что это только духовный мертвецъ, духовный камень, пессимистъ, Шопенгауэръ, и рѣшительно ничего болѣе? Что же ты, милая дамочка, не пріобрѣвшая Христа въ сердце свое (Филип. 3, 8), не разцвѣтшая въ живую душу (4 Цар. 2, 2), жалуешься на то, что мужъ черезъ три, четыре мѣсяца послѣ свадьбы выбрасываетъ тебя за порогъ своего дома, какъ бездушную вещь, какъ ненужную поношенную перчатку? Или ты, почтенная русская женщина, въ теченіе 900 лѣтъ, никакъ не поняла, не узнала, что только Святымъ Духомъ всякая человѣческая душа живится (воскр. антиф. 4 гл.)? Вѣдь это не фраза, не проповѣдь, не сентенція, а дѣло. Это фактъ психической жизни, котораго нельзя ни обойти, ни объѣхать, и разъ люди стараются обходить его, въ ихъ жизни появляется мерзость запустѣнія, истинное и подлинное нравственное разложеніе. Какъ же ты, еще въ дѣвушкахъ не пріобрѣвшая Святаго Духа въ храмъ своего бреннаго тѣла, жалуешься, что мужъ обращается съ тобою, какъ съ бездушною вещью? Да какъ же онъ можетъ иначе обращаться съ тобою, когда онъ не нашелъ, не встрѣтилъ въ тебѣ живой души? Когда ты сама не постаралась озарить, освѣтить и оживотворить храмину души своей ни всеоживляющей жизнью Христовой, ни всесогрѣвающей благодатію Святаго Духа? Нѣтъ, не такія намъ жены нужны! Не бездушныя куколки, которыя бы только умѣли бредить балами, театрами да маскарадами, и, за отсутствіемъ положительнаго духовнаго богатства и духовной значимости, обвѣшивать себя и тѣмъ восполнять свою душевную пустоту только птичьими перьями да звѣриными шкурками, а такія, которыя бы могли освѣтить и согрѣть нашу душу немеркнущимъ и невечерѣющимъ свѣтомъ. Мнѣ нужна невѣста, которая бы повела меня въ слѣдъ за собою къ безсмертной трапезѣ, къ Хлѣбу жизни (Іоан. 6, 48) и къ Источнику безсмертія. Мнѣ нужна жена, которая бы была для меня постояннымъ правиломъ, моей неизмѣнной и неподкупной Евангельской совѣстью. Мнѣ нужна мать дѣтей моихъ, которая бы воспитала, вскормила и отпечатлѣла въ сердцахъ ихъ образъ Христовъ (Гал. 4, 19). Вотъ какая русская женщина нужна мнѣ! И доколѣ вы, милыя русскія дамочки, не сдѣлаетесь такими, вы не имѣете ни малѣйшаго права претендовать на то, что ваши мужья обращаются съ вами, какъ съ бездушною вещью, или выбрасываютъ васъ за порогъ своего дома. Ибо съ существомъ, дѣйствительно не имѣющимъ живой души, какъ же иначе обращаться? И если мужчина искалъ въ лицѣ своей невѣсты

живую душу и не нашелъ ея, то что же ему остается съ нею дѣлать, какъ не выбросить вонъ какъ ненужную [1]) вещь?

Такъ вотъ что, милая барышня, отъ васъ нужно. Принесите съ собою Христа не въ монастырь, а въ мою семью. Озарите свѣтомъ Христовымъ, какъ Божій храмъ въ пасхальную заутреню, домъ мой. Да будетъ наша первая брачная ночь символомъ, отблескомъ и отраженіемъ той священной, всепразднственной, спасительной и свѣтозарной ночи, которая была провозвѣстницей возстанія Христова, преддверіемъ свѣтоноснаго дня нашего спасенія, въ которую безлѣтный Свѣтъ изъ гроба плотски всѣмъ возсіялъ (пасх. кан., п. 7, ст. 3). При такихъ условіяхъ [2]), конечно, и мужья инстинктивно почуютъ въ васъ, русскія женщины, живую душу, и будутъ цѣнить васъ и дорожить вами, а не выбрасывать васъ за бортъ бытія своего.

Какъ сурово, какъ жестоко сказано о женщинахъ, подумаете вы, прочитавши эти мои строки. Но что же дѣлать? Въ такомъ видѣ стелется эта картина предъ моимъ сознаніемъ [3]). Вотъ, если судитъ Господь повести мнѣ рѣчь о Соловьевѣ и Неплюевѣ, тогда надѣюсь говорить болѣе нѣжнымъ тономъ, ибо тогда заговорятъ дискантовыя струнки сердца, а теперь пока удовольствуйтесь контръбасомъ.

Но еще болѣе, чѣмъ русская женщина, въ захудаломъ состояніи русской семьи, въ смыслѣ осуществленія въ ея сферѣ лучезарныхъ завѣтовъ Евангелія, виноватъ русскій священникъ. Въ самомъ дѣлѣ, кому же, какъ не ему, слѣдуетъ освѣтить супружескую жизнь свѣтомъ Христовымъ всю, до конца, безъ всякаго исключенія [4]). Кому же, какъ не ему, слѣдовало,—прежде всего, конечно, лично для себя,

---

[1]) Да. Ужасно и истинно. И у меня въ родствѣ былъ священникъ, который лилъ слезы съ женой 15 лѣтъ *по абсолютной ея глухотѣ ко всему.* Торопливыя, передъ посвященіемъ, браки священниковъ даютъ еще меньшій процентъ удачи, чѣмъ при тщательномъ и долгомъ выборѣ, выглядываніи мірянъ.—Гнѣвъ *А. П. У—скаго,* столь правый и столь жестокій, и бросилъ, однако, *при отсутствіи развода*—къ естественному этому послѣдствію. *Глухая глыба* уже повисла, что жерновъ, на шеѣ; она ежедневно и еженочно около тебя и около дѣтей; и вотъ начинаешъ *биться* съ этою глыбою какъ тонущій съ камнемъ у него на шеѣ, и *бить* ее какъ повѣшенный бьетъ висѣлицу ногой. Такъ началась *грубость* въ семьѣ. Такъ началась *дикость* въ семьѣ. Такъ началась *жестокость* въ семьѣ! И потекъ «Эдемъ» бытія—«въ преисподнюю». Отсюда-то и вытекаетъ *вопль*: «разводъ», не какъ рычагъ разрушенія, а какъ *вожжа* (вмѣсто бывшей плети) управленія. Но это—новая необозримая тема. *В. Р—въ.*

[2]) Да—буди! буди! Но, я вѣрю—все такъ *и будетъ. В. Р—въ*

[3]) Да, правду, всю правду на столъ—безъ этого мы ни въ чемъ не успѣемъ. И суровое письмо *А. П. У—скаго* мнѣ при вторичномъ чтеніи безусловно кажется соотвѣтствующимъ дѣлу и положенію вещей. Когда пожаръ, то надо кричать, а не разговаривать. *В. Р—въ.*

[4]) Тутъ—болѣе трудный вопросъ: а какъ живетъ въ своей семьѣ священникъ? а какъ *условія* его *семейной жизни поставлены*? Вообще тутъ—«зубчатое колесо» несчастій и грѣха. *В. Р—въ.*

а затѣмъ и для своей паствы,—уяснить христіанство съ точки зрѣнія брачниковъ? Не ему-ли слѣдовало уяснить вопросъ о бракѣ въ отношеніи къ вопросу о христіанскомъ спасеніи? Постарался-ли онъ воплотить въ своей жизни [1]) брачное сожитіе, какъ свой специфическій, спеціальный, совершенно отличный отъ монашескаго, путь ко спасенію? Вѣдь кромѣ него сдѣлать это было рѣшительно некому. Не могли этого сдѣлать ни русскіе монахи, ни русскіе святители, ибо, во-первыхъ, для нихъ уже только вращать мысль свою въ сферѣ супружескихъ отношеній есть грѣхъ и преступленіе, а во-вторыхъ, они не могли по собственному опыту быть свидѣтелями и показателями тѣхъ психическихъ настроеній и состояній, которыми предваряется, сопутствуется и завершается супружеское совокупленіе. Они не могли быть опытными показателями того, какое воздѣйствіе производитъ половой актъ на сумму и строй религіозныхъ чувствованій христіанина, и, слѣдовательно, не могли сказать, восполненіе или убыль производитъ онъ въ психическомъ строѣ человѣка со стороны религіозной его полноты. Это могъ и долженъ былъ сдѣлать только русскій священникъ. Онъ, съ одной стороны, есть служитель, носитель и представитель Евангелія, съ другой—человѣкъ всегда и обязательно женатый, семейный. Онъ есть личный и живой узелъ, связывающій Евангеліе Христово съ половымъ актомъ [2]), и, слѣдовательно, на немъ лежала обязанность озарить этотъ актъ свѣтомъ Христовымъ.

Между тѣмъ, что же сдѣлалъ русскій священникъ въ указанномъ направленіи? Въ продолженіе 900 лѣтъ христіанства на Руси онъ преспокойно и пресерьезно махалъ кадиломъ, переводилъ пятаки да алтыны изъ кармановъ прихожанъ въ свои собственные, собиралъ кутью по родительскимъ субботамъ и пироги по праздникамъ, исправно служилъ молебны и пѣлъ панихиды, да велемудро ухитрялся въ одно и тоже время служить двумъ господамъ, Богу и маммонѣ (Мѳ. 6, 24), работать Христу и Веліару (2 Кор. 6, 15), воскурять ѳиміамъ и въ церкви Божіей, и предъ идолами (ст. 16). Днемъ онъ сознательно и разумно служилъ Богу, а ночью столь же сознательно и разумно служилъ Веліару. И это съ того дня, когда онъ выйдетъ изъ-подъ брачнаго вѣнца, и до того времени, когда окончатся дни его половой состоятельности.

---

[1]) Вотъ тутъ-то и выступаетъ мучительнѣйшій вопросъ: а какъ *ихъ собственная, священниковъ*, жизнь устроена? Ея условія—еще *печальнѣе*, еще *небрежнѣе* организованы, чѣмъ условія жизни мірянъ. Тутъ только и можно, въ отчаяніи, ухватиться за Библію (Ветхій Завѣтъ): дайте намъ *вотъ что!* житіе—*левитовъ и священниковъ* израильскихъ! Когда затеплится *милое* и *тихое*, *любящее* и *ласковое*, а въ основѣ всего—*счастливое* («мнѣ, рабу Божію, іерею Іоанну») *личное житіе*—о, тогда уже все само собою придетъ. Лозунгъ XX-го вѣка будетъ: воскресите намъ кости и кровь Завѣта Ветхаго!! *В. Р—въ.*

[2]) Прекрасно, глубокомысленно. И я всегда думалъ: да отъ кого-же, какъ не отъ *іерея-супруга*, долженъ возсіять свѣтъ съ Востока? *В. Р—въ.*

Говоря это, я имѣю въ виду великій духовный законъ индивидуальности въ воспріятіи истинъ Евангелія и въ отвѣтственности за нихъ, высказанный св. апостоломъ Павломъ въ слѣдующемъ положеніи: «нѣтъ ничего въ себѣ самомъ нечистаго; только почитающему что-либо нечистымъ, тому нечисто» (Рим. 14, 14). Въ силу этого духовнаго закона, если священникъ совершилъ свой половой актъ съ мыслію, что онъ этимъ актомъ грѣшитъ предъ Богомъ, то и на самомъ дѣлѣ это его дѣяніе вмѣнялось ему въ грѣхъ и въ преступленіе и составляло для него, каждый разъ, лишнее бремя совѣсти, лишавшее его дерзновенія предъ Богомъ и парализовавшее собою обиліе его духовнаго плодоприношенія [1]). Между тѣмъ какъ совершеніе того же самаго акта съ молитвою, во свѣтѣ Лица Божія, и съ мыслію, что я этимъ актомъ лишь исполняю прямую и точную Заповѣдь Божію (Быт. 1, 28), окрыляло бы его необыкновеннымъ притокомъ духовной силы, разверзало бы источники его сердца для непрестанной хвалы и славословія Богу и вводило бы его въ дерзновенную, открыто играющую и радующуюся предъ очами Божіими (Притч. 8, 30), свободу славы чадъ Божіихъ (Рим. 8, 21). Ибо по тому же великому духовному закону блаженъ, кто не осуждаетъ себя въ томъ, что [2]) избираетъ (Рим. 14, 22).

Да, русскій священникъ, въ продолженіе 900 лѣтъ, жилъ святотатственною жизнію, принося Богу не все свое духовное богатство, не всю полноту бытія своего и поведенія своего, а только часть его, другую же значительную часть, именно половой супружескій актъ, оставляя, утаивая, какъ Ананія и Сапфира часть своего вещественнаго имущества (Дѣян. 5, 1. 2), лично для себя, и тѣмъ отнимая ее у Бога. Но какъ Ананія и Сапфира такимъ святотатствомъ заслужили только отверженіе отъ Бога, такъ и русское священство, за такое свое духовное святотатство, не обречено-ли Провидѣніемъ Божіимъ на уничиженіе и отверженіе (Малах. 2,9)? Не мудрено послѣ сего, что русскаго священника никакъ не отыскать въ православныхъ святцахъ.

Такимъ образомъ, за русскимъ священствомъ числится неоплатный долгъ предъ человѣчествомъ и предъ Царствіемъ Божіимъ.

[1]) Глубина изъ глубинъ. Лично я (даже въ юности) никогда не полагалъ половой актъ не чистымъ, и никогда-же не былъ развратенъ. Но я наблюдалъ, что чѣмъ отрицательнѣе смотритъ человѣкъ на половой актъ—тѣмъ онъ становится развратнѣе, какъ-то грязнѣе, свинствуетъ въ половомъ общеніи и вообще въ воззрѣніи на женщинъ и въ обращеніи съ ними. И тутъ—Богъ смѣняется *Веліаромъ, въ той же точкѣ. **В. Р—въ.***

[2]) Всѣ это мѣсто—удивительно. Такъ и я всегда думалъ. Чѣмъ *положительнѣе* мы смотримъ на половой актъ, *исполненіе единственной до грѣхопаденія заповѣди человѣку*, тѣмъ душа наша становится свѣтлѣе; живѣе, легче (крылья) и наполняется какимъ-то гимномъ ко всему міру и всѣмъ тварямъ—Вообще *точка зрѣнія* на этотъ актъ, стоя ниже *нуля*—порождаетъ міровой пессимизмъ и скептицизмъ, стоя выше *нуля*—порождаетъ міровой оптимизмъ, не доказуемый, не раціональный, но сердечный и мистическій. ***В. Р—въ.***

чтобы сколько-нибудь уплатить этотъ долгъ, онъ обязанъ разумно, осмысленно и сознательно ввести половой актъ въ сферу религіознаго дѣйствія и совершать его во свѣтѣ Лица Божія, предъ всезрящими очами Господними, а не уходить каждый разъ при совершеніи его словно заграницу Царствія Божія, не погружаться въ область, идѣже не пресѣщаетъ свѣтъ Лица Божія, и тѣмъ въ своемъ сознаніи не отдаваться добровольно и напрасно на служеніе царству тьмы и мрака.

Какъ видите, очередь приносить плодъ для Царствія Божія стоитъ за русскимъ священникомъ и за русской женщиной.

Что касается русскаго священника, то XIX вѣкъ далъ уже въ этомъ направленіи блестящіе начатки. Я разумѣю трехъ святыхъ священниковъ нашего вѣка: о. Іоанна Елецкаго, о. Матѳея Ржевскаго и о. Іоанна Кронштадтскаго, которые въ святцы еще не успѣли попасть, но безъ всякаго сомнѣнія займутъ въ нихъ почетное мѣсто. Первый изъ нихъ обладалъ даромъ пророчества и чудотворенія, второй — даромъ прозорливости и духовнаго озаренія, а третій—чудотворецъ на нашихъ глазахъ.

Наступаютъ дни, когда мы «смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго—начало». Итакъ, «играюще да воспоёмъ Виновнаго, Единаго Благословеннаго, отцовъ Бога и Препрославленнаго» (Пасх. кан., п. 7, ст. 2). Ему же да будетъ слава и держава вѣчная, со безначальнымъ Его Отцомъ и жизноподательнымъ Утѣшителемъ Духомъ.

Вашъ душею и сердцемъ, протоіерей *А. У—скій.*

IV.

Любезнѣйшій В. В.

Не хвалите меня. Куда мнѣ до похвалъ? Я буду очень радъ, если какая-нибудь моя фраза наведетъ васъ на размышленіе и подастъ поводъ къ новымъ вашимъ статьямъ по вопросу о супружествѣ.

Счастливая мысль пришла вамъ въ сферѣ пониманія и приложенія къ жизни Ветхаго Завѣта, обратиться къ свидѣтельству современныхъ евреевъ. Вѣдь дѣйствительно, всѣ христіанскіе народы новички въ дѣлѣ пониманія Ветхаго Завѣта, и потому совершенно естественно и вполнѣ благопотребно за пониманіемъ Ветхаго Завѣта обратиться къ его носителямъ и представителямъ. Между тѣмъ у насъ, даже доселѣ, къ еврейству относились только съ ненавистью и враждебно, забывая ту непреложную истину, что сами мы, люди Новаго Завѣта, основаны на фундаментѣ Ветхаго Завѣта, что мы «наздани на основаніи Апостолъ и *пророкъ*, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу» (Ефес. 2, 20), этому воплощенному Слову

Божію, Которымъ «создана была всяческая, яже на небеси и *яже на земли*» (Кол. 1, 16).

Привожу вамъ сказаніе о преподобномъ Макаріѣ Египетскомъ (но онъ не былъ епископомъ, а имѣлъ только санъ священника) въ томъ видѣ, какъ оно передано въ славянской Четь-Минеи св. Димитрія митрополита Ростовскаго (за январь, подъ 19 числомъ), съ собственнымъ дословнымъ переводомъ съ славянскаго на русскій. Вотъ оно:

«Однажды, когда преподобный молился Богу, былъ къ нему голосъ, говорящій: «Макарій, ты еще не пришелъ въ мѣру двухъ женъ, которыя живутъ вмѣстѣ, въ ближайшемъ городѣ». Услышавъ это, старецъ взялъ жезлъ свой, пошелъ въ названный городъ и, отыскавъ домъ ихъ, постучался въ двери. Тотчасъ одна изъ нихъ вышла и съ великою радостію приняла его.

«Старецъ, призвавъ ихъ обѣихъ, сказалъ имъ: «Изъ-за васъ принялъ я такой трудъ, пришедши изъ дальней пустыни, чтобы узнать дѣла ваши, которыя вы и откройте мнѣ безъ утайки». Женщины отвѣчали старцу: «Повѣрь намъ, святый отецъ, даже и въ прошлую ночь мы не были свободны отъ ложа мужей своихъ, какихъ же добрыхъ дѣлъ ты ждешь отъ насъ?» Старецъ же настаивалъ, умоляя ихъ, чтобы онѣ открыли ему образъ своей жизни. Будучи убѣждены старцемъ, онѣ сказали: «Мы не имѣемъ между собою никакого родства, но случилось наймъ выйти замужъ за двухъ братьевъ, и вотъ мы, пятнадцать лѣтъ живя вмѣстѣ съ ними въ одномъ домѣ, не сказали одна другой ни одного обиднаго или дурного слова и никогда не ссорились, но даже донынѣ живемъ въ мирѣ. Единомысленно совѣщались мы, оставивъ плотскихъ мужей, пойти въ ликъ святыхъ дѣвъ, работающихъ Богу, но не могли упросить мужей своихъ отпустить насъ, хотя и упрашивали ихъ со многими слезами. Не получивши желаемаго, мы положили завѣтъ между Богомъ и нами не сказать никакого мірского слова до смерти нашей». Выслушавши это, святый Макарій сказалъ: «Во истину не дѣвственницъ, ни замужнихъ, ни иноковъ, ни мірянъ, но произволенія ищетъ Богъ, принимая его какъ самое дѣло, и по произволенію каждаго подаетъ Святаго Духа, совершающаго и управляющаго жизнь великаго, хотящаго спастись».

Вотъ сказаніе. Не правда-ли, какая прелесть! Но оно въ теченіе пятнадцати вѣковъ оставалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Между тѣмъ достовѣрность его несомнѣнна. Св. Димитрій Ростовскій, въ качествѣ источниковъ, изъ которыхъ онъ заимствовалъ это сказаніе, указываетъ на пресвитера Руфина, церковнаго писателя конца IV и начала V вѣка, и на Скитскій Патерикъ (собраніе сказаній о подвижничествѣ египетскихъ отцовъ). У насъ, въ духовной сферѣ, сказаніе это общеизвѣстно. Первый разъ я слышалъ его еще въ раннемъ дѣтствѣ изъ устъ отца своего. Потомъ

гдѣ-то самъ читалъ. Гораздо позднѣе повѣствованіе это я встрѣчалъ у такихъ выдающихся богослововъ, какъ ординарный профессоръ Казанской Духовной Академіи, докторъ богословія. Александръ Федоровичъ Гусевъ («Прав. Обозр.» 1875 г., статья: «Отвѣтъ проф. Гренкову») и преосвященный Порфирій Успенскій (въ которой-то изъ его книгъ: «Путешествіе въ Египетъ и Ливію», или «Путешествіе на Синай»).

На дняхъ, послѣ продолжительнаго перерыва, получилъ я письмо изъ Переяславля-Залѣсскаго отъ Анны Сергѣевны Бухаревой. Бѣдная, великодушная страдалица, рѣшившаяся раздѣлить судьбу свою съ «разстригой», вотъ уже скоро пятнадцать лѣтъ вдовствующая среди притѣсненій, обидъ и народнаго невѣжественнаго пренебреженія. А между тѣмъ она вполнѣ достойна была бы такого же почета и вниманія, какимъ пользуется вдова другого нашего писателя, Анна Григорьевна Достоевская. Она пишетъ, что пыталась напечатать неизданное сочиненіе своего мужа «Іисусъ Христосъ въ Его словѣ» (объ этомъ упоминаетъ Знаменскій въ своей брошюрѣ), но встрѣтились «независящія обстоятельства...»

Итакъ, продолжаютъ и по смерти преслѣдовать этого безсмертнаго родоначальника россійскихъ пророковъ. Что же дѣлать? Общая участь всѣхъ пророковъ!

Глубоко вамъ преданный протоіерей

А. У—скій.

31 марта 1899 г.

V.

Ваше Сіятельство,

Владиміръ Петровичъ! [1]).

Ободряемый примѣромъ о. І. Петропавловскаго (письмо его въ № 19 *Гражданина*), рѣшаюсь и я сказать нѣсколько словъ по поводу статьи г. Розанова, помѣщенной въ № 17 «Гражданина». Въ статьѣ этой высказаны безсмертныя мысли, занесены на страницы литературы огромной важности наблюденія. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ у насъ религіозное освѣщеніе самыхъ основныхъ и центральныхъ пунктовъ и сторонъ христіанской супружеской жизни? Смотрѣли-ли мы на нихъ религіозно, какъ на дѣло Божіе, или лишь только снисходительно допускали ихъ, какъ неизбѣжную немощь и слабость природы человѣческой? Гдѣ молитвы, окружающія опочивальню православнаго семьянина и освящающія [2]) ее? Вотъ мы слышимъ

---

[1]) Мещерскій, редакторъ «Гражданина». Прим. *В. Р—ва.*

[2]) Поразительно, что о *побѣдахъ* — есть молитва; передъ *обѣдомъ*, послѣ *обѣда*—есть; въ *путь отправляющемуся*—есть-же; на *посѣвъ* ржи, овса—есть. Но на *посѣвъ душъ человѣческихъ*—нѣтъ; для *дѣтской*—нѣтъ, вокругъ *ложа супружескаго*—нѣтъ! *В. Р—въ.*

волю Господню: «не добро быть человѣку одному: сотворимъ ему помощника по нему» (Быт. 2, 18). Вотъ мы имѣемъ благословеніе Господне: «раститеся, и множитеся, и наполните землю» (Быт. 1, 28). Что же? Выполняемъ-ли мы эту волю Божію во свѣтѣ Лица Божія, предъ всезрящими очами Бога Вседержителя, въ чувствѣ радованія о Господѣ, въ сознаніи всецѣлаго благоволенія Творца къ половому акту и съ словами безпредѣльной благодарности Вседержителю и на словахъ, и въ сердцѣ? [1]). Пересмотрите всѣ наши требники, канонники, молитвословы. Найдете-ли вы въ нихъ молитвы, напр., предъ началомъ супружескаго совокупленія, или послѣ онаго [2])? Есть-ли хоть въ числѣ вечернихъ и утреннихъ молитвъ какая-либо молитва, спеціально принаровленная для православнаго семьянина? Есть-ли молитва для жены, когда она въ первый разъ почувствуетъ присутствіе бремени во чревѣ своемъ? Есть-ли молитвы, когда жена почувствуетъ первыя движенія младенца въ утробѣ, предъ началомъ родовъ [3]) и сразу послѣ оныхъ. Увы, вездѣ тутъ дикая пустыня, и нѣтъ ни единаго молитвеннаго оазиса. Но что же? Неужели всѣ обстоятельства зачатія, чревоношенія и рожденія человѣка, твердо покоющіяся на ясно, опредѣленно и неотразимо выраженной волѣ Божіей, недостойны молитвеннаго окруженія и освященія? Неужели, когда заповѣдано христіанину всякое дѣло начинать и оканчивать молитвою и все совершать во славу Божію, только половой актъ, этотъ центральный факторъ отчества и материнства, долженъ онъ совершать *внѣ* молитвеннаго озаренія, какъ бы во славу Валіара? [4]). Неужели прямую и опредѣленную волю Божію я долженъ выполнять въ богозабвеніи и въ удаленіи отъ

[1]) Вотъ, вотъ великая проблема брака! *В. Р—въ.*

[2]) Собственно, *утренняя* и *вечерняя* молитвы и должны-бы быть составлены *въ отношеніи къ этому акту,* возможному въ нощи, какъ важнѣйшему самого сна. *В. Р—въ.*

[3]) Грѣшный, *нужду* въ этомъ я знаю изъ опыта. Передъ приступомъ родовъ, жена всегда бываетъ въ испугѣ и смятѣніи, и начинаетъ молиться — но безсмысленно хватая слова изъ разныхъ молитвъ, и «Отче нашъ», и «Богородицы» и «Царю Небесный», и, обыкновенно, мысленно обращается къ помощи родной своей, если она отсутствуетъ, матери. Въ г. *Бѣломъ* мнѣ и сказала акушерка: «читайте (ей, рождавшей женѣ моей) псаломъ: *Живый въ помощи Вышняго.* Такъ всегда съ тѣхъ поръ я и поступаю. Но вѣдь это -эмпиризмъ и исканіе ощупью, и хотя это найденое—хорошо, но, можетъ быть, возможно болѣе полное, богоугодное, утѣшительное и соотвѣтственное. *В. Р—въ.*

[4]) Не могу я не радоваться *всею полнотою души,* что въ никогда не видѣнномъ мною священникѣ *А. П. У—скомъ* нашелъ такую проникновенную по мысли и мужественную по сердцу поддержку кругу своихъ мыслей. Безъ этой поддержки я былъ-бы унылъ и не знающъ, куда бреду. Но его огромный здравый смыслъ и пылающее благочестіе, какъ и знаніе св. Писанія, цитируемаго ежеминутно и очевидно безъ справокъ, на память, наполняетъ энергіей готовые параллизоваться мои члены. Въ немъ я узналъ истинное идейное и литературное сотрудничество. И если мысли наши когда-нибудь принесутъ плодъ, я радуюсь ожиданію, что съ моими костями въ могилѣ порадуются и его кости «во славу Господню». *В. Р—въ.*

Бога? И неужели можетъ быть такое мѣсто, или такое мгновеніе времени, гдѣ бы и когда бы я могъ скрыться отъ вездѣсущаго и всезрящаго Бога? Нѣтъ, признаю и исповѣдую, что и въ моментъ совокупленія съ женою своею я такъ же долженъ мысленно, умомъ и сердцемъ, предстоять предъ Богомъ, какъ предстою предъ Нимъ, когда во время священнослуженія нахожусь въ храмѣ, предъ престоломъ алтаря Господня [1]). Да не назоветъ кто-либо этихъ словъ моихъ кощунствомъ. О Матери Божіей въ одной изъ своихъ пѣсней Церковь поетъ: «ложесна Твоя—Престолъ сотвори, и чрево Твое пространнѣе небесъ содѣла». Такъ точно *ложесна* всякой христіанской жены становятся престоломъ младенцевъ, сущихъ по образу Сына Божія. Говоря все это, я нимало не выхожу изъ предѣловъ исповѣданія и изъ сферы сознанія одного изъ древнихъ, боговдохновенныхъ и боговѣнчанныхъ пророковъ, который говорилъ о себѣ непосредственно въ уши Божіи: «къ Тебѣ приверженъ есмь отъ *ложесенъ*, отъ чрева матери моея Богъ мой еси Ты» (Пс. 21, 11), и который открыто исповѣдывалъ, обращаясь къ Богу: «*Зародышъ* мой видѣли очи Твои. Не сокрыты были отъ Тебя кости мои, когда я созидаемъ былъ въ тайнѣ, образуемъ былъ во глубинѣ утробы. Ибо Ты устроилъ внутренности мои, и *соткалъ меня во чревѣ матери моей*» (Псал. 138, 16. 15. 13).

Но отчего же древняя Церковь не оставила намъ въ наслѣдство молитвъ, окружающихъ центральнѣйшіе и интимнѣйшіе факты семейной христіанской жизни? Это объясняется очень легко и просто. Молитва есть свободное изліяніе человѣческаго сердца, но примѣнительно къ жизненнымъ особенностямъ даннаго индивидуума.

---

[1]) Возвышенная эта мысль покрывается текстомъ Ветхаго завѣта (часто встрѣчается у пророковъ): «имѣйте *обрѣзанными сердца ваши*». Такъ-какъ, въ контекстѣ, это всегда равнозначуще: «имѣйте *къ Богу обращенными* сердца ваши, и чистыми», то обратно изъясняется и обрѣзаніе Авраамово: какъ *обращенность къ Богу* точекъ приложенія печати Ветхаго завѣта. Представляетъ одну изъ великихъ глубинъ (и новую серію вопросовъ) тема: почему-же *это* особенно и исключительно (см. въ *Бытіи* страницы о заключеніи Ветхаго съ Авраамомъ завѣта) такъ *угодно Богу*? Тутъ повидимому выступаетъ океанъ всемірнаго родительства: Отцу міровъ и Родителю всякаго бытія—и человѣкъ, сей малый родитель и отецъ, въ тоже время сіе дитя Божіе, никогда и ни черезъ что не бываетъ такъ милъ, близокъ и радостенъ какъ готовясь рождать и рождая. *Мое* чувство моего дитяти, когда оно доростаетъ до отечества (вѣчная мечта всякой матери о сынѣ, отца – о дочери) слабымъ образомъ можетъ объяснить эту религіозную тайну и ввести въ метафизику вовсе не холоднаго и внѣшняго, но нѣжнаго и настаивающаго: «ростите, множитесь».—«И ты, Сарра, въ старости прорастешь».—«И все, всѣ—проростайте: ибо Вѣчное Ухо мое слушаетъ ваши проростанія». *В. Р—въ.*

[2]) По моему мнѣнію, демонъ ни противъ чего такъ не ухищряется, какъ противъ полового акта: «тутъ-бы надо поберечь человѣка, а ужъ тамъ я погублю его!» Поэтому *одно* изъ направленій молитвы *передъ* «сближеніемъ» должно быть *противъ* Веліара, къ отгнанію его злыхъ кововъ. «Зову Тебя, Вѣчный Боже, дабы Ты оградилъ меня и ее отъ лукавыхъ кововъ»... Но тутъ вообще нуженъ геній слова, и мы умолкаемъ по безсилію. *В. Р—въ.*

изрекающаго молитву. И, слѣдовательно, условія и обстоятельства жизни и положеніе въ Церкви того или иного творца молитвъ неизбѣжно должны были наложить свою печать и на содержаніе молитвъ, на ихъ тонъ и характеръ и на ихъ жизненное приложеніе. Теперь, если съ этой точки зрѣнія мы посмотримъ на авторовъ молитвъ, то не можемъ не признать, что всѣ наши молитвы, существующія какъ для церковнаго, такъ и для домашняго употребленія, составлены монахами, пустынниками и отшельниками, т. е. людьми, добровольно обрекшими себя на ненарушимое дѣвство. Для нихъ, какъ совершенно естественная и нормальная, задача состояла въ томъ, чтобы умертвить (1 Кор. 9, 27) и распять (Гал. 5, 24) плоть свою съ ея природными потребностями, съ тѣми ея факторами, которые являются агентами воспроизведенія рода. Въ этомъ своемъ духѣ и въ этомъ своемъ настроеніи оставили они намъ и свои молитвы. Совершенно понятно, что не могли они окружить молитвами такіе факты христіанской жизни, которыхъ сами они не пережили и не переиспытали. Если же случалось, что нѣкоторые изъ нихъ не выдерживали дѣвственности и впадали въ любодѣяніе, то молитвы ихъ въ данномъ случаѣ состояли изъ воплей и оплакиванія допущеннаго согрѣшенія. Итакъ, характеръ всѣхъ монашескихъ молитвъ состоитъ или въ стремленіи подавить и упразднить половую потребность, или въ раскаяніи по поводу происшедшей неудачи въ осуществленіи даннаго стремленія. Но скажите, пожалуйста, при чемъ же тутъ христіанскіе супружники, которые и отъ міра не отрекались, и обѣта дѣвства не давали, и умерщвлять плоть свою задачей жизни не ставили? Въ то время, какъ для монаха паденіе съ женщиной есть подлинно грѣхъ и преступленіе, для христіанскаго мужа совокупленіе съ женою своею есть вполнѣ нормальное явленіе, всецѣло циркулирующее въ кругѣ воли Божіей. Ясно, что настроенія дѣвственника и женатаго въ данномъ пунктѣ совершенно расходятся и что для нихъ по данному пункту не можетъ быть общихъ молитвъ. Женатый христіанинъ или вынужденъ монашескія молитвы, касающіяся половаго акта, употреблять чисто попугайскимъ способомъ, т. е. прочитывать ихъ безъ всякаго вниканія въ ихъ смыслъ и значеніе, или для него предстоитъ необходимость имѣть свои собственныя спеціальныя молитвы, которыя бы выражали и отражали собою настроеніе и чувства женатаго. Доселѣ у насъ, и въ церкви и на дому, употреблялись только монашескія молитвы. Посмотримъ, какія отсюда произошли послѣдствія для семейной христіанской жизни.

А вышло то, что всѣ центральнѣйшіе и существеннѣйшіе факты семейной жизни сознаніемъ семьянина поставлены внѣ круга религіозныхъ отношеній, внѣ, такъ сказать, религіознаго покрова; какъ нѣчто нечистое и грѣшное. На этой почвѣ въ практикѣ семейной жизни цѣлая масса нелѣпѣйшихъ обычаевъ, которые хранятся по преиму-

ществу въ женскомъ персоналѣ и держатся въ строгомъ секретѣ. Такъ, напримѣръ, жена, имѣвшая въ ночи сообщеніе съ мужемъ своимъ, считаетъ грѣхомъ для себя утромъ прикладываться къ св. иконамъ, къ св. кресту, или зажигать лампадку предъ св. иконами. Тѣмъ менѣе считаетъ себя въ правѣ сходить въ церковь къ какой-либо церковной службѣ. Одна почтенная «матушка» пресерьезно увѣряла, что новобрачные въ первый годъ послѣ свадьбы не должны приступать къ таинствамъ исповѣди и Св. Причащенія. Къ этой же группѣ обычаевъ слѣдуетъ отнести и обыкновеніе многихъ міряиъ, а отчасти, кажется, и многихъ священниковъ, по которому отцу крещаемаго младенца воспрещается присутствовать при крещеніи его собственнаго дѣтища. Тоже слѣдуетъ сказать объ обычаяхъ родителей не присутствовать въ Церкви при вѣнчаніи дѣтей ихъ. Можно только удивляться и недоумѣвать, откуда взялась такая дикая, антирелигіозная по отношенію къ христіанской семьѣ, философія. Невольно приходится согласиться съ совершенно вѣрнымъ замѣчаніемъ о. І. Петропавловскаго, что мы, священники, со своимъ однобокимъ требникомъ и съ странной третьей молитвой женѣ-родильницѣ развили и распространили такую философію. А что философія эта слишкомъ широко распространена, и что она захватываетъ не только женскіе умы, а умы интеллигентнѣйшихъ и религіознѣйшихъ мужчинъ, на это, изъ множества возможныхъ, я приведу два неотразимыхъ доказательства. Кто усумнится въ умственной развитости и въ беззавѣтной религіозности воспитателя Императора Александра II, приснопамятнаго нашего поэта, Василія Андреевича Жуковскаго? Но прислушайтесь къ сердечнымъ воплямъ, къ душевной тревогѣ этого до мозга костей святого міряниа, по поводу центральныхъ фактовъ его собственной семейной жизни. «Къ сожалѣнію, пишетъ онъ, миръ Божій еще не проникъ въ мою душу. *Причины моего* земного счастья, а вмѣстѣ и *страха лишиться небеснаго блаженства—это моя жена*, это чистое, любящее и вѣрующее существо, *и двѣ колыбели съ дочерью и сыномъ*» («Истор. Вѣстникъ», 1897 г., ноябрь, стр. 591). А вотъ какія недоумѣнія высказываетъ другой, судя по его рѣчамъ, тоже глубоко, и умственно и религіозно, развитый *Мірянинъ*: «Здѣсь (въ актѣ физическаго общенія половъ) физіологическая потребность и доводы разсудка, основывающіеся на ней, встрѣчаютъ протестъ внутренняго существа человѣка и осуществляются, только благодаря временному *подавленію* этого протеста. Кто разрѣшитъ вопросъ, *какъ* должно это происходить, чтобы не возмущался внутренній человѣкъ?» («Рус. Трудъ» 1899 г., № 25, стр. 14). Всѣ эти и подобные имъ, искренніе и тяжелые стоны — а ихъ, должно быть, очень много въ русскомъ обществѣ—по истинѣ душу раздираютъ. Но откуда они взялись? На чемъ они основаны? Да, очевидно, на ошибочномъ воззрѣніи на брачныя супружескія сношенія, какъ на

нѣчто нечистое и грѣшное. Но откуда же взялось такое воззрѣніе? Да, очевидно, оно воспитано въ насъ уединенно-аскетическими молитвами, практикующимися какъ въ церковномъ богослуженіи, такъ и въ домашнихъ молитвенныхъ упражненіяхъ, и совершеннымъ отсутствіемъ молитвъ, выражающихъ чувства, состоянія и настроенія человѣка женатаго. Но эти послѣднія рано или поздно, но неизбѣжно должны явиться. И что это за чудныя будутъ молитвы! Онѣ будутъ не въ *тонѣ*: «Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей» (Пс. 50, 3), какимъ исключительно звучатъ почти всѣ монашескія молитвы, а въ *тонѣ*: «Всѣ языцы, восплещите руками, воскликните Богу гласомъ [1]) радованія» (Пс. 46, 2). Прототипомъ этихъ молитвъ будетъ то воззваніе, съ которымъ 24 старца, сидящихъ, въ Апокалипсическомъ видѣніи, на 24 престолахъ, вокругъ Престола Божія, по поводу каждаго выдающагося событія въ исторіи человѣчества падая ницъ предъ Сидящимъ на престолѣ и повергая къ подножію Его вѣнцы свои, обращаются къ Живущему во вѣки вѣковъ: «Достоинъ Ты, Господи, пріять славу и честь и силу: ибо Ты сотворилъ все, и все по Твоей волѣ существуетъ» (Апок. 4, 11), и къ Агнцу Божію: «Ты былъ закланъ, и кровію Своею искупилъ насъ Богу изъ всякаго колѣна и языка и народа и племени; и содѣлалъ насъ царями и священниками Богу нашему, и мы будемъ царствовать на землѣ» (Апок. 2, 9. 10). Это будетъ безконечный, непрерывающійся, не имѣющій силы прерваться, торжествующій гимнъ Богу Вседержителю. Это будетъ безпредѣльная, не имѣющая никакой границы и никакого предѣла, пѣснь Пресвятой Троицѣ. Эта пѣснь обойметъ своими объятіями всю вселенную, перехватитъ за предѣлы ея и упрется непосредственно въ подножіе престола Бога Тріединаго. Таковъ будетъ спеціальный и особенный характеръ молитвъ людей семейныхъ [2]).

Протоіерей *А. У—скій.*

10. О В. В. Розановѣ и его религіи брака—Протоіерея А. П. У—скаго, Мирянина, С. Ѳ. Шарапова, Гатчинскаго Отшельника и Н. П. Аксакова.

Мы было рѣшили вовсе прекратить нѣсколько соблазнительную полемику, поднятую съ легкой руки В. В. Розанова, о христіанскомъ воззрѣніи на бракъ.

---

[1]) Еще есть молитва: «Начните Богу моему на тимпанахъ, пойте Господу моему на кимвалахъ, стройно воспѣвайте Ему новую пѣснь, возносите и призывайте имя Его» («Книга Іюдиѳь», гл. 16, стр. 1). *В. Р—въ.*

[2]) Ибо тутъ (въ семьѣ, супружествѣ) *льется* бытіе міра, ибо тутъ все *in actu*, а не *in statu*: и мысль и сердце подъ такими мотивами также обратятся *въ полетъ*. Да уже и рѣчь добраго священника развѣ не звучитъ здѣсь гимномъ? А какіе хоры Богу будутъ составлены изъ благодарящихъ Бога за бытіе свое *молитокъ?!* Новое чувство рожденія и новый лепетъ къ Богу! *В. Р—въ.*

Но печатаемыя здѣсь два письма весьма любопытны. Одно изъ нихъ принадлежитъ тому самому протоіерею У—скому, котораго переписка съ В. В. Розановымъ была у насъ напечатана подъ заглавіемъ «Бракъ и христіанство». О. Протоіерей пытается оправдаться «отъ Писанія» и дѣлаетъ это очень ловко, хотя, увы, и не особенно убѣдительно. Очень ужъ казенно-семинарскимъ чѣмъ-то отдаетъ его аргументація. Другое письмо принадлежитъ мірянину, съ мнѣніями котораго мы гораздо болѣе согласны. Но пусть читатель выслушаетъ обѣ стороны. *С. Шарановъ.*

а) Открытое письмо къ редактору „Русскаго Труда“.

М. Г. Сергѣй Ѳедоровичъ!

Будьте любезны, во имя выясненія истины, дать мѣсто на страницахъ Вашего почтеннаго журнала нижеслѣдующимъ нѣсколькимъ моимъ строкамъ.

Вы говорите, въ примѣчаніи къ статьѣ В. В. Розонова «Бракъ и христіанство», помѣщенной въ № 52 «Русскаго Труда» за минувшій годъ, что я «пою акаѳисты въ честь Розанова». Позвольте же теперь спѣть акаѳистъ Вамъ, хотя этотъ послѣдній будетъ нѣсколько съ инымъ содержаніемъ и въ иномъ тонѣ, чѣмъ мои акаѳисты Розанову.

Вы обвиняете и Розанова и меня въ ереси. Напрасно Вы такъ неосторожно употребляете такое опасное, такое тяжеловѣсное слово. Вѣдь, кто приметъ его за штуку, а кто можетъ принять и въ серьезномъ смыслѣ. Согласитесь же, что обвинить своихъ ближнихъ въ ереси есть слишкомъ жестокое и тяжелое обвиненіе. Но насколько оно основательно съ Вашей стороны? Вы, конечно, знаете, что ересью называется отступленіе отъ какого-либо, строго, опредѣленно и точно, на вселенскихъ соборахъ, формулированнаго догмата христіанскаго вѣроученія. Позвольте же Васъ спросить, взглядъ Розанова на брачныя отношенія, какъ на одну изъ формъ, средствъ или способовъ служенія Богу, какъ на такое дѣло, которое, наравнѣ со всѣми прочими христіанскими дѣлами, должно совершаться въ духѣ молитвы, во славу Божію и съ чувствами непрестанной благодарности Вездѣсущему, Всезрящему Творцу и Вседержителю Богу, во исполненіе и въ безостаточное примѣненіе заповѣдей апостольскихъ: *непрестанно* молитеся, *о всемъ* благодарите (I Сол. 5, 17, 18) и ѣдите ли, пьете ли, или *иное что* дѣлаете, *все* дѣлайте въ славу Божію» (I Кор. 10, 31)—есть отступленіе отъ какого, на которомъ Вселенскомъ Соборѣ и въ какихъ выраженіяхъ формулированнаго догмата? Если же догмата, діаметрально противоположнаго воззрѣнію г. Розанова, на соборахъ формулировано не было, то съ Вашей стороны провозглашать во всеуслышаніе «протопопъ еретикъ!» было бы преждевременно [1]).

---

[1]) Мы говорили это въ шутку и совсѣмъ не такъ: «Вы даже въ эту ересь

Но всетаки это Ваше заявленіе было бы и умѣстно, и терпимо, если бы въ противовѣсъ взгляду г. Розанова сами Вы высказали совершенно правильное воззрѣніе на занимающій г. Розанова вопросъ. Къ сожалѣнію, этого не случилось. Позвольте же нѣсколько остановиться на разборѣ Вашего взгляда. Правда, принимаясь за это дѣло, я чувствую себя крайне въ стѣсненномъ положеніи. Вѣдь, если свѣтскій человѣкъ выскажетъ какую-нибудь вольность по религіознымъ вопросамъ, то это ему легко сходитъ съ рукъ, но чуть только священникъ обнаружитъ нѣкоторое свободомысліе въ этой области, сейчасъ же это ему поставятъ въ заблужденіе, въ преступленіе «по должности», «въ ересь», какъ Вы уже и сдѣлали. Но всетаки вопросъ, поднятый г. Розановымъ, настолько важенъ и имѣетъ такое жизненное значеніе, что молчать о неправыхъ его рѣшеніяхъ было бы нравственнымъ преступленіемъ. Итакъ, я рѣшаюсь сдѣлать нѣсколько краткихъ замѣчаній.

Догадываетесь ли Вы, что все Ваше длинное примѣчаніе къ статьѣ г. Розанова есть не болѣе, ни менѣе, какъ извращеніе христіанства, неосновательная клевета на Церковь, отдаленные, но живучіе отпрыски и отголоски гностицизма и манихейства? Но войдемъ въ подробности. Вы приводите вопросъ изъ статьи г. *Гатчинскаго Отшельника:* «почему въ Церкви такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ брака*, гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ?» Не мало я на своемъ вѣку повѣнчалъ свадебъ, не мало крестилъ младенцевъ, и исповѣдывалъ кающихся, отпѣвалъ умершихъ, но, признаюсь, никогда не замѣчалъ, чтобы церковное послѣдованіе обрученія и вѣнчанія было лишено «чудныхъ молитвъ», чтобы оно, по своей продолжительности, по возвышенности и задушевности своего тона, по величавой торжественности и умилительной глубинѣ своихъ *чудныхъ* молитвъ, было бѣднѣе и скуднѣе послѣдованія прочихъ таинствъ и церковныхъ обрядовъ. И если г-ну *Гатчинскому Отшельнику* такъ показалось, то это, вѣроятно, оттого, что самъ онъ не вѣнчался, а если и вѣнчался, то не потрудился внимательно прослушать тѣ дивныя молитвы, которыя при этомъ читаются. Посему принимаю на себя смѣлость порекомендовать и Вамъ, и г-ну *Гатч. Отш.* запастись требникомъ и у себя на дому, въ досужій часъ, со вниманіемъ прочитать послѣдованіе обрученія и вѣнчанія, чтобы чрезъ то избавить себя отъ печальной возможности хотя впредь публично, въ печати, клеветать на церковный чинъ вѣнчанія.

«Гдѣ все дышетъ Ветхимъ Завѣтомъ»... Какъ много въ этихъ словахъ слышится незаслуженнаго пренебреженія къ Ветхому За-

---

цѣлаго протоіерея соблазнили». Вотъ наши подлинныя слова; здѣсь «ересь» употреблена отнюдь не въ смыслѣ церковномъ, а какъ просто лжеученіе. Говорится, напр., «что вы за ересь проповѣдуете» и т. п. *С. Шарановъ.*

вѣту! Какъ много горделиваго и высокомѣрнаго превозношенія *своимъ* Новымъ Завѣтомъ! Но имѣемъ ли мы съ Вами право и основаніе такъ презрительно относиться къ Ветхому Завѣту? Неужели мы съ Вами, по высотѣ и величію нравственнаго совершенства, превзошли боговидца Моисея, который во мракѣ и облакѣ бесѣдовалъ съ Самимъ Богомъ? Неужели мы съ Вами, по силѣ и дѣйствительности своей вѣры и молитвы, стали выше Іисуса Навина, который словомъ своимъ остановилъ солнце въ его теченіи? Неужели мы съ Вами, по святости и праведности жизни, можемъ сравняться съ праведнымъ Енохомъ, который живымъ вознесенъ въ пренебесныя обители? Если же мы съ Вами не только не превзошли, но даже и не сравнялись съ представителями Ветхаго Завѣта, то намъ ли превозноситься предъ нимъ? [1]).

«Новый Завѣтъ только *снисходитъ* къ немощи человѣческой и благословляетъ *союзъ душъ*, а неизбѣжный при немъ союзъ тѣлъ *прощаетъ*, какъ совершенно опредѣленный *грѣхъ*». Позвольте Васъ спросить, на какомъ основаніи все это Вы высказали? Очень жалко, что Вы не сдѣлали ни одной ссылки на Слово Божіе, а говорить, въ вопросахъ религіи, отъ своего чрева представляетъ мало убѣдительности для читателя. Союзъ ли только *душъ* благословляется Новымъ Завѣтомъ, или и союзъ *тѣлъ*, это со всею очевидностью открывается изъ самаго церковнаго чина вѣнчанія брачущихся. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ молитвеннымъ воззваніемъ обращается священнодѣйствующій къ Богу во время вѣнчанія: «Иже за неизреченный Твой даръ и многую благость, пришедый въ Кану Галлилейскую, и тамошній бракъ благословивый, да явиши, яко *Твоя воля есть законное супружество, и еже изъ него чадотвореніе*». Или еще: «*вѣнчай ихъ въ плоть едину, даруй имъ плодъ чрева*». Не привожу многихъ другихъ подобныхъ выраженій. Потрудитесь сами прочитать ихъ въ требникѣ. И въ такомъ то смыслѣ, отъ лѣтъ древнихъ, понимаемый христіанскою церковію союзъ мужа и жены, какъ союзъ для *чадотворенія*, называется, далѣе, въ послѣдованіи обрученія «*святымъ соединеніемъ*». Какъ вы полагаете, благопріятствуетъ ли все это Вашей теоріи?

Но я сдѣлалъ эту маленькую экскурсію въ область церковной практики вовсе не съ цѣлію опровергать Вашъ взглядъ, а только лишь мимоходомъ. Хотя голосъ и сознаніе древней Вселенской Церкви, поскольку они выразились въ послѣдованіи обрученія и вѣнчанія, служатъ уже неопровержимымъ доказательствомъ про-

---

[1]) Что за нечистоплотная аргументація! И гдѣ о. протоіерей нашелъ у насъ «незаслуженное пренебреженіе»? Мы говорили, что основа брака въ Ветхомъ Завѣтѣ совсѣмъ не та, что въ Новомъ. Возьмите хотя бы слова Спасителя о разводѣ, гдѣ Онъ ясно указалъ разницу: что въ Ветхомъ Завѣтѣ допускалось «по жестокосердію», то Новымъ Завѣтомъ категорически отрицается. *С. Шараповъ.*

тивъ Васъ, но главное возраженіе противъ своего взгляда Вы встрѣтите въ Словѣ Божіемъ. Вы, должно быть, упустили изъ вниманія первобытный законъ, высказанный первозданной человѣческой четѣ, сряду же послѣ ея сотворенія, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «раститеси и множитеся, и наполните землю (Быт. 1, 28)» [1]). Теперь одно изъ двухъ: если по Вашему супружеское соединеніе есть *грѣхъ*, то слѣдовательно этотъ грѣхъ узаконенъ и вмѣненъ въ обязанность человѣку Самимъ Богомъ; если же мыслить Бога родоначальникомъ и законоположникомъ грѣха нечестиво и богохульно, то слѣдовательно супружеское сожитіе быть грѣхомъ ни коимъ образомъ не можетъ.

Но Вы возразите, что такъ было въ Ветхомъ Завѣтѣ, въ Новомъ же Завѣтѣ совсѣмъ не то. На это я отвѣчу Вамъ нѣкоторымъ сравненіемъ. Вы, конечно, хорошо знаете, что у естествовѣдовъ существуетъ ученіе о неизмѣнности, постоянствѣ, единообразіи и вѣчности физическихъ законовъ міра. Эту неизмѣнность міровыхъ законовъ представители естественныхъ наукъ простираютъ даже до того, что на основаніи ея отрицаютъ возможность сверхъестественнаго—чудесъ, якобы нарушающихъ постоянство и единообразіе дѣйствія физическихъ силъ природы. Хотя съ послѣднимъ выводомъ согласиться совершенно невозможно, ибо если я, ничтожная тварь, положившп для себя правиломъ жизни обѣдать въ два часа дня, а въ баню ходить по пятницамъ, имѣю полное право и возможность, по требованію нужды и обстоятельствъ, измѣнить этотъ, положенный для себя законъ и пообѣдать въ три, или въ двѣнадцать часовъ, а въ баню сходить въ четвергъ, или въ среду, то было бы смѣшно и безсмысленно утверждать, что Отецъ вселенной и Вседержитель всякихъ, держащій въ Своей десницѣ ключи отъ всѣхъ безусловно міровыхъ законовъ, не имѣетъ права, возможности и положительной мощи, примѣнительно къ Своимъ божественнымъ планамъ и предначертаніямъ, видоизмѣнять дѣйствіе этихъ законовъ,—тѣмъ не менѣе общее правило о неизмѣнности и постоянствѣ физическихъ міровыхъ законовъ остается во всей своей силѣ. Но въ чемъ же, и гдѣ же корень, основа, сущность и гарантія этой незмѣнности? Да очевидно, въ первоначальныхъ Творческихъ «да будетъ», «да прораститъ», «да умножится». Но эта же идея неизмѣнности и постоянства законовъ одинаково относится и къ области міра нравственнаго, духовнаго, или, правильнѣе сказать, психо-физическаго. И здѣсь, въ области нравственной, что было закономъ въ Вехтомъ Завѣтѣ, не можетъ измѣниться по существу въ Новомъ Завѣтѣ. Идеалъ нравственнаго совершенства какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, совершенно одинъ и тотъ же. Въ Ветхомъ Завѣтѣ сказано: «Будьте святы, ибо святъ Я, Господь

---

[1]) Т. е. опять же Ветхій Завѣтъ. *С. Шарановъ.*

Богъ вашъ (Лев. 19, 2)». Въ Новомъ Завѣтѣ предписано: «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный» (Мѳ. 5, 48)». Какъ изволите видѣть, нравственный идеалъ стоитъ *внѣ* вопроса о бракѣ или дѣвствѣ [1]). А почему въ христіанствѣ особенно цѣнится дѣвство, на это есть особыя причины и объ этомъ я поговорю когда-либо въ другой разъ [2]). а теперь въ доказательство правильности своей мысли о неизмѣнности и постоянствѣ дѣйствія нравственныхъ законовъ какъ въ Ветхомъ, такъ и въ Новомъ Завѣтѣ, до скончанія вѣка, приведу лишь слѣдующее категорическое утвержденіе Основоположника Новаго Завѣта, воплотившагося Сына Божія: «Не думайте, что я пришелъ нарушить законъ или пророковъ: не нарушить пришелъ Я, но исполнить. Ибо истино говорю вамъ, доколѣ не прейдетъ небо и земля, ни одна іота, или ни одна черта не прейдетъ изъ закона, пока не исполнится все» [3]) (Мѳ. 5, 17, 18).

«Идя по Вашей дорогѣ, непремѣнно, логически, придешь къ тому, что актъ грѣхопаденія человѣка будешь считать самымъ настоящимъ богослуженіемъ»... Это могло бы быть лишь въ томъ случаѣ, если бы мы стали понимать фактъ грѣхопаденія нашихъ прародителей въ смыслѣ Владиміра Соловьева, т. е. будто бы грѣхъ ихъ въ раю состоялъ въ супружескомъ сожитіи. Но христіанская Церковь всегда понимала грѣхоподенія прародителей не въ иносказательномъ, а въ буквальномъ смыслѣ, такъ, какъ оно разсказано въ третьей главѣ книги Бытія. Такимъ образомъ, уже одно поползновеніе понимать грѣхоподеніе прародителей по Вашему, даетъ обладателю его несомнѣнное право на полученіе аттестата зрѣлости по распространенію лжеименныхъ (? *С Ш—въ.*) ученій.

«...Откуда даже шага не надо дѣлать къ культу Астарты,—онъ уже готовъ». Для того, чтобы желѣзнодорожный поѣздъ не потерпѣлъ крушенія отъ неровностей дороги и вслѣдствіе слабости почвы, его ставятъ на пару параллельно идущихъ стальныхъ рельсъ, которыя служатъ для него и указателями пути, и перилами, не позволяющими ему уклониться ни направо, ни налѣво. Такъ и супружескій союзъ. Если хотите провести его правильно по пути жизни. безъ кораблекрушеній, оградите его справа и слѣва нравственными

---

[1]) Хорошо. А какъ же о. протоіерей объяснитъ цѣлый рядъ рѣченій Спасителя: «Древнимъ сказано... а я говорю вамъ». Напр., «око за око» и діаметрально противоположное: «любите враговъ вашихъ» и т. д. *С. Шарановъ.*

[2]) Очень жаль, что не теперь, ибо въ этомъ весь центръ вопроса. *С. Шарановъ.* Обѣщаніе это выполнено въ статьѣ: «Бракъ и дѣвство», см. выше стр. 178—186. *В. Р—въ.*

[3]) Разумѣется. Пришествіемъ Христа, его страданіями, смертью и воскресеніемъ Старый Законъ и пророчества исполнились во всей точности, а затѣмъ наступило дѣйствіе Новаго Закона, упразднившаго Старый. Въ чемъ же и пропасть между іудействомъ и христіанствомъ, какъ не въ томъ, что Евреи остались при упраздненномъ законѣ, а мы пошли за Христомъ? *С. Шарановъ.*

перилами. Поставьте съ лѣвой стороны изреченіе, раздавшееся съ вершены горы Синайской: «не прелюбы сотвори» (Исх. 20, 14), а съ правой стороны изреченіе, раздавшееся съ вершины горы Галилейской: «всякій, кто смотритъ на (постороннюю) женщину съ вождѣленіемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ» (Мѳ. 5. 28), и тогда Вамъ и до конца дней своихъ не добраться будетъ до культа Астарты, такъ какъ Вы понесетесь въ сторону совершенно противуположную той, гдѣ находится капище этой богини.

Обращаюсь къ второму Вашему примѣчанію. Вы говорите: «(область супружества) не грязна, а животна, низменна, не свободна, и во всякомъ случаѣ ниже *воздержанія*, разсматриваемаго какъ свободный подвигъ». Какою брезгливостью звучатъ эти слова: «*животна*, низменна!» Но неужели мы съ Вами стали лучше и святѣе Богоотца, царя Давида? [1]) А онъ всю природу, всѣ существа и весь *животный* міръ приглашалъ, совокупно съ собою, хвалить и славить Господа Бога Вседержителя. Прочтите его 148 псаломъ. Неужели мы съ Вами лучше и святѣе трехъ блаженныхъ отроковъ Вавилонскихъ, которые, даже въ огненной печи, приглашали всѣхъ *животныхъ*, совокупно съ ангелами, священниками и преподобными, воспѣвать и славить Господа славы (Дан., 3, 51 — 90)? Неужели мы съ Вами лучше знаемъ и прозрѣваемъ истину, нежели Новозавѣтный Тайнозритель, единственный пророкъ Новаго Завѣта, оставившій намъ свое пророческое писаніе, который въ своемъ пророческомъ ясновидѣніи слышалъ, какъ «*всякое* созданіе, находящееся на небѣ и на землѣ, и подъ землею, и на морѣ, и *все*, что́ въ нихъ, говорило: Сидящому на престолѣ и Агнцу благословеніе, и честь, и слава, и держава во вѣки вѣковъ» (Апок. 5, 15). Какъ же намъ, послѣ этого, брезговать своими сотоварищами по оружію въ дѣлѣ православія Живущаго во вѣки вѣковъ?

Дѣвство Вы разсматриваете, какъ свободный подвигъ, а супружество понимаете, какъ актъ необходимости. Но правда ли это? Если дѣвство есть свободный подвигъ, то вѣдь и супружество подъемлется христіаниномъ, какъ бремя жизни [2]), тоже совершенно добровольно и свободно. Заставить насильно кого-либо вступить въ бракъ не можетъ никакая сила [3]) въ мірѣ. Слѣдовательно, съ этой

---

[1]) Опять Ветхій Законъ! Но Богоотецъ Давидъ овладѣлъ женою Уріи, и имѣлъ отъ нея сына Соломона, у котораго было нѣсколько сотъ наложницъ. Въ первомъ случаѣ грѣхомъ былъ не столько конкубинатъ съ Вирсавіей, сколько предательство относительно ея мужа, во второмъ мы не видимъ грѣха даже въ многоженствѣ. Но какое все это отношеніе имѣетъ къ Новому Завѣту, гдѣ дѣвство поставлено категорически выше супружества? *С. Шарановъ.*

[2]) Гдѣ половой актъ является смягченіемъ, оплатою, наградою за это бремя, но самъ какъ «бремя» еще никѣмъ разсматриваемъ не былъ. *С. Шарановъ.*

[3]) Да не о такой необходимости мы говоримъ, о· протоіерей! О необходимости въ философскомъ смыслѣ. *С. Шарановъ.*

стороны и дѣвство, и бракъ суть совершенно одинаковы: *оба свободны*. Если же Вы скажете, что супружество принимается человѣкомъ въ силу непреодолимыхъ *физическихъ* потребностей, и слѣдовательно оно не свободно, то на это я отвѣчу, что и истинные и подлинные дѣвственники принимаютъ на себя подвигъ дѣвства въ силу непреодолимой внутренней *психической* потребности, и слѣдовательно и ихъ подвигъ не свободенъ [1]). Припомните, что Христово изреченіе «могій вмѣстити да вмѣститъ» въ устахъ Канта получило слѣдующую перефразировку: «ты можешь, слѣдовательно ты долженъ». Гдѣ же тутъ свобода? Итакъ, съ этой стороны и состояніе брака, и состояніе дѣвства суть одинаково *не свободны*.

Въ заключеніе, въ назиданіе всѣмъ, гнушающимся брачнымъ сожитіемъ и называющимъ его мерзостью и скверной, приведу одно изъ немалочисленныхъ правилъ древней Вселенской Церкви, старавшейся зараженныхъ подобною тенденціей неразумныхъ чадъ своихъ удерживать въ должныхъ границахъ. Вотъ что гласитъ 51-е апостольское правило: «Аще кто, епископъ, или пресвитеръ или діаконъ, или вообще изъ священнаго чина, удаляется отъ брака, не ради подвига воздержанія, но по причинѣ *гнушенія*, забывъ, что «вся добра зѣло», и что Богъ, созидая человѣка, «мужа и жену сотворилъ ихъ», и такимъ образомъ хуля клевещетъ на созданіе: или да исправится, или да будетъ изверженъ изъ священнаго чина, и отверженъ отъ Церкви. Такоже и мірянинъ» [2]).

29-го января 1899 г.

Протоіерей *А. У—скій.*

b) О воззрѣніяхъ г. Розанова на супружеское соединеніе.

Мы помѣстили выше письмо протоіерея *У—скаго* единственно ради того, чтобы насъ не обвинили въ нетерпимости къ чужому мнѣнію. Аргументація достопочтеннаго отца не только не убѣдительна, но до извѣстной степени противна по своему тону. *Такъ* доказывать можно, что угодно, но только для живаго сердца, ищущаго истины, а не семинарскаго подбора текстовъ, это останется металломъ звенящимъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ печатаемое далѣе письмо «Міранина». Авторъ относится нѣсколько строго къ В. В. Розанову, но *по этому вопросу* такъ и слѣдуетъ. Здѣсь авторъ книги

---

[1]) Ну, ужъ простите! Это софизмъ, это отрицаніе свободы воли о. протоіерей! *С. Шарановъ.* Нисколько. Очень тонкое наблюденіе. *В. Р—въ.*

[2]) Да это наше мнѣніе подтверждаетъ, а не ваше. Къ чему гнушаться тѣмъ, что естественно, что создано Богомъ? Это ересь. Но само же это правило не исключаетъ «воздержаніе», о чемъ именно говорили и мы. Не гнушаюсь, но въ силу моей внутренней свободы *воздерживаюсь,* пока могу, и никто меня за это не осудитъ. *С. Шарановъ.*

«О пониманіи» вмѣстѣ со своимъ другомъ, протоіереемъ *У—скимъ*, могутъ вызвать не только горячую критику, но даже вполнѣ законное негодованіе. *С. Шарапов*ъ.

Вопросъ объ интимныхъ сторонахъ брака представляетъ большой интересъ для каждаго человѣка, желающаго жить сознательно и разумно. Едва ли въ какой-нибудь другой сторонѣ жизни такъ переплетаются между собою и сталкиваются, повидимому въ полномъ противорѣчіи [1]), духовныя и тѣлесныя стремленія личности. По этому стремящимся къ внутренней гармоніи личной жизни въ высокой степени важно объединить все разнообразіе мыслей, чувствъ, желаній, вообще всѣхъ душевныхъ состояній, вызываемыхъ вопросомъ о бракѣ.

Читателямъ «Русскаго Труда» извѣстно, что въ послѣднихъ прошлогоднихъ нумерахъ этой газеты вопросу о бракѣ г. Розоновъ посвятилъ свою переписку съ православнюмъ священникомъ подъ заглавіемъ «Бракъ и Христіанство». Эта переписка по своему содержанію вызываетъ у читателя много недоразумѣній, особенно въ виду того, что г. Розановъ желаетъ дать излагаемой тамъ его теоріи религіозный колоритъ, называя ее «новой концепціей христіанства».

Г. Розановъ считаетъ актъ физическаго общенія половъ «трансцедентальнымъ», «мистическимъ» и даже видитъ въ немъ религіозное содержаніе. Вотъ съ этимъ послѣднимъ никакъ не мирится мысль, а главное—чувство. Кому не извѣстно, что супруги обыкновенно стыдятся [2]) этого акта, стыдятся въ немъ униженія собствен-

[1]) Конечно—это или *кажущіяся* противорѣчія, или противорѣчія *нашихъ* текущихъ и истекающихъ дней. Бракъ есть *слiянность*, *синтезъ* духа и тѣла. Въ *сѣмени* не имѣемъ ли мы *тѣла?* И въ то же время (см. наслѣдственность *характера* и *способностей*) развѣ оно—не *потоки* духа? Можемъ ли мы сказать, что Наполеонъ и Дантъ сдѣлались, а не *родились?* Oratores fiunt, poetae *nascuntur*, т. е. nascuntur вообще естественные и лучшіе, свѣтлѣйшіе и жизненнѣйшіе дары. Т. е. рождается и *зачинается* духъ. Это же все надо бы разобрать г. *Мірянину*. если онъ серьезно начинаетъ споръ. Даже есть текстъ: «Сѣется тѣло душевное—возстаетъ тѣло духовное», *I Коринѳ. 15, ст. 44. В. Р—въ.*

[2]) Не стыдятся, а *скрываютъ его, таятся* въ немъ. Иначе они не брачились бы, и, притомъ, *открыто, законно, церковно*: ибо отъ кого же скрыто, что брачатся *для* поло-сочетанія?! И что брачные на завтра уже не суть *дѣва* и *отрокъ*. Такимъ образомъ *тайна*, *завѣса*, *покровъ*, *сокровеніе* —эти жесты и инстинктъ этихъ жестовъ авторъ принимаетъ за стигматы *позора*, *униженія*, *грѣха*· Красть—стыдно и грѣхъ: но мы скрываемъ не единичный актъ воровства, а то, что *мы—воры* (вообще), тогда-какъ нѣтъ супруговъ. которыя скрывали бы, что *они* (вообще) *супруги*, т. е. «живутъ», соединяются. Не есть ли, напротивъ, это *сокрытіе* половыхъ точекъ и полового акта доказательство, что это суть *стыдливѣйшія*, самыя *застѣнчивыя*, т. е., по аналогіи съ застѣнчивымъ, скромнымъ человѣкомъ, не нахаломъ—*самыя скромныя и нѣжныя, и цѣломудренныя части нашего тѣла и акты наши.* Не забуду впечатлѣнія личнаго. У меня есть дочь пяти лѣтъ. Когда ей было три года. надо было ее попоказать врачу. Понесъ я ее, на рукахъ. Когда врачъ. среди другого осмотра, раскрылъ и сталъ осматривать ея genitalia, на лицѣ ея выразилось страшное

ной духовной личности [1]), какъ бы тамъ ни толковалъ г. Розановъ о «таинственности», о «сведеніи души съ доміpныхъ высотъ» и «завиваніи ее въ стихіи». Здѣсь физіологическая потребность [2]) и доводы разсудка, основывающіеся на ней, встрѣчаютъ протестъ внутренняго существа человѣка и осуществляются, только благодаря временному *подавленію* этого протеста [3]). Здѣсь нѣтъ гармоніи между духомъ и тѣломъ [4]), да едва ли ее и можно найти, если при-

мученіе, она чрезвычайно покраснѣла и въ то же время, сквозь слезы, старалась улыбнуться какой то надломленно-фальшивой улыбкой. Я такъ поразился, что запомнилъ. «Не надо этого», говорило ея худое, измученное личико. Весь остальной осмотръ не причинилъ ей никакого неудовольствія. Между тѣмъ о *грѣхѣ* вѣдь она (3 года) не имѣетъ понятія. *В. Р—въ.*

[1]) Ничего подобнаго! Тогда бы не выходили замужъ, или выходили тайно, какъ поступаютъ тайно въ банду воровъ. *В. Р—въ.*

[2]) *Ростъ.* Поразительно, что мы можемъ всетаки до конца жизни воздерживаться отъ полового акта (старыя дѣвы), тогда-какъ отъ другихъ *функціональныхъ* потребностей (ѣда, питье) воздерживаться *долѣе опредѣленнаго срока не можетъ.* Т. е. къ половому сближенію человѣкъ не понуждается (lex, utilitas), а манится (заповѣдь, волшебство, поэзія). *В. Р—въ.*

[3]) Во мнѣ лично, въ раннемъ возрастѣ и невинности, никогда вовсе не было *чувства грѣха* къ половому акту, а всегда о немъ радость, и, не могу же я ошибаться въ оцѣнкѣ своей психологіи—радость *именно съ оттѣнкомъ невинности,* какъ бы вошелъ *на высшую степень невинности.* Съ тѣмъ вмѣстѣ я никогда его не совершалъ грубо, съ грубымъ обращеніемъ къ другому (другой). Это было, когда еще никакихъ опредѣленныхъ идей я о немъ не имѣлъ, т. е. *естественно и наивно.* Съ другой стороны, я знаю, что многіе *гнушаются* имъ, но это по преимуществу циники, грѣшники, и такіе производятъ во мнѣ брезгливое къ нимъ самимъ отношеніе. Они суть *лакеи* и *прислуга*—въ отношеніи къ половому акту. До чего понятно непобѣдимое отвращеніе къ мужьямъ многихъ женъ, я думаю—къ такимъ гнушающимся мужьямъ, которыхъ какъ жениховъ онѣ любили. Мнѣ кажется, невозможно глубже оскорбить женщину, супругу и мать, какъ относясь къ сближенію съ нею, какъ къ нечистотѣ, загрязненію себя. «Ну, вотъ, я вымазался», «вымазались мы оба». Въ отвѣтъ на это можно только плюнуть и потребовать развода, безъ-апелляціонно, безъ-возраженій. «Ищи же себѣ скверны, а я—не скверна». *В. Р—въ.*

[4]) Именно—полная, поразительная гармонія! Какая поэзія:

Каждый я вечеръ къ окну подхожу съ затаенною думой;
Вверхъ погляжу я и вижу далекое, темное небо,
Въ темномъ томъ небѣ всегда я встрѣчаюсь глазами съ звѣздою,
Съ звѣздочкой милою, ясной, душѣ *какъ то странно родною.*
Смотритъ въ оконко ко мнѣ и лучами привѣтно мигаетъ.
Точно скучаетъ по мнѣ и къ душѣ моей трепетно рвется.
Тотчасъ же мысль о тебѣ озаритъ меня счастьемъ завѣтнымъ;
Звѣзды очей твоихъ милыхъ всплывутъ предъ моими глазами;
Вспомню, что ты меня любишь, что ты ко мнѣ трепетно рвешься,
И несказанная радость мнѣ пламенемъ душу объемлетъ.
Слезы въ груди закипятъ, но то счастія сладкія слезы.

Это стихотвореніе принадлежитъ, какъ я справился у редактора журнала, молодой женщинѣ, которая никогда не думала и не собирается быть писательницею, и скрыла самое имя свое. Просто—слова молодой жены объ ожидаемомъ (въ разъѣздахъ) мужѣ. Можно ли представить себѣ, что когда мужъ застучится въ ворота, она *покраснѣетъ, придетъ въ смятеніе, хотѣла бы убѣжать,* й. ч. вотъ еще часъ—и «грѣхъ». Какія чудовищности въ человѣческой психологіи предполагаетъ добрый, но не опытный г. Мірянинъ. *В. Р—въ.*

знавать за ихъ стремленіями одинаковую степень законности. Неудовлетворенность и разладъ въ другихъ сторонахъ жизни разрѣшаются въ жизненныхъ идеалахъ, преимущественно религіозныхъ, а для данной имѣется ли идеалъ въ сознаніи человѣка? Кто разрѣшилъ вопросъ, *какъ* должно это происходить, чтобы не возмущался «внутренній человѣкъ?» Поэтому рѣшительно непонятно желаніе г. Розанова придать чисто животному [1]) акту религіозный смыслъ [2]), тѣмъ болѣе, что религіозныя дѣйствія, напр. молитвы, вызываютъ у насъ совершенно иныя душевныя состоянія.

Новозавѣтное Откровеніе признаетъ физическую сторону въ человѣкѣ, но оно не придаетъ ей положительной нравственной цѣнности. Оно говоритъ, что вступающій въ бракъ только «не согрѣшитъ» (I Кор. VII, 28, 36), а если въ другомъ мѣстѣ и говорится, что «выдающій замужъ свою дѣвицу поступаетъ *хорошо*» (ibid. 38), то по общему смыслу главы эти слова нужно понимать такъ: хорошо, потому что избѣгается блудъ (ст. 2), ибо «лучше жениться нежели разжигаться» (ст. 9). Слѣдовательно, по ученію Новаго Завѣта, бракъ является дѣломъ хорошимъ только какъ средство, предохраняющее человѣка отъ блуда. Тѣмъ не менѣе, физическая сторона брака есть, всетаки, «похоть плоти», «похоть мужа» (Іоан. I, 13), нѣчто такое, чего лучше избѣгать: «не выдающій (замужъ дѣвицу) поступаетъ лучше» (I Кор. VII, 38), «кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ» (Мѳ. XIX, 12), «*хорошо* человѣку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1). Мнѣ кажется, что такое пониманіе Новозавѣтнаго ученія не противорѣчитъ словамъ Апостола: «(жена) спасется чрезъ чадородіе», на которые особенно упираетъ г. *Гатчинскій Отшельникъ* въ № 2 «Русскаго Труда» за текущій годъ. Спасется, *если* «пребудетъ въ вѣрѣ и любви и въ святости съ цѣломудріемъ» (1 Тим. II, 15). Ясно, что здѣсь имѣется въ виду не розановское «завиваніе въ стихіи», а *нравственный* подвигъ воспитанія дѣтей, сопряженный для жены по преимуществу со всякими страданіями и лишеніями.

Въ подтвержденіе этой мысли можно привести другое мѣсто изъ посланія къ Коринѳянамъ, гдѣ Апостолъ совсѣмъ и не вмѣняетъ супругамъ чадородіе въ непремѣнную обязанность: «не уклоняйтесь

---

[1]) Опять «животному»!! *Живому*! Ну, исключите Бога изъ жизни: гдѣ же Онъ будетъ? Въ *минералахъ*? Неужели *они выше* твари и птицъ? Авторъ минерализуетъ религію, самъ того не замѣчая; или сводитъ ее къ *алгебрѣ*. Ибо «воздыхаетъ» только живое, да даже молитвенными воздыханіями—воздыхаетъ лишь живое, т. е. непремѣнно *муже-женское*. Ибо гдѣ *жизнь*—тамъ *оба пола*. Нужно замѣтить, что самый полъ мы не должны представлять абсолютно-*органно* и абсолюто-*функціонально*: но какъ пропасть, углубленіе, тайну *нѣжности* (женское начало) и *силы* (мужск. начало), какъ *пропость духовности*. *В. Р—въ.*

[2]) Непосредственно—онъ у многихъ есть; а сознательно и *для всѣхъ* его построить—это задача религіи, начало *церковнаго брака*. *В. Р—въ.*

другъ отъ друга... чтобы не искушалъ васъ сатана невоздержаніемъ вашимъ. Впрочемъ, это сказано мною какъ *позволеніе*, а *не какъ повелѣніе*. Ибо желаю, чтобы всѣ люди были, какъ и я» (т. е. дѣвственны), I Кор. VII, 5—7.

Поэтому напрасно г. *Гатчинскій Отшельникъ* считаетъ «кощунствомъ» (вѣдь и сказалъ-же!) отношеніе къ женѣ какъ къ сестрѣ. Если мужъ любитъ свою жену въ духѣ любви Христа къ женщинѣ (срав. Ефес. 5, 25), то едва ли у него появится «аппетитъ», какъ выражается *Гатчинскій Отшельникъ*, ибо это психологически несовмѣстимо съ христіански любовной настроенностью [1]). А между тѣмъ, эта настроенность есть единственная цѣль нравственной жизни (слѣдовательно вообще жизни) человѣка [2]). Г. *Гатчинскій Отшельникъ* сравниваетъ брачную связь половъ съ таинствомъ Евхаристіи, гдѣ такъ-же имѣется сочетаніе высочайшаго духовнаго акта съ грубо физическимъ, каково пищевареніе во всѣхъ его стадіяхъ. Съ внѣшней стороны, пожалуй, сравненіе подходяще. Но оно падаетъ, какъ только мы обратимся къ внутренней жизни человѣка, въ которой, собственно, вся суть разбираемаго вопроса. Когда мы «ѣдимъ Бога», по выраженію *Гатчинскаго Отшельника*, мы испытываемъ особенную душевную радость и миръ, не передаваемые на словахъ. Эта тихая радость и миръ не оставляютъ насъ и потомъ, пока мы снова не загрязнимъ своей совѣсти. Во всякомъ случаѣ, моментъ достойнаго причащенія всегда переживается и воспоминается не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Тоже ли самое переживаетъ каждый супругъ при воспоминаніяхъ о тайнахъ чадородія со стороны розановскаго «завиванія въ стихіи»? Пусть каждый супругъ отвѣтитъ себѣ чистосердечно на вопросъ: *въ силахъ-ли* онъ приступить къ этому «таинству» въ то время, когда душа наполнена мыслію и ощущеніемъ святости перваго? Для того, чтобы рѣзче различить два предмета, полезно поставить ихъ рядомъ. А

---

[1]) Непремѣнно: и сей часъ уклонъ къ страданію и лишенію. «Посидимъ съ узникомъ въ темницѣ», «не принимаю Искупленія». *В. Р—въ.*

[2]) Поразительно: «настроенность души въ половомъ сближеніи абсолютно несовмѣстима съ христіанскою настроенностью». Во всякомъ случаѣ—это опредѣленно, и уже тѣмъ хорошо. Ergo: надо «выйти, непремѣнно и абсолютно, изъ христіанской настроенности, дабы—сближаться съ женою». Ну, тогда и поднимать нечего вопроса, *содержится ли въ христіанствѣ органическою и непремѣнною, или даже хотя бы чистосердечно допущенною частью, таинство брака?* Конечно—*нѣтъ*!! И тогда искусственный ихъ узелъ—нужно развязать, равно къ благу и христіанства, дабы оно не пачкалось бракомъ, сѣменемъ и кровью; и къ благу брака, дабы онъ не окружался жестами гадливости, гнушенія; и *изъ себя* попробовалъ извлечь себѣ нужные гимны. Это—точная мысль и точный поворотъ дѣла. Но напр. съ *апокалипсической* настроенностью, съ настроенностью этой книги, которая пока еще «за семью печатями» лежитъ закрытая, и «никто этой книги разогнуть не можетъ», «психологическая настроенность» полового общенія глубоко гармонируется; и переходъ христіанства отъ «синоптикъ» къ Апокалипсису—тогда «у дверей стоитъ». *В. Р—въ.*

святое со святымъ вполнѣ совмѣщаются въ сознаніи, напр., Евхаристія и молитва, трудъ, благотвореніе [1]).

Церковныя пѣснопѣнія и уставы суть выраженія духовнаго самосознанія Церкви; какъ таковые, они служатъ въ тоже время проявленіями самозознанія духа человѣческаго, наиболѣе соотвѣтствующими его природѣ. А между тѣмъ, Церковь въ разнообразнѣйшихъ формахъ воспѣваетъ и ублажаетъ «безсѣменное зачатіе матери безмужныя» [2]), называетъ иночество «чиномъ ангельскимъ», предписываетъ новобрачнымъ пребывать въ дѣвствѣ первую ночь [3]) изъ уваженія къ благословенію Церкви, не одобряетъ второго брака, почти не разрѣшаетъ третій и безусловно запрещаетъ четвертый. Откуда въ церкви выработалась и такъ ясно проявилась лишь только «терпимость» къ физической сторонѣ брака, снисхожденіе къ ней, и почему она превозноситъ такія состоянія жизни, которыя брачному общенію половъ не причастны? Какъ могло возникнуть въ *святой* Церкви такое отношеніе къ предмету, если онъ тоже [4]) святъ? Говорятъ: догматику писали монахи, пѣснопѣнія и уставы—тоже. Но вѣдь эти писанія приняты всею Церковію, ибо совпадаютъ по своему смыслу съ ея духомъ. Поэтому личность авторовъ

---

[1]) Это—очень точный пріемъ: начать сближать во *времени и пространствѣ*. Да, купецъ помолясь, открываетъ желѣзныя двери лавки; помолясь—выступаемъ въ походъ; и крестясь—начинаетъ что-либо дѣлать. *Вездѣ* крестъ, но *тутъ*—до сихъ поръ не было. Но всѣ эти дѣла, война, торговля, путешествіе, трудъ вѣдь ужъ очевидно *феноменальны;* и не значитъ ли это, что мы имѣемъ только *феноминальныя молитвы, феноменальную молитвенность, феноменальную религіозность,* а ноуменально... къ ней даже еще ключа не нашли! Между тѣмъ Богъ, конечно, «въ семъ свѣтѣ», въ каждой травкѣ и былинкѣ, и вмѣстѣ въ каждой былинкѣ и травкѣ онъ *ноуменально* присутствуетъ, «по ту-свѣтно»: такимъ образомъ, не имѣемъ ли мы къ Нему отношеніе черезъ молитвы только явно-феноменальной «настроенности»?—Тягостный вопросъ. Это—одна половина сближающагося. Перейдемъ къ другой: имѣемъ ли мы истинный *духъ* полового сближенія? А если нѣтъ, то вопросъ сближенія его съ молитвою не есть ли очевидно вопросъ его углубленія и очищенія? *В. Р—въ.*

[2]) Пусть. Но гдѣ дѣлать удареніе: на «безсѣменное» или «*зачатіе*». Св. Дѣва Марія принесла двухъ птенцовъ голубиныхъ по истеченіи срока женскаго очищенія, а Спаситель міра—былъ *обрѣзанъ.* Полный очеркъ человѣка, *безъ исключеній,* данъ въ Ней—*безгрѣшной* и въ *Немъ—Сынѣ Божіемъ.* Затѣмъ, слова Символа вѣры: «*рожденна,* не сотворенна»—вводятъ моментъ *родильный* въ отношеніе Ипостасей: да и какъ же иначе, когда это есть глубочайшій творческій въ мірѣ актъ? Все, что лишится его—*обѣднѣетъ*, что его приметъ—разбогатѣетъ. Г. *Мирянинъ* толкаетъ христіанство къ бѣдности, не замѣчая этого,—къ бѣдности и сухости, можетъ быть даже только къ узости политическаго существованія (аскетическое папство). *В. Р—въ.*

[3]) Все это мѣсто и вокругъ него—указаніе странностей, какъ предметъ разслѣдованія: *откуда? что? почему? въ какой связи?* и *въ особенности въ связи съ «бракомъ-таинствомъ»?* Но это вовсе не доказательства, какъ думаетъ г. *Мирянинъ,* а то, что нуждается въ *доказательномъ оправданіи. В. Р—въ.*

[4]) Ну, а какъ же заповѣдь *Божія:* «плодитесь, размножайтесь»... Хочетъ ли сказать г. *Мирянинъ,* что, «ужъ скорѣе», *Заповѣдавшій* это человѣку—*не святъ?* Но святъ—*Онъ,* и свята Его *заповѣдь,* а слѣд. *и дѣло, исполненія заповѣди*—

здѣсь стушевывается и уже не имѣетъ того значенія, какъ хотятъ придать ей. Да, наконецъ, почему же это немонахи не сдѣлали того, что сдѣлано монахами? За 19 вѣковъ существованія христіанства они могли бы выразить не мало общецерковныхъ идей. Вопросъ въ томъ, *могли-ли* они? Вѣдь, женившійся [1]) во всякомъ случаѣ много времени, если не большую часть, удѣляетъ попеченію о мірскомъ, а такое дѣло, какъ быть выразителемъ церковнаго сознанія, требуетъ почти исключительнаго сосредоточенія на «Господнемъ».

Едва ли резонны и ссылки на ветхозавѣтныхъ супруговъ. Цѣль ветхозавѣтнаго брака—размноженіе избраннаго народа въ ожиданіи [2]) пришествія Искупителя. Ради *этого* каждому Изральтянину вмѣнялось въ нравственный долгъ производить дѣтей, и потому не было грѣхомъ, кромѣ нѣсколькихъ женъ, имѣть еще и наложницъ, наоборотъ, считалось позоромъ отказываться отъ возстановленія потомства своего брата (Второзак. XXV, 5—10). Въ Ветхомъ Завѣтѣ супруги могли соединяться и «не для удовлетворенія похоти» (Товит. VIII, 7), ибо самая психологія [3]) брачныхъ отношеній была иная, намъ теперь мало понятная. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ пусть прочитаетъ 30-ю главу Книги бытія, а я для примѣра приведу оттуда 3-й стихъ. Рахиль сказала *мужу*: «вотъ *служанка моя* Валла; *войди къ ней*; пусть она родитъ на колѣни мои, чтобы и я имѣла дѣтей отъ нея». Явилось христіанство и провозгласило, что «хорошо человѣку не касаться женщины» (I Кор. VII, 1), ибо «всѣ во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. *Нѣтъ уже... мужскаго пола, ни женскаго:* ибо все *одно* во Христѣ Іисусѣ» (Галат

свято же. Очевидно, «психологическая настроенность», переставшая «совмѣщаться» съ этимъ *дѣломъ исполненія Божіей заповѣди* —не правильна, есть *кажущаяся* святою настроенность, и отъ того то можетъ быть она только и совмѣщается съ феноменальными вещами, «по-сю свѣтными». *В. Р—въ.*

[1]) Ну, а въ Ветхомъ Завѣтѣ развѣ не Божіе? Цитирую съ радостью: «И пошелъ Хелкія, священникъ, и Ахикамъ, и Ахборъ, и Шафанъ, и Асаія къ Олдамѣ *пророчицѣ, женѣ Шаллума*», *IV Царствъ*, гл. 22, ст. 14. «И сказалъ Господь Исаіи: выйди ты *и сынъ твой, Шеарясувъ*», *Книга пророка Исаіи*, гл. 7, ст. 3. И «я (Исаія) взялъ себѣ вѣрныхъ свидѣтелей: Урія—священника и Захарію, сына Варахіина,—*и приступилъ я къ пророчицѣ, и она зачала и родила сына*», ibid., гл. 8, ст. 3. Но вѣдь во всякомъ случаѣ, пророки, пророчествовавшіе въ Израилѣ, не менѣе «пеклися о Господнемъ», чѣмъ аскеты, слово-слагатели новыхъ вѣковъ. Тутъ дѣйствительно «разная настроенность», и значитъ—другой «родитель духа и духовнаго». Но это углубляетъ вопросъ, а не разрѣшаетъ недоумѣніе... *В. Р—въ.*

[2]) Спаситель долженъ былъ прійти изъ *одного* рода, *Давидова*, и непремѣнно изъ *колѣна* Іудина: по какому же мотиву размножались, всѣ равномѣрно, остальныя одиннадцать колѣнъ израилевыхъ? Обмолвка г. *Мирянина*, показующая, до чего вообще торопливо были сдѣланы и безъ критики приняты крайне упорно держащіеся теперь взгляды. Ибо гипотеза, что и плодородіе Израиля имѣетъ фундаментъ мессіанскихъ ожиданій—распространена. *В. Р—въ.*

[3]) Вотъ это—чрезвычайно важно. Церковныя ограниченія брака (сейчасъ) въ сущности имѣютъ глубокое основаніе и истинну въ себѣ, *но временную:* мы

III, 27—28) [1]). То, что одушевляло ветхозавѣтный бракъ, въ Новомъ Завѣтѣ упразднилось, и бракъ, служившій осуществленію мессіанской идеи, здѣсь сталъ средствомъ для удовлетворенія слѣпаго полового влеченія и созданія удобствъ жизни [2]). По крайней мѣрѣ, обычная цѣль нашего брака такова. Если же внутренній смыслъ

потеряли психологію полового акта, и имѣя только грѣшную его психологію—творимъ въ сущности «мерзость», которой чѣмъ количественно меньше (если ужъ нельзя ее вовсе убить)—тѣмъ лучше. Однако, столь же очевидно и для самой церкви станетъ убѣдительно, что какъ только и если только будетъ найдена истинная его психологія, то расширеніе брака количественное станетъ прямо задачею, идеаломъ, добродѣтелью. Возьмемъ примѣръ параллельный и мы не будемъ удивляться Израилю: хорошо обучить одного ученика, и только отъ того, что это обученіе одного ученика есть безспорное и абсолютное благо,—обученіе толпы, цѣлаго класса—естественно выше. Вотъ откуда вышелъ Соломонъ и Давидъ, въ толпахъ дѣвъ и женщинъ, и остались Бого-*видцами*, Бого-*слушателями*, Бого-*пѣвцами*, Бого-*мудрецами*. Очевидно, всѣ ограниченія брака у насъ проистекаютъ (и правильно) изъ того, что уже въ *единоличномъ и на всю жизнь одномъ бракѣ, даже священника*—половой ритмъ все равно грязенъ,—не по истинѣ, но по потерянности истины. Теперь я скажу тайну, о которой догадываюсь: какъ мы представляемъ половой актъ—*таковъ онъ и будетъ*! И потерять уваженіе къ половому акту—значитъ вмѣстѣ разрушить его истинное совершеніе. Такимъ образомъ тотъ, кто представляетъ его себѣ грѣшнымъ, и дѣйствительно насытитъ его грѣхомъ, а кто представилъ бы праведнымъ—и сдѣлалъ бы его праведно. Вотъ глубокая тайна, что каково о немъ представленіе—такова его сущность, и это—въ самомъ дѣлѣ, въ совершеніи, in actu! Qualis sententia, talis existentia. По сему въ вѣкахъ накинуть на него тѣнь—и значило погубить его; потрясли субъектъ—и потрясся объектъ! Вся его психологія начинаетъ быть новою, дѣтски простой, исполненной благодаренія, нѣжности къ супругу (супругѣ) *въ особенности послѣ него* (чего не понято въ «Крейцеровой Сонатѣ» и «Аннѣ Карениной»): никакой психологіи «сытъ и отвалился», какъ подло принято у насъ. Проходя мимо другъ друга, въ дневной суетѣ, еще взглянешь въ очи другъ другу; при недосугѣ—всетаки пожмешь руку, поднесетъ ее къ губамъ. И такъ дня полтора послѣ—нѣжишься въ особенной радости становишься гибокъ и особенно не утомляющимся въ работѣ. Вѣроятно всякій знаетъ, что непосредственное его дѣйствіе, въ *ту секунду*, какъ происходитъ содроганіе, и въ *послѣдующія дни*, не имѣя тѣсно-территоріальной ограниченности, расходится по спинѣ, разливается какимъ то молокомъ въ груди, дѣйствуетъ на голосъ, чуть-чуть касается шеи, и проливаетъ крѣпость въ бедра. Половой актъ укрѣпляетъ и одновременно это—психическое молоко (мягкость, нѣжность). Хочется пѣть, и ко всѣмъ хочется быть ласковымъ; я не расправшивалъ, но пишу автобіографически и *при добромъ на него воззрѣніи*. Можетъ быть кто-нибудь провѣритъ и внесетъ поправки, или себѣ возьметъ мое въ поправку. Горечь, униженіе, стыдъ въ немъ (идеи Л. Толстого) вѣроятно гангренно разъѣдаютъ его; думаю, что гангренно заражаетъ, разрушаетъ и душу рождаемыхъ дѣтей. *В. Р—въ.*

[1]) Вѣдь это позволительно читать и въ обратномъ смыслѣ: у евреевъ мужъ былъ единственный господинъ дома своего (имѣя въ рукахъ разводное письмо), жена и дочь—въ повиновеніи ему. На эту почву павшія, или въ отвѣтъ на запросы этой почвы, сказались слова Апостола Павла: «во Христѣ Іисусѣ нѣтъ (въ раздѣленіи и неравенствѣ) ни мужескъ полъ, ни женскъ», т. е.: «*и* женскій *и* мужской полъ *уже уравнялись во Христѣ Іисусѣ*». Тутъ нѣтъ тенденціи раздѣлить мужчину и женщину, но—*паче*, какъ слитно-равныхъ, *соединить*. *В. Р—въ.*

[2]) Ну, ну, договорились!—*развратился*, и именно вы-то и ваша тенденція и развратила бракъ! Ибо неужели нужно доказывать, что бракъ «въ низахъ

брачной жизни различенъ [1]) въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ, то, конечно, параллель, проводимая протоіереемъ Ус—скимъ между Моисеемъ и Ап. Павломъ и другими—недоказательна [2]).

Г. Розановъ старается показать, что христіанство не только не отвергаетъ плотской стороны въ жизни человѣка, выраженіемъ которой является семья, но наоборотъ: по Евангелію будто бы семья-то и есть истинное и при томъ единственное воплощеніе идеала христіанской жизни, обусловливающее существованіе самого христіанства: «только этотъ взглядъ», говоритъ г. Розановъ, «вводящій семью ко Христу, спасаетъ отъ колебаній и даже гибели само христіанство». Аскетизмъ же—«духовное жонглерство» и есть гибель для Христова ученія, или, по крайней мѣрѣ, извращеніе его.

Что христіанство не отвергаетъ семьи—это ясно всякому, читавшему Новый Завѣтъ [3]), но остальныя разсужденія г. Розанова рѣ-

---

удобства» не только исчезнетъ вовсе съ появленіемъ хорошихъ chambres garnies, «съ семейной обстановкой», но и ранѣе полнаго исчезновенія, въ теченіе промежуточныхъ тысячелѣтій, будетъ иногда, при несходствѣ характеровъ мужа и жены, «жизнью на двухъ половинахъ», *его* и *ея*, безъ чего-либо между ними общаго, будетъ бракомъ «съ любовниками», когда это «удобно», и непремѣнно съ хорошимъ «приданымъ»—ибо это всегда удобно. *Мирянинъ* проговорился: *развратился* бракъ, вотъ сущность перемѣны *до* и *послѣ* начала нашей эры! Онъ еще, точно утѣшая, прибавляетъ: «не думайте: теперь бракъ только *для удовлетворенія слѣпого полового влеченія* (его слова), т. е. онъ сталъ... какой-то жеребячій! Вспомнимъ слова Исаака о потомствѣ Исава, и вообще не рѣдкія и странныя упреки Библіи: «у нихъ сѣмя—какъ *у жеребцовъ*!» Да, и это возможно, и въ нашей эрѣ *это-то и стало*! Какъ стали понятны впослѣдствіи оскопляющія усилія церкви: «тише въ клѣткахъ звѣри, *вѣдь вы уже болѣе не человѣки*». Но поразительна настойчивость и слѣдовательно, какая-то радость, какое-то *объ этомъ утѣшеніе г. Мирянина*: «ну, полноте, теперь это только *экономика и звѣрство*». Великія глубины перемѣнъ мы изслѣдуемъ, и въ путяхъ глубочайшаго блужданія и заблужденій ловимъ человѣка. *В. Р—въ.*

[1]) Ни мало онъ не различенъ an und für sich, но *мы смотримъ на него различно и содѣлали его различнымъ*—именно въ худшую сторону. Паденіе пола, decadense sexus'a—вотъ наименованіе нашей эры. *В. Р—въ.*

[2]) Вполнѣ остается доказательною an und für sich, *каковое мы и открываемъ. В. Р—въ.*

[3]) Да, но очень не ясно для всякаго, кто читаетъ Ваши перетолкованія: неужели *поставить идеалъ другой, чѣмъ семья, въ томъ самомъ кругѣ, гдѣ стоитъ семья* (полъ, жизнь пола)—не значитъ *низвергнуть* семью? «Первый рядъ креселъ—для генераловъ, вамъ—галерка». Конечно, и это—относительное «признаніе», ибо и «съ галерки» видно все на сценѣ; но въ первомъ рядѣ креселъ надо «держать себя», а въ галеркѣ можно никакъ себя не «вести», а только «пребывать», грызть подсолнухи, толкаться, ссориться: и вотъ это-то «можно вести себя какъ угодно» и создало психологію европейской семьи. Если въ семьѣ есть лучшія тенденціи, то *они всѣ текутъ изъ ея существа, сопротивляющагося религіозной ея постановкѣ, а не изъ этой религіозной постановки.* Увы, люди еще любятъ, а не только «ищутъ удобствъ» (слова и взглядъ на семью г. *Мирянина*), не всѣ смотрятъ на супружество «какъ на исходъ половой похоти» (взглядъ его-же), и проч. Словомъ, *еще* есть семья, израильская, эллинская—у насъ: но это—тающее явленіе, и по понятнымъ причинамъ. Свящ. І. Д. Рудневъ, письмо коего выше приведено, разъ мнѣ разсказывалъ:

шительно парадоксальны. Въ самомъ дѣлѣ, какъ примирить съ ними хотя бы слѣдующія слова Евангелія: «...есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстить—да вмѣститъ» (Мѳ. XIX, 12); «и всякій, кто оставитъ домы, или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или *жену*, или *дѣтей*, или земли ради имени Моего, получитъ во сто кратъ и наслѣдуетъ жизнь [1]) вѣчную» (Мѳ. XIX, 29). Этихъ словъ совершенно достаточно [2]), чтобы опредѣлить состоятельность «новой концепціи христіанства», поскольку она стремится опереться на Евангеліе. Здѣсь *утверждается* съ одной стороны духовное скопчество, т. е. добровольное *отреченіе отъ брачной жизни*, какъ *высшій* идеалъ, доступный «могущимъ вмѣстить»; а съ другой *отрицается необходимость брака и семьи* для спасенія человѣка, слѣдовательно, и вообще для его жизни. Семья, не смотря на высоту и чистоту свя-

---

«въ четвертой степени родства мы не можемъ вѣнчать безъ разрѣшенія архіерея; всегда онъ разрѣшаетъ, но нужно ему писать, и изложить обстоятельства и особенныя побудительныя причины». Онъ улыбнулся: «Ну, конечно—въ томъ побудительная причина, что молодые люди нравятся другъ другу, но этого нельзя написать: бракъ не будетъ разрѣшенъ. И вотъ сочиняешь: что она бѣдна, или что -сирота, не имѣетъ за собою присмотра, или что ихъ имѣнія въ сосѣдствѣ». Такимъ образомъ *любовь какъ творческое брака начало*—устранена, и «пусть будетъ бракъ, но не на этой почвѣ». *В. Р—въ.*

[1]) Если принять эти слова въ толкованіи г. *Мирянина*, то это окрываетъ только крайне опасный исходъ: *отдѣленіе семьи какъ уже факта, какъ реальности, и вѣчной, нужной, благой*—отъ начала нашей эры. Какъ не подумалъ объ этомъ г. Мирянинъ. Семья хочетъ быть идеальною, но *не можетъ здѣсь*: логика ея—искать «земли обѣтованный» «внѣ Египта». Здѣсь она работаетъ на другихъ, трудится—не въ собственномъ идеалѣ: «давайте другое поприще, другое поле, гдѣ я не была-бы рабомъ и повела-бы себя по господски, царски, небесно. У васъ я только на землѣ: нужно выйти изъ семьи, чтобы пріобщиться ангельскому чину (аскеты о себѣ): я тогда поищу... новыхъ странъ, другихъ небесъ, гдѣ я какъ таковая нашла-бы ангельскія чувства и состоянія». Ея «ангельство» не на пути «скопчества» и открываетъ видѣнія Апокалипсиса: «се творю все новое». «другая земля и новое небо—*а прежнее сгилось*», «небесный Іерусалимъ» сходитъ на землю», «всѣ—съ ваіями (зелень, цвѣты, растенія), «въ бѣлыхъ одеждахъ» (безъ страданія), «поютъ пѣснь новую», и въ основѣ и центрѣ всего: «и я увидѣлъ Престолъ Небесный... и на престолѣ и вокругъ престола четыре животныхъ, съ лицомъ какъ-бы человѣческимъ, льва, орла и тельца, взывающіе: *святъ! святъ! святъ!*» Вообще при этомъ взглядѣ начинается поворотъ къ ***Апокалипсису*** и... вдругъ раскрывается смыслъ его видѣній, угрозъ, обѣщаній, намекаемой томъ борьбы «двухъ правдъ», двухъ порядковъ святости. Но это—очень грозно... *В. Р—въ.*

[2]) Какая самоувѣрность: да тутъ-то и ***начинается для васъ опасность, начало отверженія изъ идеальныхъ принциповъ, изъ-за принципа идеализаціи***—васъ, которые думали и всѣхъ увѣряли, что принесли на землю полный идеалъ (закругленный, безъ разрывовъ и страшныхъ промежуточностей въ себѣ, и умолчаній или сбивчивости вокругъ этихъ промежуточныхъ пустотъ, разрывовъ). Нѣкогда воинъ римскій сказалъ, захвативъ въ руку конецъ плаща, кароагенскимъ старѣйшинамъ: «слушайте, я усталъ спорить: но въ этой рукѣ pax aut bellum». Не обдуманно тѣ закричали: «война! война! война!» Воинъ распустилъ свой плащъ, а черезъ полтора вѣка—Кароагена не существовало. *В. Р—въ.*

зей, соединяющихъ ея членовъ, всетаки заключаетъ въ себѣ элементъ эгоистическаго отграниченія (*«мои*: жена, сынъ, братъ, а то [1])—*чужіе»*) и потому она не вмѣщаетъ въ себѣ идеала всеобщаго родства въ духѣ словъ Спасителя: «кто будетъ исполнять волю Божію, тотъ мнѣ братъ, и сестра, и матерь» (Марка III, 35). Поэтому стремленіе къ осуществленію этого идеала въ жизни неминуемо ведетъ къ постепенному уничтоженію границы, созданной семьей [2]) между «мои» и «чужіе». А такъ какъ эта граница [3]) возникаетъ именно въ силу *кровности* семейнаго союза, то ясно, что кровность, возведенная въ *принципъ* жизни согласно г. Розанову, будетъ только препятствовать духовному развитію человѣка.

Семейныя узы важны не сами по себѣ, а потому, что на почвѣ кровнаго соединенія мы узнаемъ возвышеннѣйшее чувство любви, источникъ всякаго добра [4]). Но это святое чувство возникаетъ и между людьми, не соединенными узами кровнаго родства [5]). Нужно

---

[1]) Развѣ же аскеты католическіе не говорятъ: «мы *не православные*» и обратно, не говоримъ-ли мы: «мы—не католики». А перекрещиваніе католиковъ въ среднее вѣка у византійцевъ: «да, они католики, но—не христіане», и только изъ-за того, что Римъ въ эти вѣка царствовалъ, а Византія уже разбилась подъ турками и раньше подъ константинопольскими императорами. «Мы—рабы, но за то вы *не христи*». Да и вообще чувство раздѣленія, «мое» и не «мое» не только существуетъ у «внѣ семейнаго идеала», но даже и предсказано: «*мечъ* принесъ и *раздѣленіе*». Такъ-что этотъ аргументъ противъ семьи *въ смыслѣ ея недостаточной идеальности*—падаетъ. *В. Р—въ.*

[2]) Да, и ставитъ другія, строжайшіе! «Мы—въ истинѣ, а вы—въ огонь»; и опять уже было предречено: «тамъ будетъ *огонь неугасимый и скрежетъ зубовный»*, но это «тамъ» очень похоже на «здѣсь», только черезъ нѣсколько вѣковъ наступившее. *В. Р—въ.*

[3]) Зато г. *Мирянинъ* выпукаетъ *всю любовь*, всю *силу сцѣпленія*:

Бывало въ глубокой полуночный часъ,
Молютки, приду любоваться на васъ,
Бывало—люблю васъ *крестомъ знаменать*...

Г. Мирянинъ вдругъ останавливаетъ: «нѣтъ, не крестомъ, это—вовсе, вовсе изъ другой категоріи, противоположной». Тогда я говорю: «новыя звѣзды и новое небо». Вотъ вѣдь положеніе вещей. *В. Р—въ.*

[4]) И это-то хотите вы украсть. Но настало время схватить вѣчнаго татя: «Возвышеннѣйшее чувства любви, и источникъ всякаго добра, выростаютъ на почвѣ кровнаго соединенія», которое «нужно отрѣчь» (см. его слова выше). Но тоже опять не получаютъ-ли поразительно-новаго смысла слова: «и къ концу временъ *охладѣетъ въ мірѣ любовь*», къ тому концу, о коемъ также изглаголано: «и будетъ проповѣдено во всѣхъ странахъ земли». Т. е. *100%* объема неожиданно дадутъ *0* вѣса. «Всѣ имъ насытятся—и тогда-то будутъ всѣ голодны». «*Вся* земля наша, но уже вся—*оледенѣла*». Страшны сіи ожиданія. *В. Р—въ.*

[5]) О, какъ мало, о какъ рѣдко, а *въ семьѣ—каждой*. Отецъ протоіерей *А. П. У—скій*, не другъ-ли онъ мнѣ? Лучшій. И вотъ я теряю службу, здоровье. Прихожу къ нему: «вотъ вамъ комната и радостный столъ со мной». Проходитъ недѣля—онъ еще живъ: мѣсяцъ—живъ же. Но, вотъ проходятъ многіе мѣсяцы, я все ѣмъ, все занимаю комнату, и онъ, мой возлюбленный другъ, ставшій роднымъ мнѣ по идеямъ, становится скученъ. Это—всемірно, это—такъ! Въ отчаяніи вы закричите: «какъ жалокъ человѣкъ, какъ бѣденъ». Но я васъ удержу отъ отчаянія и объясню: «человѣкъ былъ бы жалокъ и безконечно слабъ, еслибъ не Божіе въ человѣкѣ, и вотъ это—сильно! Наши споры здѣсь о ре-

только стремленіе [1]) къ этому, нужна внутренняя самодѣятельность.

Исторія христіанства представляетъ не мало примѣровъ [2]) такой любви. да и что такое сама Церковь, какъ не союзъ этой же любви? Слѣдовательно, кровность, даже какъ условіе, не необходима для христіанскаго развитія человѣка. Поэтому не «семья спасаетъ отъ гибели христіанство», а христіанство возвышаетъ и

лигіи всетаки—наука. философія, богословствующія партіи. Но есть у меня жена: она—небесна. ибо она не устаетъ въ трудахъ и не рвется отъ заботъ». Да, жена, и даже (видалъ я) не жена, а любовница, блудница—десятки лѣтъ бережетъ супруга, да *какъ*. да какого: пьяницу, уже стараго, уже немощнаго, сама еще не старая и не безобразная. Да, «отечество» всегда продавалось ради любви, и это хорошо: «хотятъ штурмовать ихъ городъ, а тамъ—мой возлюбленный; предупрежу ихъ городъ, чтобы не удался штурмъ и не убили моего возлюбленнаго». И хорошо, что такъ. Все—осколками у ногъ любви; и безъ всего человѣкъ проживетъ, а безъ любовности онъ сейчасъ бы умеръ. *В. Р—въ.*

[1]) Да, стремленіе, усиліе, и вотъ тутъ-то и «рвется». А въ супружествѣ (или даже въ любовничествѣ)... никакого усилія! Чѣмъ больше—тѣмъ легче... «Нравится мнѣ сапоги съ тебя снять», «вымыть тебѣ ноги»; или какъ поется въ сладчайшей одной чиновнической пѣсенкѣ, какую слыхалъ я лѣтъ восьми, въ дѣтствѣ, потомъ никогда не слыхалъ, но запомнилъ:

Обложила его ватою
Напоила его мятою.

Это жена такъ отхаживаетъ простудившагося своего мужа. Помню только конецъ:

На другой день у сердечнаго
Вонъ душа изъ тѣла грѣшнаго.

Въ городѣ Бѣломъ я гулялъ разъ съ женой на кладбищѣ (единственное было мѣсто прогулокъ, замѣнявшее для горожанъ «сквэръ»): Смотримъ—могила свѣжая, и реветъ надъ нею баба.—«Что ты?» — «Акулина». — «Что ты ревешь»? — «Да вотъ схоронили моего» — «Мужа?»—«Какой мужъ — я любовница была». Мы сконфузились, т. е. за ея положеніе «Ну?»—«Завтра выгонять».—«Кого выгонять?»— «Меня выгонять. Я любовница была». —«Да подожди, не реви: откуда тебя выгонятъ?»—«А какъ-же, онъ хорошій былъ человѣкъ, съ достаткомъ, и домъ. Изъ дома выгонятъ». Въ параллель я не могу не припомнить трогательнаго (и какъ-то картиннаго: она опиралась на стоящее близъ могилы дерево и заплакала какъ-то ужасно горько, горько) плача тоже любовницы О. И. К—на. Прекрасная эта женщина, изъ благороднаго иностраннаго семейства, согрѣла судьбу и жизнь брошеннаго своею женою русскаго чиновника. У нихъ осталось трое дѣтей; она—безъ средствъ и имени (т. е. фактическаго мужа). Мы. чиновники, такъ всеобще его любили, что устроили по подпискѣ маленькую ей пенсію. Чтобы вернуть имя отца (онъ былъ и писатель) дѣтямъ, она черезъ годъ вышла (фиктивно, только обвѣнчавшись) за брата покойнаго мужа (любовника), совершеннаго старика. Сама она была лѣтъ 32 и прекрасна. Старикъ занималъ какое-то провизорское мѣсто. Вотъ примѣръ глубокаго, «до положенія ризъ», самоотверженія. Лѣтъ 8 грѣла около себя всѣми брошеннаго человѣка; умеръ онъ—и она умерла (какъ человѣкъ и женщина) для его дѣтей. Даже въ исторіи не знаю примѣровъ высшаго самоотверженія. *В. Р—въ.*

[2]) Да, только «примѣровъ», т. е. «тамъ и здѣсь», «точки», «иногда». А любовь семейная—сплошной листъ, гдѣ вражда есть, но какъ «точки», «примѣры». Большая разница въ пространствѣ и склонности. въ *обыкновенности*. Семейная любовь и самоотверженіе—*легки и обыденны*, а любовь. которую вы взамѣнъ обѣщаете—трудна и исключительна, *т. ч. немножко не естественна*. *В. Р—въ.*

облагороживаетъ семейный союзъ [1]). Лишите семью христiанской основы, и она превратится въ сожительство самца, самки и ихъ дѣтенышей [2]). Не изъ семьи возникло христiанство. Первые проповѣдники его «оставили все» (Мѳ. XIX, 27) и пошли за Христомъ. Нѣкоторыхъ Онъ Самъ призывалъ ради Него оставить кровныя узы. «А другому сказалъ: слѣдуй за Мною. Тотъ сказалъ: Господи! позволь мнѣ прежде пойти и похоронить *отца* моего. Но Iисусъ сказалъ ему: предоставь мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а ты иди, благовѣтствуй Царствiе Божiе» (Лук. IX, 59 — 60, см. еще Мѳ. IV, 22). Не семьей живо христiанство и доселѣ. Сказавшiй «создамъ Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ея» (Мѳ. XVI, 18). сказалъ еще: «дана Мнѣ всякая власть на небѣ и на землѣ: идите научите всѣ народы... и се Я съ вами во *вся дни* до скончанiя вѣка» (Мѳ. XXVIII, 18 — 20). Съ того времени Божественная Личность Его неотразимо влекла и влечетъ къ себѣ [3]) каждаго ищущаго въ жизни свѣта и истины. Вотъ, гдѣ лежитъ основанiе поразительной жизненности христiанства. «*Христосъ* моя сила...» поетъ церковь, и напрасно г. Розановъ думаетъ видѣть эту силу въ плотскомъ союзѣ людей.

---

[1]) А у грековъ и римлянъ, а у евреевъ? Да вы совсѣмъ забыли исторiю, и вамъ нужно напоминать примѣры Дамаянти, Пенелопы, Андромахи, Руѳи *В. Р—въ*.

[2]) Неожиданно: да не Вы-ли выше утверждали, что «въ Новомъ Завѣтѣ бракъ, прежде служившiй осуществленiю мессiанскаго идеала, — сталъ «средствомъ для удовлетворенiя слѣпого полового влеченiя и созданiя удобствъ жизни». *В. Р—въ*.

[3]) Дѣйствительно, *единственный мотивъ жизни въ христiанствѣ* (при заглохшихъ крови и сѣмени)—*Ликъ Христовъ*. «Спаситель, Спаситель, чиста моя вѣра» (Кольцовъ) и вѣщее продолженiе: «Но, Боже—и вѣрѣ *могила страшна*»! Только Ликъ Христовъ, и—точка. Звѣзда—но на фонѣ безпросвѣтной темноты. Ночь безъ звѣздъ и одна звѣзда. Звѣзда эта—темный ликъ въ углу комнаты. Мерцанiе лампады. Вращаю глаза туда: «Боже, буди милостивъ мнѣ грѣшному»—и ничего больше, ни царствъ, ни боговъ, ни игръ: все это стало по Р. Х. смѣшно, жалко, декадентно. Все померкло въ темныхъ лучахъ новаго сiянiя. О, «Христовъ духъ»—вовсе, вовсе новый, не бывалый, не слыханый, не ожиданный на землѣ; прямо «новое откровенiе»! Еще раскрылось небо, послѣ Ветхаго, послѣ обрѣзанiя — и новый совсѣмъ голосъ послышался оттуда. И вдругъ не стали мнѣ нужны царства, боги, игры. Состроганъ гробъ. «Куда ты смотришь, старче?»—«Въ гробъ».—«И?...» Но нѣтъ «и», соединительнаго, другого: конецъ, пришло окончательное и окончное. Еще ждать только «трубы» и «воскресенiя» и «Страшнаго Суда». Исторiя Европы—перерывъ, временное отложенiе, непослушанiе Христу, безпорядокъ и анархiя въ планахъ; стадо человѣческое возбунтовалось и поломало загородки, какъ быкъ, какъ сила, какъ нелѣпость: на самомъ дѣлѣ между Христомъ и «воскресенiемъ костей» ничего нѣтъ и не предполагалось. Мы устроили прогрессъ, вывернувшись изъ подъ «Суда» тѣмъ, что развернули «Христово»—въ «христiанскую исторiю», и тѣмъ не только увернулись изъ подъ Христа, но и пошли противъ самой главной Его мысли. Тутъ-то пожалуй «монахи» и объяснимы: «вовсе нѣтъ! никакой исторiи! вы ничего не поняли! Между Христомъ и Судомъ—никакого не лежитъ времени и пространства». Мальчишки спрятали розги, но можетъ быть монахи правда

И такъ, если семейная жизнь сама по себѣ не имѣетъ безусловнаго значенія для христіанина, то конечно, нельзя оправдать нѣсколько презрительнаго отношенія г. Розанова къ монашеству. Неосновательность принципіальный стороны такого отношенія достаточно выяснилась уже изъ приведенныхъ выше словъ Евангелія о духовномъ скопчествѣ ради Царствія Божія (Мѳ. XIX, 13), ученія Ап. Павла о дѣвствѣ и супружествѣ (I Кор. VII); о значеніи пола въ христіанствѣ (Галат. III, 27—28) и пр. Но г. Розановъ неправъ, такъ сказать, и in concreto. Онъ за «ядѣніями», «питіями» и «глаголаніями» (?!) упустилъ изъ виду самое главное: именно, внутреннюю жизнь монашества и внѣшнія условія ея. Прекрасный очеркъ того и другого далъ покойный Архіепископъ Никаноръ Одесскій въ своей статьѣ «Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятыхъ годовъ» («Русское Обозрѣніе» 1896 г. кн. 1—3). Беру для примѣра слѣдующія выдержки. «Когда случится горе съ мірскимъ человѣкомъ, онъ раздѣлитъ его съ родителями, женой, дѣтьми, близкими родными, друзьями, развѣетъ горе по вѣтру разными развлеченіями, перемѣнитъ карьеру, родъ службы, родъ занятій; не перемѣнитъ, такъ потѣшится надеждою, что можетъ перемѣнить. Кромѣ того, всякому въ жизни приходится раздѣлить данную ему долю способности страдать на близкія существа, на жену, дѣтей, родныхъ, друзей, [1]) — гдѣ тутъ иному думать о себѣ, о своемъ личномъ страданіи? Въ міру, даже при существованіи многихъ изъ упомянутыхъ условій, напримѣръ, возможности искать забвенія горя въ развлеченіяхъ, при существованія свободы въ выборѣ службы и занятій и т. д., наибольшіе страдальцы—это люди одинокіе, бездомные холостяки, бобыли, грубѣйшіе эгоисты. Они-то и даютъ наибольшій контингентъ самоубійцъ. Возьмемъ-же теперь монаха. У него все исключительно, все доведено до крайности. Кромѣ Бога, утѣшить его въ бѣдѣ некому. Вблизи его нѣтъ ни родителей, ни родныхъ, ни, всего чаще—друзей, ни одной истинно близкой

не ошибаются, грозя изъ пещеръ: «все равно—будете выпороты», «черезъ тысячу лѣтъ», «черезъ хиліазмъ». Мы немножко бредимъ, но это—матеріи, гдѣ только брѣдя—«набредаешь» на истину». *В. Р—въ.*

[1]) Какъ это прекрасно; чуть не сказалъ: «какъ по христіански внѣ христіанства». Да, въ суетѣ земной позабылъ «темный ликъ въ углу», и вдругъ—друзья, жена, дѣти. «Тебѣ тяжела ноша, давай понесемъ вмѣстѣ». И вѣдь смѣются, весело.—«Тебѣ легко, а намъ легко отъ того, что тебѣ легко».— Погодите», говорю я, «не то»... И вспомнилъ Ликъ въ углу, и стали мертвѣть «друзья», «дѣти», «жена», и какъ будто паръ и туманъ вмѣсто людей, и вотъ разсѣялся вовсе. Теперь я одинъ и ужасно кряхчу, ноша совсѣмъ меня придавила. *Мирянинъ* говоритъ: «это то и хорошо, но еще недостаточно: надо вовсе умереть». И тутъ опять понятно: «Егда вознесусь (на крестъ)—всѣхъ увлеку за Собою»: будете со Мной — на крестѣ и въ распятіи». Но изъ этихъ идей г. Мирянина выходитъ, незамѣтно для него, тоже... совершенно, совершенна «новая концепція христіанства»! Сколько же еще сокрыто въ немъ и какія бездны изъ глубины его мерцаютъ. *В. Р—въ.*

души. Даже выплакать горе на груди старой матери, если она имѣется, не удобно, не пристало; болѣе пристало молча сжать зубы, лежа на диванѣ, пусть лучше горе выльется въ этой крови, которая течетъ горломъ изъ здоровой по натурѣ груди [1]). А мать, которой ни слова не говорятъ, пусть тамъ молится, коли хочетъ, и въ молитвѣ ищетъ себѣ утѣшенія, а изнывающему сыну — помощи. [2]) Раздѣлить свое горе ему позволительно развѣ со своею подушкой или съ рукавомъ подрясника, въ который уже никто и ничто не возбраняетъ вылить слезъ, сколько ему угодно; цѣлую пучину. Это Давидово: *слезами моими постелю мою омочу*. Развлеченій никакихъ, кромѣ дѣла, которое дали, его не спросясь [3]), а теперь отнимаютъ, опять-же у него не спросясь [4]),—дѣла только по службѣ, которая ускользаетъ изъ-подъ ногъ. Иную службу, иную карьеру избрать себѣ онъ не воленъ».

«Вотъ ударили монаха по немъ самомъ [5]),—и вся сила страданія, какая только дана ему отъ природы, кидается на этотъ одинъ его чувствилищный центръ, на него самого, и приливомъ болѣзни къ одному жизненному пункту поражаетъ его жестоко, иногда прямо на смерть. Это и есть монашеское *самоболѣзніе*»...

...«И блаженъ тотъ изъ черной братіи, кто силенъ, кто пріобрѣлъ отъ юности навыкъ, кого Богъ не оставилъ благодѣтельнымъ даромъ духовнаго искусства, а ангелъ-хранитель неотступностью

---

[1]) Здѣсь архіеп. Никоноръ, въ прекрасныхъ и замѣчательныхъ своихъ запискахъ, намекаетъ на Іоанна еп. Смоленскаго, знаменитаго нашего канониста. *В. Р—въ.*

[2]) Какой пессимизмъ, какой міровой пессимизмъ! Но гдѣ же тогда: «Иго Мое—легко, и бремя Мое—благо». Очевидно, монашество всетаки не угадало *этого идеала Христова*, выхода—въ легкость, воздушность, «лиліи полевыя и птицы небесныя», которымъ ужъ, конечно, «легко», ибо онѣ — безъ одеждъ, стыда и еще не согрѣшили! Сколько безднъ, сколько бездъ для размышленія! для угадыванія возможностей, для объясненія судебъ! *В. Р—въ.*

[3]) Какая пассивность. Cadaver. — «Cadaver esto», кричали и іезуиты; «посохъ въ рукѣ несущаго»: да ужъ не угадали-ли они (іезуиты) какой то истины, когда о нихъ думали, что они только анекдотами занимались?! *В. Р—въ.*

[4]) Опять «не спросясь»... А сколько тутъ жажды—власти! «Папа можетъ разрѣшить и бывали факты, что разрѣшалъ бракъ сына и матери», сказалъ мнѣ весьма ученый М. П. С—въ. «Но если Онъ не разрѣшилъ брака Ромео и Юліи—и тѣ все же *безъ спроса повбрачились*, *Онъ* раздавитъ ихъ громомъ. Страшенъ онъ и, пожалуй—Онъ... «*Ты* еси Петръ—*паси* овцы Моя»... *В. Р—въ.*

[5]) Какъ это страшно въ устахъ епископа: «И мы біенны», «со Христомъ». Да. Но когда «всѣ къ Нему будутъ вознесены, то вотъ въ эту-то сладостнѣйшую секунду обратнаго вознесенія и явимся мы», и «произведемъ съ Нимъ Страшный Судъ». Почему «Страшный», а не «Милостивый»?—Насколько біены были; и даже собственно мы для того и біены были, чтобы потомъ вамъ было до чрезвычайности, до ужаса страшно, что вы били своихъ Послѣднихъ Судей. Вы будете умирать еще подходя къ Суду, просто—сердце будетъ останавливаться отъ страха, и станете падать мертвыми. Но Онъ васъ воскреситъ вторымъ воскресеніемъ: такъ что и смерть не поможетъ».—«Горы, падите на насъ, холмы—покройте насъ». *В. Р—въ.*

своихъ внушеній опереться въ тяжелую минуту, въ годину искушенія, на вѣру и молитву, опереться на Бога и Церковь, опереться даже безъ вѣры и надежды на стѣну церковную [1]). Я употребляю слова выболѣнныя, да!»

...«Я знаю монаха, который отъ боли души не спалъ четырнадцать дней и ночей [2]). Это чудо, но вѣрно... Я зналъ монаха, превосходнѣйшаго человѣка, который, страдая собственно болями ума, выразился такъ: «право, подчасъ становится понятенъ Иванъ Ивановичъ Лобовниковъ» (самоубійца-профессоръ). Иначе сказать, понятна логика самоубійства. Да, понятна»...

«А многіе ли между свѣтскими, а кто изъ нихъ мучится въ душѣ прирожденными ей усиліями помирить злую необходимость, явно царящую вездѣ и надъ всѣмъ, отъ безпредѣльности звѣздныхъ міровъ и до ничтожной песчинки—человѣка, съ царствомъ благой свободы, которую человѣкъ, волей-неволей, силится перенести изъ центра своего духа за предѣлы безконечной вселенной и посадить на Престолъ Вѣчности, для которой царствующій всюду злой рокъ служитъ только послушнымъ орудіемъ и покорнымъ подножіемъ? А христіанскій мыслитель, въ родѣ ученаго монаха, предъ неприступностью этихъ вопросовъ или падаетъ въ изнеможеніи и, разорвавъ ярмо вѣры, закусивъ удила [3]), неистово бѣжитъ къ гибели, какъ-бы гонимый рокомъ; или, переживая страшныя, невѣдомыя другимъ, томленія духа, вѣрный завѣту крещенія и символу спасающей вѣры, вѣрный иноческому обѣту и священнической присягѣ, съ душой, иногда прискорбной даже до смерти, припадая лицомъ и духомъ долу, молится евангельскою символическою и общечеловѣческою молитвою: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію* [4]) и, поддерживаемый Божіею благодатію, хотя и малу имать силу, соблюдаетъ слово Христово и не отвергается имени Христова и пребываетъ вѣренъ возложенной на него борьбѣ даже до смерти. Вотъ что я называю міровой скорбью нашей эпохи, и вотъ почему называю ученыхъ монаховъ первыми носителями этой міровой скорби».

---

[1]) Ужасно, ужасно. Какъ великъ еп. Никаноръ въ этихъ признаніяхъ. Какой это историческій документъ. *В. Р—въ.*

[2]) Лютъ былъ монахъ. Авторъ вездѣ говоритъ о *горечахъ, обидахъ* аскету, *служебныхъ, должностныхъ,* и привелъ и этотъ примѣръ 14 ночей безъ сна, очевидно, на ту же тему. Но... кто изъ насъ, мірянъ, какъ бы ни былъ обиженъ, останется безъ сна, въ кипѣніи мысли—14 ночей! «Побѣй, побѣй: это даже сладко, ибо послѣдній судъ—мнѣ». Въ четырнадцать ночей безспорно у него въ сердцѣ и кипѣлъ «огонь неугасимый», гдѣ сгорали обидѣвшіе его «грѣшники» *В. Р—въ.*

[3]) Какая психологія! О, Вольтеры, Штраусы. *букво*-ѣды отрицанія—мальчишки передъ этими тайнами монашескихъ келій; гдѣ *всѣ, всѣ* наши сомнѣнія *есть*, но въ огненномъ пламени скованной мысли и сердца. «Скованный Прометей»—да, вотъ имъ наименованіе. Но кто этого Прометея раскуетъ, тотъ выпуститъ огнь на міръ. *В. Р—въ.*

[4]) Какія признанія! По «краю бездны» бродимъ... *В. Р—въ.*

Такъ говоритъ о монашествѣ человѣкъ, проведшій въ этомъ чинѣ бо́льшую половину своей жизни.

Мнѣ кажется, приведенныя слова его приложимы вообще къ монашеству, а не только къ монашеству 60-хъ годовъ, потому что съ одной стороны едва-ли въ первые вѣка его исторіи природа личности была иная, чѣмъ теперь, а съ другой — христіанство всегда, съ самаго появленія было для міра «юродствомъ», «соблазномъ» и «безуміемъ» (1 Кор. 1, 18; 23) и слова Спасителя: «Я передалъ имъ слово Твое; и міръ возненавидѣлъ ихъ, потому что они не отъ міра, какъ и Я не отъ міра» (Іоан. XVII, 14), относящіяся вообще къ христіанамъ, къ монахамъ, конечно, приложимы тѣмъ болѣе. Слѣдовательно, условія для возникновенія тяжелой внутренней борьбы и страданія были всегда. Всегда жизнь истиннаго монаха была и есть подвигъ высокій и трудный: подвигъ «сораспятія Христу» (Галат. 2, 19), «Голгоѳа» въ большей степени, чѣмъ для немонашествующаго христіанина.

Я согласенъ съ г. Розановымъ, что «Голгоѳу» несетъ *порою* (курсивъ мой) на себѣ»[1]) и семейный человѣкъ. Но разница здѣсь та, что онъ вступаетъ въ бракъ совсѣмъ не ради подвига, а ради *своего* счастія и благополучія; монаху-же заповѣдуется прежде всего забыть о себѣ, а взять крестъ свой и идти на борьбу за Христово ученіе. (См. Апостолъ и Евангеліе на постриженіе монаховъ: Ефес. 6, 10—17. Мѳ. 10, 37—42).

Въ заключеніе хотѣлось-бы мнѣ сказать нѣсколько словъ по поводу своеобразнаго отношенія г. Розанова къ священному тексту, какъ основанію для построенія своей теоріи. Г. Розановъ пишетъ:

«Вѣдь Онъ (Христосъ) бралъ людей въ кровномъ соединеніи и нигдѣ ни разу не разорвалъ кровей ихъ... Въ этомъ и только въ этомъ освѣщеніи понятны, законы и радостны становятся его бесѣды съ пяти-мужнею Самарянкой (см. Іоан. IV, 18), прощеніе грѣшницы... И опять только въ этомъ освѣщеніи понятны и законны станутъ нѣкоторыя Его слова: «блудницы и мытари впередъ васъ внидутъ въ царство небесное», «потерявшій душу свою—сбережетъ ее», а «сберегающій — потеряетъ», *то-есть* (курсивъ мой), не говори, какъ скупецъ (и скопецъ) «духъ», «духъ мой», «тебя взыскую»: но «взыскуй ближняго» даже цѣною потери этого «духа», и вотъ тутъ то, когда ты думаешь, что «потерялъ» его—ты и «обрѣтаешь» его, даже сторицею, какъ бы выколосившееся зерно».

«Такимъ образомъ, начало собственно плоти и плотскаго человѣка къ человѣку прилѣпленія не только не враждебно Христу, но, можно сказать, что въ эту слѣпленность людскую Христосъ и вошелъ, какъ въ сѣнь свою, вездѣ беря человѣка не въ сіяніи одеждъ его, не въ украшеніяхъ гроба, но въ радости семейнаго очага, у колыбели».

---

[1]) Чуть-ли авторъ не ошибается, воображая, что я хвалю Голгоѳу *невольной жертвы* (Лаврецкій—въ отношеніи къ женѣ, Каренинъ—то же) и вообще горечь и уныніе *навязанную*, болѣе всего консисторскимъ уставомъ. Ни малой мысли о славѣ сихъ терновыхъ вѣнцовъ не имѣю. Но Голгоѳа — у супруги покойнаго Бухарева; вообще *Голгоѳа любви*, добровольная, съ жаждой раздѣлить позоръ и униженіе, но *непремѣнно любимаго человѣка*. *В. Р—въ.*

Вотъ примѣръ толкованія св. текста г. Розановымъ. Но посмотримъ, какъ приведенныя выше слова стоятъ въ Евангеліи и въ контекстѣ... «Мытари и блудницы впередъ васъ (т.-е. первосвященниковъ и старѣйшинъ) идутъ въ Царствіе Божіе, *ибо* пришелъ къ вамъ Іоаннъ путемъ праведности, *и вы не повѣрили ему*, а мытари и блудницы *повѣрили ему...*» (Мѳ. XXI, 31—32). Второй изъ приведенныхъ текстовъ въ Евангеліи стоитъ такъ: «сберегшій душу свою — потеряетъ ее, а потерявшій душу свою *ради Меня*—сбережетъ ее...» (Мѳ. 10, 39; Мр. 8, 35; Лук. 9, 24). «*Ибо* какая польза человѣку, если онъ *пріобрѣтетъ* весь *міръ*, а *душѣ* своей *повредитъ*»? (Мр. 8, 36; Лук. 9, 25).

Здѣсь противополагаются два духовныя состоянія человѣка: съ одной стороны *прилѣпленіе къ міру*, считаемое обыкновенно у людей за «сбереженіе души» (въ смыслѣ земнаго благополучія), а съ другой—*самоотверженіе ради Христа* и Евангелія. Первое—причина духовной гибели, второе—источникъ жизни. Спрашивается, причемъ здѣсь «кровное соединеніе» и что оно «освѣщаетъ» въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ Евангелія? Причемъ здѣсь «плотское человѣка къ человѣку прилѣпленіе», когда здѣсь идетъ рѣчь объ общемъ характерѣ, содержаніи, направленіи внутренней жизни человѣка? Повидимому, г. Розановъ взялъ эти слова Евангелія на авось, не справившись съ контекстомъ. Поэтому и вышло у него, что не теорія подверждается текстами и вытекаетъ изъ нихъ, а тексты истолковываются согласно требованію теоріи, хотя и въ ущербъ ихъ дѣйствительному смыслу; но хуже всего, что въ тѣхъ случаяхъ, когда ученіе Новаго Завѣта противорѣчитъ его теоріи, г. Розановъ не останавливается предъ сомнѣніемъ въ подлинности и авторитетности священнаго текста. Такъ, онъ продолжаетъ вышеприведенную тираду:

«Противъ этого общаго колорита Евангелій и Лика Христова совершенно безсильны бѣгучія (?), и, можетъ быть, апокрифическія привѣски въ родѣ «лучше не жениться», «даяй дѣву въ бракъ хорошо поступаетъ, а не даяй—лучше поступаетъ», гдѣ такъ ясно человѣческое колебаніе или человѣческая (двоящаяся въ незнаніи) ограниченность».

Но, во-первыхъ, подлинность перваго посланія къ Коринѳянамъ, откуда взяты цитируемыя (не точно) г. Розановымъ слова, есть фактъ безспорный; во-вторыхъ, Апостолъ Павелъ совершенно опредѣлено говоритъ, что дѣвство *лучше* супружества, духовнѣе его; и въ-третьихъ, такое ученіе, хотя и косвенно, излагается и въ другихъ посланіяхъ Апостола, напр. къ Галатамъ 3, 27—28; къ Тимоѳею въ 1 посл. 3, 2 («епископъ долженъ быть... *одной* жены мужъ», діаконъ—тоже (ст. 12); 5, 9, 11—15; къ Титу 1, 7, 4): ученіе Ап. Павла по смыслу согласуется съ Евангельскимъ (Мѳ. XIX, 12, 29 и др.). Слѣдовательно, не можетъ быть рѣчи ни объ «апокрифическихъ привѣскахъ», ни о колебаніе и незнаніи. Этимъ,

думаю, устраняется и упрекъ въ «эклектизмѣ», выражаемый г. Розановымъ Церкви за ея отношеніе къ браку.

Мірянинъ.

c) Ad hominem.

Въ двухъ статьяхъ, посвященныхъ *прот. А. У—скимъ* и г. *Мірянином*ъ въ №№ 24 и 25 «*Русскаго Труда*» критикѣ «религіи брака» г. *Розанова*, рѣчь идетъ также отчасти и обо мнѣ. Долгомъ считаю оттолкнуть кое-какія недоразумѣнія. Очень немного строкъ позволю себѣ посвятить прежде всего г. *Мірянину*; нѣсколько болѣе пространныхъ соображеній будутъ мною повергнуты на благоусмотрѣніе достоуважаемаго о. протоіерея.

Г. *Мірянинъ* удивляется и даже, можетъ быть, негодуетъ за выраженіе «*кощунство*», коимъ я опредѣлилъ модную, кажется, нынѣ проповѣдь объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какъ къ *сестрѣ*. Я охотно готовъ отказаться отъ названнаго термина, но, по совѣсти, не могу отказаться отъ очень опредѣленной мысли, съ этимъ терминомъ пусть и неудачно мною связанной. Есть что-то *гнусное*, противоестественное въ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какъ къ *сестрѣ*—вотъ что я думаю, и это я хотѣлъ сказать. «Если мужъ любитъ свою жену въ духѣ любви Христа къ женщинѣ», говоритъ г. *Мірянинъ*, «то едва-ли у него появится аппетитъ». Не понимаю. Но вѣдь въ духѣ любви Христа къ женщинѣ мы любимъ, должны любить *всѣхъ* женщинъ; въ чемъ-же должно заключаться то особое отношеніе вотъ къ этой *единой* между всѣми женщинѣ, которую я зову не женщиною вообще, не сестрою о Христѣ, но именно *женою?* Христосъ не былъ женатъ, поэтому выраженіе: «въ духѣ любви Христа къ женщинѣ» вообще мало уясняетъ дѣло. Ссылка, сдѣланная тамъ-же на Апостола (Ефес. 5, 25)—и того менѣе. Это именно то мѣсто, которое положено читать во время чина вѣнчанія, каковое таинство, какъ извѣстно, не исключаетъ мысли о чадородіи, и слѣдовательно, и объ «аппетитѣ», ибо кромѣ Единаго, безсѣменно-родившагося, всѣ вѣдь рождаются отъ «похоти мужескія»... Почтенный авторъ показалъ въ своей статьѣ солидную, повидимому, начитанность въ Священномъ Писаніи; какъ не пришло ему въ голову остановиться на слѣдующемъ мѣстѣ Апостола:

«Духъ-же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, *внимая духамъ обольстительнымъ* и ученіямъ бѣсовскимъ, *чрезъ лицемѣріе лжесловесниковъ*, сожженныхъ въ совѣсти своей, *запрещающихъ вступать въ бракъ* и употреблять въ пищу (это сопоставленіе *пищи* и *брака* не оставляетъ сомнѣнія, о какой сторонѣ супружескихъ отношеній говоритъ Апостолъ; это конечно сторона *животная*, «аппетитъ», противъ котораго уже въ то время возставали лицемѣрные лжесловесники, сожженные въ

совѣсти своей), то, что Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавшіе истину вкушали съ благодареніемъ; ибо всякое твореніе Божіе хорошо, и *ничто не предосудительно*, если принимается съ благодареніемъ, потому-что освящается словомъ Божіимъ и молитвою» (I Тим. IV, 1—5).

Позволительно думать, что, вспомнивъ объ этихъ ясныхъ словахъ св. Апостала Павла, г. *Мірянинъ* воздержался-бы отъ аргументаціи, которою онъ полагаетъ ниспровергнуть силу моего напоминанія, что и святѣйшее таинство евхаристіи неотдѣлимо отъ грубаго физическаго акта... Да, но «тамъ-де особая духовная радость». Совершенно вѣрно; но вѣдь всѣ усилія г. *Розанова* направлены къ тому, чтобы доказать—что *радость*, о Господѣ радость, не невозможна и въ супружествѣ. Мы ѣдимъ, и по слову Апостола, благодаримъ Господа. Мужъ, по теоріи г. *Розанова*, прилѣпляется къ женѣ—и тоже благодаритъ Господа. Мнѣ не нравятся *крайности* г. *Розанова*, увлеченіе его, въ силу коего можно думать, что онъ придаетъ какое-то *спасающее* значеніе половому акту, видитъ въ немъ чуть-ли не подвигъ, жертвоприношеніе, но, пока онъ стоитъ на почвѣ только *радованія о Господѣ*—я глубочайшимъ образомъ сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь рѣшился на попытку опровергнуть его на основаніи Священнаго Писанія и Преданія. Задача слишкомъ неблагодарная... Ты ѣшь, и благодаришь Господа; смѣшно, конечно, видѣть въ этомъ актѣ подвигъ, но безуміе—и грѣховное нѣчто, противное Христовымъ заповѣдямъ здѣсь искать. Такъ и въ другомъ радованіи, по преимуществу защищаемомъ г. *Розановымъ* отъ новоявленныхъ бракоборовъ, опирающихся на общераспространенное чувство гадливости по отношенію къ половому акту... Скажу къ слову, что въ этомъ послѣднемъ отношеніи г. *Розановъ*, помоему, глубоко правъ. Я готовъ признать за нимъ несомнѣнную заслугу въ томъ, что онъ изъ потемокъ фарисейскихъ недосказанностей и мрака глубоко-лицемѣрной конфузливости смѣло извлекъ наружу и открыто поставилъ на обсужденіе каждаго честнаго сознанія вопросъ: да въ чемъ-же *мерзость* половыхъ отношеній? откуда это чувство *гадливости?* каковы для него основанія психологическія, историческія, религіозныя? Не привито-ли *искусственно* современному человѣчеству это брезгливое отношеніе къ полу? Пусть на дальнѣйшемъ онъ можетъ быть сбивается, но вопросъ поставленъ такъ, что отвертѣться отъ него при помощи старыхъ фарисейскихъ уловокъ врядъ-ли придется...

Возвращаюсь къ вопросу объ отношеніяхъ мужа къ женѣ, какъ къ *сестрѣ*. Какъ-же осуществить на практикѣ этотъ новый видъ сожитія? Заранѣе, что-ли, условиться съ дѣвушкой-невѣстой? Такой заблаговременный «контрактъ» не представлялъ-бы ничего неудобнаго? Ни въ комъ не возбудилъ-бы чувства отвращенія? Чудесно! Но тогда непонятно, зачѣмъ жениться, къ чему выходить замужъ?

Не проще-ли, не естественнѣе-ли, не нравственнѣе-ли и не вводить «сестру о Христѣ» въ свой домъ? Или новая форма сожитія должна осуществиться *потомъ*, когда розы и шипы супружескихъ отношеній будутъ достаточно изведаны тою и другою стороною? Притомъ, какъ? Съ обоюднаго согласія, конечно? Вопросъ въ такомъ видѣ не представлялъ-бы никакого интереса; о чемъ только не могутъ сговориться мужъ и жена! Ихъ дѣло. И ничего принципіальнаго тутъ нѣтъ. Но вотъ случай: одинъ супругъ *хочетъ*, другая сторона говоритъ: *нѣтъ*? Если на вулканѣ семейныхъ несогласій указаннаго рода появится любовникъ или любовница—что скажемъ мы? Да въ девяти десятыхъ случаевъ адюльтеровъ не такъ, ли дѣйствительно и бываетъ? Разумѣется, въ иной мотивировкѣ-разность лѣтъ и проистекающая немощь, разность темперамента: роковой физическій законъ, въ силу коего женщина старится *скорѣе* мужчины, не говоря уже о тысячѣ женскихъ болѣзней, очень, очень иногда рано оставляющихъ жену, такъ сказать, за флагомъ... Наконецъ, не невозможно покорное преклоненіе одного изъ супруговъ передъ волею другаго. «Нѣтъ, такъ и нѣтъ! на все Божья воля». Такой случай былъ описанъ въ газетахъ. Какой-то мудрецъ начитался Толстого и рѣшился превратиться изъ супруга въ «брата». Левъ Николаевичъ шлетъ поздравленіе, благодаритъ. Отвѣчаетъ жена. Въ невыразимо-трогательномъ по изложенію письмѣ она исповѣдуетъ свою *старую* смиренную вѣру, что въ бракѣ, въ супружескихъ отношеніяхъ скверны нѣтъ. Она хотѣла-бы, чтобы мужъ любилъ ее и плотски... Она счастлива была-бы имѣть дѣтей... Толстой, по свидѣтельству очевидца, *заплакалъ* надъ этимъ письмомъ... Какъ непонятны эти слезы! До чего безконечна *гнусность* новаго ученія, такъ лицемѣрнаго и такъ жестокаго! А гнушеніе вблизи и вокругъ того, что во всякомъ случаѣ проходитъ черезъ таинство, освящается словомъ Божіимъ и молитвою, — кака назвать? Я ничего не имѣю сказать болѣе г. *Мірянину*.

* *
*

Капризъ пера подсказываетъ мнѣ такую архитектурную схему: вывести *на лицо* флигелекъ, такъ пустячокъ, о двухъ-трехъ клѣтушкахъ, а сзади, во дворѣ—пять-шесть этажей, «со всѣми удобствами...» Почему нѣтъ? Шаблонъ говоритъ: «нельзя-съ!»?—канцелярская рутина упадетъ въ обморокъ, глупо раскроетъ ротъ передъ такимъ нарушеніемъ «образцовъ и формъ...»

Но какое намъ дѣло до шаблоновъ рутины, до канцелярской мертвечины? Вотъ если бы *здравый смыслъ*, эстетическая *совѣсть*, ну, скажемъ, гигіена, соображенія экономіи, наконецъ, говорили: нѣтъ! А! Тогда другое дѣло! Но увидать хорошо разбитую улицу съ этакими барскими коттэджами, а для менѣе состоятельныхъ дать много воздуха, свѣта, удлинить для ихъ глазъ перспективу—

да провались несчастіе нашей жизни, воплощаемое этою всемертвящею рутиною!!

Итакъ, вы позволите? Вотъ тема, вотъ флигелекъ «на лицо»:

— Женатъ? — вопрощаетъ досточтимый отецъ протоіерей *А. У—скій* (см. № 24 «Русскаго Труда»).

Отвѣчаю:—женатъ.

— Чину вѣнчанія внималъ?

— Внималъ, батюшка.

— Требникъ читалъ?

— Да.

Теперь забудемъ тьму вопросовъ. Перелистуемъ быстро нѣсколько страницъ «Книги бытія моего» и остановимся на той, гдѣ можно разсмотрѣть какую-то преждевременную морщинку, какую-то странвую складочку на сердцѣ, слишкомъ молодомъ, чтобы быть ему такъ озабоченнымъ... Чѣмъ? Какимъ-нибудь горемъ? Можетъ быть, нежданно-негаданно разверзшеюся могилою на жизненномъ пути, очень, можетъ быть, близкою, очень дорогою могилою? Это, конечно, не представляетъ никакого интереса, но въ цѣляхъ дальнѣйшаго не безполезно легкимъ абрисомъ намѣтить извѣстное настроеніе... На почвѣ, именно, подобныхъ душевныхъ кризисовъ нерѣдко происходитъ переломъ въ нашемъ духовномъ мірѣ; очень часто смутные задатки *чего-то*, заложенные съ дѣтства, получаютъ толчекъ, пробуждаются, лихорадочно тянутся къ какому-нибудь твердому устою отселѣ болѣе или менѣе *сознательной* вѣры...

Такъ вотъ, на этой страницѣ, «Книги бытія моего» произошло не очень значительное событіе въ губернскомъ городѣ *К.* Въ мѣстный соборъ былъ назначенъ новый протодіаконъ. Объ этомъ событіи оповѣстила публику мѣстная газета *инородческаго* духа, для коей появленіе новаго протодіакона въ соборѣ безконечно менѣе значило, чѣмъ появленіе, напр., какой-нибудь новой *акціи* на биржѣ. Уже это одно для постояннаго читателя газетки казалось нѣсколько страннымъ, но была и еще капелька яда въ entrefilet газетной хроники. Новый протодіаконъ обладалъ будто-бы феноменальнымъ голосомъ, онъ способенъ-де перекричать «красный звонъ» колоколовъ, заглушить пушечные выстрѣлы, сконфузить ревъ океана... Въ преувеличенности похвалъ инородческаго листка чувствовалось какое-то предательство. Не было-ли оно замышлено *мѣстнымъ* кандидатомъ на должность соборнаго протодіакона, должность замѣщенную какимъ-то *пріѣзжимъ*? Это очень возможно, это почти навѣрное такъ. На другой-же день іудино лобзаніе инородческаго листка было опровергнуто въ другой газетѣ «чисто русскаго, отечественнаго направленія». Тономъ и языкомъ *благостнымъ* именно въ такой мѣрѣ, чтобы дать почувствовать участіе въ этой маленькой полемикѣ если не митры самого его преосвященства, то во всякомъ случаѣ внушительнаго посоха отца настоятеля собора,

человѣка характера властнаго и крутаго, да къ тому-же и предсѣдателя духовной консисторіи, давалось ясно понять, что *пріѣзжаго* въ обиду не дадутъ. Иначе говоря, *ad hominem* категорически приглашали недовольнаго *мѣстнаго* кандидата положить ручки на брюшко и сидѣть смирно... Извѣстно, что въ провинціи (по крайней мѣрѣ въ прежнее время) *между строкъ* читали гораздо болѣе, чѣмъ въ столицѣ, и такимъ образомъ, совершенно случайно въ публикѣ пробужденъ былъ интересъ. Нужно пойти въ соборъ...

Какъ сейчасъ помню: дѣло было въ *недѣлю о блудномъ сынѣ*. Служеніе происходило въ теплой, зимней церкви. Помѣщеніе очень большое, но потолокъ гладкій, какъ въ комнатѣ, и резонансъ убійственный. Къ тому-же служеніе шло *не* архіерейское, значитъ на протодіаконѣ лежала двойная работа. Тотчасъ послѣ евангелія— эктенію, и пр. Церковь биткомъ набита, притомъ «чистою» публикою, очевидно, привлеченною въ храмъ Божій, какъ на своего рода зрѣлище, газетною полемикою... Вотъ, при какихъ условіяхъ пришлось *дебютировать* отцу протодіакону ***.

Глухо, почти неслышно началъ онъ: «Рече Господь притчу сію: человѣкъ нѣкій имѣ два сына...» Эге! Да *басовъ*-то у него совсѣмъ нѣтъ! Это хорошо зналъ *второй* соборный діаконъ и не преминулъ «подставить товарищу ножку»: онъ далъ *вонмемъ* настолько низко, что протодіаконъ не могъ его *покрыть* или только съ большимъ трудомъ, явно не въ діапазонѣ своего голоса, могъ вытянуть первыя девять словъ въ томъ-же тонѣ. Но торжество діакона № 2 и «иже съ нимъ» продолжалось ровно столько, сколько требовалось времени, чтобы протяжно прочитать эти девять словъ. Далѣе текстъ даетъ чтецу естественный мостикъ на словахъ: «и рече юнѣйшій его отцу», откуда можно перейти на болѣе *высокій тонъ*, чѣмъ блистательно и воспользовался отецъ ***. Отъ словъ «Отче, даждь ми достойную часть имѣнія»—каждый звукъ отчетливо слышался въ самомъ отдаленномъ углу церкви. Но нужно хорошо вникнуть въ технику дѣла. Чтеніе, о коемъ идетъ рѣчь, одно изъ длиннѣйшихъ въ году. Поэтому діаконъ, *который уважаетъ себя*, долженъ соразмѣрять средства своего голоса такъ, чтобы кульминаціонное fortissimo его предѣльныхъ нотъ совпадало съ концомъ евангельскаго чтенія. Вотъ почему, отецъ *** не могъ тотчасъ показать красоту своего голоса. Нѣкоторое время онъ долженъ былъ еще вращаться въ *низахъ*, чуждыхъ его *basso cantante* баритональнаго характера. Онъ читалъ *интересно*, т.-е. съ поразительною ясностью, отчетливостью, съ удивительнымъ умѣніемъ дѣлать переливы голосомъ именно такъ, какъ требовалъ смыслъ читаемаго, но въ этомъ чтеніи не было *блеска*. Впрочемъ, этотъ нѣсколько *тусклый* характеръ чтенія удивительно соотвѣтствовалъ состоянію блуднаго сына.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись тихо дни мои.

Безъ Божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви...

Драматическое движеніе начинается послѣ словъ: «и возставъ иде ко отцу своему». Именно отсюда, именно со словъ: «еще же ему далече сущу», отецъ *** выходилъ на *свою дорогу*: это рыба, возвращенная въ родную стихію, это птица, выпущенная изъ клѣтки въ безпредѣльный просторъ небесной лазури. Онъ значительно ускорилъ темпъ, хотя ни на одну іоту ничего не упустилъ въ смыслѣ ясности, выразительности и *осмысленности* чтенія. Восхитительно разливался по церкви дивный металлъ этого голоса, молодаго, сильнаго, а главное—и это всѣми тотчасъ почувствовалось, страшно увѣреннаго въ себѣ, *артистически* владѣющаго и собою и слушателями. Неподражаемо было передано *психологическое allegro* слѣдующаго мѣста: «Рече-же отецъ къ рабамъ своимъ: изнесите одежду первую, и облецыте его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозѣ. И приведше телецъ упитанный заколите, и ядше веселимся»... Вообще, я долженъ замѣтить, что, по моимъ убѣжденіямъ, во всей всеміриой литературѣ не существуетъ шедэвра болѣе совершеннаго, болѣе геніальнаго *по формѣ*, какъ притча о блудномъ сынѣ, т.-е. стихи 11—32 главы 15 Евангелія отъ Луки. Я дерзаю для уясненія моей мысли примѣнить *человѣческую* мѣрку къ страницѣ, признаваемой мною за откровеніе *сверхчеловѣческое*. Вѣруя и исповѣдуя *божественное* происхожденіе животворящаго Духа, я лишь по отношенію къ *буквѣ*, къ матеріальной оболочкѣ Духа дерзаю примѣнить нѣсколько соображеній чисто земной, человѣческой критики, и съ этой точки зрѣнія осмѣливаюсь находить, что указанный мною шедэвръ великъ, недосягаемъ потому, что онъ въ дивномъ созвучіи примиряетъ, синтетически слагаетъ *два міра, двѣ культуры, двѣ, выражусь такъ, психологіи*; Семитъ и Аріецъ должны, какъ мнѣ кажется, съ абсолютною одинаковостью чувствовать эту *единственную* страницу. Да вотъ, хотябы приведенное мѣсто. Какой Еврей не узнаетъ тутъ настроеніе Авраама, Исаака, Іакова съ ихъ тучными пастбищами, съ ихъ множествомъ скота, воловъ, козлятъ, овецъ, всей этой *полной чаши*, всего этого земнаго благополучія вокругъ дома, на коемъ почилъ миръ Божій, въ атмосферѣ семьи, въ благоуханіи жизни расцвѣченной сознаніемъ, что она дѣйствительно—даръ Божій, что она прекрасна, что праведно и хорошо *насыщаться* сю и, насытившись вдоволь, опочить въ старости доброй, маститой, уйти изъ нея, какъ-бы изъ пира, который насъ чуть-чуть утомилъ, погрузилъ въ сладостную дремоту, чуждую тревоги, озабоченности»... Да что-же далѣе? Что тамъ? Хуже? Еще и этого лучше? Но сердце уже преисполнено какого-то умиреннаго восторга и благодарности: Господи! до чего хорошо! Да будетъ имя Твое благословенно отъ вѣка и до вѣка!

Теперь возьмемъ Арійца, Христіанина. Не первое ли, что придетъ ему въ голову при этомъ образѣ тельца упитаннаго, образѣ обвѣянномъ какимъ-то колоритомъ праздничной *душевной легкости*,—это наша святая, вѣчно милая, вѣчно дорогая православная пасха? «Изнесите одежду первую...» Христосъ Воскресе! Ну и хотя-бы умереть на этомъ словѣ. Не больно, не страшно. Христосъ Воскресе! «И ядше веселимся!..»

Но возвращаюсь къ достопамятному въ моей жизни дню, когда я впервые подошелъ къ Церкви, позволяю себѣ выразить такъ, съ ея *естетической* стороны.

«Яко сынъ мой сей мертвъ бѣ—и оживе, и изгиблъ бѣ—и обрѣтеся». прочелъ съ особою значительностью отецъ ***. Это мѣсто повторяется дважды. Это центральный пунктъ чтенія, альфа и омега притчи: «И начаша веселитися»—закончилъ онъ продолжительною, умѣренно-громкою ферматою, въ которой какъ-бы слышался раскатъ грома, но еще значительно удаленной отъ насъ грозы...

Отсюда еще повышеніе голоса и быстрота темпа доходитъ почти до *presto*. « Бѣ-же сынъ его старѣй на селѣ»... Тяжкая сцена съ сыномъ, эти жалобы, эти упреки быстро несутся, какъ вѣтромъ гонимая туча, одинокая, отчужденная, «печалящая ликующій день»...

...«Егда-же сынъ твой сей, изъядый твое имѣніе съ любодѣйцами, пріиде, заклалъ еси ему тельца питомаго.» На послѣднемъ словѣ сильный и продолжительный раскатъ грома. Гроза близко. Туча надъ нами. На словѣ: «и оживе» было сдѣлано *кольно*... Знаете, этотъ разбѣгъ голосомъ для устремленія къ послѣдней заключительной точкѣ вершины, и на словахъ «низшелъ бѣ» было достигнуто все, что только казалось въ человѣческихъ силахъ. Но отецъ *** понималъ, что этотъ день—рѣшающій въ его жизни (какъ и въ моей) и что необходимо превзойти самого себя. И онъ превзошелъ! Оставалосъ еще два слова: «и обрѣтеся». Это не только послѣднія два слова положеннаго на тотъ день чтенія, но и заключительный аккордъ изумительнаго музыкальнаго построенія. Тутъ торжество, побѣда, праздникъ, радость, и это чувство тѣмъ необходимѣе подчеркнуть, что радостное настроеніе было на минуту омрачено ранѣе свидѣтельствомъ о недостаткѣ любви у старшаго сына. И вотъ, раздалась эта заключительная фермата... Господи! Я никогда ее не забуду. Въ *своемъ родѣ* это рѣшительно ничѣмъ не ниже Рембрандта или Мазини. Это огонь, вотъ въ чемъ дѣло, *святой огонь* совершенно одинаково *попаляющій* у Рембрандта и у Мазини, и у Пушкина и у отца ***. Да и у него, у несравненнаго отца ***! За десять лѣтъ, что я наслаждался этимъ великимъ артистомъ, я зналъ только *три* подобныхъ момента, включая описанный однъ годъ: 14 сентября, при чтеніи Кресту, да разъ на Благовѣщеніе, приходившееся на второй день Пасхи...

Я сейчасъ сказалъ: *великій артистъ*, и подчеркиваю. Смѣйтесь, если хотите, пожимайте плечами, но это такъ... И я еще вотъ что скажу: ничто въ такой степени не отталкивало меня отъ вѣры, не возбуждало стольких сомнѣній, какъ *апологетическія книжки* въ защиту истинъ вѣры, и ничто, увѣренъ, не способствовало въ такой мѣрѣ устремленію моему къ спасенію души—чего да сподобимся достигнуть всѣ мы, знаемые и незнаемые—какъ восторги мои, пробуждаемые великою художественностью отца протодіакона ***.

Кстати. Очень недавно я имѣлъ великое утѣшеніе увидѣть отца *** здѣсь, въ Петербургѣ. Честь и слава церковному священноначалію, давшему упокоеніе заслуженной старости на почетномъ, хотя и неотвѣтственномъ посту... Конечно, есть безконечная разница между Мазини *молодымъ* и Мазини *старымъ*, но

......не говори: ихъ нѣтъ,
А съ благодарностію: *были.*

На этомъ словѣ я и кончу. Мнѣ казалось, что капризъ пера, подсказавшій мнѣ причудливую архиктурную постройку, всетаки не такъ уже нелѣпъ. Мнѣ кажется, что мнѣ удалось до нѣкоторой степени обнаружить мѣру моего пониманія въ области вопросовъ извѣстной категоріи. Мѣра эта, какъ изволитъ усмотрѣть достоуважаемый отецъ протоіерей *А. У—скій*, очень и очень не велика. Мнѣ еще доступно молочко—примѣняясь къ выраженію св. Апостола Павла—но никакъ не твердая пища. Вотъ почему голословное утвержденіе отца протоіерея не можетъ ни въ чемъ меня разубѣдить. И послѣдованіе обрученія и вѣнчанія я читалъ, и требникъ у меня на столѣ лежитъ, и молитвы, на которыя мнѣ указываютъ, небезъизвѣстны мнѣ, и все-таки, въ толкъ не могу взять: да что же *оригинально-христіанскаго* вложено въ это послѣдованіе и въ эти молитвы? Да и не попали-ли мы въ кругъ какого-то досаднаго недоразумѣнія? Не произошло-ли съ нами такъ, что, какъ говорится: *своя своихъ не познаша?* Не говорилъ-ли самъ о. протоіерей *А. У—скій*, что вся христіанская догматика создана *монахами?* Не въ этомъ-ли все дѣло? Не естественно-ли было имъ, скрѣпя сердце, ради непреодолимой нужды, кое-что *позаимствовать* изъ Ветхаго Завѣта, вмѣсто того, чтобы свободно и вдохновенно *творить* въ области, которую они принципіально, ex officio, должны отрицать?

А когда такъ, то естественно спросить: *монашеская* концепція Христіанства есть-ли *абсолютная* и единственно возможная?

Ну, вотъ, на этихъ самыхъ страницахъ тотъ-же *г. Розановъ*, пользующійся такимъ сочувствіемъ *прот. А. У—скаго*, сдѣлалъ замѣчаніе, которому невозможно отказать въ основательности: *беременность*, тревоги, страхи, окружающіе эту полосу жизни въ каж-

дой семьѣ—неужели такъ-таки ни словечка не съумѣла проронить Церковь по этому поводу? Неужели не естественно было-бы благочестивому настроенію ждать какихъ-нибудь моленій, нарочитаго чинопослѣдованія *ad hoc*? Ничего! За величавымъ, *всеобъемлющимъ* образомъ Церкви, вы видите монаха, съ его уединеннымъ, до крайности спеціализованнымъ міркомъ.. Онъ нервно перебираетъ четки, чтобы самую мысль о беременности, о всемъ, что можетъ навести на эту тему, отогнать, какъ можно дальше... И это — «столпъ и утвержденіе истины!!» Полноте! Къ чему себя обманывать?

Гатчинскій Отшельникъ.

d) О бракѣ и дѣвствѣ.

Разсужденія г. Розанова и прот. У—скаго о бракѣ и дѣвствѣ требовали-бы документальнаго, строго научнаго опроверженія, въ особенности послѣ появленія ихъ въ сравнительно осмысленной и стройной формѣ въ письмахъ протоіерея А. У—скаго. Опровергать наборъ фразъ г. Розанова, отожествлявшаго христіанскія и ветхозавѣтныя воззрѣнія на бракъ съ культомъ Ваала и Астарты, и по невѣдѣнію искажавшаго безусловно всѣ историческіе факты, будто-бы служившіе ему опорой, возможно было-бы только въ формѣ остроумно-ѣдкаго фельетона. Но пишущій эти строки не смѣетъ и помыслить о фельетонѣ на почвѣ религіозной и нравственной истины и можетъ только напомнить разсуждающимъ, что земля, на которой стоятъ они, или на которую покушаются они стать, — земля святая [1]). Одновременно съ сознаніемъ полной неумѣстности и преступности фельетоннаго изложенія, пишущій эти строки, отрѣшенный въ деревнѣ отъ необходимыхъ для документальнаго обличенія книгъ и источниковъ, лишенъ возможности подтверждать слова свои цитатами и фактами иначе, какъ на память. А между тѣмъ, обличеніе представляется для него совершенно необходимымъ, ибо необходимо-же положить предѣлъ глумленію надъ истиной, искаженію историческихъ фактовъ и положеній. Документальному опроверженію придетъ, если потребуется, свой чередъ, а пока къ уясненію и отрезвленію смущенныхъ умовъ да послужатъ нижеслѣдующія краткія замѣтки.

Церковь нельзя сочинять и придумывать: она есть то, что она есть, въ полнотѣ пространства и времени. Въ Церкви нѣтъ и не

[1]) Ну, конечно—да! святая! За это-то и сами мы прежде всего стоимъ, что вся область нашихъ изслѣдованій—«земля правды и обѣтованій», на которой до сихъ поръ человѣкъ умѣлъ только кощунствовать. Пытаясь опровергать, г. Аксаковъ повидимому не видитъ самого предмета опроверженія, не замѣчаетъ предлежащей къ штурму его крѣпости. *В. Р—въ.*

поднимается вопросовъ [1]), она есть готовый уже отвѣтъ на вопрошанiя человѣческiя, на вопросы *отъ внѣшнихъ*. Ошибка, проступокъ гг. Розанова и У—скаго заключается прежде всего въ томъ, что они приписываютъ Церкви празднословныя разсужденiя пресыщенныхъ эпикурейцевъ и ловеласовъ, или изображенiя гр. Л. Толстаго [2]). Полемизируй они только съ этими послѣдними,—и отчасти, хотя опять только отчасти, они были-бы, пожалуй, и правы, но они полемизируютъ не съ ними, а полемизируютъ съ Церковью; утверждая, horribile dictu, что догматика и весь строй ея не отъ нея исходитъ, а сочинены монахами! Но съ догматикою Церкви они наивно отожествляютъ только письменную передачу ея въ формѣ учебниковъ и трактатовъ, исчезновенiе которыхъ съ лица земли отнюдь не устранило бы самого догмата, а историческаго строя церковнаго они, какъ видно, совсѣмъ и не вѣдаютъ [3]).

Не изъ устъ Церкви, а изъ устъ гностическихъ и иныхъ сектъ раздалось первое утвержденiе, что въ бракѣ есть нѣчто нечистое, предосудительное, грѣховное, именно въ матерiальной его сторонѣ [4]).

---

[1]) Мудрый еп. Θеофанъ, затворникъ Тамбовскiй, украсившiй почти въ наши дни страницы исторiи церкви русской, въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: «созданiе *науки христiанской* есть *задача* будущаго: ея мы не имѣемъ и *начала*». *В. Р—въ.*

[2]) Намекъ на «Крейцерову сонату», и особенно на *послѣсловiе* къ ней. Но уже Н. Н. Страховъ, обороняя послѣднее произведенiе, далеко имъ не одобряемое, отъ нападокъ архiеп. Никанора Одесскаго, замѣчаетъ, что *скопческiя* идеи «Крейцеровой сонаты», къ сожалѣнiю, не *одиночны* въ христiанствѣ и не впервые появляются, а только рѣзко формулируютъ застарѣвшiя и окостенѣвшiя, въ обширныхъ аскетическихъ учрежденiяхъ, идеи. *В. Р—въ.*

[3]) Все это — полемическiя преувеличенiя, которыя мы сохраняемъ какъ матерiалъ для сужденiй. *В. Р—въ.*

[4]) Не можемъ отвѣтить на это лучше, чѣмъ разсужденiемъ настоятеля Петропавловскаго (въ Спб.) собора, от. Ал. Дернова: «церковь освящаетъ тѣхъ, кто хотятъ сдѣлаться родителями, св. таинствомъ брака, съ тою именно цѣлью, *чтобы въ нихъ, при самомъ зачатiи дѣтей*, порокъ, грѣхъ былъ ослабленъ благодатiю». Замѣтимъ: «ослабленъ», а не уничтоженъ. Продолжимъ цитату: «Церковь Православная, послѣдующая св. Писанiю, не знаетъ никакого непорочнаго зачатiя: никто изъ рожденныхъ женами, кромѣ Богочеловѣка Iисуса Христа, не зачинался безъ *беззаконiя* (Пс. 50, 7): *плотское рожденiе*, говоритъ св. Григорiй Богословъ, *есть дѣло ночи, рабское и страстное* (Соч., ч. 3, стр. 224). *Того не знаетъ отецъ, родитъ-ли онъ любезнаго сына или дочь, но только возстанiе плоти упиваетъ на супружескомъ ложѣ*» (Соч., ч. 5, стр. 59). И далѣе тотъ-же св. Григорiй Богословъ говоритъ: «Забавно увѣрять, что плоти вступаютъ въ союзъ для произведенiя на свѣтъ добрыхъ. Добрыми или худыми — образуетъ время. А кто сѣетъ, тотъ не иное что дѣлаетъ, какъ уступаетъ только нагльмъ требованiямъ плоти. Но смѣшно думать о себѣ въ страсти, что содѣйствуешь Божiей волѣ» (ч. 5, стр. 159). И далѣе, тоже свящ. Дерновъ пишетъ: «Религiя, церковь, на основанiи ясныхъ словъ св. Писанiя (Псал. 50, 7) признаетъ всякое рожденiе грѣховно-болѣзненнымъ, недобротнымъ: *сквернави бо есьмы передъ Тобою*— говорится въ молитвѣ церковной «*въ первый день, по внегда родити женѣ отроча*». Церковь учитъ, что, происходя отъ Адама, согрѣшившаго и осужденнаго, человѣкъ зачинается и рождается въ состоянiи грѣха и осужденiя: отчего самое рожденiе сопровождается временнымъ родившей матери отлученiемъ отъ церкви» (см. стр. 57—58 и 38 брошюры: «Бракъ

Но, едва заслышавъ такое утвержденіе, Церковь разъ навсегда [1]) устами Гангрскаго собора, получившаго потомъ вселенское освященіе, изрекла, что не только осужденіе брака, какъ чего-то нечистаго, но и уклоненіе отъ брака, какъ нечистаго и предосудительнаго, есть *ересь* [2]). Вполнѣ согласно съ этимъ, многократно, ясно и подробно высказывались [3]) и святые отцы, свидѣтельство которыхъ въ другое время мы не затруднились-бы привести десятками. И въ этомъ смыслѣ высказывались именно и великіе дѣвственники, ибо дѣвство предпочитали и хранили они отнюдь не въ силу усмотрѣнія въ немъ чего-либо грѣховнаго, предосудительнаго и нечистаго, что возбраняется Церковью, въ которой они пребывали и отъ которой не отрѣшались. Когда на соборѣ Никейскомъ возникло отъ заблуждающихся предложеніе [4]) обязательнаго безбрачія для клириковъ, кто выступилъ съ горячею защитою святости и непо-

и развратъ», протоіерея Ал. Дернова. С.-Петербургъ. 1901 г.). — Что-же скажетъ на это Н. Аксаковъ? И не обнаруживаетъ-ли онъ самъ, не смотря на хвастливый тонъ, совершеннаго невѣдѣнія церковнаго ученія, выраженнаго въ молитвахъ и въ чинѣ служеній, а не въ «учебникахъ догматики»? И, ниже, говоря, что зачатіе дѣтей въ законномъ бракѣ *непорочно* — не расходится съ отверженіемъ Восточною Церковью предложеннаго къ принятію Церковью католическою догмата о томъ, что по крайней мѣрѣ Единая св. Дѣва была зачата «не порочно». Но Востокъ отринулъ, какъ указываетъ и св. Дерновъ: «не вѣмы непорочнаго зачатія»!.. *В. Р—въ.*

[1]) «Навсегда-ли»? Вотъ отъ разрѣшенія этого-то недоумѣнія и уклоняется г. Аксаковъ. Онъ слишкомъ мало вникаетъ (а можетъ-быть и знаетъ) въ сей часъ текущія молитвы и ограниченія. Вѣдь до VII-го Вселенскаго собора и епископы были женатыми. Однако, опираясь на взгляды *первыхъ* шести соборовъ, было-бы странно говорить, что церковь «не знаетъ епископовъ дѣвствующихъ». Это то же, какъ еслибы на основаніи *Стоглаваго* собора, и при забвеніи собора 1666 г., учить о взглядахъ сейчасъ живущей и учащей церкви. Вообще разсужденія г. Аксакова не имѣютъ *метода*, это суть ученическія неопытныя сужденія. *В. Р—въ.*

[2]) Однако, по мнѣнію столь увѣренныхъ въ себѣ С. Ѳ. Шарапова и г. Мирянина, «уклоняться отъ брака», дѣвствовать—хорошо, даже лучше, чѣмъ семействовать. Почему-же «лучше», если «бракъ честенъ и ложе не скверно». Очевидно, этотъ текстъ повторяется, но уже не въ силѣ, а «сильны» стали другіе взгляды. Взошло «горчичное зерно» отверженія соитія, и теперь шумитъ вѣтвистымъ древомъ. Тайна исторіи. *В. Р—въ.*

[3]) Да. Но «высказываясь»—сами воздерживались отъ брака («тайна исторіи») и глаголы повисли въ воздухѣ. Въ Израилѣ (въ Библіи) никто особенно не «высказывался» *за* бракъ: но какъ всѣ не колеблясь — посягали, пророчицы, законодатели, патріархи—то библейскія времена и *суть* и притомъ *жизненно* брачные *В. Р—въ.*

[4]) Однако-же «предложеніе» такое возникло («тайна исторіи»)? Значитъ—есть *уклонъ*, неизрѣченый, мистическій, незамѣтный, ибо малый какъ «горчичное зерно»? И разъ такой вопросъ «возникъ», былъ-ли онъ бурно и стоустно отвергнутъ, какъ покушеніе «дракона» «пожрать рождаемаго младенца» *(Апокал.)*? Увы, одинокій голосъ сказалъ «противъ», и самая тема такъ вообще была не интересна, не нужна никому (и это-то, это-то и важно!), что всѣ вяло согласились на этотъ одинъ голосъ. «Нѣтъ? Ну — нѣтъ, намъ все равно» Бракъ сталъ сводиться къ *нулю*, еще не переходя (IV в. по Р. Х.) въ *отрицательную величину*. *В. Р—въ.*

стыдности брака? Кто? Не познавшій женщины дѣвственникъ, великій пустынножитель и основатель пустынножительства—Пахомій великій. И его-то свидѣтельство явилось главнымъ вызовомъ къ свидѣтельству самого собора, познавшаго и подтвердившаго церковную правоту его словъ. Свидѣтельствуй онъ иначе, и Церковь, въ виду присущаго и выраженнаго ею взгляда на бракъ, осудила-бы и его и глаголы его, какъ исходящіе не изъ Церкви и не отъ Церкви, но откуда то извнѣ, изъ какой-либо секты

Свято дѣвство, честенъ бракъ и ложе нескверно—такова [1]) сущность воззрѣній Церкви на бракъ и на дѣвство. Взглядъ на дѣвство, какъ на религіозно-нравственное требованіе, былъ-бы также противенъ Церкви, какъ и взглядъ на бракъ, какъ на нѣчто обязательное, устраняющее святость и религіозную допустимость дѣвства, какъ отчасти предполагаетъ протестантская этика. Христіанинъ не обязанъ вступать въ бракъ [2]), какъ не обязанъ и сохранять безбрачія, ибо дары различны, а Духъ единъ. Но бракъ не есть «ложе», какъ и дѣвство не есть только воздержаніе отъ ложа, все равно брачнаго или внѣбрачнаго. Ложе скверно въ блудѣ и прелюбодѣяніи, и не сквернымъ т.-е. нравственно-безразличнымъ, безгрѣшнымъ [3]), но и не составляющимъ добродѣтели, является оно

---

[1]) «*Вси есьмы скверни* передъ Тобою», читается надъ родительницею въ первый день, «повнегда родити ей отроча», пишетъ свящ. Дерновъ. См. выше. Н. П. Аксаковъ только ораторствуетъ, не зная дѣла. ***В. Р—въ.***

[2]) Да. Но вступать-то въ бракъ буквально ни одинъ христіанинъ не обязанъ; а высшія степени «духовности» требуютъ непремѣнности дѣвства. Бракъ—*ни для кого* необязателенъ, а безбрачіе—*для многихъ* обязательно, conditio sine quo non. Дѣло въ томъ, что мы имѣемъ какъ-бы одинъ квадратный вершокъ, не расширяемый и не удвояемый: на него можно или ничего не положить; эта tabula rasa есть дѣвство; но какъ только на tabula rasa вы напишите что-нибудь, именно разрушающее эту ея «rasa», «чистоту», «не вписанность», такъ вы ее относительно *испортите*, понизите ея цѣну, значимость. Слѣдовательно «письмена» въ сферѣ пола суть всегда отрицательные, ниже *нуля* стоящее (вѣдь «ничего», «rasa» есть только *нуль*); подъ горизонтомъ, ночное, темное, «не чистое». Идея, что «одно и другое хорошо, признается, свято» — совершенно ложна и логически не мыслима въ виду этого *единства* мѣста, единства «квадратнаго вершка», гдѣ *помѣщеніе* брака есть *отверженіе* дѣвства, а *помѣщеніе* дѣвства есть *отверженіе* брака. Нельзя сказать: «я люблю бракъ и дѣвство, какъ люблю яблоки *и* виноградъ», но можно только или: «я *не переношу* яблокъ», или—«*люблю* яблоки». Ибо дѣвство есть non coitus, coitus есть non virginitas; *и двухъ* вещей здѣсь нѣтъ. Есть двоящееся ваше *желаніе* или *нежеланіе*, отвращеніе или сладость—*одному*. Вотъ это единство *предмета* въ бракѣ и дѣвствѣ, никогда и не было уловлено, а потому не были разобраны и непремѣнные *плюсъ и минусъ совокупленные* въ каждомъ порознь избраніи. Бракъ есть непремѣнно *отталкиваніе* вчерашняго дѣвства, какъ несовершеннаго и не сладкаго и не нужнаго; какъ дѣвство есть непремѣнно отталкиваніе завтрашняго замужества (женитьбы) какъ паденія, несовершенства, грѣха. *И только въ отталкиваніи-то и состоитъ каждое пожеланіе и избраніе.* ***В. Р—въ.***

[3]) Какое забвеніе ученія церкви! А «первородный грѣхъ», а отверженіе догмата католической церкви «о непорочномъ» хотя-бы Единой «св. Дѣвы зачатіи» Н. П. Аксаковъ сочиняетъ религію. ***В. Р—въ.***

только въ освященiи религiозно-нравственныхъ основъ и религiозно-нравственныхъ задачъ брака, въ подчиненiи основной цѣли и идеѣ брака. Подобно тому и дѣвство не есть одно только воздержанiе, и въ этой формѣ оно отнюдь не представляетъ заслуги. Холостякъ, хотя-бы и побѣдоносно побѣждающiй всѣ соблазны и искушенiя, или почему-либо свободный отъ нихъ [1]), отнюдь не выше въ религiозно-нравственномъ отношенiи живущаго въ бракѣ мужчины: и старая дѣва, сохранившая свою чистоту, ничуть не выше замужней женщины, ибо дѣвство достойно не само по себѣ, но только какъ средство къ достиженiю намѣченныхъ цѣлей. Взглядъ Церкви на матерiальную сторону брака совершенно ясенъ и совершенно опредѣленъ, и въ этомъ отношенiи въ ней нѣтъ и не можетъ быть ни раздвоенiя, ни сомнѣнiя, ни вопроса. Физическое соединенiе является безусловно чистымъ [2]), оправдываемымъ въ бракѣ, какъ религiозно-нравственномъ институтѣ, имѣющемъ свои религiозно-нравственныя-же задачи и цѣли, и оно-же является безусловно нечистымъ и сквернымъ внѣ брака, составляя блудъ или прелюбодѣянiе. Признавая бракъ, въ составъ котораго входитъ и физическое соединенiе, Церковь остается вѣрной самой себѣ и ни въ чемъ себѣ-же не противорѣчитъ. Бракъ осуждается ересью, но Церковью онъ не только не осуждается, а даже благословляется.

Протоiерей У—скiй говоритъ, что взглядъ на супружескiя отношенiя, какъ на грѣхъ, «существуетъ въ сознанiи русскаго церковнаго общества». «По этому воззрѣнiю,—говоритъ онъ,—актъ супружескихъ отношенiй по самому существу своему, по самой природѣ своей, есть грѣхъ, только грѣхъ прощаемый, такъ сказать оффицiально допускаемый въ силу своей неизбѣжности». Какое невѣдѣнiе языка церковнаго, церковной терминологiи, свидѣтельствующее о неясности, спутанности самого представленiя о Церкви! Если Церковь *оффицiально* допускаетъ, то стало быть для нея возможно и другое, *неоффицiальное* отношенiе, въ силу котораго она осуждаетъ ею-же самою допускаемое. Другими словами, Церковь по служебному долгу (оффицiально) допускаетъ то, что само по себѣ, по нравственному долгу (неоффицiально), признаетъ грѣховнымъ и сквернымъ. Да развѣ въ Церкви можетъ быть отдѣленiе служебнаго долга отъ нравственнаго, оффицiальнаго отъ неоффицiальнаго? Ужасно слышать этотъ поклепъ на Церковь изъ устъ ея служителя! Впрочемъ, этотъ поклепъ протоiерей У—скiй приписываетъ не себѣ, а «русскому церковному обществу». Опять изъ устъ служителя

---

[1]) Да что-же такое, какъ не портретъ этотъ рисуемый, съ наброшенною на плечи мантiею, т. е. формою, «чинъ ангельскiй», «равно-ангельское состоянiе»?!. Да, состоянiе «безстрастiя» есть равно-ангельское, какъ состоянiе «страстное» есть «жало сатаны, данное намъ въ плоть». Аксаковъ или ничего не помнитъ, или ничему не учился. *В. Р—въ.*

[2]) А очистительная молитва надъ роженицею? Ничего не помнитъ. *В. Р—въ.*

Церкви слышимъ мы совершенно невѣдомыя Церкви слова. Церковь сама есть общество и рядомъ съ ней другого общества, развѣ какъ нецерковнаго, нѣтъ и не можетъ быть. По крайней мѣрѣ, Церковь таковаго признавать не можетъ. Правда, великое множество людей числится въ Церкви, а не живетъ въ ней, одною ногою стоятъ въ Церкви, а другою опираются на совершенно иную почву, вѣритъ въ лѣшихъ, русалокъ и вѣдьмъ, признаетъ колдовство и заговоры, служитъ мамону, допускаетъ блудъ, осуждаетъ бракъ и т. п. Но развѣ этою второю, противуположною Церкви стороною своего бытія, они образуютъ «церковное общество»? Развѣ Церковь имѣетъ что-либо общее съ этими ихъ вѣрованіями, заблужденіями, пороками и предположеніями? Церковь никакого «церковнаго общества» не знаетъ и знать не можетъ просто потому, что внѣ Церкви нѣтъ и не можетъ быть ничего церковнаго. Церковное общество— contradictio in adjecto, нѣчто ни реально, ни логически не существующеее. Но предположимъ, что, по забвенію языка церковнаго, прот. У—скій подъ именемъ «церковнаго общества» подразумѣваетъ всю совокупность людей, числящихся въ Церкви или примыкающихъ къ ней одною стороной своей жизнедѣятельности. Будетъ-ли въ этомъ случаѣ справедливымъ завѣреніе о. протоіерея? Разумѣется,—нѣтъ. Многіе милліоны русскихъ людей брачатся, живутъ въ бракѣ, производятъ на свѣтъ дѣтей, видятъ въ нихъ благословеніе Божіе, и даже и не подозрѣваютъ, что въ бракѣ, въ супружескихъ отношеніяхъ, есть какая-либо нечистота, предосудительность, грѣховность въ очахъ Церкви, благословляющей бракъ. Какъ то въ полемикѣ указывалось на воздержаніе отъ супружескихъ отношеній передъ праздничнымъ посѣщеніемъ храма, какъ на признакъ сознанія грѣховности и нечистоты этихъ отношеній. Но, вѣдь, и отъ пищи полагается или практикуется такое-же воздержаніе, а отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы ѣсть почиталось грѣхомъ и скверною. Приходится заключить, что и въ «церковномъ обществѣ», если уже и употреблять такое наименованіе, вовсе не существуетъ сознанія грѣховности брачныхъ отношеній, нечистоты ихъ и осужденія ихъ Церковью, которая, противорѣча самой себѣ, только допускаетъ ихъ [1]). Такой поклепъ на Церковь можетъ принадлежать только какой-нибудь кучкѣ людей, только какимъ нибудь X, Y и Z, которыхъ гг. Розановъ и У—скій не называютъ и съ

[1]) Все это пространное краснорѣчіе «зарапортовавшагося И. И. Аксакова падаетъ при слѣдующемъ соображеніи: возможно усталому и голодному страннику, взявъ изъ котомки ломоть хлѣба, осторожно отойдя къ сторонкѣ — вкусить его *въ самомъ храмѣ*; *антидоръ*—мы вкушаемъ-же, не выходя для этого физіологическаго дѣйствія изъ полнаго богоприсутствія храма. И однако это дѣйствіе только *нуль* религіозный, дѣйствительное *безразличіе* въ смыслѣ святости. И нужна очевидно *грѣховность*, *отрицательная* религіозность, звѣзда *подъ горизонтомъ* для трактуемой Аксаковымъ вещи, если столь непререкаемо и непремѣнно она выводится *за черту стѣнъ церковныхъ! за черту святого*

которыми только и подобало-бы вступать въ полемику. Какъ-же полемизировать съ ними служителю Церкви или всякому ея ревнителю? Разумѣется, не иначе, какъ противупоставляя завѣреніямъ ихъ свидѣтельства самой Церкви, которая не только не хулитъ и не осуждаетъ бракъ, но и всякую хулу на него и всякое его осужденіе открыто и прямо объявляетъ ересью, извергая отъ себя, въ качествѣ еретиковъ, всѣхъ осуждающихъ и хулителей. Поступать иначе Церковь и не могла-бы, какъ благословляющая браки и тайнодѣйственно сообщающая имъ благодать. Но кто-же эти порицатели и уничижители брачныхъ отношеній? Даже и ереси такой въ настоящее время не существуетъ. Подразумѣвать гр. Толстого и его поклонниковъ тоже не имѣется основаній, ибо они не только не говорятъ отъ лица церкви, но и прямо отрекаются отъ нея, а потому не могутъ входить даже и въ составъ «церковнаго общества», ибо обѣими уже ногами стоятъ внѣ церковной ограды. Гг. Розановъ и У—скій борются съ измышленнымъ ими-же самими непріятелемъ [1]). Они провозглашаютъ несуществующій мракъ, чтобы объявиться его выяснителями, но отъ того только содѣйствуютъ распространенію мрака. Гг. Розановъ и прот. У—скій стрѣляютъ холостыми, по счастію, зарядами только въ плоды собственнаго своего воображенія. Другаго, явнаго непріятеля [2]) найти и наименовать они не могутъ.

Признакомъ уничиженія и осужденія брачныхъ отношеній, какъ чего-тò нечистаго, предосудительнаго и грѣховнаго, представляется имъ открытое провозглашеніе превосходства дѣвства. Но, если одно провозглашается превосходнѣйшимъ другого, то развѣ отсюда слѣдуетъ, чтобы это менѣе превосходное почиталось грѣхомъ или нечистью [3]). Примѣръ, и притомъ яркій примѣръ противнаго представляется тѣми самыми словами апостола, которыя съ другою совершенно цѣлью приводитъ самъ протоіерей У—скій. «Всѣ-ли апостолы? Всѣ-ли пророки? Всѣ-ли чудотворцы? Всѣ-ли говорятъ языками? Ревнуйте о *дарахъ большихъ*, и я покажу вамъ путь еще *превосходнѣйшій*» (1 Кор. XII, 29—31). По логикѣ нашихъ мы-

---

мѣста. «Если *не* «минусъ»,—ну, тогда впустите въ храмъ!»—«Нельзя впустить въ храмъ! никогда! ни за что!»—«Ну, тогда—*минусъ*, и всѣ его послѣдствія...» Затѣмъ, почему безпристрастный Н. П. Аксаковъ не порицаетъ гг. Мирянина и Шарапова за ихъ взгляды? Высказываясь о *чистотѣ* полового акта, онъ становится на сторону мою, *А. У—скаго, Гатчинскаго Отшельника,* онъ въ тоже время на насъ нападаетъ. Очевидно, это только журналистъ, а не богословъ. *В. Р—въ.*

[1]) Да почему-же «измышленными»? А. С. Ѳ. Шарановъ и г. Мирянинъ? А очистительная надъ роженицею молитва? *В. Р—въ.*

[2]) Что за легкомысліе! Точно «Иванушка», просидѣвшій тридцать лѣтъ дома и ни о чемъ не слыхавшій, что есть и дѣлается на свѣтѣ. *В. Р—въ.*

[3]) Тутъ и выступаетъ выясненное нами *единство* желаемой или отвергаемой вещи. Ante coitum—дѣвство, post coitum—бракъ: суть an und für sich—*coitus* какъ «скверна» не алкаемая или «чистота» желаемая. Бракъ есть «истлѣніе» дѣвства, дѣвство—еще *не* «истлѣнность» въ бракъ. *В. Р—въ.*

слителей, слѣдовало-бы заключить, что апостолъ, признавая возможность большихъ даровъ и превосходнѣйшаго пути, этимъ самымъ указуетъ на нѣкоторую нечистоту или грѣховность апостольства, пророчества, чудотворства, говоренія языками и вообще всякаго меньшаго дара [1]), а это было-бы явною хулою на Духа святаго, какъ источника даровъ. Но такаго безумно кощунственнаго вывода не дѣлалъ, разумѣется, до сего времени не только церковный умъ, но и здравый человѣческій умъ вообще. Въ чемъ именно и въ какомъ отношеніи проявляется и состоитъ въ данномъ случаѣ превосходство? Апостолъ даетъ намъ прямой отвѣтъ на этотъ вопросъ, объявляя превосходство пророчества надъ говореніемъ языками, ибо говорящій языками назидаетъ самого себя, а пророчествующій назидаетъ Церковь, т.-е. служитъ къ совершенствованію и созиданію Церкви. Превосходство заключается, такимъ образомъ, въ пользѣ, приносимой Церкви, и провѣряется этою пользою. Не въ иномъ чемъ состоитъ и превосходство дѣвства надъ бракомъ, и на это опять-таки прямо указуетъ тотъ-же апостолъ, говоря, что женатый заботится о женѣ, а неженатый заботится о Церкви. Самъ протоіерей У—скій обращаетъ вниманіе на то, что апостолъ Павелъ «первый высказалъ мысль о превосходствѣ дѣвства передъ супружествомъ», что восторженному [2]) восхваленію дѣвства имъ посвящена почти цѣлая седьмая глава перваго посланія къ Коринѳянамъ. Но протоіерей У—скій самъ не обратилъ вниманія на то, что апостолъ противупоставляетъ дѣвство не физической сторонѣ брака, въ которой только и могъ-бы заключаться какой-либо элементъ грѣховности и нечистоты, а самому браку вообще, въ виду того строя обязанностей и заботъ, и притомъ чисто-нравственныхъ обязанностей и заботъ, которыя изъ него возникаютъ и необходимо

---

[1]) Да нѣтъ: тутъ *различныя* вещи, равно могущія быть «превосходными», а не *одна* вещь, съ «цѣлостью» gymen'а или *безъ* этой цѣлости — которыя какъ-же будутъ, *взаимно одно другому противолежа* — «равно превосходными». Это все равно какъ сказать: «что въ платьѣ, что нагишомъ — равно превосходно», или: «что въ теплѣ, что въ холоду, что трудись, что тунеядствуй — одинаково прекрасно». Нелѣпое сужденіе. *В. Р—въ.*

[2]) Еслибы дѣло состояло только въ томъ, что дѣвство даетъ *досугъ для работы* на церковь, то откуда этотъ родникъ и свѣточъ (новый свѣточъ!) «восторженности» въ словахъ о дѣвственности?! Кто-же хвалитъ циферблатъ часовъ, по коимъ считается работа, а не самую работу! Очевидно, ап. Павелъ и хвалитъ-бы *работу*, *неустанность*, *непосидность*, *несонливость* «юнаго насажденія» (дѣвства)... Но, увы, новый свѣточъ, совсѣмъ «отъ другого міра» (чѣмъ ветхо-завѣтный) загорѣлся: «пала звѣзда на *источникъ водъ* — и стали они горьки» (*Апокал.*) и отъ этой «горькой воды» и удерживаетъ теперь ап. Павелъ. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ *сладкое* пола превратилось въ *горькое* пола, въ «полынь»: и это и есть «тайна беззаконія, начавшая дѣйствовать въ мірѣ», которую вдругъ, не зная, откуда она вѣетъ, почувствовалъ Апостолъ. «Не хорошо быть человѣку одному — сотворимъ ему помощника»... Этотъ Божій о человѣкѣ совѣтъ, внутреннее о немъ самаго Божества помышленіе, выразившее затѣмъ въ сотвореніи Евы — и было 2.000 назадъ разрушено. «Не Адамъ, ни — Ева, но — два камня безъ внутренняго между ними стяженія». *В. Р—въ.*

стѣсняютъ [1]) сторону служенія Церкви, отвлекая отъ этого служенія, стѣсняя свободу личнаго самоопредѣленія. «Мнѣ жаль васъ», говоритъ апостолъ, «что вы будете имѣть печали, заботы и попеченія, съ которыми нравственно соединена брачная жизнь, что вы не будете имѣть той полноты духовной свободы, которая уполномочиваетъ меня всецѣло отдаваться полнотѣ служенія Церкви, а потому я и хотѣлъ-бы, что-бы вы всѣ были безбрачными, дѣвственниками, какъ я». Но, оговаривается апостолъ, «относительно дѣвства я не имѣю повелѣнія отъ Господа» [2]).

Дѣвство *не есть* «повелѣніе Господне», нравственное *требованіе*, предъявляемое ко всѣмъ или хотя-бы и къ избраннымъ, *но условіе*, соотвѣтствующее, способствующее исполненію инаго нравственнаго требованія подвига, наложеннаго или избираемаго тѣмъ, кто обезпечиваетъ себѣ дѣвствомъ свободу его исполненія. Дѣвство достойно и превосходно не само по себѣ, но по мѣрѣ исполненія тѣхъ задачъ и тѣхъ подвиговъ, для которыхъ оно освобождаетъ. Мы говорили уже, что соблюдающій чистоту свою холостой человѣкъ выше ведущаго блудную жизнь или впадавшаго въ блудодѣяніе, но самъ по себѣ отнюдь не выше, не святѣе и не чище состоящаго въ бракѣ. Но пользующійся дѣвствомъ для всецѣлаго служенія Церкви и ради того именно избравшій свободу отъ брака и всѣхъ его послѣдствій, конечно, является превосходнѣйшимъ, но именно только въ той степени, въ какой дѣвство обезпечило ему свободу его служенія и было средствомъ, избраннымъ имъ для сохраненія этой свободы [3]).

Все вышесказанное легко можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Предположимъ, что въ настоящее время кто-либо ради любви къ ближнимъ отправился ухаживать за зачумленными. Конечно, онъ не взялъ-бы съ собой ни жены, ни дѣтей, дабы боязнь за нихъ и заботы о нихъ не отвлекали его отъ дѣла, которому онъ временно себя посвятилъ. Живя согласно церковному идеалу, онъ не только пребывалъ-бы во временномъ безбрачіи, но и во временномъ дѣвствѣ, ибо церковный идеалъ отклонялъ-бы возможность всякихъ внѣбрачныхъ отношеній, какъ блудныхъ. Свобода его

[1]) Да какъ стѣсняютъ?! Съ женою-то я еще больше послужу, ибо и въ служеніи Богу она мнѣ «помощница». Моисей между Египтомъ и Ханааномъ мало-ли работалъ,—и имѣлъ жену Сепфору и ребенка; даже, уже въ пустынѣ, взялъ еще ефіоплянку, и Богъ наказалъ Маріамъ и Аарона, начавшихъ за это тайно осуждать брата (*Числъ*, гл. XII). Также ап. Петръ развѣ мало радѣлъ Христу.—а былъ женатъ. Но, клянусь: съ дѣтьми и женами мы вознесемъ Богу хвалы, не завтра, то послѣ завтра, какихъ еще не слыхалъ міръ! *В. Р—въ.*

[2]) Вообще говоря, это такъ еще бѣгуче, до того еще «горчичное зерно», что совершенно непостижимы, но очевидно роковыя были тѣ судьбы, по коимъ слова эти, почти «оброненныя», выросли отъ Пиреней до Урала въ мощный, всемогущій лѣсъ аскезиса. *В. Р—въ.*

[3]) Въ такомъ случаѣ и было-бы общее и постоянное рѣшеніе: «други, *какъ вамъ удобнѣе*, женатыми или не женатыми,—но только послужимъ всѣ св. Церкви: въ этомъ году въ вѣнцѣ церкви—смарагдъ дѣвственности, а въ буду-

была-бы тѣмъ не менѣе не совершенно полна, ибо забыты и попеченія объ отдаленной семьѣ отвлекали-бы его и препятствовали-бы ему отдаться избранному дѣлу всею душею [1]). Предположимъ-же, что кто-либо желаетъ предаться сопряженному съ самопожертвованіемъ и самоотреченіемъ дѣлу не на срокъ, а на всю жизнь и притомъ беззавѣтно и всею душею. Можетъ ли онъ при этомъ искать утѣшенія семейной жизни, принимать на себя семейныя обязанности, вступить въ бракъ, если желаетъ посвятить себя дѣлу всецѣло? Разумѣется,—нѣтъ, ибо женатый заботится о женѣ и т. д. Но разъ онъ обрекаетъ себя на безбрачіе, онъ тѣмъ самымъ обрекаетъ уже себя, какъ христіанинъ, и на дѣвство, ибо всякія внѣбрачныя отношенія, какъ блудъ, съ Христіанствомъ несовмѣстимы.

* *

Какъ условіе, какъ составная часть высшаго самоотреченія и самопожертвованія на пользу всѣхъ, на пользу Церкви, но только какъ таковое, а не само по себѣ [2]), дѣвство является, конечно, выше и совершеннѣе брака. Мысль эта принадлежитъ не намъ; она сама собою вытекаетъ изъ словъ апостола и многократно выражена святоотеческими устами. Мы не затруднимся, когда будетъ нужно, подтвердить ее и подлинными свидѣтельствами Отцовъ Церкви. Подтвержденіемъ ея является и сама практика Церкви. Церковь не проповѣдуетъ монашества, не предлагаетъ безбрачія, а слѣдовательно и дѣвства, мірянамъ, не ставитъ его и условіемъ священства, но почитаетъ цѣлесообразнымъ, чтобы епископъ, какъ олицетвореніе всѣхъ попеченій о Церкви, ему ввѣренной, какъ «средоточіе любви церковной», по словамъ одного писателя, сохранялъ безбрачіемъ полную свободу на ввѣренное ему служеніе.

Протоіерей У—скій завѣряетъ, что это указаніе на превосходство дѣвства передъ супружествомъ ведетъ свое начало только съ

щемъ—два брилліанта супружеской четы». Но этого практически и законодательно нѣтъ, и тезисъ Аксакова не доказанъ. *В. Р—въ.*

[1]) Вполнѣ натянута и искусственна эта аналогія съ поѣздкой доктора къ «зачумленнымъ». Ужъ не такъ міръ «зачумленъ»; и нужно среди его жить и благовѣствовать, сіять яко кринъ правды и чистоты, а не лихорадить и не нервничать, не торопиться и не суетиться. А семья-то и есть условіе ровной и спокойной жизни. *В. Р—въ.*

[2]) Н. Аксаковъ забываетъ еще множество *оплакиваній* въ аскетическихъ писаніяхъ (см. «Покаянный канонъ Андрея Критскаго») мысленныхъ, т. е. *самыхъ острыхъ и неотвязчивыхъ*, и никогда не побѣждаемыхъ, чувственныхъ искушеній. Вообще Аксаковъ полагаетъ, что аскетъ «для службы церкви» лишь слагаетъ съ плечъ лишнюю тяготу семьи какъ-бы посторонній и внѣшній дѣлу мѣшокъ камней. Совершенно обратно: дѣвственникъ возлагаетъ на себя новую неизмѣримою тяготу борьбы «съ помыслами», на которую затрачиваетъ бездну энергіи, вмѣсто того, чтобы тратить ее «на службу церкви». Да и какіе административныя и проч. «обязанности» несли—«на пользу церкви» первые пустынники Ѳиваиды? Нѣтъ, очевидно, что тутъ есть *самостоятельный* идеалъ, противоположный браку. *В. Р—въ.*

апостола Павла, составляетъ только индивидуальное его воззрѣніе, и не было отмѣчено и предусмотрѣно самимъ Іисусомъ Христомъ, т. е. зародилось въ Церкви позднѣе. «Прочтите, говоритъ онъ, всѣ четыре евангелія, съ первой страницы до послѣдней, и вы нигдѣ не найдете даже мысли о превосходствѣ дѣвства, *въ нравственномъ отношеніи*, передъ супружествомъ». Мы нарочно подчеркиваемъ слова *въ нравственномъ отношеніи*, ибо они-то и видоизмѣняютъ все дѣло. Въ нравственномъ отношеніи бракъ можетъ быть точно такъ-же святъ, какъ можетъ быть свято дѣвство. Гдѣ найдете вы указаніе на то, что смиреніе лучше долготерпѣнія [1]) или одна христіанская добродѣтель лучше или хуже другой? Безбрачіе и дѣвство превосходны не сами по себѣ, не въ отдѣльномъ ихъ нравственномъ отношеніи, а только, какъ своего рода *гигіена духа*, потребная для высшихъ подвиговъ и высшаго служенія. На такое превосходство, не въ отношеніи къ личной нравственности, а въ отношеніи къ широтѣ, полнотѣ и силѣ служенія Церкви, Христосъ, если и не указываетъ прямо и непосредственно [2]) словами, то за

---

[1]) Какое нелѣпое сравненіе! — «Долготѣрпеніе *или нетерпѣливость*», «смиреніе или *хвастовство*», вотъ аналогія предпочтенія дѣвства — *недѣвству*, или брака — *безъ*-брачію. *В. Р—въ.*

[2]) Это-то и важно, что *тайный жестъ* конечно есть; но еще важнѣе — почему *не явный*, не прямой и не категоричный, не въ «путяхъ блаженства», не въ громѣ негодованія какъ противъ «лицемѣрія книжниковъ». Разсмотримъ степени силы.

Если бы я прямо сказалъ кому: «не ходи сюда, не ходи туда», то возможно, что выслушавшій *всетаки пошелъ-бы.* И послѣ всѣхъ бурь осужденія «лицемѣрію» или «книжничеству» они ни пяди не уступили слову Христову. Міръ Его не послушался. А надо было, чтобы *въ этой одной точкѣ,* о коей мы разсуждаемъ, міръ послушался.

Я говорю: «иди туда — я не осуждаю; но лучше-бы ты не шелъ»

Жена говоритъ, собираясь домой, мужу: «я пойду, но ты посиди за картами — я одна дойду, хотя и ночь».

Мать — сыну-гимназисту: «пожалуй, играй еще съ товарищами: но можетъ быть ты подготовилъ-бы уроки».

И т. д. То самою этою нѣжностью указанія и будетъ вовлечена воля сидящаго за картами мужа, лѣниваго сына-ученика, и проч., слиться своимъ порывомъ, уже вольнымъ, «пророческимъ», а не подъ законно-вялымъ, съ жестомъ поманенія. Мужъ, сынъ, другъ — даже и не послушаетъ въ первые мгновенія, даже непремѣнно не послушаетъ зова. Такъ въ первые времена христіанства и безбрачія почти не было. Но *тоска* уже заточитъ сердце, и именно въ мѣру того, насколько «грѣхъ» непослушанія — предупредительно и заранѣе прощенъ. Все благородство души «грѣшника» ринется къ исполненію . . . не закона, а именно «благодатнаго»-то указанія, «свободнаго», особенно и изысканно не навязываемаго. Весь идеалъ упрется сюда, и вытечетъ лютѣйшая, но уже свободная несвобода . . . Психологія «блуднаго сына»! — о, теперь онъ превзойдетъ вѣрностью отцу исправнаго своего брата; мужъ, не послушавшій легкаго поманѣнія . . ., нѣтъ: выслушавшій полное разрѣшеніе жены остаться всю ночь за картами, когда она одна побрѣла по темнымъ улицамъ города домой, къ нездоровому ребенку — теперь этотъ лѣнивый мужъ не только броситъ карты, но скажетъ грубость партнерамъ, опрокинетъ стулъ и побѣжитъ за нею «ры-

то прямо указываетъ всѣмъ примѣромъ самой жизни Своей. Полагаю, что никто, не исключая и протоіерея У—скаго и г. Розанова, не можетъ представить себѣ Христа инаго, какъ безбрачнымъ [1]), хотя Онъ всѣмъ, кромѣ грѣха, уподобился намъ, а въ бракѣ ничего грѣховнаго Онъ не видѣлъ [2]). Но въ бракѣ не могла-бы [3]) совершаться полнота Его подвижничества. Бракъ и дѣвство сами по себѣ, матеріальною своею стороною, лежатъ внѣ области нравственныхъ отношеній и нравственнаго достоинства, иначе слова: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ совершенъ» налагали-бы на христіанъ обязательное безбрачіе. Бракъ и дѣвство сами по себѣ «ничто», какъ ничто, напр., идоложертвенное, но они святятся цѣлью, черезъ нихъ достигаемой. Дѣвственникъ Павелъ отнюдь не

дая и рвя волосы», или почти такъ. Совершенно обратенъ былъ-бы результатъ, скажи она ему категорично:

«Вставай изъ-за картъ. Я иду домой. Ночь, да и дѣти нездоровы».

То онъ вовсе не пойдетъ съ нею, или пойдетъ—бранясь, неохотно.—Такимъ-то образомъ «лицемѣріе и книжничество» преспокойно осталось въ мірѣ; но почти безмолвное «лучше не»... въ отношеніи къ данной темѣ разрушило ее до дна, до искорененія, съ поту-свѣтлою силою, и собственно черезъ одно это поманѣніе и перевернулась вся почва Ветхаго Завѣта на совершенно другую «новь». Здѣсь тайна «свободы» и «благодати», и причтъ какъ «Блудный сынъ», какъ «званные одиннадцатаго часа», «много званныхъ и мало избранныхъ», «дѣвы, не сохранившіе огня въ свѣтильникахъ». Зажегся въ *самомъ человѣкѣ*, какъ будто-бы *его свободный идеалъ*, рыдательно, восторженно, и чѣмъ далѣе въ вѣкахъ—тѣмъ сильнѣе, бѣжать и бѣжать за оставленнымъ, оскорбленымъ, замученнымъ „нами" женихомъ.... въ пустыню, пустынное житье. Тайна исторіи. *В. Р—въ.*

[1]) Вотъ это очень важное указаніе, что въ духѣ и образѣ Христа точно нѣтъ ничего брачнаго, хотя бракъ не рѣдко упоминается, и вообще не обходится; даже ранѣе всего Іисусъ идетъ на «бракъ въ Канѣ Галилейской». Еще замѣчу тайну, кажется никѣмъ не замѣченную: церковныя пѣснопѣнія, *всѣ безъ исключенія*, суть какъ-бы гласы ликовъ изъ ракъ мощей, или какъ-бы это поютъ лики изъ кіотовъ церковныхъ: въ нихъ вовсе, и притомъ до глубочайшей глубины, нѣтъ жизни, нѣтъ страстнаго, это суть внѣ-полыя, ни *нѣжно*—женственныя, ни *сильно*—мужскія, напѣвы. Просто—это поетъ не живой человѣкъ! Еслибы въ концертъ или концертное пѣніе вдругъ ввести что-либо изъ церковныхъ пѣсней, то негръ—и тотъ воскликнулъ-бы: «Это—другое! это—не то! не прежнее!». *В. Р—въ*

[2]) Это—все правда и тутъ великая тайна. Бракъ не названъ грѣхомъ, но онъ *показанъ* грѣхомъ—и это дѣйствительнѣе. Евреи отъ того такъ и испугались. Явленъ былъ образъ, ликъ, примѣръ святого, который не только не былъ совмѣщенъ, но и абсолютно несовмѣстимъ съ бракомъ. Такъ что невозможно живо представить себѣ этотъ образъ—и «захотѣть» брачно; и «брачно» пожелавъ—невозможно, кажется, не забыть этотъ образъ. Таинственно все это и страшно, и, кажется, разгибается тутъ та книга, о которой, въ *Апокал.*, сказалъ ангелъ Тайнозрителю: «прочитай и это—но *не записывай*». *В. Р—въ.*

[3]) Да, чувствуется, что «не могла-бы», но вѣдь ужъ конечно не по *недостатку времени!!!* Исказился бы *ликъ* и *суть*, въ точности «не отъ Адама, не отъ Евы» и «не по образу и подобію» ихъ; какъ мы равно не можемъ безъ искаженія («суть скопцы, иже *исказиша* себя»...) стать «образомъ и подобіемъ» Іисуса, но съ искаженіемъ — сейчасъ-же выходимъ «изъ образа и подобія» Адамо-Евинаго, Ветхо-Завѣтнаго, Элогимова. *В. Р—въ.*

ставится Церковью выше женатаго и водившаго жену за собою [1]) Петра, и это безусловное приравненіе знаменуетъ воззрѣніе Церкви.

Но нельзя утверждать, чтобы Іисусъ Христосъ и словами не указывалъ прямо или косвенно на превосходство дѣвства въ прикладномъ отношеніи, т. е. въ виду исполненія церковныхъ задачъ. Напутственное слово Его къ 70, отпускаемымъ на благовѣствованіе, уже явно подразумѣваетъ безбрачіе, т. е. дѣвство для необрѣтающихся въ бракѣ, ибо, если нельзя останавливаться въ виду предстоящаго подвига даже и похоронами отца [2]), то уже, конечно, нельзя связывать себя бракомъ, которымъ налагались-бы обязанности, препятствующія свободному исполненію подвига. Кромѣ того, и приводимыя протоіереемъ У—скимъ слова Спасителя, служащія отвѣтомъ на восклицаніе учениковъ, что въ виду указываемой имъ нерасторжимости брака лучше не жениться, именно и заключаютъ въ себѣ прямое указаніе на превосходство дѣвства, хотя и не для всѣхъ, а для тѣхъ, кому по данной благодати предстоитъ высшій подвигъ. «Не всѣ вмѣщаютъ слово сіе (т. е., что лучше не жениться), но кому дано. Кто можетъ вмѣстить, да вмѣститъ» (Мѳ. 19, 11, 12). (Плоское толкованіе этихъ словъ г. Розановымъ заслуживаетъ улыбки, а не возраженія). «Монахи, говоритъ протоіерей У—скій, именно изъ этихъ словъ выводятъ мысль о превосходствѣ дѣвства». Такъ думаютъ не одни только монахи, потому что другаго смысла и не могутъ имѣть эти слова. Выводъ монаховъ безусловно правиленъ, хотя, разумѣется, не всѣ монахи имѣютъ нравственную заслугу въ своемъ, хотя-бы и безукоризненномъ дѣвствѣ, но тѣ только, у которыхъ не осталось оно неиспользованнымъ для высшихъ цѣлей и высшаго служенія.

«Божественный Основатель Новаго Завѣта, говоритъ протоіерей У—скій... нигдѣ и никогда прямо и положительно не восхвалялъ дѣвства». Невозможность такого восхваленія строитъ авторъ на слѣдующихъ своихъ разсужденіяхъ. «Новый Завѣтъ основанъ на фундаментѣ Ветхаго Завѣта, и потому не могло быть, чтобы основ-

---

[1]) Замѣчательно, что ап. Павелъ, дѣвственникъ, первый и указалъ не принимать болѣе печати Ветхаго Завѣта: «во Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни не обрѣзаніе». Ибо точно для дѣвственнаго состоянія мысль и глубина обрѣзанія вовсе ни для кого не нужны. Но вѣдь обратно это значитъ, что обрѣзаніемъ, даннымъ Аврааму Богомъ „въ завѣтъ вѣчный" (Быт. 15) запрещалось дѣвство и притомъ „на вѣки". Пораженный этимъ-то, ап. Петръ, какъ разсказано въ „Дѣяніяхъ Апостольскихъ", и разошелся съ ап. Павломъ затрепетавъ грядущихъ перемѣнъ. *В. Р—въ.*

[2]) Замѣчательно, вообще, что въ Ветхомъ Завѣтѣ нигдѣ нѣтъ пропаганды, „иди и благовѣствуй", и это есть тоже не маловажная черта ново-завѣтнаго перелома: здѣсь, обратно, все устремлено въ *посланничество, миссію, апостолическій* подвигъ. „Иди и проповѣдуй язычникамъ" (ап. Павлу), „отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ въ городѣ, гдѣ васъ не выслушаютъ" (вообще апостоламъ), „отраднѣе будетъ Содому и Гоморрѣ въ день суда, нежели этому городу", „они будутъ слышать—и не уразумѣютъ, имѣть очи—и не увидятъ". Поразительно, до чего много историками *не замѣчено В. Р—въ.*

ные и существенные, нравственные и психо-физическіе законы Ветхаго Завѣта были выброшены въ Новомъ Завѣтѣ. Никто никогда не встрѣчалъ такого неразумнаго строителя, который, выстроивши стѣны зданія, сталъ-бы выламывать и выбрасывать весь фундаментъ, въ томъ соображеніи, что вѣдь стѣны поставлены и, слѣдовательно, фундаментъ уже не нуженъ». Все это сравненіе не выдерживаетъ никакой критики и никоимъ уже образомъ не уясняетъ отношенія Новаго Завѣта къ Ветхому; совершенно наоборотъ, оно искажаетъ пониманіе этого отношенія. Никто, разумѣется, никогда не выламывалъ стараго фундамента изъ подъ построеннаго на немъ новаго зданія по той простой причинѣ, что тогда рухнула-бы и вся постройка, но мудрый зодчій никогда и не воздвигалъ новаго обширнаго и совершеннаго зданія на фундаментѣ стараго, менѣе обширнаго и несовершеннаго, ибо тогда и новое зданіе обречено было-бы на неполноту и несовершенство [1]). Для сооруженія новаго, совершеннаго и превышающаго величіемъ и размѣрами зданія, необходимъ прежде всего обширнѣйшій, совершеннѣйшій по глубинѣ и незыблемости [2]) фундаментъ. Пусть новое зданіе сохраняетъ и основныя очертанія, и идеальный смыслъ, и всѣ достоинства стараго; оно необходимо должно быть все построено вновь [3]), ибо иначе не можетъ быть полнымъ и совершеннымъ. Никто не вливаетъ вина новаго въ мѣхи старые. Новый Завѣтъ, отнюдь не являясь надстройкою надъ Ветхимъ, дополненіемъ къ Ветхому, заключаетъ въ своей полнотѣ, объемлетъ своею полнотою и все неполное и несовершенное содержаніе Ветхаго, но уже въ новомъ и совершенномъ видѣ [4]). Въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ уже ничего ветхаго; все Христіанство, вся Церковь, весь нравственный строй Новаго Завѣта — новое зданіе, «новая тварь». Какъ мудрый зодчій, Христосъ именно и воздвигъ новое зданіе на новомъ, а не на ста-

---

[1]) Это *начало* весьма точной постановки очень важнаго вопроса. Расширеніе можетъ быть количественное, но *качественнаго измѣненія быть не можетъ безъ отрицанія*: иначе будетъ другая, совсѣмъ новая, не продолжающая, а разрушающая постройка. Свести лѣсъ и завести пашню значитъ перестать быть лѣсоводомъ и сдѣлаться пахаремъ; но расширить лѣсъ — значило бы остаться вѣрнымъ промыслу своего отца. Вотъ параллели. ***В. Р—въ.***

[2]) Вотъ о «глубинѣ-то» и «незыблемости» и не имѣетъ права говорить г. Аксаковъ, не впадая въ кощунство противъ «Ветхаго завѣта», какъ будто-бы «не глубокаго и зыбучаго». «*Завѣтъ вѣчный* даю тебѣ» — сказалъ Богъ Аврааму. ***В. Р—въ,***

[3]) Здѣсь нужна математическая точность разсужденія, каковой не сохраняетъ авторъ. Что значитъ «вновь» при сохраненіи «основныхъ очертаній и идеальнаго смысла стараго»?! Если планъ старый, то только *кирпичи* новые? *слова, рѣченія*? Но неужели «кто можетъ вмѣстити дѣвство да вмѣститъ», и «плодитесь, размножайтесь, *наполните* землю» есть перемѣна словъ съ «сохраненіемъ основного смысла и содержанія». Ясно, что измѣненъ духъ. Другой духъ. Иной духъ. Почему, пораженные отцы церкви и воскликнули: «*еще* Ипостась, другая, *не та*». ***В. Р—въ.***

[4]) Это — реторика, которую нельзя переложить на точные термины. ***В. Р—въ.***

ромъ основаніи [1]), и Самъ указалъ на это условіе своего зодчества. «Ты еси Петръ (т. е. камень) и на семъ камене созижду Церковь мою».

Въ чемъ-же противорѣчило-бы восхваленіе дѣвства основнымъ и существеннымъ нравственнымъ законамъ Ветхаго Завѣта? Протоіерей У—скій усматриваетъ это противорѣчіе въ томъ, что Основатель Новаго Завѣта есть то самое Слово Божіе, Которое положило законъ размноженія и провѣщало: «плодитесь и множитесь и населяйте землю». Но вѣдь это «плодитесь и множитесь», обращенное къ твари вообще, замыкающее, такъ сказать, собою актъ творенія, въ равной степени относится къ звѣрю, амфибіи, червяку, растительной былинкѣ и человѣку, и до сихъ поръ никѣмъ еще не было принимаемо за *нравственный законъ* [2]), изъ котораго вытекла-бы обязанность для человѣка плодиться и множиться. Если-бы на человѣка возложена была нравственная обязанность плодиться и множиться, то въ такомъ случаѣ восхваленіе дѣвства являлось-бы противорѣчіемъ, ибо тогда дѣвство являлось-бы нарушеніемъ нравственнаго закона, грѣхомъ и преступленіемъ. Все, созданное Богомъ, — чисто, какъ и было сказано Петру въ видѣніи, но отсюда слѣдуетъ только то, что нельзя гнушаться въ выборѣ пищи, различать въ ней чистое и нечистое, а отнюдь не слѣдуетъ еще то, что человѣкъ нравственно обязанъ вкушать все. Такъ и благословеніе размноженія воспрещаетъ только гнушаться бракомъ, что и воспрещаетъ Церковь, а отнюдь еще не требуетъ обязательнаго вступленія въ бракъ, когда иныя, высшія цѣли являются тому препоной. Протоіерей У—скій, а равно и В. В. Розановъ смѣшиваютъ одобряемый наравнѣ со всѣмъ твореніемъ и наравнѣ со всѣми положенными всему созданному естественными законами, (какъ, напр., съ закономъ тяготѣнія, инерціи и т. п.) физическій законъ (размноженія) съ законами нравственными, законами личной воли и самоопредѣленія, всегда опредѣляющими не то, что есть или можетъ быть, а то, что должно быть, хотя и можетъ не быть, и всегда выражающимися въ формѣ категорическаго императива. Ни размноженіе, ни дѣвство не являются такими категорическими императивами или нравственными законами, а потому и бракъ, и дѣвство могутъ быть равно благословляемы и восхваляемы. Ника-

---

[1]) «На новомъ основаніи новое зданіе»... неужели это тоже «сохранены основныя очертанія и идеальный смыслъ стараго»?! И вотъ такая-то реторика, скользящая змѣя словъ, составляла наше теологическое богатство 2.000 лѣтъ, *В. Р—въ.*

[2]) Да это есть *трансцендентный законъ*, который ужъ никакъ не ниже (не ўже и не бѣднѣе) нравственнаго закона. Обрѣзаніе было также трансцендентный законъ. Что въ немъ собственно нравственнаго, моральнаго?! Ничего. Но тогда Ветхій завѣтъ есть транцендентно-міровой, космическій, а Новый Завѣтъ есть морально-историческій. Г. Аксаковъ подводитъ насъ къ новой и трудной темѣ. *В. Р—въ.*

кого противорѣчія въ совмѣстности благословенія нѣтъ и не можетъ быть [1]).

Г. Розановъ говоритъ, что «Церковь двоится въ идеалѣ, если мы не сольемъ монашества съ бракомъ или бракъ съ монашествомъ». «Церковь, говоритъ онъ, двоится при этой точкѣ зрѣнія, и подъ покровомъ одной (вѣроятно, Церкви-же), въ темныхъ и бѣлыхъ ризахъ духовенства, мы имѣли-бы или имѣемъ два и притомъ противуположныхъ упованія, спайку двухъ Церквей: бѣлаго поклоненія Свѣтлому лику и темнаго поклоненія такому Темному лику, суть коего, въ противоположность Богу Елогиму (Бытіе, I), есть заповѣданіе: не раститеся, не множитеся». Но вмѣсто всего этого, довольно кощунственнаго набора громкихъ словъ, лучше-бы не упускать изъ вида того, что Церковь, благословляя дѣвство, благословляетъ и бракъ [2]), воспрещая усматривать въ физической сторонѣ его что-либо грѣховное и нечистое. Никакого раздвоенія идеаловъ не существуетъ, ибо ни дѣвство, ни бракъ не составляютъ сами по себѣ нравственнаго идеала и нравственнаго добра [3]) но являются только *условіями* къ ихъ осуществленію.

---

[1]) Все это довольно толково и умно, и мы радуемся, что *пристальностью* разсмотрѣнія одной темы привели даже антагонистовъ своихъ къ необходимости разсуждать наконецъ точно и внимательно. Но все же полной точности разсужденіе автора не досягаетъ: нельзя давать такой законъ гражданской службы, который останавливалъ-бы кровообращеніе (пусть это было-бы возможно), и нѣтъ свободнаго и нравственнаго закона, каковой снималъ-бы и имѣлъ-бы для себя нужду снять съ человѣка «печать ветхаго завѣта». ***В. Р—въ.***

[2]) Опять приходится разлагать слитное сужденіе въ его термины. Вполнѣ допустимы сужденія:

Трудиться хорошо
Много трудиться—*лучше*
Быть здоровымъ—желательно,
Никогда не хворать—*желательнѣе.*

Ибо это суть *умѣренное* и *сильное*—въ одной линіи, суть ступени одной лѣстницы, какъ-бы членики одного и того-же членистаго существа. Но если мы скажемъ:

Трудиться—хорошо,
Однако не трудиться—*лучше*;
Учиться—полезно
Однако *спасительнѣе* не учиться,

То очевидно, что здѣсь значущи и сильны собственно однѣ заповѣди:

Не трудись
Не учись

безъ всякаго утвердительнаго отношенія къ *наукѣ* или *труду*. Таковъ и есть истинный смыслъ ученія о бракѣ, который подведенъ, черезъ эту форму о немъ рѣченій, *звѣздою подъ горизонтъ*, тогда какъ звѣздою надъ горизонтомъ поднялась, конечно съ противоположной страны свѣта («солнце съ запада») дѣвство. А такъ какъ здѣсь все «заповѣданное» или «нѣтъ», «религіозное» или «нѣтъ», «святое» или «грѣхъ», то ясно, что съ восходомъ новой звѣзды закатилась подъ горизонтъ, въ страны ночныя и отрицательныя, въ міръ грѣховный и «дьявольскій»—весь кругъ, все «360°», древней вѣры. *В. Р—въ.*

[3]) Да это—трансцендентности. Но и кромѣ того: благословить рожденіе—значитъ благословить и *рожденнаго человѣка;* и съ какою силою мы благо-

Нравственный и религіозный идеалъ [1]) безусловно тожественъ, какъ для дѣвственниковъ, такъ и для состоящихъ въ бракѣ, но *условія* и *средства* къ осуществленію этого идеала различествуютъ и могутъ являться неравномѣрными. Что болѣе содѣйствуетъ осуществленію въ жизни нравственнаго идеала? Для одного дѣвство, а для другаго бракъ, ибо «дары различны, а Духъ единъ, и служенія различны, а Духъ единъ». Сомнѣваться въ томъ, что въ бракѣ сообщается «даръ» и притомъ «даръ Духа Святаго» невозможно уже потому, что бракъ есть таинство, что такимъ дѣлаетъ его Церковь, воспрещающая смотрѣть и на физическую его сторону, какъ на что-либо грѣховвое и нечистое. А гдѣ есть даръ, тамъ есть и служеніе, ибо всякій даръ не всуе дается, а именно на служеніе. Но для всецѣлаго, высшаго служенія Церкви дѣвство безспорно является предпочтительнымъ, превосходнѣйшимъ, какъ отвлекающее отъ обязательныхъ, становящихся обязательными «житейскихъ попеченій», которыми стѣснялась-бы свобода личнаго самоопредѣленія.

Зиждущееся на невѣдѣніи личное свое измышленіе г. Розановъ и протоіерей У—скій приписываютъ, хотя и не въ равной степени, Церкви—и ставятъ въ вину ей. Г. Розановъ, какъ болѣе свободный, свободный даже и въ изложеніи библейскихъ фактовъ, прямо говоритъ, что Церковь раздвоилась. Протоіерей У—скій, какъ менѣе свободный, указуетъ на неправоту только въ сознаніи русскаго «церковнаго общества». Но онъ опредѣляетъ и путь, которымъ исподволь проникла въ сознаніе эта неправота. Односторонній взглядъ греческаго міра, пораженнаго новизною идеи дѣвства (какъ будто не поражались ею также іерусалимскіе Евреи, Сирійцы, Африканцы, Римляне, Армяне и пр. и пр.), византизмъ, преобладаніе иноческихъ элементовъ въ выработкѣ богослуженія и во всемъ строѣ исповѣдующихъ Церковь пѣснопѣній, въ сложеніи догматики только монахами и т. д. Такимъ образомъ явствуетъ, что, и по его мнѣнію, неправота проникла въ «сознаніе церковнаго общества» изъ Церкви-же, въ силу неполноты и несовершенства ея развитія, въ силу какого-то наслоенія, якобы въ ней происшедшаго. Виноватою въ концѣ-концовъ оказывается опять та-же Церковь, которая, очевидно, развилась не такъ, какъ ей подобало-бы развиться, и включила въ себя элементы и представленія, которые ей не слѣдовало-бы включать. Надо было-бы написать много страницъ, чтобы

словляемъ первое—мы *любимъ и благословляемъ самого человѣка.* «Плодитесь и множитесь», будучи трансцендентно, имѣетъ и нравственное переложеніе: «возлюбленный мой! на тебѣ—благословеніе мое»! Но, значитъ, и обратно. ***В. Р—въ.***

[1]) Да «идеалъ религіозный» есть прежде всего нѣкоторый трансцендентный планъ. Элогимъ—*Творецъ* міра, а не одинъ нравственный его *учитель*; и даже «нравственное ученіе» заимствуетъ авторитетъ свой отъ того, *кто* учащій. ***В. Р—въ.***

выставить полную несостоятельность всѣхъ этихъ доводовъ отца протоіерея.

На одномъ изъ такихъ доводовъ не можемъ, однако, не остановиться, преимущественно для того, чтобы показать, до чего, т.-е. до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ неразумія, можетъ довести надменно-критическое отношеніе къ Церкви. Апоѳеозомъ неправоты «религіознаго сознанія Грековъ», апогеемъ ложнаго строительства «жестокосердыхъ поклонниковъ дѣвства» выставляетъ протоіерей У—скій то обстоятельство, что Церковь усердно чтитъ преподобную Марію Египетскую и не вѣдаетъ даже по именамъ тѣхъ двухъ святыхъ замужнихъ женщинъ, относительно которыхъ свидѣтельствуетъ Макарій Египетскій. «Память преподобной Маріи Египетской положено ежегодно праздновать 1-го апрѣля. Кромѣ сего, воспоминанію ея посвящается пятое воскресеніе Великаго поста. Сверхъ того, въ честь ея поются *запѣвы и читаются тропари* (?) въ великомъ покаянномъ канонѣ Андрея Критскаго въ первые четыре дня первой недѣли и въ четвертокъ пятой недѣли Великаго поста, причемъ въ послѣдній изъ названныхъ дней положено читать и житіе ея». Странно слышать все это изъ устъ человѣка, которому православное богослуженіе по содержанію своему обязательно должно быть знакомымъ. Вѣдь, чествуется во всѣхъ указанныхъ случаяхъ не безбрачіе и не дѣвство преподобной, а только великій подвигъ ея покаянія или, точнѣе, пучина великаго милосердія Божія, воздвигшая равноапостольную изъ блудницы. Постъ, какъ «покаянія время», неразрывно связанъ съ поминовеніемъ образцовъ и подвижниковъ покаянія. Наряду съ блуднымъ сыномъ, мытаремъ, разбойникомъ [1]), воспоминается и возвеличенная покаяніемъ блудница. Главный элементъ великопостнаго богослуженія и составляетъ именно повѣсть покаянія человѣческаго и всепрощающаго милосердія Божія. Какое-же отношеніе имѣетъ все это къ дѣвству и безбрачію? Если нѣтъ въ сонмѣ исчисляемыхъ святыхъ тѣхъ двухъ замужнихъ женщинъ, о которыхъ говоритъ Макарій Египетскій, то изъ этого тоже принципіально ничего не вытекаетъ. Добродѣтели ихъ, ярко сіявшія въ нѣдрахъ семьи, могли пребывать незримыми для Церкви, которой и сами имена ихъ остались невѣдомы. Но развѣ Церковь не видитъ одинаково въ ликѣ святыхъ, какъ безбрачныхъ, такъ и пребывавшихъ въ бракѣ? Каждою литургіею, обильно приносящей

---

[2]) Дѣйствительно, нельзя не поразиться отсутствіемъ въ христіанствѣ *эпически-спокойныхъ* теченій... Оно—все въ лирикѣ, порывѣ, восторгѣ, т. е. его-то *суть*, его *сердце*. Покаявшіяся блудницы, покаявшіеся мытари, покаявшіеся разбойники—и составляютъ «хоры» «Распятаго за насъ», «лики» поющіе Ему «неисповѣдимую пѣснь». Все созданіе—осуждено, и вырвавшіеся изъ круга созданія («творенія». «рожденія»)—и образуютъ кругъ «новаго спасенія». Лаванъ и его стада стали не воскресимы; и вообще—поля и нивы, и бытъ, и поселяне и поселянки. Пещера (уединеніе) и гробъ стали краеугольными камнями цивилизаціи. *В. Р—въ.*

данъ поклоненія Пресвятой Дѣвѣ, чествуется и память брачной четы, виновниковъ ея существованія. Въ один и тотъ-же день съ полною одинаковостью чтитъ Церковь и великаго дѣвственника Павла, и столь-же великаго Петра, водившаго за собою жену свою. Въ одинъ и тотъ-же день 17-го сентября празднуетъ Церковь и память трехъ дѣвъ-мученицъ—Вѣры, Надежды и Любви, и память замужней женщины—матери ихъ, самое имя которой—Премудрость[1]). Съ какимъ благоговѣйнымъ стараніемъ описываетъ дѣвственникъ Григорій Богословъ великія добродѣтели отца своего и матери. Пребывавшихъ въ бракѣ святыхъ, признанныхъ Церковью, вовсе не мало. Если-же число монашествующихъ святыхъ и окажется большимъ, то это объясняется очень просто. Церковь никогда не почитала себя ни обязанною, ни даже способною исчислить легіоны святыхъ Божіихъ. Она отличала только тѣхъ, которые прославлялись, отличались въ ней своей жизнью, стойкостью исповѣданія или мученическимъ вѣнцомъ, словомъ такъ или иначе не укрывались отъ земныхъ очей ея [2]). Наименѣе укрываться, какъ свѣтельники, стоящіе на горѣ, могли, конечно, подвизавшіеся на высшемъ служеніи Церкви, предавшіеся служенію Церкви всецѣло, т.-е. въ полной отрѣшенности отъ всѣхъ попеченій житейскихъ, а таковыми являлись именно дѣвственники или безбрачные.

Послѣдствіемъ наслоенія и неправоты церковной почитаетъ протоіерей У—скій и то обстоятельство, что нѣтъ спеціальной этики для мірянъ. «Ни греческій, ни русскій православный міръ не дали ни одного спеціальнаго руководства ко спасенію въ семейной, супружеской жизни, такъ что и нынѣ, какъ и полторы тысячи лѣтъ тому назадъ, если православный мірянинъ задумается о спасеніи, то ему придется самолично прорубать дорогу къ спасенію, пользуясь для сего лишь отрывочными элементами изъ указаній, заключенныхъ въ аскетическихъ писаніяхъ, спеціально приноровленныхъ къ жизни дѣвственниковъ». Въ этихъ словахъ заключается опять весьма грубое заблужденіе. Спеціальной этики для мірянъ нѣтъ и не можетъ быть [3]), такъ нѣтъ и не можетъ быть спеціальной этики

---

[1]) Все — это добро и благо въ строеніяхъ церковныхъ. Осанна этому! *В. Р—въ.*

[2]) Все это правильно и мудро говоритъ Аксаковъ. Но какъ горитъ сердце, дабы «ни іудей, ни эллинъ не были отвергнуты во Іисусѣ Христѣ»; услыхать возлюбленные имена Исаака, Авраама, Ревекки, Ліи, Рахили, Валлы. Зелфы, а также и многія эллинскія, въ кругу нашихъ семей, какъ *живыя и дышущія бытіемъ*, имена. Вообще «нужно утереть всякую скорбь», и эллинскую, и іудейскую—къ этому зоветъ *Апокалипсисъ! В. Р—въ.*

[3]) Да вотъ первая *особенная проблема* мірскаго житія: въ какія времена и съ какимъ духомъ можно приближаться брачному къ женѣ своей? Едва я задаю себѣ этотъ вопросъ, какъ отвѣчаю: не въ опьяненіи, не въ объяденіи, также— не въ усталости, не въ раздраженіи и лукавствѣ. Нуженъ трансцендентный кругъ высокихъ настроеній, куда-бы капала живая капля. Разъ, еще гимнази-

для монаховъ, ибо есть одинъ только указуемый Христомъ нравственный идеалъ и одно общее для всѣхъ нравственное совершенство, къ коему одинаково всѣмъ подобаетъ стремиться. «Будьте совершенны, какъ Отецъ Мой совершенъ». Аскетика—не этика, не нравственность, а только сводъ облегчающихъ нравственную задачу условій, своего рода *техника нравственности* и притомъ техника непремѣнно односторонняя, такъ какъ она примѣнима только подъ условіемъ отрѣшенія отъ многообразія требованій мірской жизни; для жизни-же въ условіяхъ мірскаго многообразія нѣтъ и не можетъ быть однообразной техники при полномъ тожествѣ нравственной задачи и нравственнаго подвига. Путь ко спасенію одинъ, и не можетъ быть разныхъ путей, но можно различнымъ образомъ совершать этотъ путь. Предположимъ, что цѣлью пути, видомъ нравственнаго, жизненнаго подвига является достиженіе какой-либо горной вершины. Одинъ направляется въ этотъ путь въ экипажѣ. Другой хочетъ слѣдовать его примѣру, но ему говорятъ: «экипажъ обременитъ васъ; верхомъ вы вѣрнѣе и легче достигнете цѣли; отрѣшитесь отъ экипажа». И внимая благоразумному совѣту, этотъ другой верхомъ начинаетъ пробираться на горную кручу. «Нѣтъ, говорятъ третьему, лошадь можетъ сорваться и увлечь васъ съ собою въ пропасть; верхомъ вамъ трудно будетъ приноровляться къ изгибамъ и неровностямъ горной тропы. Бросьте лошадь и идите пѣшкомъ, не обременяйте себя никакой тяжестью, никакой ношей, такъ всего вѣрнѣе взберетесь вы на вершину». И вотъ, всѣ трое направились въ путь. Конечно, можетъ случиться, что поскользнется и пѣшеходъ, или ослабнетъ и остановится на половинѣ дороги, или даже вернется назадъ и останется, какъ и былъ, подъ горою. То-же можетъ случиться и съ ѣдущимъ въ экипажѣ и съ ѣдущимъ верхомъ. Кто изъ нихъ достигнетъ вершины или поднимется выше, рѣшить и предсказать невозможно, ибо исходъ странствія зависитъ не только отъ условій, которыми они странствіе свое заранѣе обставятъ, но еще болѣе и отъ личнаго ихъ напряженія и стойкости. Но предположимъ, что всѣ трое взобрались на вершину или достигли одинаковой высоты. Кто изъ нихъ совершеннѣе? Кто имѣетъ большую заслугу? Разумѣется, никто, ибо всѣ трое совершили одинаковый подвигъ, достигли той-же высоты, хотя и при различіи заранѣе избранныхъ условій и обстановки.

стомъ, я вышелъ съ ружьемъ за куликами: на вспаханномъ полѣ стоялъ крестьянинъ, на шеѣ у него, перекинутою веревкою, держалось лукошко (съ зернами); онъ благословился на Востокъ, гдѣ была заря -и сталъ затѣмъ широкимъ размахомъ разбрасывать рожь. Въ первый разъ видѣнное мною зрѣлище меня поразило красотою и благостностью. Но сколь выше человѣческое сѣмя —ржанаго, и ребенокъ—колоса?! Какъ-же мы ихъ сажаемъ? Послѣ оперетки, въ пьянствѣ и ѣдѣ—не рѣдко, и всегда—безъ молитвы. Да и *какой* молитвы, *гдѣ* ее взять? Вопросъ от. А. У-*скаго* слишкомъ серьезенъ. *В. Р—въ.*

Соблюденіе той или иной обстановки для совершенія по существу вполнѣ независимаго отъ нихъ нравственнаго подвига само по себѣ не составляетъ еще ни заслуги, ни добродѣтели. Изнуреніе плоти, отрѣшеніе отъ собственной воли, послушаніе, нестяжаніе, безбрачіе, или дѣвство и всѣ остальные аскетическіе пріемы, составляютъ только обстановку, совокупность условій, обезпечивающихъ свободу совершенія подвига любви, но не самый еще подвигъ, не проявленіе «вѣры, дѣйствующей любовью», но только подспорье къ ея проявленію. И если я твердо исполняю всѣ условія означенной выше обстановки нравственнаго подвига, неуклонно соблюдая вѣрность означеннымъ выше подспорьямъ, но не совершаю самого нравственнаго подвига, для котораго все это является только обстановкою и подспорьемъ, т. е. *любви не имѣю*, любовью не дѣйствую къ проявленію моей вѣры, то «я есмь», по слову апостола, только «мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій», т. е. нравственное ничто. Точно также и пребывая въ бракѣ, но не совершая именно при помощи брака того-же подвига любви въ широкомъ значеніи слова, не пользуясь нравственными элементами брака для осуществленія нравственной задачи, я пребываю тѣмъ кимваломъ бряцающимъ и тою-же мѣдью звенящей, т. е. такимъ-же точно нравственнымъ ничтожествомъ.

«Свято дѣвство, честенъ бракъ и ложе не скверно» [1]). Таково истинное исповѣданіе Церкви. Въ этомъ отношеніи тщетно измышлять какія-бы то ни было противорѣчія, въ дѣйствительности не существующія; ибо бракъ и дѣвство честны и святы не сами по себѣ, а какъ средство для достиженія тѣхъ-же нравственныхъ цѣлей. Избирающій дѣвство—не для себя избираетъ, но для Церкви, ради свободнаго и безпреграднаго служенія ей. И вступающій въ бракъ—не для себя только вступаетъ въ бракъ, но для Церкви, для служенія ей. Какъ и какимъ образомъ? Да очень ясно—какимъ. Прежде всего бракъ есть союзъ взаимоосвященія, ибо если мужъ невѣрующій освящается женою вѣрующею и наоборотъ, то и дѣйствующая любовью вѣра каждаго изъ супруговъ крѣпится, освящается и растетъ во взаимодѣйствіи, взаимосовершенствованіи брачнаго союза.

А плодомъ, послѣдствіемъ брачнаго союза является еще возникновеніе одной или нѣсколькихъ новыхъ душъ, которыя изъ семьи и духомъ семьи должны освящены быть для Церкви и которымъ Церковь, вся Церковь черезъ крещеніе, даруетъ свою благодать. Но плодоносенъ-ли или безплоденъ бракъ христіанскій, все-же соединяются имъ двое или трое во имя Христа, а Христосъ посреди

---

[1]) Тутъ plusquamperfectum вѣры авторъ смѣшиваетъ съ imperfectum и praesens. Если бы *такъ* и сейчасъ было, зачѣмъ-бы съ молодости овдовѣвшимъ священникамъ, разъ ихъ дѣятельности не мѣшаетъ *вообще семья*, не допустить избрать вторую жену? *В. Р—въ.*

нихъ. А гдѣ Христосъ, тамъ и Церковь. Оттого-то семья и является первою ячейкою Церкви, «домашнею Церковью», говоря языкомъ Новаго Завѣта, т. е. такимъ церковнымъ союзомъ, ближайшею областью котораго является «домъ» (familia), какъ то или другое территоріальное дѣленіе является областью мѣстной Церкви»[1]).

Свято дѣвство, святъ и бракъ. Брачная повинность, о которой мечтаетъ г. Розановъ, обязательность брака[2]) въ лонѣ Церкви, являлась бы такимъ-же точно абсурдомъ, какъ и обязательность дѣвства. Церковь не налагаетъ обязательныхъ формъ.

Вотъ все, что почли мы долгомъ сказать по поводу праздно-фельетонныхъ разсужденій о бракѣ и дѣвствѣ. Подкрѣпить все сказанное нами оправдательными документами, цитатами, которыхъ такъ боится и къ которымъ проявляетъ такую вражду В. В. Розановъ, мы еще успѣемъ. Книги мы, пожалуй, будемъ брать и съ полокъ библіотеки, которыя осуждаетъ г. Розановъ. какъ осуждалъ и Омаръ, но книги эти будутъ святоотеческія, и взглядъ, ими проводимый—взглядомъ Церкви, а не библіотеки. Впрочемъ, если неприличная оргія «на мѣстѣ святѣ» прекратится, то лучше и пристойнѣе намъ будетъ и не возвращаться къ нимъ и не напоминать о нихъ, предоставляя имъ beneficium perpetui silentii.

Н. Аксаковъ.

---

[1]) О, если бы такъ, какъ было-бы благостно. Еслибы не было *особеннаго въ сторонѣ отъ семьи* идеала дѣвства, другого «стана воиновъ», иной «палатки», и «знамени», и «предводителя»! Тогда было-бы: «совершенно не разсуждаю о томъ, дѣвственны вы или брачны, и въ который разъ брачны: ваше это вполнѣ дѣло; а только вкупѣ, всѣ, двинемся противъ лукавства, гнѣвливости, фарисейства, холодности сердечной»! —но этого нѣтъ. И аскеты Испаніи—зажгли костры для міранъ: гдѣ-же тутъ Аксаковское: «все есть средство, а цѣль—любовь». Нѣтъ, дѣвство стало цѣлью, а любовь – такъ себѣ, «имя прилагательное», Аксаковъ—иллюзіонистъ *В. Р—въ.*

[2]) Никогда о ней не мечталъ: но къ таинству *поманить* слѣдовало-бы. «Покайтесь»! Это не значитъ, что вы *должны* каяться. Равно о бракѣ возможно было-бы мечтально -нѣжно проговорить: «голубицы возлюбленныя, для чего я вижу васъ въ одиночествѣ? Отроки чистые—почему вы не ищите отроковицъ себѣ». Введите-ко это въ музыкальную и пѣвческую поэзію нашихъ ритуаловъ. Конечно, церковно сказанный, глаголъ этотъ изъялъ-бы отъ безпечности отцовъ и матерей о судьбѣ дѣтей, да и самихъ дѣтей—властительно, авторитетно соединилъ-бы. Теперь-же все дѣлается крадучись, по тихоньку, и отъ этого момента не признанія, стыда, грѣха переходитъ въ испугъ и позоръ «шашней» и «не законнаго рожденія» вплоть до дѣтоубійства! Ужасно. *В. Р—въ.*

Въ мірѣ неяснаго и не рѣшеннаго.

(Мысли, навѣянныя «Безсмертными вопросами» *Гатчинскаго Отшельника*).

Хочется, въ многозначительной статьѣ, возразить или обсудить не только центральный пунктъ, но и подобрать «крохи» для критики...

* * *

«Маной и его жена», «Жертвоприношеніе Маноя и его жены»... Картина Рембрандта поразила его цѣлымъ: правдою и силою цѣлостной красоты, въ коей нами трактуемая тема не названа (съ чѣмъ я глубоко согласенъ—«нѣтъ имени», «нѣтъ образовъ» въ порядкѣ «сый»), но присутствуетъ, ничего не шокируетъ, не царапаетъ, не противорѣчитъ изумительной и *религіозной* красотѣ цѣлаго, какъ съ нимъ сливающаяся гармоническая часть. *Гатчинскаго Отшельника* не поразило, однако, другое: оглянулся-бы онъ въ «Gemäldgalerie» и припомнилъ странный вѣкъ,—эпоху, которая въ исторіи Европейской цивилизаціи и особенно литературы получила спеціальное общеизвѣстное названіе, которое мы переведемъ: «выродокъ» (т. е. *въ отношеніи къ* Европейской цивилизаціи), «уродецъ», «ни въ мать, ни въ отца»... Чтеніе его прекрасной и *серьезно* настроенной страницы вдругъ пробудило во мнѣ *снопы лучей* во взглядѣ именно на эту эпоху, коей до сихъ поръ придавалось огромное эстетическое значеніе, но отрицалось въ ней всякое религіозное значеніе. «Тамъ трактуется ваша тема», заключаетъ онъ; и вотъ, субъективно ощущая страшную сосредоточенность, религіозную сосредоточенность въ темѣ, мнѣ вдругъ пришло на умъ, что умершая и не воскресимая эпоха имѣла болѣе, нежели эстетическое: она имѣла—религіозное значеніе, быть можетъ и даже навѣрное внѣ индивидуальныхъ преднамѣреній отдѣльныхъ художниковъ. Что-

бы провѣрить себя, я прошелся, *только* прошелся, по заламъ Эрмитажа: да вѣдь это—настоящая религія семьи, упованіе семьи, наше мучительное «буди! буди!» прошедшее не какъ доктрина, но положительно какъ рядъ небесныхъ видѣній передъ очами художниковъ, которыхъ почему-бы и не наименовать «пророками кисти». Вѣдь это—видѣнія, лишь пока [1]) не канонизированныя! И какая мощь! Я хочу сказать: отъ *правды видѣннаго* какой изливался свѣтъ! Какъ вздымалась грудь художниковъ! И изобрѣтало воображеніе, и находила краски кисть! Епископъ Порфирій Успенскій восхищался на Аѳонѣ образомъ Богородицы, питающей Младенца Своего *«сосцомъ обнаженнымъ»* (его курсивъ). И онъ, аскетъ, пожелалъ: «вотъ-бы куда, въ семью и быть, устремиться церковной живописи». Но въ Эрмитажѣ его мечта, его въ своемъ родѣ небесное предвидѣніе—осуществлено: здѣсь тысячи «сосцовъ питающихъ», и все тотъ-же Младенецъ въ лучахъ, и что за благородство рисунка, гонящее вонъ, далѣе вонъ всякую попытку приниженія, какъ и всякое поползновеніе легкомысленной улыбки. Вотъ то «углубленно философическое» трактованіе темы, котораго г. *Гатчинскій Отшельникъ* испугался, и, между тѣмъ, самъ восхищался, можетъ быть, даже плакалъ передъ послѣдствіями этихъ углубленій въ Дрезденѣ. О, какъ скудны наши глаголы для выраженія мысли и, можетъ быть, отъ сердечнаго невниманія; какое непониманіе другъ друга. «Пролейте сюда религію», «доведите до высшаго изящества, и именно религіознаго изящества, теченіе семьи», «ея будни, и среды и пятки, а не одни праздники!» «Какъ-нибудь—но дайте сюда Бога», какъ «дайте»—я не умѣю сказать, но чтобы *я видѣлъ Его; и чтобы заплакалъ, и умилился»*,—ну, какъ вы Его увидѣли въ очеркѣ движеній Маноя, въ «низко, низко опущенной головѣ его жены», съ вопросомъ: «въ глазахъ-то у нея что?» Оставимъ однако плакать о неумѣніи, будемъ лучше медленно выучиваться говорить; будемъ терпѣливы, будемъ неистощимы въ терпѣніи научаться, ибо жатва стоитъ труда. Какъ кратокъ текстъ для Рембрандта: «Въ то время былъ человѣкъ изъ Цары, отъ племени Данова, именемъ Маной: жена его была неплодна и не рождала». Стереотипъ Библіи — до того часто тамъ повторяется эта фраза: кого-же изъ *насъ*, въ XIX-мъ вѣкѣ и XX-мъ вѣкѣ, не говоримъ «поразитъ», но хоть *остановитъ* эта фраза! Тѣмъ паче— взять кисть, да и рисовать три-четыре мѣсяца какого-то «имя рекъ» «Маноя». Очевидно, Рамбрандтъ, «съ женою Саскіей на колѣняхъ», въ «истинномъ союзѣ душъ и тѣлъ» самъ былъ уже не-

---

[1]) Особенно— Святая ночь» Корреджіо, и Madonna San-Albani»—Рафаэля, да и рѣшательно *бездна* картинъ, варіантовъ все той-же темы: «сосцовъ питающихъ» и «чрева носящаго». Моральный недостатокъ есть однако: нѣтъ *старикъ* Елизаветы Евангельской, посѣщенной Маріею, и Сарры Ветхозавѣтной, смѣющейся Богу при обѣщаніи Сына: безсмертные для кисти сюжеты.

множко «Маной», и въ одной, какъ и въ другой своей картинѣ, рисовалъ собственно *себя* и объектировалъ разные моменты и *настроенія* ему извѣстнаго «союза душъ и тѣлъ». Рембрандтъ—«Маной?» Вы постигаете, однако, почему Renaissance—«уродецъ»: онъ высунулъ голову изъ роднаго гнѣздышка въ существенно «новые міры», къ «еще небу» и «опять землѣ», при нѣсколько «свившемся» «прежнемъ небѣ». Вы постигаете, что художество Рембрандта имѣетъ очень серьезный религіозный смыслъ и можетъ прибавить новую страницу къ Апокалипсису, или истолковать которую-нибудь изъ нихъ, пока остающуюся «за семьею печатями». Но снопы свѣта рѣшительно засыпали меня въ Эрмитажѣ: введите въ его залы еврея, «праведнаго израильтянина» какъ Наѳанаилъ, и также, какъ его соименникъ, знавшаго свои тайны «подъ смоковницей». «Никто не увидитъ», думалъ бѣдный еврей, а Христосъ-то его и увидѣлъ! Дивная страница, прочтя которую какъ не воскликнуть противъ Штрауса, противъ Ренана, именно съ этимъ и грѣшнымъ, и праведнымъ Наѳанаиломъ: «Ты—Сынъ Божій! Ты—царь Израилевъ!» И каждый изъ насъ зналъ свою «смоковницу», и все человѣчество «таилось подъ смоковницею». И вотъ, я представляю, «Наѳанаилъ»—въ Эрмитажѣ; «братъ-Рембрандтъ» подводитъ его къ Маною: «это — братъ мой!» восклицаетъ Наѳанаилъ. Рембрандтъ ведетъ его дальше и показываетъ себя «съ женою Саскіей», какъ варіантъ «Маноя»-же. «Это—я подъ смоковницею», опять вскрикиваетъ Наѳанаилъ. Господи, да ужь не «свѣта»-ли «преставленіе», что «плоть отъ плоти» Іафета лобызается съ «костью отъ кости» Сима; что чудовищный синтезъ найденъ, на почвѣ коего такія не сродныя и казалось-бы вѣковѣчно враждующіе единицы какъ «Іуда, левъ сильный» (*Бытіе*—благословеніе Іакова сыновьямъ) и хрупкій «ἄριος» (=аріецъ) ложатся другъ около друга какъ волкъ и агнецъ. Я почему-же плачу надъ темой, «рискуя всѣмъ»—какъ не потому, что вижу въ ней всемірный синтезъ: ни другого глагола, ни иной квалификаціи не хочу. С. Ѳ. Шараповъ, въ примѣчаніе къ «Браку и Христіанству», накладывалъ «фиговые листья» или пожалуй одѣвалъ «кожаное препоясаніе» на строки мои: между тѣмъ опять въ Эрмитажѣ я видѣлъ серіи *красочныхъ* иллюстрацій именно къ смутившимъ его строкамъ. Что-же значитъ глаголъ: «Левъ ляжетъ подлѣ ягненка», и еще, въ самомъ концѣ Апокалипсиса: «ничего уже проклятаго не будетъ». Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите размѣры синтеза, его охватъ: Рембрандтъ—«Маной», съ коимъ лобызается «Наѳанаилъ»; но онъ же есть и эллинъ, положимъ въ этомъ Діѣ, увлекающемъ на волосистой спинѣ своей Европу (легенда, записанная у Геродота, сюжетъ коей есть въ Эрмитажѣ), и принимаетъ, въ XVII в., для продолженія работы, рѣзецъ отъ Праксителя. «Ничего отвергнутаго не будетъ». Эллинъ, голландецъ и іудей—это-ли не «соборъ»? Безъ отреченія каждый изъ нихъ, и всѣ лобызаются: это-ли не вселенскость? И мы,

поздніе потомки XIX-го вѣка, лобзая ихъ въ самомъ этомъ лобзаніи, и говоря: «правда»—при взглядѣ на Дія, «правда» — передъ скрижалями Іеговы, «правда»—передъ мастерской художника-нигилиста (каковыми казались для историковъ и особенно для богослововъ художники «Возрожденія»): неужели мы не можемъ заглянуть въ XX-ый вѣкъ съ нѣсколько болѣе утѣшеннымъ сердцемъ, чѣмъ какое несли въ XIX-мъ?

* * *

Но не будемъ синтезировать, а будемъ комментировать. «Грѣхъ первозданнаго человѣка; нужно бы авторитетное заключеніе по вопросу, въ чемъ онъ состоялъ, и, въ частности, состоялъ ли во впаденіи... въ нашу тему». Странный вопросъ, когда Библія передъ нами, и ея текстъ, *не поправимый* для комментаторовъ, разсказываетъ *исторію* грѣхопаденія:

Бытіе, гл. I: «Да произраститъ земля зелень, траву, *сѣющую сѣмя по роду и по подобію ея*, и дерево плодовитое, *приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ* [1]). И стало такъ (стихъ 11).

«И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по *роду* ихъ, и всякую птицу пернатую по *роду* ея: и увидѣлъ Богъ, что это хорошо.

«И благословилъ ихъ Богъ, говоря: плодитесь и размножайтесь»... (стихи 21—22).

«И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божію сотворилъ его [2]); мужчину и женщину сотворилъ ихъ.

---

[1]) Поразителенъ этотъ *планъ* и *мысль* и *центръ тяжести* сотворенія: живое взято не съ *лица* своего, не съ облика, но въ тайнѣ, глубинѣ; которую, проживя пять тысячъ лѣтъ, едва догадался взять Линней какъ главную мысль и расчлененіе «натуры». Сравни *Іова*, гл. 39: «Знаешь-ли ты», обращается Господь къ страдальцу, «время, когда рождаютъ дикія козы на скалахъ, и замѣчалъ-ли роды ланей? Можешь-ли расчислить мѣсяцы беременности ихъ? И знаешь-ли время родовъ ихъ? Онѣ изгибаются, рождая дѣтей своихъ, выбрасывая свои ноши; дѣти ихъ приходятъ въ силу, растутъ въ полѣ, уходятъ и не возвращаются къ нимъ (стихи 1—4).... Ты-ли далъ красивыя крылья павлину и перья и пухъ страусу? Онъ оставляетъ яйца свои на землѣ, и на пескѣ согрѣваетъ ихъ; и забываетъ, что нога можетъ раздавить ихъ, и полевой звѣрь можетъ растоптать ихъ. Онъ жестокъ къ дѣтямъ своимъ, какъ-бы не своимъ, и не опасается, что трудъ его будетъ напрасенъ; потому-что Богъ не далъ ему мудрости и не удѣлилъ ему смысла» (стихи 13—17). Въ обоихъ случаяхъ — слова Божіи, и планъ *главнаго* и *второстепеннаго*—тотъ-же, какъ въ *Бытіи*. И какая, именно отъ этого плана, глубина и простота (не «красивость» бѣдныхъ арійцевъ). Иногда представляется, что *Библія* есть универсальная педа-гогика (=«дѣто-вожденіе») и даже, пожалуй, универсально-«родильный» домъ: до того *все это* облито въ ней умиленіемъ, отъ «травки», отъ «павлина»—до человѣка, до Маріи.

[2]) Еврейскій текстъ имѣетъ любопытныя оттѣнки: «И сотворилъ Богъ человѣка *въ образѣ* своемъ, въ образѣ Божіемъ сотворилъ Онъ его; мужчиною и женщиною сотворилъ Онъ ихъ. И благословилъ, и сказалъ: плодитесь, множитесь» (гл. I, ст. 27—28). Параллельное мѣсто (по еврейски): «И Адамъ пожилъ сто тридцать лѣтъ, и *прижилъ по образу своему, по своему оттѣнку*, и нарекъ ему имя: Шеѳъ (=Сиѳъ); глава 5, ст. 3. Первая строка *Бытія*

«И благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ: плодитесь и размножайтесь (стихи 27 и 28).

Это—въ *первой* главѣ *Бытія*; дальше расчленяется и оподробливается картина сотворенія человѣка:

Глава II «И создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земного и вдунулъ въ лицо его дыханіе жизни, и сталъ человѣкъ душою живою.

«И насадилъ Господь Богъ рай въ Едемѣ на востокѣ: и помѣстилъ тамъ человѣка, котораго создалъ.

«И произрастилъ Господь Богъ изъ земли всякое дерево, пріятное на видъ и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познанія добра и зла (стихи 7—9).

«И взялъ Господь Богъ человѣка, и поселилъ его въ саду Едемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить его.

«И заповѣдалъ Господь Богъ человѣку, говоря: отъ всякаго дерева въ саду ты будешь ѣсть.

«А отъ древа познанія добра и зла — не ѣшь отъ него; ибо въ день, въ который ты вкусишь отъ него—смертію умрешь.

«И сказалъ Господь Богъ: не хорошо быть человѣку одному; сотворимъ ему помощника, соотвѣтственнаго ему (стихъ 15—18).

Далѣе будемъ приводить по еврейскому тексту, имѣющему не замѣтный, но важный варіантъ отъ русскаго:

«И навелъ Господь Богъ на человѣка усыпленіе, и уснулъ онъ: и, взявъ одну изъ его сторонъ, и сомкнувъ плотію мѣсто ея,

«Господь Богъ устроилъ сторону, которую вынулъ изъ человѣка, въ женщину, и привелъ ее къ человѣку.

«И человѣкъ сказалъ: «Вотъ эта—такъ кость изъ костей моихъ и плоть отъ плоти моей! Эту — пусть называютъ женою, потому что отъ мужа взята она!»

«Поэтому мужъ оставляетъ отца своего и мать свою и прилѣпляется къ женѣ своей, такъ что становятся однимъ существомъ.

«И оба они были наги, человѣкъ и жена его, и не стыдились (стихи 21—25).

Глава III. Змѣй-же былъ хитрѣе всѣхъ полевыхъ животныхъ... и сказалъ женѣ: «правда-ли...», «не умрете вы смертію...» и жена... ѣла... и дала мужу своему».

Итакъ, какъ видно изъ текста и его *послѣдовательности*, грѣхопаденіе (3-я глава) открывается послѣ, а заповѣдь размноженія, характерное ощущеніе Адамомъ въ Евѣ жены себѣ и, наконецъ, полная мысль брака (стихъ 25) не только *раньше, до паденія* даны человѣку, но и *внѣ предвидѣнія этого паденія*, совершившагося, какъ мы знаемъ и какъ учитъ Церковь, по *свободной волѣ человѣка.*

Но съ грѣхопаденіемъ, какъ ясно сказано въ Библіи, совершилась тотчасъ какая-то перемѣна въ полѣ: «И взяла она — и ѣла; и дала мужу (NB: онъ уже не названъ просто: «человѣкомъ»,

---

(ст. 1): «Въ началѣ сотворилъ (=бара-) Богъ» (=Елогимъ): «сотворилъ» единственное число глагола, указующее нерасчлененность или слитность творческаго акта; но «Елогимъ»—*не единственное число* (ед. чис.—«Елоахъ») и указуетъ раздвоеніе, расторженіе единства въ *творящемъ* или «творящихъ». Комментаріи, какіе дѣлаются къ этому, не имѣютъ другого, кромѣ словеснаго, значенія, и никакихъ опоръ для себя *въ самомъ текстѣ* не имѣютъ-же.

«Адамомъ», но «мужемъ»—очевидно по существу ранѣе происшедшаго соединенія ихъ «въ мужа и жену») своему—и онъ также ѣлъ. И открылись глаза у нихъ обоихъ, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сдѣлали себѣ опоясанія» (гл. 3, ст. 6—7). Наблюдая дѣтей, безгрѣшныхъ до 6—7 лѣтъ, мы наблюдаемъ въ нихъ эту же поразительную перемѣну въ полѣ: начало и пробужденіе полового чувства и вмѣстѣ стыда къ наготѣ своей на раздѣлительной линіи между грѣхомъ и не грѣхомъ! Что́ это значитъ?! какъ это постигнуть?! Но, очевидно, исторія грѣхопаденія и его *сущность* повторяется въ каждомъ ребенкѣ; и мы, каждый изъ насъ, *лично повторяемъ* ее въ себѣ; и въ законѣ-то этой повторяемости, т. е. что не рождается отъ насъ человѣкъ, который могъ-бы имѣть силу уклониться отъ этого различенія «добраго» и «лукаваго» *именно въ полѣ*, и состоитъ *наслѣдственность* грѣха. «Стыдъ своего пола» есть какой-то *надломъ* въ немъ, переломъ въ нашемъ къ нему отношеніи; что-то *затѣнилось* въ его истинѣ, что-то *показалось*, померещилось въ немъ, какъ фантомъ. Можетъ быть—мы удалились, отдѣлились отъ него, и стали вмѣстѣ жадны, сладострастны къ нему. Кажется—вотъ наилучшее названіе для *перелома* въ полѣ: если бы опять *кротость* сюда? чистоту? *дѣтскость?* Мы пытаемся уловить, и, можетъ быть, ошибаемся: но великіе *вѣдатели* пола, какъ Авраамъ, какъ Іаковъ, въ душу коихъ былъ вставленъ какъ бы микроскопъ для различенія «добраго» отъ «лукаваго» въ супружествѣ и семьѣ, *тщательно себѣ избирали женъ*, и вообще законъ ихъ поло-сочетанія былъ полярно-противоположенъ тому, какимъ, ощупью и кажется ошибаясь, руководствуемся мы. Дѣйствительно, въ Библіи, гдѣ вѣчно рождаютъ—рождаютъ *кротко*, въ фиміамѣ «благословеній» и какой-то компактной цѣлаго народа радости: пророки—пророчествуютъ о рожденіяхъ и почти надъ роженицами, иногда даже надъ поло-сочетаніемъ и о поло-сочетаніяхъ (Іезекіилъ, да и всѣ рѣшительно), лѣтописцы о нихъ записываютъ, законодатель—законодательствуетъ («Второзаконіе»); какъ бы въ самомъ дѣлѣ это есть священный родильный домъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ, по точному обѣтованію Евѣ—черезъ «младенцевъ рождающихся стиралась глава змія». Кротость; фиміамъ благословеній; компактная радость; но и вотъ еще для насъ *новая черта*: «сестра моя, голубица моя» (*Пѣснь пѣсней*)—какое-то сестринское ощущеніе супруги, и, обратно, братское—мужа. Они знали тайну этого уклоненія отъ «лукаваго» въ бракѣ: отъ разврата и чувства жестокаго и дикаго въ немъ, которое очень возможно; они пролили *родство* въ него, и самый бракъ возникалъ у нихъ какъ *варіантъ* и *филіальное отдѣленіе*, какъ вновь поднимающійся цвѣтокъ, на *почвѣ стараго, уже существующаго и окрѣплаго родства* (до сихъ поръ у евреевъ отвращеніе отъ брака съ гоями; древнѣйшій законъ левирата; и, можетъ быть въ этихъ цѣ-

ляхъ—точнѣйшая запись генеалогій). Бракъ не создавалъ новаго чувства, («не открывались очи»), но продолжалъ старое (чувство родства) и былъ какъ бы только укрѣпленіемъ его, освѣженіемъ его, не выходилъ изъ дома или не отходилъ отъ него очень далеко. Во всякомъ случаѣ дѣтская и предшествующая связанность, какъ хорошо вывѣренная и внимательно предохраненная почва—была избираема фундаментомъ, на которомъ наилучшимъ образомъ могла бы течь не загрязненная рѣка возникающей будущей семьи. «Сестра моя! голубица моя»!—какъ это кротко; до чего здѣсь исключено безстыдство; какъ далеко даже и подозрѣніе разврата: *объ этомъ*, *о такомъ чувствѣ*, поло-*родномъ*—можно было религіозно запѣть «Пѣснь пѣсней» или, пожалуй, нарисовать «Маноя и его жену», разсказать въ лѣтописяхъ объ Авраамѣ и Сарѣ. Безспорно, въ общемъ, что евреи и до сихъ поръ еще хранятъ тайну нѣкотораго приблизительнаго *дѣтства* и *невинности* въ супружествѣ, тайну непорочнаго супружества, такъ глубоко противоположную нашимъ «тайнамъ»!.. Оставимъ это. Дѣти не имѣютъ «открывшихся очей» на полъ; ихъ не имѣютъ въ отношеніи къ полу животныя; я *никогда не видалъ* (внимательно присматриваясь), чтобы животное повредило ребенку, хотя кошекъ какъ и собакъ дѣти порой ужасно мучатъ. «Лань лежитъ около льва и левъ ее не кусаетъ». Египтяне чуть-ли и не поклонились въ животныхъ этой ихъ «дѣтскости» и еще «не раскрывшимся очамъ»: эдему ихъ «живота» или, пожалуй, еще не сбѣжавшему съ нихъ отсвѣту когда-то одного и общаго у человѣка съ животными Эдема. Теперь переходимъ къ человѣку и занимающей насъ темѣ: «великая тайна брака» и лежитъ въ томъ, что «надломъ» пола, совершившійся въ секунду грѣхопаденія, и въ чемъ бы сущность этого надлома ни состояла, *въ бракѣ исправляется*: «мужчиною и женщиною (не политиками, не космополитами, не «общечеловѣками») сотворилъ ихъ Богъ»—это именно берется въ бракъ; но и кромѣ того: въ направленіи именно къ мужу у жены и у мужа къ женѣ «одежда изъ листьевъ» спадаетъ: *но стыда не появляется!* Главный симптомъ паденія (въ Библіи—единственный!)—исчезъ! Это такъ безспорно: читайте Библію, всматривайтесь въ супружество, читайте и взглядывайте, провѣряя по супружеству, текстъ: и вы догадаетесь о главной тайнѣ супружества—что она есть возстаніе человѣка изъ грѣхопаденія! Но я хочу взять текстъ:

«Змій сказалъ женѣ: «Не умрете вы смертію, но вѣдаетъ Богъ, что въ то время, какъ станете вы кушать отъ него, откроются глаза ваши и вы станете похожими на Бога, знающими хорошее и дурное».

«И жена увидѣла, что дерево удобно для снѣди, какъ оно было прелестно и для глазъ, — а дерево было вожделѣнно для созерцанія, — и взяла она отъ плода его, и ѣла, а также дала и мужу своему, послѣ себя, и покушалъ онъ.

«И открылись очи ихъ обоихъ, и они узнали, что *наги*. И сшили они листья *смоковницы, и сдѣлали себѣ поясы*.

«И услышали они голосъ Господа Бога, раздавшійся въ саду, къ исходу дня; и человѣкъ, съ женою своею, *спрятался* отъ Господа Бога посреди деревьевъ сада.

«И Господь позвалъ человѣка, сказавъ ему: «Гдѣ ты»?

«И онъ сказалъ: «Я услышалъ Твой голосъ въ саду, и *убоялся, что нагъ я, и спрятался*».

«И сказалъ Онъ: *«Кто жъ сказалъ тебѣ, что ты нагъ? Развѣ ты ѣлъ отъ того дерева, отъ котораго Я повелѣлъ не ѣсть тебѣ?»*

«И человѣкъ сказалъ: «жена, которую ты далъ мнѣ..» и проч. *(глава 3, ст. 4—12;* еврейск. текстъ).

И такъ—*стыдъ* и *грѣхъ*—идентичны; первый есть кожура второго, «стыдливый» румянецъ на «яблокѣ» грѣха. Вотъ почему радость семьи! вотъ откуда *неутомляемость* отъ нея; предпочтеніе *своей* старухи—всѣмъ инороднымъ; то, что черезъ нее и именно черезъ утрату передъ нею стыда, важнѣйшею и тайною стороною своего бытія я снова отпадаю отъ «грѣха», и не поразительно-ли: одновременно и отпадаю отъ смерти, проклятіе коей такъ таинственно связано съ грѣхомъ: я *рождаю.* Вотъ откуда, а вовсе не въ видѣ моральной сентенціи, глаголъ Апостола: «чадородіемъ жена (и мужъ) спасается». И это вовсе не отъ одного „труда болѣзни“ (слова комментируемой статьи), ибо трудятся и бурлаки на баржѣ, а болѣютъ въ больницахъ—но эта болѣзнь и трудъ не спасительны! Въ чадородіи я ускользаю отъ «Змія»—*въ жизнь*; я сокрушаю его соблазнъ и плодъ соблазна: *стыдъ.* Отсюда—*правда* между не стыдящимися супругами, и первый канонъ брака: не лги (полная *раскрытость* души, отсутствіе «смоковыхъ листьевъ» *для всяческаго недостатка своего*—передъ женою и въ отношеніи только къ ней, равно и обратно, у жены къ мужу). Здѣсь, въ тайнѣ разрѣшенія, по крайней мѣрѣ между двумя человѣками и по линіи ихъ связанности, «грѣха перворозданнаго человѣка»—и лежитъ трансцендентное основаніе супружества; основаніе—*свѣта* семьи; и, пожалуй, того, что еще въ раю, т. е. когда грѣхопаденія не было и слѣдовательно не было жажды разрѣшить узы грѣха, не было и «спасительнаго чадородія».

«И Господь Богъ сказалъ Змію: «Такъ какъ ты сдѣлалъ это, то проклятъ ты... И положу я вражду между тобою и женщиною, между дѣтенышемъ твоимъ и дитятею ея: оно (=дитя) уязвитъ тебѣ голову [1]), а ты уязвишь ему пяту» (Гл. 3. ст. 15).

Гл. 4. ст. 1. И человѣкъ позналъ Еву, жену свою, и она, зачавши, родила Каина; ибо сказала—«пріобрѣла я мужа отъ Господа».

---

[1]) Въ Апокалипсисѣ «змій древній», «драконъ»—снова появляется, и съ какою отмѣтиною: «рана, которая была на его главѣ—какъ бы исцѣлѣла»; т. е. къ концу временъ и времени и полъ-времени» жена *перестанетъ рождать* и черезъ это «умножится беззаконіе въ мірѣ», а «Змій» почувствуетъ бодрость. До смѣшного не понятъ коментаторами «союзъ жены (т. е. Апокалипсической, рождающей) со Зміемъ» (=Вавилонская блудница), который (союзъ) и переводится просто «безплодность женщины»: а «чаша въ рукѣ ея» — съ мерзостями суть омерзительные грѣхи, развивающіеся на почвѣ удерживаемаго чадородія.

Такимъ образомъ въ послѣдовательности Библіи бракъ сейчасъ-же реализуется по грѣхопаденіи и изгнаніи изъ рая, какъ *начало искупительнаго устроенія* (черезъ «дѣтеныша жены, стирающаго главу Змію») *человѣка*. Но «Богъ сдѣлалъ человѣку кожаныя одежды», какъ и самъ онъ уже схватился за «смоковныя листья»; тутъ я вспоминаю Гатчинскаго Отшельника, его блужданія въ Дрезденѣ, свои блужданія въ Эрмитажѣ: вѣдь въ чемъ тайна живописи, религіозно заволновавшей насъ обоихъ, какъ не въ томъ, что тайнозрители кисти дали намъ какъ-то почувствовать вновь возможность святого обнаженія, и, до нѣкоторой степени, по частямъ, по «листочку»— они дали намъ вкусить отъ «древа жизни», о коемъ и въ *Бытіи* и въ *Апокалипсисѣ* сказано, что съ «вкушеніемъ отъ него» какъ-то связанъ возвратъ утраченнаго человѣкомъ невиннаго состоянія. Мы видимъ обнаженія и на современныхъ намъ выставкахъ: но они всѣ— безстыдны; тѣла возмутительно грѣшны (скорѣе — пакостны); это просто галлереи раздѣвшихся кухарокъ, которыя смѣются надъ «господами» своими и одновременно живописцами. Оставимъ это, будемъ слѣдить тайны; «Рембрандта съ женою Саскіей на колѣняхъ» я не видѣлъ и не знаю даже по «репродукціямъ», но въ Эрмитажѣ очень многія фигуры имѣютъ полногрудое обнаженіе— безъ упрека, безъ грѣха, безъ малѣйшей мысли соблазна, который-бы вы испытали или приписали художнику. *И очевидно художникъ доросъ до полной безгрѣшности взгляда на эти, имъ столь цѣломудренно нарисованныя, формы; такъ-что никакого испуга, ни гнѣва, ни вообще скорбнаго чувства вы не испытали-бы, если-бы и онъ, но именно только онъ, случайно увидѣлъ жену, сестру или дочь вашу въ такомъ-же видѣ, какъ можетъ быть нарисовалъ свою жену.* Вотъ—примиреніе! Вотъ—мистика Дрездена и Эрмитажа! «Левъ лежащій около лани и не съѣдающій ее!» То, въ чемъ мучительнѣе всего расходится человѣкъ съ человѣкомъ, гдѣ «мое» и «твое» такъ кроваво рѣзко раздѣлено: въ видѣніяхъ кисти вдругъ стало *общимъ*! Появился *святой взглядъ*! Святое *воззрѣніе*! Умерла «похоть», погибло сладострастье — и этому опять младенцу, каковымъ съумѣлъ стать (можетъ—на минуту) Рембрандтъ, этому еще не павшему Адаму, «возродившемуся отъ грѣха» Адаму... да почему передъ нимъ я не обнажу жену свою? Обнажу, какъ передъ «тѣльцемъ, орломъ и львомъ», какъ передъ ребенкомъ, какъ передъ собою, въ обсолютной утратѣ грѣха въ моемъ на нее воззрѣніи. Я не знаю, говорю-ли достаточно ясно; но наблюдая въ Эрмитажныхъ картинахъ точки и линіи, отъ которыхъ начиная идутъ Божіи «кожаныя одежды», я думалъ: вотъ проказа грѣха *до сюда* сбѣжала у художника, вотъ у того—*дальше*, вотъ у этого—*меньше*. И очевидно есть, существуетъ мистическій моментъ, когда изломъ первороднаго грѣха, указанный въ Библіи, вдругъ станетъ опять *живой* и *цѣлой святостью*. И указанная въ Апокалипсисѣ гармонія, «бѣлыя

одежды» и «вайи»—и заключаются въ томъ, что нѣкогда и все человѣчество станетъ Рембрандтомъ, безгрѣшнымъ Рембрандтомъ, въ воззрѣніи на полноту человѣческаго тѣла. Безспорно — *грѣхъ палъ въ тѣло*; оно—*умираетъ*; въ немъ—*стыдъ*. Вся наша путаница о «злой волѣ» и чепухѣ въ «волѣ», то «свободной», то «подверженной грѣху»—есть изобрѣтеніе очень новыхъ временъ и не опирается ни на какіе тексты собственно *Бытія*. Грѣхопаденіе, какъ и судьбы спасенія по точнѣйшимъ текстамъ святыхъ книгъ (а пожалуй, и по менѣе компетентному свидѣтельству галлерей картинныхъ)—заключены въ кругъ таинственныхъ то завѣсъ, то озареній — въ тѣлѣ. Въ Библіи—ни слова о «совѣсти» и «злой волѣ»; въ Апокалипсисѣ, въ видѣніи Небеснаго Іерусалима—опять тѣлесные образы, безъ всякаго вмѣшательства академическихъ нашихъ чаяній. Но все это, т.-е. кругъ паденія и исцѣленія—тянетъ къ браку: только *два* мы спасаемся, *я* и *жена*, и лишь въ любви и открытости другъ передъ другомъ; это — супружество. Но и ***моя*** и *ея* сторона, обращенная къ рынку, на улицу, внѣ дома—темна, въ грѣхѣ; «смертна». Тайна «древа жизни», тайна и *тенденція* видѣній Рембрандта и лежитъ въ постепенномъ раздвиженіи *свѣтлой* «домашней» стороны и на ту темную и смертную, которая пока въ каждомъ изъ насъ есть 9/10. О, если-бы всѣ мы стали одинъ для другого какъ для Рембрандта Саскія, для Маноя—его жена? Какъ это можетъ стать? Не знаемъ; но станетъ. Вотъ тогда-то любовью восполнится міръ; любовью и красотою. И не будетъ старыхъ, и не будетъ молодыхъ; но всѣ станутъ какъ дѣти о Господѣ. «Стара и некрасива жена Маноя, какъ впрочемъ всѣ лица у Рамбрандта; но на нее хочется еще посмотрѣть; хочется даже вернуться — и еще въ третій разъ взглянуть». Въ «жизни будущаго вѣка» будемъ по три раза вертаться и взглядывать въ очи старушекъ нашихъ, прислужницъ нашихъ; самыхъ некрасивыхъ—курносыхъ, оспенныхъ. Но непремѣнно *тѣлесно* будемъ взглядывать и на тѣло-же, въ этомъ обѣтованія—*Бытія*, *Іоанна*, *Рафаэлей* и *Корреджіо*.

«Тайна супружества»—велика... Вообще разрѣшеніе міровыхъ судебъ, «апокалипсическое», произойдетъ на этой почвѣ и въ области именно здѣсь трансформацій. Ни образа ихъ, ни смысла мы не можемъ угадывать; но почву кажется нащупываемъ...

*
* *

«Приведенъ въ дѣйствіе обрывокъ Истины, притомъ можетъ быть не главный», т. е. Евангельская полнота, Христова полнота не *использована* нами. Какъ Іисусъ сказалъ, глаголы Его суть «воды живыя», «піяй отъ которыхъ—не возжаждетъ». Поразительно, однако, что еще со временъ альбигойцевъ и даже рѣшительно сейчасъ-же послѣ Голгоѳы («мы—Павловы», «мы—Петровы») не просто «жажда», но палящій зной жажды мучитъ человѣка, казалось-бы испившаго

«живой воды». Очевидно, что «съ живою водою» попала въ вѣрующее нутро человѣка какая-то горькая трава, и попала сейчасъ-же послѣ Голгоѳы, и, какъ мы выразились («Бракъ и христіанство») *подъ впечатлѣніемъ* Голгоѳы. Самыя легкія побѣды суть филологическія; и иногда кажется, что адъ вымощенъ филологіей и разными фигурами неправильныхъ, но очень запутанно неправильныхъ силлогизмовъ. «Человѣкъ остался съ Узникомъ въ темницѣ»—вотъ суть использованія Евангелій и Христа человѣкомъ.—Іисусъ входитъ въ темницу, пусть первороднаго грѣха: «Я за тебя—здѣсь», «въ оковахъ», «біенъ и язвенъ»; ты-же, исцѣленный—«бѣги отсюда. бѣги отъ дьявола». Человѣкъ усаживается на скамейкѣ суда съ Іисусомъ: и вотъ сидятъ оба, сидятъ два тысячелѣтія рядомъ, «язвенный» Богъ и рыдающій со страхомъ человѣкъ, на Него воззрящій: «буди милостивъ мнѣ грѣшному». Ошибка, ошибка всего круга исцѣленія, порча механизма искупленія—очевидна! Но можетъ быть это наша фантазія, не оправдывающаяся дѣйствительностью: но помилуйте, едва человѣкъ рождается, казалось-бы еще некогда потерпѣть отъ грѣха: «первородный»—тотъ «искупленъ» «кровью», *самъ*—не сдѣлалъ ничего, не помыслилъ, не пожелалъ: и въ какомъ-то истинно мистическомъ ужасѣ хватаютъ и *шесть* разъ спрашиваютъ, «дуетъ-ли» онъ и «плюетъ-ли» на какой-то страшный и отъ него почти не отмываемый грѣхъ? Очевидно («по умоначертанію» въ таинствѣ)—«Христосъ не умиралъ за грѣхъ»—иначе не откуда быть самому вопросу. Такъ мы и чувствуемъ себя, и по маловѣрью ужасному, въ вѣкахъ, въ тысячелѣтіяхъ маловѣрію, прямо отвергаемъ, чтобы «сѣмя жены» *уже* «стерло главу змія». Это—именно чувство оставшагося въ темницѣ, коего никто «не извелъ отъ грѣха». Т. е. въ самомъ умоначертаніи нашемъ, христіанство (=«искупленіе») прямо *не начато*, его *нѣтъ вовсе*: и мы поклоняемся ему точно какъ легендѣ, какъ очерку событій поразительной жизни, поражающаго Лица, поражающихъ красотою глаголовъ, но *не болѣе*, и въ особенности *безъ всякаго реальнаго послѣдствія*. Любованіе на глаголы есть собственно единственное *использованіе*, какое изъ евангелистовъ мы сдѣлали; т. е. мы сдѣлали высшее, недосягаемое, но именно только эстетическое использованіе! Мы построили храмъ необыкновенной красоты, передъ которымъ куда «Діанѣ Эфесской», раздражавшей Герострата, но однако тоже «съ колоннами», изъ «молочнаго мрамора» и... безъ теплоты: Вездѣ «продуваетъ», хоть и очень «красиво»... Чувство грѣха,—да мы *удушаемся* имъ; у Лекки, въ «Исторіи раціонализма», приведенъ примѣръ судьи—богослова, который спеціально судилъ, «разсуживалъ» и приговаривалъ къ костру больныхъ истеричныхъ женщинъ (въ XVII вѣкѣ): но онъ былъ столь чистосердеченъ, что, замѣтивъ, какъ и у него самого въ «магическихъ точкахъ» уколъ иглою не чувствуется (бѣдныя tabet'ички)—донесъ на себя и самъ былъ

сожженъ. Это «запахъ дьявола», который рѣшительно можно ощутить только въ «аду»: ибо нигдѣ нѣтъ еще такого вездѣприсутствія дьявола, какъ въ этомъ странномъ его, у насъ получившемся, Элизіи. «Міръ полонъ боговъ»: это свѣтлое эллинское видѣніе замѣнилось для Европы видѣніемъ «міръ полонъ дьяволовъ». Да это есть альфа сплетенія «глоголицъ» и «кирилицъ» и нѣмецкой готики и папскихъ буллъ: т. е. Христосъ не прогналъ, согласно этому чувству, ни одного дьявола. Это—такъ изумительно: но и такъ—безспорно! Безспорно, что глубочайшая суть всего построенія христіанства, отъ фундамента и до утонченнѣйшихъ вершинъ, есть чувство «грѣха, грѣха, грѣха», вовсе слѣдовательно «не взятаго» («вземляй грѣхи міра—пріими молитву нашу»): а слѣдовательно и «молитва наша», въ этомъ слово—сочетаніи, есть чисто риторическій оборотъ мысли, есть только «колонка храма»... Какъ это совершилось? Христосъ страдалъ, и, «подражая Ему»—будемъ и мы страдать. Что онъ *молился объ избавленіи* отъ страданія; что не человѣкъ только въ Немъ, въ слабости плоти, но и Богъ въ Своемъ вѣдѣніи завтрашняго дня молился: «да *мимо Меня* идетъ сія чаша»—это не удержало, двѣ тысячи лѣтъ не удержало іудействующихъ криковъ, наступающихъ на человѣчество: «распни его». Человѣкъ распинается: вотъ *самая* суть христіанства. Опять не принимается во вниманіе, что распятіе Христа имѣло смыслъ *не примѣра* для человѣчества, но совершенно конкретную и лишь въ отношеніи Христа существующую, для Его Божества исполнимую, задачу: упразднить грѣхъ, сойти въ адъ, побѣдить діавола. И вотъ человѣчество, со слабыми силами своими, а главное—вовсе ни для чего (ибо все *для него* сдѣлано, въ этомъ *суть* христіанства) потащилось если не въ «адъ» за невозможностью, то на крестъ за Христомъ: и взываетъ, *уже избавленное* взываетъ: «буди милостивъ мнѣ грѣшному». Явная и полная кассація искупленія, всего *дѣла* Христова, очевидна изъ этихъ воплей, однако непрерывныхъ на протяженіи двухъ тысячъ лѣтъ. Боже, до чего все идетъ противъ глаголовъ Іисусовыхъ! «Не здѣсь и не въ семъ храмѣ, но во всякомъ мѣстѣ»... «въ духѣ и истинѣ» «будутъ поклоняться»: мы именно въ «сихъ» и «здѣшнихъ» мѣстахъ, именно территоріально и почти съ характеромъ «мѣстничества» поклоняемся; унизались «часовеньками» и, вися на крестѣ, взывая: «буди мнѣ»... помаваемъ главою на всякаго, кто чуть-чуть не подражаетъ намъ, съ криками: «распни его»! И пусть-бы каждый изъ насъ самъ за себя лезъ на крестъ: мы тащимъ на крестъ другъ друга, истинно инквизиторствуемъ, и вѣчно инквизиторствовали, когда Господь проповѣдовалъ «лѣто прохладное». Историческая абберація—безспорна; дальтонизмъ въ самомъ центрѣ зрѣнія—непререкаемъ. Пока измученное и изнервничавшееся человѣчество, потерявъ всѣ концы собственныхъ сужденій, рѣшило положить «все компактно» «на

смарку» и въ сущности сейчасъ живетъ ни «полное боговъ», ни «полное дьяволовъ»—инертно, тупо, безъ какого-либо подозрѣнія и даже съ упорнымъ отрицаніемъ вообще всякаго «въ серьезъ» грѣха или святости. Діалектика, изломъ, подстановка; или, пожалуй, вѣчный глаголъ Іисуса о «плевелахъ», ночью «всѣянныхъ» «врагомъ рода человѣческаго» въ «пшеницу Господню»...

*
* *

Переходимъ къ собственному недоразумѣнію *Гатчинскяго Отшельника*: «почему церковью такъ любовно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, *кромѣ* брака», etc. Вопросъ существенно апокалипсическій, т. е. въ отношеніи къ простирающимся отъ сего вопроса дальнѣйшимъ «запросамъ», ночнымъ мученіямъ, рыданіямъ бѣдной «мірской души», и, наконецъ... до свѣта, до звѣздъ, посыпавшихся съ стараго неба и открывающихъ за собою «новое небо».

Не будемъ отвѣчать на вопросъ, а только походимъ около него. Какъ-же онъ не замѣтилъ, что въ церкви *всѣ* таинства оригинальны и собственно *ей* принадлежатъ, существенно *новы* («новозавѣтны»): крещеніе, елеосвященіе, покаяніе, причащеніе, священство; «кромѣ одного брака», которое уже *не* ей принадлежитъ. Въ кругѣ всѣхъ и всякихъ молитвъ, не говоря уже о таинствахъ, христіанство—дѣвственно, перворожденно, имѣетъ *до себя* «нуль»: но «это одно» таинство—древняя старушка (хотя и совершенная юница), которую церковь, не рѣшившись передъ нею затворить дверь, *пропустила въ себя*. Были цѣлыя религіи брака, т. е. и не содержавшія въ себѣ ничего, кромѣ этой одной «тайны великой». Тутъ мы должны сдѣлать гигантское усиліе мысли, чтобы чтó-нибудь понять: около брака и его существа какъ великой «Евы» міра и его «бабушки» вспыхнули могущественнѣйшія религіозныя системы. Да чтó мы будемъ объяснять, когда имѣемъ въ своей исторіи, даже въ исторіи нашихъ кровныхъ славянофиловъ, удивительнѣйшую молитву, вспыхнувшую *около дѣтей*, и о которой никакъ не можемъ сказать, чтобы она была *списана* съ которой нибудь страницы катехизиса, взята изъ требника, и вообще принадлежала которой-нибудь богословской системѣ, кромѣ той, которая «бысть отъ сложенія міра»:

Бывало въ глубокій полуночный часъ,
Малютки, приду *любоваться* на васъ;
Бывало—*люблю васъ крестомъ знаменать,*
Молиться—да будетъ на васъ благодать
Любовь Вседержителя—Бога.

Стеречь *умиленно* вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы *чисты* душой,
Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней
Для васъ, *беззаботныхъ* и *милыхъ* дѣтей
Какъ сладко, какъ радостно было...

Теперь прихожу я—*вездѣ темнота*,
Нѣтъ въ комнатѣ *жизни*, кроватка *пуста;*
Въ *лампадѣ* погасъ передъ *иконою свѣтъ...*
Мнѣ *грустно*—малютокъ моихъ уже нѣтъ—
И *сердце такъ больно сожмется*—

О, дѣти...

Полный очеркъ религіи! Но вѣдь *такъ* еще чувствовали въ живой Ниневіи, Вавилонѣ, Тирѣ, Сидонѣ, Сіонѣ, Геліополисѣ, Ѳивахъ, Мемфисѣ; и, такъ чувствуя—*это*-же *слагали*, сперва безъ именъ и символовъ, позднѣе съ именами и символами. Пальмеръ, колеблющійся въ своей вѣрѣ англичанинъ, былъ пораженъ этою «Вавилонскою молитвою», въ своемъ родѣ Вавилонскою *башнею*, которая осиротѣвшаго отца привела къ Богу: прочтя ее въ переводѣ на англійскій языкъ, и не разгляды въ ней клинообразныхъ письменъ, онъ адресовалъ удивленіе, и восторгъ, и умиленіе въ Петербургъ: но сколько Петербургскій богословъ, забывшій клинья Востока, ни изощрялъ надъ нимъ характернаго европейскаго богословствованія, «безъ ритуала брака»—все было уже не дѣйствительно, и Пальмеръ, оставивъ родную церковь, перешелъ не въ православіе, а въ католицизмъ Характерный фактъ, эмбріонъ всемірной исторіи. прозрѣніе въ Апокалипсисъ: вѣдь это—безуспѣшность въ религіозной пропагандѣ «безъ-брачной», «безъ-отечественной», «безъ-матерней» Европы, когда такъ могуча и *заразительна* была «чрево»—Сирія, «пупъ»—Сіонъ, съ ихъ простымъ:

Бывало въ глубокій полуночный часъ...

Воздѣтыя руки; молитва; и только. Теперь прозрѣніе въ Апокалипсисъ: вѣдь нѣкогда *все богословіе* польется въ такихъ именно и даже *именно въ этихъ самыхъ* молитвахъ съ равнымъ-же очарованіемъ, съ волной вліянія отъ Петербурга до Па-де-Кале простого частнаго случая въ *моей* семьѣ; моей утраты:

Мнѣ больно, малютокъ моихъ уже *нѣтъ*.

Или съ лучомъ надежды... И «Іерихонская стѣна» невѣжества и атеизма рухнетъ передъ этими трубами «отцовъ», трубами «матерей»... Т. е. «небесный Іерусалимъ» прямо спустится на Иссакіевскую площадь, а торговцы «Щукина двора» возьмутъ «пальмовыя вѣтви» и «одѣнутъ бѣлую одежду», не дожидаясь ни смерти, ни суда, и восклицая—«*ни* смерти! *ни* суда!»

Но мы все отвлекаемся: такъ много «вертикальныхъ прозрѣній» возбуждаетъ легкое рѣяніе крылъ разбираемаго писателя. Нѣкогда христіанство все тѣлесно (Апокалипсическія «животныя») собьется въ кучку»; въ тѣсную «семейку», во внутреннѣйшій притворъ «дѣтской-ли», «спаленки-ли», покинувъ «парады» парламентовъ, «королевствъ». И потушивъ не нужныя люстры въ сломанныхъ «па

радныхъ комнатахъ», зажжетъ во внутреннихъ покояхъ уже естественно лампадочки.

Пропустивъ бракъ въ себя, церковь впустила къ себѣ іудея и эллина. Не отвергнувъ, не рѣшаясь отвергнуть, что бракъ—«таинство», она приняла корни какъ всего юдаизма, такъ даже и «исповѣданія языковъ», но тотчасъ прикрывъ ихъ глубочайшимъ покровомъ невѣдѣнія-ли, невниманія-ли. Она завязала въ крѣпкій узелъ «платочекъ таинственнаго содержанія», соединивъ крѣпко всѣ четыре его угла, и не дозволяя никому внутрь его заглядывать, и не заглядывая сама въ эту таинственную внутрь. Тамъ молчащій іудей, молчащій Эллинъ, но *живые*—насколько «бракъ» живъ и еще не умерщвленъ. «Нѣтъ богатой и любовной разработки ритуала»: т. е. именно нѣтъ «поющихъ, взывающихъ и глаголющихъ—святъ! святъ!» іудея-эллина, о чемъ *Гатчинскій Отшельникъ* какъ будто не догадывается. Но есть въ этомъ-же пунктѣ другая сторона, о которой онъ тоже не догадывается, хотя почти ее формулируетъ: «почему въ церкви такъ богато и чудно разработанъ ритуалъ всѣхъ таинствъ, кромѣ брака, гдѣ все дышетъ Ветхимъ завѣтомъ». Кто же въ немъ *дѣйствователи?* кто *совершители* «великой тайны брака»? Да—брачники, брачущіеся «мірскіе человѣки», и это есть единственное и исключительное «мірское таинство», съ тѣмъ вмѣстѣ вполнѣ «религіозное таинство»: но которое по этому самому открываетъ таинственное и божеское существо самого «міра». «Тайна» міра, «религіозная тайна», канонически признанная церковью; «священство» міра, «предстояніе» Богу; свѣча небесная, курящаяся на землѣ. Въ самомъ дѣлѣ, богатый-ли, бѣдный-ли ритуалъ вѣнчанія, какъ и каноническія постановленія о бракѣ, могли-бы тысячу лѣтъ лежать и они не *произвели*-бы, не *сотворили*, не *явили* міру ни одного «брако-*сочетанія*», если бы въ костяхъ и плоти не стоялъ передъ священникомъ «ветхій» Адамъ и «ветхая» Ева, эти два раба Божія, «вѣнчающіеся», «по каноническимъ правиламъ», Совершенно очевидно, что и слова здѣсь и жесты — *обстановка* дѣла, а *самое дѣло* и его мистицизмъ—плоть и кости *Адамо-Евы*. Но «плоть и кость»—это уже не Новый Завѣтъ, но Ветхій; это—«обрѣзанный» іудей, вѣчно-прекрасный Эллинъ. Они—въ узелкѣ; еще дышутъ, хотя никому не показываются. Заколите ихъ—вы міръ заколите; выпустите ихъ изъ сокровенія — и вы обнажите эллино-іудейскій міръ, во всемъ блистаніи красокъ и горячности пророчества. И эллинъ и іудей—*при*рѣзаны, но не *за*рѣзаны; въ согнутомъ положеніи, подъ лавкою, въ презрѣніи; но мучительная сторона въ томъ, что едва эллино-іудейскій моментъ будетъ сведенъ къ *нулю*—погаснутъ вдругъ всѣ свѣточи и нашихъ упованій. Ни *масла* для лампадъ, ни—*воска* для свѣчъ; одна попытка—что-то зажечь, *идея* свѣта безъ—*въ самомъ дѣлѣ* свѣта...

2007041687